Russkii

РУССКІЙ БЫТЪ

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ

XVIII вѣкъ

Часть II

ОТЪ ПЕТРА ДО ПАВЛА I

Выпускъ 1-й

Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный

П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ

Москва — 1918

МОСКВА. 1918.
Типографія Т-ва печатнаго и издательскаго дѣла „Задруга".
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, 9.

Отдѣлъ 1-ый

1761—1762 гг.

Царствованіе Петра III и его низверженіе.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА III.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рождество 25 декабря 1761 года, въ три часа за полудни. Я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышелъ изъ покоя, пошелъ въ Конференцію и прислалъ мнѣ сказать чрезъ Мельгунова, чтобъ я осталась при тѣлѣ, дондеже пришлетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: „Вы видите, что я здѣсь и приказаніе исполню." Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфлуенціи. Тѣло Императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахиномъ, какъ гофъ-маршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галлереѣ (то-есть, комнаты черезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ, богатомъ платьѣ. Я послала богатое платье въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной Государыни. Я одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказанія. Тутъ уже окошки были открыты, и Евангеліе читали.

Погодя нѣсколько, пришли отъ государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь. Пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ Новгородскій Сѣченовъ говорилъ рѣчь Государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости, и оной ни мало не скрывалъ, и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески, и не произнося окромѣ вздорныхъ рѣчей, не соотвѣтствую-

щихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшнаго Арлекина, нежели иного чево, требуя однако всякое почтеніе. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о покойной Государынѣ, которая всякія милости ко мнѣ оказывала и послѣдніе два года меня полюбила отмѣнно, какъ и о настоящемъ положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришли сказать, и я пошла къ ужину. Столъ поставленъ былъ въ куртажной галлереѣ персонъ на полтораcто и болѣе, и галлерея набита была зрителями: многіе, не нашедъ мѣста за ужиномъ, ходили такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ. Сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ сдѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пяти пальцами кожа содрана была, но тутъ, за стуломъ Петра III шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго Императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о великой своей радости, что Государь царствуетъ. Множество дамъ такъ же ужинали; многія изъ нихъ, такъ какъ и я, были съ расплаканными глазами, а многія изъ нихъ въ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ между собою, помирились. Ужинъ сей продолжался часа съ полтора. Пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобъ лечь въ постелю, когда принесли повѣстку, чтобъ дамамъ на завтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденный столъ въ той же галлереѣ; сидѣть же по билетамъ.

Потомъ я легла въ постель; но я, хотя предъ тѣмъ двѣ ночи не спала, проводя оныхъ въ покоѣ покойной Императрицы, но сонъ далеко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И сдѣлала я слѣдующее заключеніе: Ежели въ первомъ часу царствованія оставили честнаго человѣка, и не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать? *) Говорила я себѣ: твою инфлуенцію опасаются; удались отъ

*) Вѣроятно, разумѣются тутъ сама Екатерина и Елисавета Романовна Воронцова.

всево; ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно ни чести, ни славы—тутъ не будетъ; пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, окромѣ похоронъ покойной Государыни, по которымъ траурной комиссіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполнила со всякимъ радѣніемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ. Я тутъ же брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Марьи Андр. Румянцевой, графини Анны Карловны Воронцовой, отъ фельдмаршальши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иныхъ, подручно случающихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно.

На другой день поутру нарядилась въ богатой робѣ я пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттуда къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ расплаканными глазами почти у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталь на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной Государыни анатомили. Къ вечеру мнѣ пришли сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Петербургъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ Императора. Я на сіе сказала: „Дѣла поспѣшно идутъ".

На третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида; тутъ ни Императора и никово не было, кромѣ у тѣла дневальныхъ, да и тѣ, кои со мною пришли. Оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посѣтила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной Государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ, но я, не допустя его до того, обняла его и, обнявшись, оба мы завыли голосомъ и не могши почти говорить слова оба. Я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ.

Пришедъ въ свой покой, услышала, что Императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня чрезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покоѣ, возлѣ моихъ будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова.

Въ сей день къ вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править Святки...

Въ 25 день Генваря 1762 года повезли тѣло Государыни, въ гробѣ лежащей, со всевозможнымъ великолѣпіемъ и подобающими почестями, изо дворца черезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ, въ крѣпость. Самъ Императоръ, за нимъ я, за мною Скавронскія, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви.

Императоръ въ сей день былъ чрезвычайно веселъ и посреди церемоніи сей траурной здѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанетъ отъ везущаго тѣла одра, пустя онаго впередъ сажень тридцать, потомъ изо всей силы добѣжитъ. Старшіе камергеры, носящіе шлеефъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, носящій конецъ епанчи, не могли бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало, и онъ повторялъ нѣсколько разъ сію шутку, отчево сдѣлалось, что я и всѣ, за мной идущіе, отстали отъ гроба, и, наконецъ, принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже отставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особѣ Императора, и толки пошли о безрасудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной Государыни, начали во дворцѣ убирать ея покои для Императора.

Имп. Екатерина II.

ПЕРЕМѢНЫ ПРИ ПЕТРѢ III.

Не успѣлъ я съ ними поздороваться и молвить слова два, три объ одѣвающемся еще генералѣ, какъ сдѣлавшійся на улицѣ подъ окнами шумъ привлекаетъ насъ всѣхъ къ окнамъ, и какая же сцена представилась тогда глазамъ моимъ! Шелъ тутъ строемъ деташаментъ гвардіи, разряженный, распудренный, и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры и маршировалъ церемонію.

Какъ зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ еще новое, и я не узнавалъ совсѣмъ гвардіи, то смотрѣлъ на шествіе сіе съ особливымъ любопытствомъ и любовался всѣмъ видѣн-

нымъ; но ничто меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ, низенькій и толстенькій старичокъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ и едва примѣтною....—Это что за человѣкъ?—спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня князя Урусова...—надобно быть какому-нибудь генералу?...—„Какъ! отвѣчалъ мнѣ князь: развѣ вы не узнали! это князь Никита Юрьевичъ!"—Князь Никита Юрьевичъ,—удивясь, подхватилъ я—какой это? Неужели Трубецкой?

— „Точно такъ!"—отвѣчалъ мнѣ князь.—Что вы говорите!..—воскликнулъ я, еще болѣе удивившись.—Господи помилуй! да какъ же это? Князь Никита Юрьевичъ былъ у насъ до сего генералъ-прокуроромъ и первѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ! да развѣ онъ нынѣ уже не тѣмъ?—„Никакъ,—отвѣчалъ князь:—онъ и нынѣ не только тѣмъ же и такимъ же генералъ-прокуроромъ, какъ былъ, но сверхъ того недавно пожалованъ еще отъ государя фельдмаршаломъ".

— Но умилосердитесь, государь мой!—продолжалъ я далѣе, часъ отъ часу все болѣе удивляясь, спрашивать:—Какъ же это? я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнею своихъ ногъ отягощеннымъ старикомъ, что, какъ говорили тогда, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа?

— „О!"—отвѣчалъ мнѣ князь усмѣхаясь—„это было во время оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ и больные, и небольные, и старички самые поднимаютъ ножки, и на ряду съ молодыми маршируютъ, и также хорошехонько топчутъ и мѣсятъ, грязь какъ и солдаты. Вотъ видѣли вы сами. Нынѣ говорятъ, что когда носить на себѣ званіе подполковника гвардіи, такъ нести и службу, и отправляй и должность подполковничью во всемъ!

— Ну! нечего болѣе говорить!...—сказалъ я, изумившись, и не могъ тому надивиться...

— „Но вы еще и не то увидите!—сказалъ князь—поживите-ка съ нами и посмотрите на все и все у насъ, въ Петербургѣ!"...

Скажу далѣе, что кромѣ упомянутыхъ уже впереди мною наизнаменитѣйшихъ и первѣйшихъ его дѣлъ, какъ-то: дарованіе вольности дворянству, уничтоженіе тайной канцеляріи и прочихъ, состояли они въ слѣдующихъ:

Онъ перемѣнилъ совсѣмъ прежнее состояніе тайнаго своего кабинета, и составилъ его только изъ двухъ особъ, объявивъ притомъ, что впредь будетъ онъ самъ предсѣдательствовать въ ономъ.

Онъ сдѣлалъ во всей арміи и во всемъ военномъ штатѣ великую перемѣну, и старался все учредить на ногѣ прусской. Перемѣнена была совсѣмъ прежняя экзерциція на манеръ прусской; мундиры пошиты по прусскому покрою; прежнія и наиприличнѣйшія древнія званія полковъ по городамъ уничтожены и, какъ я уже упоминалъ, велѣно было имъ называться уже по фамиліямъ ихъ шефовъ, которымъ велѣно было и мундиры каждаго полку отличить отъ другихъ, чѣмъ они пожелаютъ сами. Званіе генералъ-аншефовъ уничтожено и велѣно имъ называться просто генералами, а бригадирская степень уничтожена совсѣмъ, и полковники, по прусскому манеру, производились уже прямо въ генералъ-маіоры. Прежде бывшее наказаніе солдата и всѣхъ военныхъ батожьемъ, кошками и кнутомъ отмѣнено, и велѣно наказывать палками и фухтелемъ, и для экзерцированія войска велѣно было собраться къ Петербургу пятнадцати тысячамъ войска и стать лагеремъ. А для лучшаго во всѣхъ военныхъ распоряженіяхъ успѣха, составлена особая военная комиссія, въ которой членами сдѣланы принцъ Жоржъ *), князь Трубецкой, Вильбое, Глѣбовъ, Мельгуновъ и генералъ-адъютантъ баронъ Унгернъ, а предсѣдательствовалъ въ оной самъ государь своею особою.

Далѣе, прежняя лейбъ-компанія была распущена, поелику содержаніе оной ежегодно до двухъ милліоновъ рублей государству стоило; напротивъ того, прежній его голштинскій конный полкъ получилъ всѣ преимущества конной гвардіи, и принцу Жоржу поручена была надъ нимъ команда. Въ самой Голштиніи велѣлъ онъ учредить 7 пѣхотныхъ и 6 кон-

---

*) Георгъ, принцъ Голштинскій, русскій ген.-фельдмаршалъ, дядя Петра III и Екатерины II *(Сост.)*.

ныхъ полковъ, съ особымъ баталіономъ артиллеріи. Начальство же надъ кадетскимъ корпусомъ, при которомъ онъ самъ до того былъ и шефомъ и директоромъ, по сдѣланномъ напередъ нарочно для того особомъ и великомъ торжествѣ, обѣдѣ и экзерцированіи, поручилъ онъ генералъ-поручику и прежде бывшему императрицы Елисаветы фавориту, Ивану Ивановичу Шувалову.

Равномѣрное попеченіе началъ-было имѣть сей государь и о поправленіи и приведеніи въ лучшее состояніе нашего флота, и хотѣлъ, чтобъ аглинскіе морскіе офицеры принимали у насъ во флотѣ службу, и чтобъ корабли впредь строены были не въ Петербургѣ, а въ Кронштадтѣ. И въ маѣ имѣлъ онъ удовольствіе спустить при себѣ два вновь построеныхъ военныхъ семидесяти-пушечныхъ корабля. Мнѣ самому случилось быть при семъ спускѣ оныхъ и видѣть всю употребляемую при томъ пышную церемонію. Стеченіе народа было притомъ безчисленное, и государь присутствовалъ при томъ самъ, съ императрицею и со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и всѣми иностранными министрами, и назвалъ одинъ изъ нихъ „Королемъ Фридрихомъ", а другой „Принцемъ Жоржемъ". Не могу изобразить, какъ напряжено было тогда у всѣхъ любопытство, когда въ нѣсколько сотъ топоровъ начали вдругъ подрубать подпоры, и какъ пріятна была для всѣхъ та минута, когда корабль по склизамъ полетѣлъ вдругъ съ берега въ рѣку Неву, и разсѣкалъ впервые хребетъ оной своими громадами. Громъ отъ пушечной пальбы, кричаніе „ура", радостныя восклицанія народа, и звукъ трубъ, литавръ и прочей музыки, раздавался тогда по всѣмъ окрестностямъ и придавалъ зрѣлищу сему еще болѣе пышности и величія. Относительно до дѣлъ внутренняго правленія государственнаго, то сенату предоставленъ былъ только департаментъ гражданскихъ дѣлъ, и не велѣно было ему болѣе ни во что мѣшаться. А для попеченія о славѣ государства и благоденствія подданныхъ, сдѣлана конференція и членами оной принцъ Жоржъ, принцъ Голштейнъ-Бекскій, графъ Минихъ, князь Трубецкой, канцлеръ Воронцовъ, Вильбое, князь Волконскій, Мельгуновъ и Волковъ. А чтобъ неотягощенъ былъ государь просьбами, то запрещено было подавать государю лично челобитныя, а

велѣно просить обо всемъ въ учрежденныхъ къ тому мѣстахъ.

Въ самой полиціи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны: уничтожены вездѣ полицеймейстеры, и оставлены только въ обѣихъ столицахъ, и московскому велѣно быть подсудимымъ нашему генералу, яко главному полицеймейстру.

Изданъ былъ также указъ, относящійся до поспѣшествованія коммерціи и торговлѣ, и силою онаго дозволенъ былъ выпускъ за море хлѣба, солонины и живого скота, и многія другія полезныя для торговли установленія.

Далѣе были, по приказанію его, освобождены изъ неволи кромѣ Миниха и многіе другіе, бывшіе въ ссылкѣ, и наиглавнѣйшій Биронъ, герцогъ курляндскій съ обоими сыновьями своими. Баронъ Менгденъ съ фамиліею, баронъ Стрешневъ и графъ Лештокъ съ женою, и всѣмъ возвращены прежніе ихъ чины, имѣнія и достоинства...

А. Болотовъ.

УКАЗЪ ПЕТРА III О ВОЛЬНОСТИ ДВОРЯНСТВА.

Вскорѣ послѣ того обрадовано оно (дворянство) было несравненно еще болѣе полученіемъ къ намъ того славнаго манифеста и вольности дворянства, которою благоугодно было новому государю облагодѣтельствовать все россійское дворянство и пріобрѣсть себѣ тѣмъ вѣчную благодарность. Не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать указъ сей. Но было чему и радоваться. До того времени, все россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ: оно обязано было все неминуемо служить, и дѣти ихъ, вступая въ военную службу въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой старости, или, по крайней мѣрѣ, до того, покуда сдѣлаются калѣками или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить будутъ не въ состояніи; и во всю свою жизнь лишаться домовъ своихъ, жить отъ родныхъ своихъ въ удаленіи и разлукѣ и видаться съ ними только

при дѣлаемыхъ кой-когда имъ годовыхъ отпускахъ. Въ сихъ и въ командировкахъ изъ полковъ въ Москву для пріема аммуниціи, была вся ихъ и единственная отрада, а отставки были такъ трудны и наводили столько хлопотъ и убытковъ онымъ ищущимъ и добивающимся, что многимъ и помыслить о томъ было не можно. А посему посудите, каково было намъ всѣмъ служить, и особливо чувствовавшимъ себя нерожденными къ военной жизни! Всѣ мы предавались обыкновенному отчаянію и всякій всего меньше помышлялъ о томъ, чтобъ жить нѣкогда можно было дома, и какова-жъ пріятна и радостна должна была быть для насъ та минута, въ которую узнали мы, что сняты были съ насъ помянутыя узы и намъ дарована была совершенная вольность и отдано въ нашъ полный произволъ, хотимъ ли мы вступить въ службу, или нѣтъ, а и служить только до того, покуда похочется; а въ случаѣ нехотѣнія служить болѣе, могли уже тотчасъ получать абшиды и отпускаемы быть въ свои домы и жилища!

Словомъ, всеобщая радость о томъ была неописанная; а какое дѣйствіе въ моей душѣ произвела сія драгоцѣнная бумажка, того не могу же я никакъ выразить. Я самъ себя почти не вспомнилъ отъ неописаннаго удовольствія и не вѣрилъ почти глазамъ своимъ при читаніи оной. Я, полюбивъ науки и прилѣпившись къ учености, возненавидѣлъ уже давно шумную и безпокойную военную жизнь и ничего уже такъ въ сердцѣ своемъ не желалъ, какъ удалиться въ деревню, посвятить себя мирной и спокойной деревенской жизни и проводить остальные дни свои посреди книгъ своихъ и въ сообществѣ съ музами: но до сего не могъ льститься и малѣйшею надеждою къ тому. И такъ, судите сами, коль много долженъ былъ я обрадоваться тогда, какъ узналъ, что къ тому не только сдѣлалась возможность, но что могъ я службу свою оставить, когда мнѣ захочется...

Не оставлялъ я ходить въ военную коллегію для распровѣдыванія, что происходитъ ежедневно. Она была тогда на прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ Большой Связи на Васильевскомъ островѣ и господинъ Яковлевъ такъ турилъ моимъ дѣломъ, что на четвертый день послѣ того, а именно 24 мая, назначенъ былъ для насъ всѣхъ, просившихся тогда въ от-

ставку, смотръ, и мы должны были поодиночкѣ входить въ присутственную комнату и показывать себя господамъ членамъ. Смотръ сей для нѣкоторыхъ изъ означенныхъ къ оному былъ неблагопріятнымъ. Они выходили изъ судейской съ огорченными и печальными лицами и сказывали, что имъ было для разныхъ причинъ отказано. Я трепеталъ тогда духомъ, боясь, чтобы не послѣдовало того же и со мною, и минута, въ которую предсталъ я предъ господъ рѣшителей моего жребія, была для меня самая тяжкая: я стоялъ ни живъ, ни мертвъ, когда они меня осматривали съ головы до ногъ, и бывшій первымъ членомъ, генералъ-поручикъ Карауловъ, сталъ говорить другимъ, что мнѣ въ отставку бы еще и рано, и я слишкомъ еще молодъ.

Вся кровь во мнѣ взволновалась при услышаніи сего слова, а сердце затрепетало такъ, что хотѣло выскочить изъ груди моей; но, по счастью, г. Яковлевъ не долго далъ мнѣ страдать въ семъ мучительномъ состояніи. Онъ, обратясь къ г. Караулову, сказалъ: „Онъ вѣдь просится на свое пропитаніе, такъ для чего-жъ не отпустить намъ его?" И не дожидавшись его отвѣта, а обратясь ко мнѣ, спѣшилъ громко произнесть то важное и толико ободрившее и обрадовавшее меня слово: „Съ Богомъ! съ Богомъ! когда на свое пропитаніе!" а какъ тоже повторилъ уже и господинъ Карауловъ, то я сдѣлавъ имъ пренизкій поклонъ, вышелъ изъ судейской, самъ себя почти не вспомнивъ отъ радости и удовольствія Ибо минута сія была рѣшительная, и я могъ уже считать себя съ самой оной отставленнымъ и отъ всей службы освобожденнымъ и вольнымъ человѣкомъ.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ шелъ я тогда на свою квартиру и какъ обрадовалъ извѣстіемъ о томъ людей своихъ. И поелику я тогда почиталъ отставку свою достовѣрною и надѣялся вскорѣ получить и свой абшидъ, то начали мы съ самаго того дня собираться къ отъѣзду изъ Петербурга въ деревню и запасаться всѣмъ нужнымъ къ такому дальнему путешествію. Я тотчасъ поручилъ пріискивать мнѣ скорѣе купить лошадей, ибо прежнія были распроданы, и люди мои такъ тѣмъ спроворили, что достали мнѣ на третій же день послѣ того купить прекрасную и добрую пару сѣрыхъ лошадей, а какъ третья у меня уже

была, то въ короткое время и готовы мы были уже къ отъѣзду. Совсѣмъ тѣмъ, дѣло мое въ военной коллегіи по разнымъ обстоятельствамъ продлилось далѣе, нежели какъ я думалъ и ожидалъ, и даже до самаго 14-го іюня мѣсяца...

Наконецъ настало помянутое 14-е число іюня, день, наидостопамятнѣйшій въ моей жизни; и я получилъ свой съ толикимъ вожделѣніемъ желаемый абшидъ. Въ ономъ переименованъ я былъ изъ флигель-адъютантовъ армейскимъ капитаномъ; ибо какъ я въ чинѣ семъ не выслужилъ еще года, то сколько ни хотѣлось господину Яковлеву дать мнѣ при отставкѣ чинъ маіорскій, но учинить того никакъ было не можно: но я всего меньше гнался уже за онымъ, а желалъ только того, чтобъ меня скорѣе отставили и отпустили на свободу.

Такимъ образомъ кончилась въ сей день вся моя 14 лѣтъ продолжавшаяся военная служба, и я, получивъ абшидъ, сдѣлался свободнымъ и вольнымъ навсегда человѣкомъ...

А. Болотовъ.

ПЕТРЪ III.

(Характеристика).

По нѣкоторымъ дѣламъ, произведеннымъ имъ въ первые мѣсяцы его правленія, о которыхъ упоминается ниже, можно было судить, что онъ отъ натуры не таковъ былъ дуренъ, но имѣлъ сердце наклонное къ добру и такое, что могъ бы онъ быть добродѣтельнымъ, если бъ не окруженъ былъ злыми и негодными людьми, развратившими его совсѣмъ, и когда бъ по несчастію не предался онъ уже слишкомъ всѣмъ порокамъ и не послѣдовалъ внушаемымъ въ него злымъ совѣтамъ, болѣе, нежели сколько надобно было...

Все сіе и предпринимаемое въ самое то же время скорое и дружное перековеркиваніе всѣхъ дѣлъ и прежнихъ распорядковъ, а особливо преобразованіе всего войска и передѣлываніе всего, до воинской службы относящагося, на прусскій манеръ, и явно оказуемая къ тогдашнему нашему непріятелю, королю прусскому, приверженность и безпредѣльное почтеніе и ко всему прусскому уваженіе, приводило всѣхъ въ неописанное изумленіе и негодованіе; и я не знаю,

что воспослѣдовало бъ уже и тогда, если бъ не поудержалъ онъ себя нѣсколько оказанными въ первые дни своего правленія, нѣкоторыми важными милостьми и благотворительностями.

Первѣйшею и наиглавнѣйшею милостію изо всѣхъ было прежде уже упомянутое освобожденіе всего россійскаго дворянства изъ прежде бывшей неволи и дарованіе оному навсегда совершенной вольности, съ дозволеніемъ ѣздить всякому, по произволенію своему, въ чужія земли и куда кому угодно. Великодушное сіе дѣяніе толико тронуло все дворянство, что всѣ неописанно тому обрадовались, и весь сенатъ, преисполнясь радостію, приходилъ именемъ всего дворянства благодарить за то государя, и удовольствіе было всеобщее и самое искреннее. Другое и не менѣе важное благотворительство состояло въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю нашу и толь великій страхъ на всѣхъ наводившую и такъ называемую тайную канцелярію, и запретилъ всѣмъ кричать по прежнему „слово и дѣло", и подвергать чрезъ то безчисленное множество невинныхъ людей въ несчастія и напасти. Превеликое удовольствіе учинено было и симъ всѣмъ россіянамъ, и всѣ они благословляли его за сіе дѣло.

Далѣе восхотѣлъ-было онъ, для пресѣченія всѣхъ злоупотребленій, господствующихъ у насъ въ судахъ и расправахъ, по причинѣ уже умножившихся слишкомъ указовъ и перепутавшихся законовъ, велѣть сочинить и издать новое уложеніе по образцу прусскаго, и сенатъ велѣлъ-было уже и переводить такъ-называемое „Фридрихово уложеніе", но какъ дѣло сіе препоручено было людямъ неискуснымъ, то и не возымѣло оно тогда успѣха...

Сими и нѣкоторыми другими благотворительностями началъ-было сей государь вперять о себѣ лучшія мысли въ своихъ подданныхъ, и всѣ начали-было ласкаться надеждою нажить въ немъ современемъ государя добраго; но послѣдовавшія за симъ другія и немало съ ними несообразныя дѣянія, скоро въ нихъ сію надежду паки разрушивъ, увеличили въ нихъ ропотъ и негодованіе къ нему еще болѣе.

Къ числу сихъ принадлежало наиглавнѣйше то, съ крайнею неосторожностію и неблагоразуміемъ сопряженное дѣло,

что онъ вознамѣрился было перемѣнить совсѣмъ религію нашу, къ которой оказывалъ особливое презрѣніе. Начало и первый приступъ къ тому учинилъ онъ изданіемъ указа, объ отобраніи въ казну у всѣхъ духовныхъ и монастырей всѣ ихъ многочисленныя волости и деревни, которыми они до сего времени владѣли, и объ опредѣленіи архіереямъ и прочему знатному духовенству жалованья, также о непостриженіи никого вновь въ монахи ниже тридцати-лѣтняго возраста. Легко можно всякому себѣ вообразить, каково было сіе для духовенства и какой ропотъ и негодованіе произвело во всемъ ихъ корпусѣ; всѣ почти въявь изъявляли крайнюю свою за сіе на него досаду, а вскорѣ послѣ сего изъявилъ онъ и всѣ мысли свои въ пространствѣ, чрезъ призваніе къ себѣ первенствующаго у насъ тогда архіерея Дмитрія Сѣчинова и приказаніе ему, чтобъ изъ всѣхъ образовъ, находящихся въ церквахъ, оставлены были въ нихъ одни изображающіе Христа и Богородицу, а прочихъ бы не было; также, чтобъ всѣмъ попамъ предписано было бороды свои обрить и, вмѣсто длинныхъ своихъ рясъ, носить такое платье, какое носятъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, въ какое изумленіе повергло сіе приказаніе архіепископа Дмитрія. Сей благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію таковаго всего меньше ожидаемаго повелѣнія и усматривалъ ясно, что государь не иное что имѣлъ тогда въ намѣреніи своемъ, какъ премѣненіе религіи во всемъ государствѣ и введеніе лютеранскаго закона. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знаменитѣйшему духовенству, и хотя сіе притомъ только одномъ до времени осталось, но произвело уже во всѣхъ духовныхъ великое на него неудовольствіе, поспѣшествовавшее потомъ очень много къ бывшему перевороту...

Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ напримѣръ и генералъ мой и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ бывало цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими, и хозяинъ успѣвай только

всѣхъ угащивать и подчивать; ибо натурально вездѣ и для насъ даваемы были столы. Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собой изъ дворца свой. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табаку и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались, то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ и закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо; и онъ ходючи по комнатѣ только что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, если бъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ россіянъ постыднѣйшаго. Но та-то была и бѣда наша! Не успѣютъ бывало сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и покалы и столь прилежно, что, вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ, какъ маленькіе ребяточки, и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошло до того, что вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки... Хохотъ, крикъ шумъ, біеніе въ ладоши раздавались только всюду, а покалы только что гремѣли. Они должны были служить наказаніемъ тому, кто не могъ удержаться на ногахъ и упадалъ на землю. Однако все сіе было еще ничто противъ тѣхъ разнообразныхъ сценъ, какія бывали послѣ того и когда дохаживало до того, что продукты бакхусовы оглумляли всѣхъ пирующихъ даже до такой степени, что у иного, наконецъ, и силъ не было выттить и сѣсть въ линію, а гренадеры выносили уже туда на рукахъ своихъ...

А. Болотовъ.

ВОЦАРЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Неудовольствіе противъ Петра III-го было всеобщее. Елизавету оплакивали еще прежде ея смерти*), а когда она скончалась общая печаль до того всѣми овладѣла, что

*) По причинѣ ея тяжкихъ недуговъ. *П. Бартеневъ.*

довольно было взглянуть другъ на друга, и слезы лились у всѣхъ изъ глазъ.

Государыня эта была очень умна отъ природы, но столь мало образована, что недостаткомъ образованія выдѣлялась даже среди женщинъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась благочестіемъ, праводушіемъ и добротою. Она всѣмъ желала добра и дѣлала его сколько могла при своей безпечности и томъ ограниченномъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, какое предоставляли ей любимцы ея. Итакъ, она пользовалась любовью; а потому неудивительно, что общество, видя въ Петрѣ III человѣка жестокаго (не по природѣ, а въ силу того убѣжденія, будто воинъ не долженъ поддаваться состраданію), человѣка трусливаго, ненадежнаго... съ горемъ узнало о кончинѣ столь доброй Государыни, какова была Елизавета, и о восшествіи на престолъ ея преемника, столь недостойнаго занять оный.

Неудовольствіе противъ него росло со дня на день. Онъ пренебрегалъ дѣлами и совѣтами людей, которые всего менѣе того заслуживали. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что такой-то и такой-то изъ людей, состоявшихъ при кабинетѣ Елизаветы, помогали ему доставлять королю Прусскому свѣдѣнія обо всемъ, что здѣсь дѣлалось въ наибольшей тайнѣ, хотя именно эти люди никогда не позволяли себѣ такой измѣны и держались совсѣмъ противоположнаго образа мыслей. Напалъ онъ также и на господина Панина*); и вотъ какимъ образомъ.

Приблизительно за сутки до кончины Елизаветы, когда она была уже въ безпамятствѣ и агоніи, у постели ея находился Петръ вмѣстѣ съ врачемъ Государыни и съ Панинымъ, которому было разрѣшено входить въ комнату умирающей. Петръ сказалъ врачу: „лишь бы только скончалась Государыня, вы увидите, какъ я расправлюсь съ датчанами. Я выступлю противъ господина де-Сенъ-Жермена*); онъ станетъ воевать со мною на французскій манеръ, а я—на прусскій" и т. д. Окончивъ эту рѣчь, обращенную ко врачу, Петръ повернулся къ Панину и спросилъ его: „А что ты думаешь о томъ, что я сейчасъ говорилъ?" Панинъ отвѣтилъ: „Госу-

---

*) Французскій полководецъ, участникъ Семилѣтней войны (1756—1763 гг.). [*Сост.*].

дарь, я не понялъ, въ чемъ дѣло: я думалъ о горестномъ положеніи Императрицы."—„А вотъ дай срокъ", воскликнулъ Петръ, и затѣмъ, показавъ рукой на умирающую, прибавилъ: „скоро я тебѣ оттокну уши и научу получше слушать".

Петръ изнурялъ солдатъ и мучилъ дурнымъ обращеніемъ. Случалось, что на ежедневныхъ ученьяхъ солдаты падали отъ изнеможенія, и Петръ приказывалъ ихъ убирать, а на ихъ мѣсто ставить другихъ. Всѣ его любимцы были глупцы, или измѣнники. Вмѣстѣ съ ними онъ предавался самой грубой невоздержанности. Его любимица, дѣвица Воронцова, была некрасива, глупа, скучна и непріятна. Петръ III думалъ, что приличіе требуетъ, чтобъ у него была любимица. Говорилъ онъ только по-нѣмецки и хотѣлъ, чтобы всѣ знали этотъ языкъ; по-русски онъ говорилъ рѣдко и всегда дурно. Онъ хотѣлъ все измѣнять, все передѣлывать. Голштинія, какъ ни мала она въ сравненіи съ обширною Россійскою имперіей, казалась ему и больше ея, и богаче, и достойнѣе его любви. Всѣ отшатнулись отъ него, всѣ негодовали на него; едва онъ воцарился, какъ всѣ стали желать другого повелителя. Неудовольствіе въ особенности распространилось между солдатами, и гвардія громко роптала на него. За нѣсколько недѣль до переворота, Панинъ вынужденъ былъ вступить съ ними въ объясненіе и обѣщалъ перемѣну, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздраженія. Зналъ ли о томъ Петръ, или нѣтъ, только онъ дѣйствовалъ по прежнему, что и побудило Панина, за четыре недѣли до переворота, озаботиться предоставленіемъ престола другому лицу безъ пролитія крови и не причиняя несчастія многимъ лицамъ.

Обдумывая это намѣреніе, Панинъ чувствовалъ необходимость привлечь къ своему замыслу еще двухъ лицъ, именно—гетмана графа Разумовскаго и генералъ-аншефа князя Волконскаго. Первый изъ нихъ находился неотлучно при Петрѣ; онъ былъ командиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ и человѣкъ рѣшительный. Другой пользуется довѣріемъ въ арміи; онъ—человѣкъ храбрый и осторожный.

Панинъ желалъ произвести рѣшительное дѣйствіе въ тотъ день, когда Петръ прибудетъ въ столицу, чтобы присутствовать при выступленіи гвардіи въ походъ на соединеніе съ

арміей, что должно было послѣдовать въ исходѣ іюня. Панину необходимо было предупредить гетмана о своихъ соображеніяхъ, чтобы тотъ поддержалъ Петра въ намѣреніи присутствовать при выступленіи гвардіи изъ Петербурга. Онъ опасался, какъ бы Петръ не раздумалъ пріѣхать.

Въ среду (за два дня до переворота), Панинъ сообщилъ свой замыселъ гетману и князю Волконскому. Оба они склонились на его предложенія, и исполненіе задуманнаго было отложено до времени выступленія гвардіи. Уже четыре капитана императорской гвардіи были посвящены въ тайну, и вмѣстѣ четыре роты, состоявшія подъ ихъ командою. То были тѣ самые солдаты, которые, за нѣсколько недѣль передъ симъ, выражали открытое неудовольствіе противъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пассекъ, былъ, по приказу Петра, арестованъ вечеромъ на другой день послѣ того, какъ Панинъ объяснялся съ гетманомъ и княземъ Волконскимъ. Объ этомъ увѣдомилъ Панина Григорій Орловъ, офицеръ того-же гвардейскаго полка, въ домѣ княгини Дашковой; а вечеромъ того-же дня Орловъ подтвердилъ свое сообщеніе, объяснивъ, что Пассекъ арестованъ по причинѣ выраженнаго его ротою неудовольствія. Наступило чрезвычайное смущеніе; казалось, тайна раскрывалась или была близка къ тому, въ случаѣ если станутъ допрашивать Пассека. Приходилось или ускорить дѣло, или подвергнуться большимъ опасностямъ. Панинъ отправилъ въ Петергофъ, гдѣ находилась Императрица, наемную карету въ шесть лошадей для того, чтобы не дать возникнуть толкамъ, которые бы начались непременно, если-бы Государыня поѣхала въ придворномъ экипажѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя Орлова, также гвардейскаго офицера, посвященнаго въ тайну, и приказалъ ему предупредить четырехъ капитановъ своего полка, сторонниковъ Екатерины, чтобы они были къ завтрешнему утру наготовѣ со всѣми людьми, на случай смуты. Окончивъ это, Орловъ долженъ былъ поспѣшить, какъ только могъ, въ Петергофъ—предупредить Императрицу о случившемся съ Пассекомъ и сказать ей, чтобъ она тотчасъ уѣзжала изъ Петергофа въ каретѣ, присланной отъ Шкуриной, ея довѣренной камеръ-юнгферы, а по пріѣздѣ въ Петербургъ, ѣхала бы въ казармы кавалергардскаго полка для принятія отъ

него присяги, оттуда отправилась бы въ полки Измайловскій, Преображенскій и Семеновскій и во главѣ этихъ четырехъ полковъ явилась бы въ новый дворецъ, остановившись на пути у Казанскаго собора, чтобы тамъ дождаться великаго князя, котораго Панинъ привезетъ къ ней, какъ только узнаетъ о ея прибытіи и о томъ, что гвардія ее признала.

Въ то же время Панинъ извѣстилъ обо всемъ происшедшемъ Разумовскаго и Волконскаго и затѣмъ ушелъ отъ княгини Дашковой и отправился къ великому князю въ лѣтній дворецъ. Онъ даже легъ въ постель подлѣ кровати великаго князя, чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ прислугѣ (при Панинѣ постоянно находился одинъ изъ флигель-адъютантовъ Императора, безъ сомнѣнія для наблюденія за нимъ; нынѣ этотъ офицеръ состоитъ при особѣ великаго князя и ведетъ себя хорошо), и приказалъ камердинеру разбудить въ случаѣ, если кто его спроситъ. По его расчету, Алексѣй Орловъ въ четыре часа долженъ былъ быть въ Петергофѣ, а Государыня послѣ пяти часовъ утра—въ Петербургѣ.

Каждая минута была дорога, и каждая разсчитана. Панинъ, хотя и легъ въ постель, какъ ни въ чемъ не бывало, однако былъ въ сильнѣйшей тревогѣ; удача или полнѣйшій неуспѣхъ могли обнаружиться ежеминутно. Пробило пять часовъ, и никакого извѣстія не приходило; пробило и шесть, а все нѣтъ извѣстія. Алексѣй Орловъ палъ духомъ: вмѣсто того, чтобъ ѣхать тотчасъ же въ Петергофъ, онъ въ четыре часа утра еще разъ явился къ княгинѣ Дашковой узнать—не послѣдовало ли какой перемѣны въ рѣшеніи, и уѣхалъ, наконецъ, только тогда, когда княгиня приказала ему немедленно отправиться въ путь для предупрежденія обо всемъ императрицы.

Ея Величество пріѣхала въ столицу около шести часовъ, прослѣдовала по пути, начертанному для нея Панинымъ, приняла отъ гвардіи присягу въ вѣрности и въ восемь часовъ утра прибыла къ Казанскому собору въ сопровожденіи всѣхъ четырехъ полковъ, въ полномъ вооруженіи, но полуодѣтыхъ. Панинъ въ приготовленной на улицѣ каретѣ привезъ великаго князя въ соборъ, а оттуда Ея Величество прослѣдовала въ новый дворецъ. Тамъ состоялся первый

манифестъ. Вокругъ дворца собрали всѣ четыре полка, которые и принесли тогда присягу Государынѣ, законнымъ порядкомъ. Затѣмъ Императрица велѣла Синоду и Сенату собраться въ деревянномъ дворцѣ *), и сама туда отправилась съ великимъ княземъ; въ церкви этого дворца Сенатъ, Синодъ и всѣ вельможи, бывшіе на лицо, присягнули ей.

По окончаніи этого обряда, сдѣланы были необходимыя распоряженія, дабы упрочить произведенную перемѣну. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Петербургу, разставлены караулы. Извѣстили о случившемся и расположили въ свою пользу Нарвскаго коменданта; гарнизонъ этой крѣпости усиленъ однимъ изъ четырехъ полевыхъ полковъ, которые находились по близости и шли на соединеніе съ арміей. Отъ этихъ полковъ была принята присяга. Всѣ вельможи были собраны въ деревянный дворецъ, съ нихъ взята присяга, и всѣ они пожалованы сенаторами (вотъ почему въ настоящее время въ Россіи многочисленъ составъ Сената); ихъ держали въ безпрерывномъ сборѣ во дворцѣ подъ предлогомъ подписи разныхъ подлежащихъ обнародованію распоряженій. Во главѣ ихъ поставленъ былъ Неплюевъ; великаго князя помѣстили въ комнатѣ сосѣдней съ тою, въ которой собрались Сенатъ и Синодъ. Было уже поздно, когда спохватились, что нужно упрочить за собою Кронштадтъ, который Петръ легко могъ выбрать мѣстомъ своего убѣжища, что дѣйствительно и случилось. Туда посланъ былъ около полудни адмиралъ Талызинъ, какъ бы по порученію адмиралтейства. Ему предшествовалъ адъютантъ, который, какъ только вступилъ на берегъ, былъ отведенъ къ генералу Девіеру, посланному въ Кронштадтъ Петромъ III съ тою же цѣлью, съ какою Императрица отправила туда Талызина. Потребовавъ къ себѣ адъютанта, Девіеръ спросилъ его, зачѣмъ онъ сюда явился, зачѣмъ ѣдетъ адмиралъ, что происходитъ въ Петербургѣ, нѣтъ ли тамъ безпорядковъ и пр.? Спокойный видъ офицера обманулъ Девіера, который вообразилъ себѣ, что при отъѣздѣ офицера изъ Петербурга тамъ все еще было спокойно, и что этотъ офицеръ, равно какъ и адмиралъ, ни о

---

*) Нынѣшній домъ Елисѣева, на Невскомъ, между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою.

чемъ не знаютъ. Два часа спустя, прибылъ на шлюпкѣ Талызинъ и сошелъ на берегъ въ гавани, гдѣ, по заведенному обычаю, находились для отданія ему чести капитанъ надъ портомъ и матросы. Талызинъ тотчасъ же узналъ о прибытіи генерала Девіера и объ арестѣ своего адъютанта; пока онъ говорилъ о томъ съ капитаномъ, онъ увидѣлъ, что къ нему идетъ Девіеръ. Онъ могъ опасаться, что его постигнетъ та же участь, какъ и его адъютанта, если бъ онъ не принялъ немедленнаго рѣшенія. Талызинъ предъявилъ капитану надъ портомъ указъ Государыни и велѣлъ въ свою очередь арестовать Девіера въ ту самую минуту, какъ тотъ приблизился къ нему. Дѣло устроилось безъ затрудненій; гарнизонъ призналъ Екатерину, и когда, наконецъ, въ два часа ночи, Петръ появился предъ Кронштадтомъ на гребной шлюпкѣ, его привѣтствовали объявленіемъ, что нѣтъ другой власти, кромѣ власти Императрицы, и что если онъ не поспѣшитъ удалиться, то по шлюпкѣ будетъ открытъ огонь.

Въ то время, какъ въ Кронштадтѣ происходило вышеизложенное, Петръ послалъ въ Петербургъ канцлера графа Воронцова сообщить императрицѣ, что онъ удивляется тому, что тамъ дѣлается, и приглашаетъ ее возвратиться къ повиновенію ему, Императору. Канцлеръ увидѣлъ площадь предъ дворцомъ занятою войсками, уже признавшими Екатерину. Онъ честно и благородно выполнилъ данное ему порученіе, но изложенное имъ требованіе было отвергнуто, а самому ему не дозволено возвратиться въ Петергофъ. Онъ просилъ позволенія, которое и было ему дано, написать Петру и сообщить о неуспѣхѣ возложеннаго на него порученія. Онъ показалъ письмо, которое было написано очень хорошо и кончалось заявленіемъ, что, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи Государя, онъ, наконецъ, подчинился народной волѣ и принесъ присягу въ вѣрности Государынѣ, вступившей нынѣ на Россійскій престолъ. По отсылкѣ письма, графъ Воронцовъ отправился въ церковь для принесенія присяги Императрицѣ. Все шло отлично, но нужно было овладѣть особою бывшаго Императора. Казалось слишкомъ опаснымъ предоставлять ему свободу: онъ имѣлъ тысячу средствъ скрыться, и всякій другой человѣкъ, порѣшительнѣе его, сумѣлъ бы это сдѣлать.

Всѣ эти распоряженія заняли Государыню въ теченіе всей пятницы и утра субботы; наконецъ, въ полдень той же субботы, она выступила изъ Петербурга по направленію къ Петергофу, во главѣ войскъ, которые признали ее и къ которымъ присоединились полки, находившіеся по повелѣнію Императора въ походѣ. Панинъ долженъ былъ сопровождать Государыню, и потому великаго князя ввѣрили попеченію Сената, а именно — Неплюева, которому приказано было всякія полчаса отправлять въ Петергофъ курьера съ извѣстіями обо всемъ, что дѣлается въ столицѣ. Каждый изъ сенаторовъ долженъ былъ подписывать эти рапорты, и потому ихъ всѣхъ держали въ сборѣ и такимъ образомъ всѣхъ безъ изъятія привлекли къ дѣлу Екатерины.

По дорогѣ изъ Петербурга въ Петергофъ часто встрѣчались Голштинскіе гусары, которыхъ Петръ высылалъ, чтобы выслѣдить движенія Государыни,—о чемъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія; ихъ всѣхъ захватывали, равно какъ и всѣхъ лицъ, которыя находились при Петрѣ и покинули его въ ночь его поѣздки въ Кронштадтъ.

Въ числѣ этихъ лицъ былъ вице-канцлеръ князь Голицынъ, посланный Петромъ къ Екатеринѣ съ письмомъ, въ которомъ Императоръ отдавалъ себя въ ея волю. Голицынъ въ открытомъ полѣ принесъ присягу Екатеринѣ: на половинѣ пути, въ продолженіе котораго не разъ приходилось дѣлать остановки, чтобы дать отдыхъ войскамъ, курьеръ привезъ извѣстіе объ отплытіи Петра въ Кронштадтъ. А такъ какъ объ экспедиціи Талызина не было еще никакихъ извѣстій, то и боялись, какъ бы Петръ, найдя доступъ въ Кронштадтъ прегражденнымъ, не вздумалъ отправиться водою же въ Петербургъ и не явился бы къ народу. Въ виду этого опасенія было рѣшено, чтобы Панинъ верхомъ, въ сопровожденіи двадцати-четырехъ кавалергардовъ, вернулся въ столицу, слѣдуя притомъ все время вдоль лѣваго берега Невы, чтобъ имѣть возможность наблюдать за каждымъ проходящимъ судномъ. Невдалекѣ отъ города онъ замѣтилъ одно судно, которое постоянно держалось противоположнаго берега. Онъ крикнулъ плывшимъ въ немъ, чтобы судно перешло къ другому берегу. Какой-то человѣкъ, повидимому, всталъ на суднѣ и отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ прибли-

зиться. Отвѣтомъ усилилось подозрѣніе; но когда этого человѣка разглядѣли пояснѣе, то онъ оказался Талызинскимъ адъютантомъ. Онъ сообщилъ, что Петръ пытался было войти въ Кронштадтъ, но не былъ принятъ, а что посланный генералъ Девіеръ арестованъ.

Панинъ безпрепятственно вступилъ въ городъ. Тамъ все было спокойно. Между тѣмъ Екатерина прибыла въ Петергофъ, откуда и отправила Петру отвѣтъ на его письмо, присланное съ вицеканцлеромъ Голицынымъ. Екатерина потребовала отъ Петра формальнаго акта отреченія отъ престола, каковое и было имъ написано собственноручно. Она указала ему самыя выраженія, которыя слѣдовало употребить. Петръ написалъ актъ своею рукою и былъ препровожденъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ въ одной каретѣ съ своею любимицею Воронцовой и еще съ двумя другими лицами.

Панинъ возвратился въ Петергофъ ранѣе прибытія Петра. Солдаты такъ были возбуждены противъ сего послѣдняго и его любимицы, что Панинъ принужденъ былъ самъ собирать людей, чтобы составить баталіонъ въ триста человѣкъ, который и былъ расположенъ четыреугольникомъ вокругъ павильона, гдѣ помѣстили Петра. Такую предосторожность необходимо было принять, чтобы отвратить пьяныхъ и усталыхъ солдатъ отъ возможности покушенія.

Петръ, уже отказавшись отъ престола, просилъ какъ милости, чтобъ ему оставили графиню Воронцову. Панинъ долженъ былъ видѣться съ нимъ въ эти минуты. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Я считаю несчастіемъ всей моей жизни, что принужденъ былъ видѣть его тогда; я нашелъ его утопающимъ въ слезахъ“. И пока Петръ старался поймать руку Панина, чтобы поцѣловать ее, любимица его бросилась на колѣни, испрашивая позволенія остаться при немъ. Петръ также только о томъ и просилъ, и ни о чемъ болѣе, даже не просилъ о свиданіи съ Императрицею. Панинъ постарался поскорѣе уйти отъ него. Онъ обѣщалъ принести ему отвѣтъ Екатерины, но послалъ отвѣтъ черезъ другое лицо. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Петра, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, посадили въ карету и повезли въ Ропшу. Вотъ разсказъ, слышанный соста-

вителемъ этой записки отъ министра и оберъ-гофмейстера Панина. Его любимицу посадили въ дормезъ, чтобы никто не могъ видѣть ее, и отправили въ Москву. Въ настоящее время она замужемъ за Полянскимъ.

А. фонъ-Ассебургъ.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПЕТРА III И ПЕРЕВОРОТЪ 1762 Г.

Наканунѣ того, какъ Петру III вздумалось устроить домашній спектакль, въ которомъ онъ самъ хотѣлъ быть дирижеромъ, а комедію разыгрывать должны были только придворныя дамы и вельможи, онъ послалъ за мной курьера съ приказаніемъ мнѣ отправиться въ Ораніенбаумъ съ ранняго утра, такъ какъ для меня есть дѣло.

Императрица въ тотъ же день прислала мнѣ сказать, чтобы я ѣхалъ къ ней въ Петергофъ, что я и исполнилъ, прежде чѣмъ отправиться къ Императору, до котораго надо было проѣхать еще 3 лье. Было очень рано *); горничная, къ которой я обратился, объявила мнѣ, что императрица еще спитъ и, вѣроятно, не встанетъ еще часа два, такъ какъ поздно легла. Я сказалъ горничной, что мнѣ приказано явиться къ императору рано утромъ, что поэтому я не могу дожидаться, а заѣду на возвратномъ пути въ городъ за приказаніемъ императрицы. Не воображая, что я увижу ее въ Ораніенбаумѣ, куда императоръ велѣлъ ей пріѣхать, я опять сѣлъ въ карету и поторопился, чтобы пріѣхать туда пораньше. Я явился къ графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которой привезъ букетъ изъ брилліантовъ; она узнала, что у меня есть такой букетъ и потребовала его себѣ. Я спросилъ у ея горничныхъ, встала ли графиня. Онѣ отвѣчали мнѣ, что не встала, но и не спитъ, потому что не въ духѣ.

— Въ такомъ случаѣ я уѣду,—сказалъ я.

Но онѣ меня задержали и просили подождать, такъ какъ ужъ доложили обо мнѣ, и боялись, чтобы графиня не разсердилась еще болѣе.

— Одни вы можете развеселить ее,—говорили онѣ.

---

*) Это было, какъ видно изъ нижеизложенныхъ обстоятельствъ, 27 іюня 1762 года.

Мнѣ пришлось дожидаться.

Нѣсколько времени спустя, меня пригласили въ комнату графини, которая сидѣла передъ туалетнымъ столомъ. Я пріотворилъ дверь и, пристально посмотрѣвъ на нее, сказалъ:

— Вы не въ духѣ, поэтому я уберусь.

Она вскочила со стула и сказала:

— Нѣтъ, не уходите. Что вы мнѣ принесли хорошенькаго?

— У меня ничего нѣтъ для тѣхъ, кто не въ духѣ.

Она накинулась на меня и начала шарить въ моихъ карманахъ. Въ эту самую минуту вошелъ чрезъ потайную дверь, въ халатѣ, императоръ.

— Это что такое?—спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что очень радъ, что его величество явился ко мнѣ на выручку, что я пришелъ къ графинѣ показать ей хорошенькій букетъ изъ бриллiантовъ, но что, заставъ ее не въ духѣ, я не хотѣлъ ей его показывать.

— Очень хорошо, Позье, не давайте ей, а отдайте мнѣ.

Это я и исполнилъ, несмотря на всѣ усилія и старанія графини отнять у меня букетъ.

Императоръ тутъ же подарилъ графинѣ этотъ букетъ, но съ условіемъ, чтобы она развеселилась.

Ей только того и нужно было, потому что она была крайне жадна. Императоръ сдѣлалъ мнѣ заказъ, съ которымъ велѣлъ пріѣхать, а именно: заказалъ нѣсколько вещей къ его именинамъ, предстоявшимъ черезъ недѣлю; да еще послалъ за своимъ камердинеромъ и велѣлъ ему отдать мнѣ ключи отъ вещей въ городѣ, во дворцѣ, когда оныя мнѣ понадобятся. Переговоривъ о дѣлѣ, я хотѣлъ поцѣловать у императора руку и проститься съ нимъ, но онъ сказалъ мнѣ:

— Куда вы торопитесь?

Я сказалъ, что ѣду въ городъ и приготовлю, что его величество мнѣ приказалъ.

— Нѣтъ вы сегодня останетесь здѣсь; я хочу, чтобы вы посмотрѣли мою комедію. Вотъ вамъ билетъ. Я всѣ билеты раздаю самъ. Можете пообѣдать съ моими медиками.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что долженъ отправиться къ великому канцлеру Воронцову въ обѣденный часъ, и просилъ, чтобы онъ меня отпустилъ.

— Очень хорошо,—отвѣтилъ Петръ,—отпускаю.

Воронцовы приняли меня по обыкновенію. Я присутствовалъ при ученіи голштинскихъ войскъ передъ обѣдомъ, и при сраженіи двухъ маленькихъ галеръ на большомъ пруду, что мнѣ показалось совершеннымъ представленіемъ маріонетокъ; но императоръ находилъ самое большое удовольствіе въ этихъ маневрахъ, на которые роптало дворянство, въ особенности гвардейскіе полки, которыхъ ставили ни во что въ сравненіи съ горстью голштинцевъ. Сидя за столомъ, рядомъ съ женою великаго канцлера Воронцова, которая еще не опомнилась отъ горя по своей двоюродной сестрѣ, покойной императрицѣ Елисаветѣ, я осмѣлился тихо сказать ей по-французски:

— Ваше превосходительство, что вы объ этомъ думаете? Я, по крайней мѣрѣ, очень боюсь, какъ бы не случилось чего-нибудь ужаснаго, и долженъ вамъ признаться, что видя все, что я вижу теперь, я не совсѣмъ спокоенъ.

— Вы правы,—отвѣтила она мнѣ:—я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойна, чѣмъ вы, потому что вы иностранецъ. Но нужно молчать и предоставить все на волю Господню.

При этомъ графиня не могла удержаться отъ слезъ.

— Я знаю, что вы насъ любите и принимаете участіе въ нашемъ горѣ—продолжала Воронцова,—но ведите себя осторожнѣе, чтобы съ вами не случилось чего-нибудь при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся.

Послѣ обѣда пришлось итти смотрѣть комедію, чего мнѣ вовсе не хотѣлось, но я не смѣлъ отказаться. Я сѣлъ напротивъ сцены, подъ ложей, гдѣ сидѣла императрица одна съ двумя фрейлинами и однимъ пажомъ, въ глубокомъ траурѣ; всѣ другія дамы сидѣли въ ложахъ подлѣ оркестра и игриво болтали съ кавалерами. Императоръ сѣлъ въ самый оркестръ, гдѣ игралъ на скрипкѣ съ музыкантами-итальянцами и нѣсколькими изъ придворныхъ дворянъ, умѣвшими играть на разныхъ инструментахъ.

Я иногда взглядывалъ на императрицу, которая казалась очень грустною, и скучно смотрѣла на эту комедійку. Она замѣтила меня и прислала ко мнѣ своего пажа сказать, чтобы я, по выходѣ изъ театра, зашелъ къ ней въ ея покои, такъ

какъ она хочетъ кое-что мнѣ заказать. Я отправился, но не безъ нѣкотораго безпокойства, какъ бы фавориты императора или камердинеры его не увидали, какъ я вхожу къ Екатеринѣ, и не пересказали ему, что бы могло меня погубить, смотря потому, въ какомъ настроенiи духа они въ ту минуту были. Къ счастью я, никого не встрѣтилъ, кромѣ слугъ императрицы, которые провели меня въ ея покои, гдѣ она уже была.

Я засталъ императрицу сидящею на диванѣ. Она сказала мнѣ:

— Позье, я сломала свой ордеръ святой Екатерины, а такъ какъ у меня всего только одинъ и есть осыпанный брилліантами, то я желала бы, чтобы вы его взяли съ собой и поправили. У меня есть еще нѣкоторые заказы вамъ, которые дамъ вамъ, когда вы мнѣ привезете орденъ.

Орденъ этотъ былъ на ней надѣтъ и она велѣла горничной снять его, чтобъ отдать мнѣ.

Было десять часовъ вечера. Я сказалъ ей: „видно, ваше величество, сегодня не возвратитесь въ Петергофъ и будете ужинать здѣсь?“.

— Мнѣ бы этого не хотѣлось,—отвѣчала Екатерина:—въ Петергофѣ мнѣ было бы веселѣй.

Я замѣтилъ, что, можетъ быть, орденъ ей понадобится, если она не захватила съ собой другого.

Это былъ тотъ самый день, въ который графиня Елисавета Воронцова должна была явиться съ орденомъ, подареннымъ ей императоромъ. Я сказалъ это императрицѣ, чтобы она подумала, не обидится ли императоръ за то, что она въ пику, нарочно, является къ столу безъ ордена.

— Хорошо, оставьте, пріѣзжайте за нимъ въ Петергофъ; мнѣ совѣстно васъ безпокоить, но тамъ я вамъ все отдамъ, что нужно передѣлать.

Я поцѣловалъ у ней руку и сказалъ, что поѣду обратно въ городъ.

— Хотѣлось бы и мнѣ сдѣлать то же самое, сказала она,—потому что мнѣ здѣсь очень не весело.

Я передъ тѣмъ приказалъ моему слугѣ ждать меня съ каретою за главными дворцовыми воротами, чтобы не запутаться во множествѣ другихъ экипажей. Хотя было 11 ча-

совъ вечера, я проѣхалъ разстояніе до города en moins de douze heures, en moins de trois heures du temps (sic). Я утомился, когда пріѣхалъ, потому что лошади, заложенныя въ четверку бѣжали во всю прыть и было три часа, когда я легъ, а на слѣдующій день мнѣ предстояло сдѣлать ту же поѣздку, чтобы быть въ Ораніенбаумѣ въ полдень.

Проспавъ три или четыре часа, я всталъ, забралъ все, что нужно было везти,—у меня были почти всѣ вещи всѣхъ придворныхъ дамъ, которыя дали мнѣ ихъ чистить и передѣлать къ праздникамъ. Я могъ выѣхать только въ 9 часовъ съ вещами; при мнѣ ихъ было болѣе, чѣмъ на двѣсти тысячъ рублей, съ тѣми, что я взялъ для государя. Проѣхавъ половину дороги, я встрѣтилъ одного гвардейскаго офицера верхомъ, который скакалъ въ городъ во весь опоръ. Я опустилъ стекло въ каретѣ, чтобы посмотрѣть: это былъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Онъ подъѣхалъ къ моей каретѣ, которую я остановилъ. Всадникъ сказалъ мнѣ тихо, такъ, чтобы слуга мой не услыхалъ:

— Возвращайтесь прежде всего въ городъ; вы рискуете Сейчасъ похитили въ Петергофѣ императрицу черезъ окно. Развѣ вы не встрѣтили частной кареты, въ которой везутъ ее въ городъ? *). Всѣ голштинцы, по всѣмъ дорогамъ, ищутъ ее. Говорю вамъ это, какъ другъ, воротитесь, какъ можно скорѣе въ городъ.

Всадникъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ.

Я велѣлъ ямщику, какъ можно скорѣе, воротиться въ городъ, подъ предлогомъ, будто я тамъ что-то забылъ, что

*) Здѣсь необходимо указать на ошибку Позье. Екатерина въ послѣдній разъ пріѣхала въ Ораніенбаумъ 26 іюня 1762 г. Обѣдъ въ японской залѣ дворца и маскарадъ въ оперѣ заняли день; на другой день—27 іюня—Петръ и Екатерина провели нѣкоторое время на великолѣпномъ празднествѣ у старика гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, въ его имѣніи Гостилицахъ, близь Ораніенбаума. Вечеромъ 27 іюня, Петръ и Екатерина разъѣхались каждый къ себѣ: императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ, императрица—въ Петергофъ; въ этотъ вечеръ они видѣлись въ послѣдній разъ въ жизни. На другой день, 28 іюня 1762 г., въ пятомъ часу утра, Екатерина, въ сопровожденіи Алексѣя Орлова, горничной своей Екатерины Ивановны Шаргородской и камердинера Шкурина, оставляетъ Петергофскій дворецъ, садится въ частную карету, приготовленную Орловымъ, и ѣдетъ въ столицу. Такимъ образомъ описываемая Позье вторичная поѣздка въ Ораніенбаумъ, встрѣча съ верховымъ и проч. были 28 іюня 1762 г.

мнѣ необходимо везти съ собой. Я во весь опоръ поскакалъ въ городъ, и пріѣхавъ, встрѣтилъ на улицахъ конногвардейцевъ, которые метались по улицамъ въ разсыпную, съ обнаженными саблями въ рукахъ, съ радостными возгласами:

„Да здравствуетъ императрица Екатерина!!“

Мнѣ едва удалось попасть въ свой домъ, который былъ окруженъ солдатами. Я воскликнулъ: „Господи, Боже мой. что все это значитъ? Неужели императоръ умеръ?“ Я поспѣшилъ выйти изъ кареты, захвативъ шкатулки съ вещами и нашелъ жену въ страшномъ испугѣ. Я сказалъ ей: „Это ничего. Пусть оставятъ меня одного въ моей комнатѣ“.

Я прежде всего поднялъ половицу, гдѣ было пустое мѣсто. и тамъ зарылъ мои шкатулки и все, что нашелъ у себя цѣннаго. Сдѣлавъ это, я захотѣлъ посмотрѣть, что творится, и приготовился выйти со двора.

Я увидѣлъ двухъ молодыхъ англичанъ. которыхъ преслѣдовали солдаты съ обнаженными саблями. Они не говорили по-русски. Я сказалъ этимъ солдатамъ по-русски:

— Что вы дѣлаете? Зачѣмъ преслѣдуете этихъ господъ, которые ничего вамъ не сдѣлали? Я знакомъ съ вашимъ офицеромъ, который уже вѣрно не приказалъ вамъ этого дѣлать“.

Они мнѣ отвѣчали:—„Да они насъ ругаютъ на своемъ языкѣ“.

— Вы ошибаетесь, это вовсе не такіе люди, которые бы могли такъ поступать.

Я имъ далъ полъ-экю—единственное средство усмирить ихъ.

Они меня поблагодарили и сказали:—Если вамъ угодно, мы станемъ стеречь вашъ домъ, потому что нашъ постъ совсѣмъ близко отсюда.

Я сказалъ, что это будетъ мнѣ пріятно, и что ихъ офицеръ, одинъ изъ моихъ друзей, скажетъ имъ за это спасибо.

Я, конечно, высылалъ имъ водки. Обоихъ англичанъ я взялъ къ себѣ въ домъ и сказалъ имъ, чтобы они нѣсколько подождали, пока немного усмирятся умы, потому что всѣ иностранцы подвергаются большой опасности на улицахъ. Я самъ слышалъ, какъ солдаты говорили между собой, что всѣхъ иноземцевъ надо перерѣзать.

Нетерпѣливо желая узнать, что происходило, я велѣлъ

женѣ не выходить изъ дома и оставаться съ дѣтьми, а самъ отправился отыскивать кого-нибудь, кто бы мнѣ сказалъ что-нибудь положительное объ этомъ событіи; такъ какъ я жилъ подлѣ императорскаго дворца, а голландская церковь составляла уголъ съ улицею близъ Синяго моста, ведущею ко дворцу, то я прошелъ изъ моего двора садомъ, чтобы не столкнуться съ солдатами, которыми улица была запружена. Я нашелъ нѣсколькихъ знакомыхъ, отъ которыхъ узналъ, въ чемъ дѣло. Я увидѣлъ гвардейскаго офицера Преображенскаго полка, котораго я зналъ, и наканунѣ видѣлъ въ Ораніенбаумѣ;—онъ занималъ съ командою постъ противъ нашихъ оконъ. Я зазвалъ его къ себѣ на шкаликъ водки.

Офицеръ разсказалъ мнѣ, что, какъ только императрица возвратилась въ Петергофъ, тотчасъ послѣ ужина, одинъ изъ заговорщиковъ, заставъ офицера, котораго считалъ своимъ, сказалъ ему нѣсколько словъ, которыя были переданы фавориту императора. Гудовичъ сію же минуту сказалъ императору, что нужно арестовать этого человѣка. Государь тѣмъ ограничился, что заарестовалъ его, а допросъ отложилъ до слѣдующаго дня. Послѣ того нѣкоторые другие изъ заговорщиковъ извѣстили императрицу, что все открыто и что нужно ей бѣжать въ городъ и тамъ провозгласить себя царицею, какъ было условлено сдѣлать.

Графъ (?) Орловъ тутъ же похитилъ Екатерину черезъ окно (?) изъ комнаты нижняго этажа, въ которой она была, чтобы часовые не увидѣли ихъ, и посадилъ ее въ карету, которая стояла невдалекѣ отъ дворца, вмѣстѣ съ графомъ Разумовскимъ, гетманомъ казаковъ.*) Они повезли ее въ городъ во весь опоръ, а тамъ прямо отправились въ церковь Казанской Богородицы. Въ то время Орловъ отправился за полкомъ конно-гвардейцевъ, которые давно уже участвовали въ этомъ замыслѣ. Весь полкъ прибѣжалъ и окружилъ церковь съ криками: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!“ и принуждалъ прохожихъ кричать то же.**) Не трудно было

*) Арестованный офицеръ гвардіи былъ—Пассекъ; Орловъ не былъ еще тогда графомъ; спутникомъ Екатерины въ ея бѣгствѣ, кромѣ Орлова, былъ не Разумовскій, а Бибиковъ.

**) Не конная гвардія, а три роты Измайловскаго полка были первыя, которыя послѣдовали за Екатериною II.

склонить на свою сторону и другіе полки, бывшіе въ городѣ, которые окружили дворецъ, когда императрица отправилась туда изъ церкви. Почти весь цвѣтъ аристократіи и даже такіе люди, которыхъ императоръ считалъ вполнѣ преданными ему, были на сторонѣ императрицы. Всѣ толпою сбѣжались во дворецъ присягать ей.

Немедленно распустили въ городѣ слухъ, что императоръ упалъ съ лошади и ушибся до смерти.

Я спросилъ офицера, что онъ обо всемъ этомъ думаетъ, и что нѣтъ ли опасности, чтобы произошла какая-нибудь рѣзня? Офицеръ мнѣ отвѣчалъ, что бояться нечего, что онъ постарается сдерживать солдатъ, пока не пройдетъ первое движеніе.

Въ ту минуту, когда онъ ушелъ отъ меня и воротился на свой постъ, явился кирасирскій полкъ, котораго императоръ былъ полковникомъ, состоявшій изъ трехъ тысячъ самыхъ лучшихъ солдатъ, какіе только имѣлись въ войскѣ, и которому императоръ послалъ приказаніе отправиться къ нему въ Ораніенбаумъ, но императрица послала одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ воротить полкъ и приказала ему остаться въ городѣ.

Офицеръ, командовавшій полкомъ, по всей вѣроятности, не зналъ, въ чемъ дѣло, и я самъ видѣлъ, какъ онъ чуть не подрался съ карауломъ конно-гвардейцевъ, которые стерегли мостъ у дворца, на которомъ съ каждой стороны были поставлены пушки. Часовые, изъ которыхъ каждый ужъ запустилъ за галстукъ, т.-е. выпилъ, начали кричать кирасирскому офицеру, когда онъ хотѣлъ перейти мостъ съ полкомъ, что его не пустятъ, пока онъ не крикнетъ: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!“.

Офицеръ спросилъ: „Какъ это? развѣ императоръ умеръ?“

Одинъ изъ часовыхъ еще больше раскричался и послалъ товарища дать знать караулу изъ трехъ-сотъ гвардейцевъ, находившихся невдалекѣ, и они, какъ бѣшеные, бросились съ ружьями и штыками на-перевѣсъ, чтобы воспрепятствовать полку перейти мостъ. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ подошли, чтобы остановить этихъ сумасбродовъ и что-то сказали на ухо кирасирскому офицеру, который тотчасъ же усмирился, и его спокойно пропустили черезъ мостъ;

близъ дворца этого офицера замѣстили другимъ, а между тѣмъ, полкъ выстроился и безъ труда былъ приведенъ къ присягѣ императрицѣ. Если бы этотъ полкъ остался вѣренъ императору, то онъ могъ бы перебить всѣхъ солдатъ, сколько ихъ ни было въ городѣ; но Богу угодно было, чтобы случилось иначе, въ противномъ случаѣ всѣмъ бѣднымъ иностранцамъ пришлось бы плохо.

Я отправился къ себѣ успокоивать жену, и тамъ нашелъ моихъ двухъ англичанъ, которыхъ я отправилъ домой въ моей каретѣ, указавъ кучеру, по какой дорогѣ ѣхать, чтобы избѣгнуть столкновенія съ солдатами; впрочемъ, такъ какъ карета была закрытая, то нельзя было замѣтить, что это иностранцы.

Нѣсколько минутъ спустя, я видѣлъ, какъ мимо проѣхалъ въ плохой каретѣ дядя императора, принцъ голштинскій, который укрылся было у генералъ-полицеймейстера Корфа, гдѣ его арестовалъ одинъ гвардейскій офицеръ съ двадцатью гренадерами, которые исколотили его ружейными прикладами и повезли его въ домъ Бестужева, гдѣ онъ жилъ. Жена его, къ несчастью, была въ этотъ день въ городѣ; солдаты тоже весьма дурно обошлись съ ней, растащивъ все, что они нашли въ домѣ; они хотѣли сорвать съ рукъ ея кольца, и если бы командовавшій ими офицеръ во время не вошелъ въ комнату, они отрѣзали бы у нея палецъ; всѣхъ слугъ заперли въ подвалы и погреба и приставили къ нимъ гренадеровъ; такъ они оставались цѣлыхъ три дня и едва могли добиться чего-нибудь поѣсть.

Видя, что все бросается во дворецъ цѣловать руку императрицѣ, я хотѣлъ какъ-нибудь добраться до нея, какъ вдругъ ко мнѣ во дворъ въѣхала карета съ гвардейскимъ офицеромъ и тремя гренадерами на запяткахъ. Жена моя сначала подумала, что меня хотятъ арестовать, но офицеръ вошелъ ко мнѣ въ комнату и объявилъ, что имѣетъ что-то сказать мнѣ отъ имени императрицы. Я его ввелъ въ свой кабинетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить меня: отдалъ ли я уже камергерскій ключъ, осыпанный брилліантами, который императоръ хотѣлъ дать оберъ-камергеру графу Шереметеву? Я отвѣтилъ, что въ это самое утро поѣхалъ было въ Ораніенбаумъ съ тѣмъ, чтобы отдать

ключъ императору, согласно приказанію, данному имъ мнѣ накануне, но что, узнавъ по дорогѣ происшедшій счастливый переворотъ, я воротился назадъ, и что ключъ теперь у меня. Тогда офицеръ сказалъ мнѣ, что императрица велѣла спросить, можно ли придѣлать ея вензель, вмѣсто вензеля императора, и въ тотъ же день, если можно, такъ какъ это будетъ ей очень пріятно, потому что она сама хочетъ отдать ключъ графу Шереметеву. Я просилъ офицера передать ея величеству, что сію же минуту займусь ея порученіемъ, но что прошу ее прислать мнѣ офицера для безопасности моего дома, такъ какъ у меня много казенныхъ вещей, а также вещей, принадлежавшихъ дамамъ, которыя въ Ораніенбаумѣ, и я боюсь нападенія со стороны солдатъ, окружающихъ мой домъ. Офицеръ отвѣчалъ мнѣ: „Очень хорошо, я попрошу, чтобы дали мнѣ самому это порученіе“. Затѣмъ онъ уѣхалъ, но, немного времени спустя, воротился.

Я тотчасъ же велѣлъ моимъ рабочимъ приступить къ дѣлу, и въ три часа пополудни работа была готова.

Я самъ сѣлъ въ карету офицера, желая воспользоваться случаемъ добраться до императрицы, лично вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку.

Мы вошли въ залу, которая была до такой степени наполнена народомъ, что пришлось подождать добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ удалось пробраться до императрицы, несмотря на то, что офицеръ, за которымъ я слѣдовалъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу.

Наконецъ, я очутился за стуломъ императрицы; тѣмъ не менѣе однако, мнѣ удалось вручить ей ключъ и поцѣловать у нея руку не ранѣе, какъ часъ спустя. Стеченіе вельможъ и дамъ, пріѣхавшихъ поздравить ее, было громадное, и я не понимаю, какъ Екатерина могла перенести такое утомленіе въ теченіе цѣлаго дня, не принимая нисколько пищи.

Въ ту же минуту императрица приказала графу Панину *) ѣхать въ Кронштадтскую крѣпость арестовать коменданта и завладѣть крѣпостью отъ ея имени, прежде чѣмъ императоръ успѣетъ укрыться въ ней.

---

*) Не Панину, а адмиралу Ивану Лукьяновичу Талызину.

Петръ III дѣйствительно попытался это сдѣлать, посадивъ на галеру всѣхъ дамъ и кавалеровъ своего двора, чтобы перебраться въ Кронштадтъ, куда онъ передъ тѣмъ отправилъ своего генералъ-адъютанта Девіера, котораго графъ Панинъ (!) засталъ тамъ, и котораго онъ сумѣлъ ловко арестовать вмѣстѣ съ комендантомъ, овладѣвъ крѣпостью*).

Когда императорская галера приблизилась на пушечный выстрѣлъ, ей въ упоръ крикнули, чтобы она воротилась назадъ, а не то будутъ по ней стрѣлять; это до такой степени перепугало дамъ, что онѣ страшно раскричались и упросили императора воротиться въ Ораніенбаумъ, что тотъ и сдѣлалъ.

Я еще стоялъ за стуломъ императрицы, когда явился великій канцлеръ Воронцовъ. Какъ только онъ подошелъ къ ней, она спросила его: за тѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы присягнуть ей?

Воронцовъ отвѣтилъ, что въ настоящую минуту не можетъ, потому что его прислалъ императоръ изъ Ораніенбаума узнать, что происходитъ.

— Въ такомъ случаѣ вы не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ. Я съ этой цѣлью сейчасъ же назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами; впрочемъ, можете быть спокойны за себя.

Воронцовъ поклонился и отправился съ двумя офицерами, которые сѣли съ нимъ въ карету.

Въ эту минуту я съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ, но не время и не мѣсто было давать имъ волю.

Наконецъ, я уловилъ свободную минуту и передалъ императрицѣ ключъ въ бархатномъ футлярѣ. Она нашла его великолѣпнымъ. Это была вещь цѣною въ десять тысячъ рублей.

Екатерина передала ключъ оберъ-камергеру Шереметеву, который находился тутъ же, и который, ставъ на колѣни, поцѣловалъ у нея руку.

---

*) Талызинъ, а не Панинъ засталъ гр. П. А. Девіера въ Кронштадтъ, ловко воспользовался его нерѣшительностью, склонилъ (а не арестовалъ) на сторону Екатерины коменданта кронштадтскаго Нуммерса, затѣмъ арестовалъ Девіера и взялъ Кронштадтъ подъ свое управленіе

Императрица повернула голову въ мою сторону и сказала:

— Я вамъ очень обязана, Позье, за вашу исправность.

Я воспользовался случаемъ и сказалъ ей, что у меня въ домѣ много казенныхъ вещей, и не угодно ли ей, чтобы я ихъ передалъ кому-нибудь.

Она мнѣ сказала, что не нужно, что я могу воротиться домой и остаться тамъ совершенно спокойно, ничего не боясь. Затѣмъ, государыня приказала офицеру, привезшему меня, проводить меня обратно и возвратиться къ ней часовъ въ семь вечера, такъ какъ она намѣрена верхомъ въ мужской одеждѣ, съ княгиней Дашковой, отправиться, во главѣ трехъ гвардейскихъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, арестовать Петра III въОраніенбаумѣ.

Всѣ войска, которыя остались въ городѣ, стали шпалерами вдоль улицы, и такъ простояли всю ночь.

Я не могъ сомкнуть глазъ и просидѣлъ у окна, слѣдя за всѣмъ, что происходило.

Я видѣлъ, какъ солдаты выбивали двери въ подвальные кабаки, гдѣ продавалась водка, и выносили огромные штофы своимъ товарищамъ, что меня страшно испугало.

Я позвалъ изъ окна одного знакомаго офицера и просилъ его зайти на минуту ко мнѣ, что тотъ и исполнилъ. Я ему заявилъ мои опасенія. Офицеръ объявилъ мнѣ, что мнѣ нечего бояться, что невозможно запретить солдатамъ, не пившимъ и не ѣвшимъ уже двое сутокъ, погулять, но что онъ надѣется, что императрица, арестовавъ Петра III, тотчасъ же возвратится въ городъ, а тогда все кончится.

Я, однако, не успокоился, пока не узналъ, какой оборотъ приметъ дѣло.

Часамъ къ тремъ меня извѣстили, что императрица, заарестовавъ Петра III, возвращается въ городъ, и что ее ожидаютъ къ пяти часамъ. Мимо оконъ проѣхало много каретъ съ дамами и вельможами, отправлявшимися во дворецъ дожидаться ее.

Я рѣшился тоже туда отправиться.

Тамъ я засталъ страшную давку и, между прочимъ, множество молодыхъ дамъ, о которыхъ мнѣ достовѣрно извѣстно

было, что онѣ нехорошія услуги оказывали императрицѣ по ея отношеніямъ къ императору, и которыя едва ли могли ожидать отъ нея любезнаго пріема.

Такъ какъ я былъ съ ними довольно коротко знакомъ, я спросилъ ихъ: „не шибко ли бьется у нихъ сердце?“

Я былъ, впрочемъ, совершенно увѣренъ, что имъ ничего не будетъ сдѣлано, потому что императрица нарочно обращалась вѣжливо съ дамами, о которыхъ знала, что онѣ интриговали противъ нея у ея мужа.

Наконецъ, явилась Екатерина, верхомъ съ отрядомъ гвардейцевъ.

Каждый спѣшилъ цѣловать ея руку. Войдя въ дворцовую залу, она сѣла въ кресло и по крайней мѣрѣ три часа все принимала толпу: каждую минуту она должна была наклоняться, чтобы давать руку свою цѣловать представлявшимся ей.

Видя, что мнѣ невозможно будетъ добраться до императрицы, я рѣшился подождать у дверей ея покоевъ, зная, что она непремѣнно туда войдетъ *).

Едва стоя на ногахъ отъ усталости, Екатерина вышла изъ залы отдохнуть, поручивъ сказать, что всѣ, кому не удалось присягнуть ей, пусть придутъ на слѣдующій день.

Она явилась въ сопровожденіи двухъ камергеровъ, которые поддерживали ее подъ руки.

Послѣ заарестованія Петра III, императрица, возвратившись въ городъ, распустила всѣ войска, до тѣхъ поръ стоявшія шпалерами вдоль улицъ, и всѣ избавились отъ страха. Три (?) дня спустя, мы узнали о смерти несчастнаго императора, описывать подробности которой я не стану.

Позье.

РЕВОЛЮЦІЯ 28 ІЮНЯ 1762 Г.

Наканунѣ сего дня одинъ пьяный изъ его (Державина *) сотоварищей солдатъ, вышедъ на галлерею, началъ говорить, что когда выдетъ полкъ въ Ямскую (разумѣется, въ вышесказанный походъ въ Данію), то мы спросимъ, зачѣмъ и куда

*) Авторъ разсказа, поэтъ Г. Р. Державинъ, ведетъ все изложеніе въ третьемъ лицѣ. (*Сост.*)

насъ ведутъ, оставя нашу матушку Государыню, которой мы ради служить. Таковыхъ рѣчей, въ пьянствѣ и сбивчиво выговоренныхъ, Державинъ, не знавъ ни о какомъ заговорѣ, не могъ выразумѣть; тѣмъ паче, что въ самое время бывшія у него деньжонки въ подголовкѣ, когда онъ былъ въ строю, слугою солдата Лыкова, который къ нему недавно въ казарму постановленъ былъ, украдены, то сей непріятный случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ къ вещамъ постороннимъ. Солдаты всей роты, любя Державина, бросились по всѣмъ дорогамъ и скоро поймали вора, который на покупку кибитки и лошадей успѣлъ нѣсколько истратить денегъ. Между тѣмъ въ полночь разнесся слухъ, что гранодерской роты капитана Пассека арестовали и посадили на полковомъ дворѣ подъ караулъ; то и собралась было рота во всемъ вооруженіи сама собою, безъ всякаго начальничьяго приказанія, на ротный плацъ; но, постоявъ нѣсколько во фрунтѣ, разошлись. А поутру, часу по полуночи въ 8-мъ, увидѣли скачущаго изъ конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобы шли къ Матушкѣ въ Зимній каменный дворецъ, который тогда вновь былъ построенъ (въ первый день Святой недѣли Императоръ въ него переѣхалъ).

Рота тотчасъ выбѣжала на плацъ. Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога, и въ городѣ все суматошилось. Едва успѣли офицеры запыхаючись прибѣжать къ ротѣ, изъ которыхъ однако были нѣкоторые равнодушные, будто знали о причинѣ тревоги. Однако всѣ молчали; то рота вся, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, съ великимъ устремленіемъ, заряжая ружья, помчалась къ полковому двору.

На дорогѣ, въ переулкѣ, идущемъ близъ полкового двора, встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева, въ великой задумчивости ходящаго взадъ и впередъ, не говорящаго ни слова. Его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ, и рота на нѣсколько минутъ пріостановилась. Но, усмотря, что по Литейной идущая гранодерская, не взирая на воспрещеніе маіора Воейкова, который, будучи верхомъ и вынувъ шпагу, бранилъ и рубилъ гранодеръ по ружьямъ и по шапкамъ, вдругъ

рыкнувъ бросилась на него съ устремленными штыками, то и нашелся онъ принужденнымъ скакать отъ нихъ во всю мочь; а боясь, чтобъ не захватили его на Семіоновскомъ мосту, повернулъ направо и въѣхалъ въ Фонтанку по груди лошади. Тутъ гранодеры отъ него отстали. Такимъ образомъ третья рота, какъ и прочія Преображенскаго полка, по другимъ мостамъ бѣжали, одна за одной, къ Зимнему дворцу. Тамъ нашли Семеновскій и Измайловскій уже пришедшими, которые окружили дворецъ и выходы всѣ заставили своими караулами. Преображенскій полкъ, по подозрѣнію ли, что его любилъ болѣе другихъ государь, часто обучалъ самъ военной екзерциціи, а особливо гранодерскія роты, которыхъ было двѣ, жалуя ихъ нерѣдко по чаркѣ вина, или по старшинству его учрежденія, предъ прочею гвардіей, постановленъ былъ внутри дворца. Все сіе Державина, какъ молодого человѣка, весьма удивляло, и онъ потихоньку шелъ по слѣдамъ полка, а пришедъ во дворецъ, сыскалъ свою роту и сталъ по ранжиру въ назначенное ему мѣсто.

Тутъ тотчасъ увидѣлъ митрополита новгородскаго и первенствующаго члена св. Синода (Гавріила), съ святымъ крестомъ въ рукахъ, который онъ всякому рядовому подносилъ для цѣлованія, и сіе была присяга въ вѣрности службы Императрицѣ, которая уже во дворецъ пріѣхала, будучи препровождена Измайловскимъ полкомъ; ибо изъ Петергофа привезена въ оный была на одноколкѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, какъ опослѣ ему о томъ сказывали. День былъ самый ясный и, побывъ въ семъ дворцѣ часу до третьяго или четвертаго по полудни, приведены предъ вышесказанный деревянный дворецъ и поставлены отъ моста вдоль по Мойкѣ. Въ сіе время приходили предъ сей дворецъ многіе и армейскіе полки, примыкали по приведеніи полковниковъ къ присягѣ, по порядку, къ полкамъ гвардіи, занимая мѣста по улицамъ Морскимъ и прочимъ, даже до Коломны. А простоявъ тутъ часу до восьмаго, девятаго или десятаго, тронулись въ походъ, обыкновеннымъ церемоніальнымъ маршемъ, повзводно, при барабанномъ боѣ, по петергофской дорогѣ, въ Петергофъ. Императрица сама предводительствовала, въ гвардейскомъ Преображенскомъ мундирѣ, на бѣломъ конѣ, держа въ правой рукѣ обнаженную шпагу.

Княгиня Дашкова также была въ гвардейскомъ мундирѣ. Такимъ образомъ маршировали всю ночь. На нѣкоторомъ урочищѣ, не доходя до Стрѣльной, въ полночь имѣли отдыхъ. Потомъ двинулись паки въ походъ. Поутру очень рано стали подходить къ Петергофу, гдѣ чрезъ весь звѣринецъ, по косогору, увидѣли по разнымъ мѣстамъ разстановленныя заряженныя пушки съ зажженными фитилями, которыя, какъ сказывали послѣ, прикрыты были нѣкоторыми армейскими полками и голстинскими баталіонами; то всѣ отдались государынѣ въ плѣнъ, не сдѣлавъ нигдѣ ни единаго выстрѣла. Въ Петергофѣ расположены были полки по саду, даны быки и хлѣбъ, гдѣ, сваривъ кашу, и обѣдали. Послѣ обѣда часу въ 5-мъ увидѣли большую четыремѣстную карету, запряженную больше нежели въ шесть лошадей, съ завѣшенными гардинами, у которой на запяткахъ, на козлахъ и по подножкамъ были гранодеры же во всемъ вооруженіи; а за ними нѣсколько коннаго конвоя, которые, какъ послѣ всѣмъ извѣстно стало, отвезли отрекшагося императора отъ правленія въ Ропшу, мѣстечко, лежащее отъ Петербурга въ 30 верстахъ, къ Выборской сторонѣ. Часу по полудни въ седьмомъ полки изъ Петергофа тронулись въ обратный путь въ Петербургъ; шли всю ночь и часу по полуночи въ 12-мъ прибыли благополучно вслѣдъ Императрицы въ Лѣтній деревянный дворецъ, который былъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Михайловскій. Простоявъ тутъ часа съ два, приведены въ полкъ и распущены по квартирамъ.

День былъ самый красный, жаркій; то съ непривычки молодой мушкатеръ (т.-е. Державинъ) еле живъ дотащилъ ноги. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось.—Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что Императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступилъ къ Лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобы Императрица къ нему вышла и увѣрила его

персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя (по бывшей при императрицѣ Елизаветѣ съ нимъ войнѣ, несмотря на учиненный съ нимъ, Петромъ III миръ и что онъ ему былъ другъ) всему россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и подполковникъ ихъ графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и, слава Богу, въ вождел̀ѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя съ одной стороны похвально было ихъ усердіе, но съ другой напоминалася воинская дисциплина и чтобъ не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мостамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ Государыня пребываніе свое имѣла дней съ 8-мъ, то есть по самую кончину Императора.

По водвореніи такимъ образомъ совершенной тишины объявленъ походъ гвардіи въ Москву для коронаціи Ея Величества, и въ августѣ мѣсяцѣ Державинъ по паспорту отпущенъ былъ съ тѣмъ, чтобъ явиться къ полку въ первыхъ числахъ сентября, когда Императрица къ Москвѣ приближаться будетъ. Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь, потащился потихоньку.

Въ то время спознакомился онъ или, лучше сказать, сдружился своего же полка изъ дворянъ съ солдатомъ Петромъ Алексѣевичемъ Шишкинымъ, который у него послѣднія деньги заимнообразно почти всѣ перебралъ (которыя едва ли заплатилъ). Однако съ остальными пріѣхалъ въ Москву и, будучи въ мундирѣ Преображенскомъ, на голстинскій манеръ

кургузомъ, съ золотыми петлицами, съ желтымъ камзоломъ и таковыми же штанами сдѣланномъ съ прусскою претолстою косою, дугою выгнутою, и пуклями. какъ грибы подлѣ ушей торчащими, изъ густой сальной помады слѣпленными, щеголялъ предъ московскими жителями, которымъ такой необыкновенный или, лучше, странный нарядъ казался весьма чудеснымъ, такъ что обращалъ на себя глаза глупыхъ; но къ прибытію Императрицы построены стараго покрою Преображенскіе мундиры.—Подъѣзжая къ Москвѣ, Императрица въ селѣ Петровскомъ *) графа Разумовскаго нѣсколько дней отдыхала, гдѣ мушкатеръ Державинъ, въ числѣ прочихъ солдатъ, наряженныхъ на караулъ, стоялъ въ саду на ночномъ пикетѣ и спознакомился съ подпоручикомъ Протасовымъ, который послѣ былъ ему пріятелемъ и дядькою у великаго князя Александра Павловича. Изъ села Петровскаго (ибо тогда еще подъѣзжачаго подмосковнаго Петровскаго дворца построено не было) ѣздила Государыня нѣсколько разъ инкогнито въ Кремль. Потомъ всенародно имѣла свой торжественный въѣздъ, сквозь построенные парадомъ полки гвардейскіе и армейскіе, подъ пушечными съ Кремля выстрѣлами и восклицаніями народа. 22 числа сентября въ Успенскомъ соборѣ, по обрядамъ благочестивыхъ предковъ своихъ, царей и императоровъ Россійскихъ, короновалась. Выставлены были на Ивановской Красной площади жареные съ начинкою и съ живностью быки и пущены изъ ренскаго вина фонтаны. Къ вечеру городъ былъ иллюминованъ. Государыня тогда часто присутствовала въ Сенатѣ, который былъ помѣщенъ въ кремлевскомъ дворцѣ; проходя въ оный, всегда жаловала чиновныхъ къ рукѣ, котораго счастія, будучи рядовымъ, и Державинъ иногда удостоивался, ни мало не помышляя, что будетъ со временемъ ея штатсъ-секретаремъ и сенаторомъ. На зиму Государыня изволила переѣхать въ Головинскій дворецъ, что былъ въ Нѣмецкой слободѣ. Тутъ однажды, стоя въ будкѣ позадь двора въ полѣ на часахъ, ночью, въ случившуюся жестокую стужу и мятель, чуть было не замерзъ; но пришедшая смѣна отъ того избавила. На масленицѣ той зимы былъ тотъ слав-

*) Гдѣ теперь находится Петровская сельско-хозяйственная Академія. (*Сост.*).

ный народный маскарадъ, въ которомъ на устроенномъ подвижномъ театрѣ, ѣздящемъ по всѣмъ улицамъ, представляемы были разныя того времени страсти, или осмѣхалися въ стихахъ и пѣсняхъ пьяницы, карточные игроки, подъячіе и судьи—взяточники и тому подобные порочные люди,—сочиненіе знаменитаго по уму своему актера Ѳедора Григорьевича Волкова и прочихъ забавныхъ стихотворцевъ, какъ-то г.г. Сумарокова и Майкова...

Г. Державинъ.

ПЕРЕВОРОТЪ 28 ІЮНЯ 1762 Г. ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ ЕКАТЕРИНЫ II *).

... Всѣ умы еще въ броженіи. Я васъ прошу воздержаться отъ поѣздки сюда, изъ страха усилить его.

Уже шесть мѣсяцевъ, какъ замышлялось мое восшествіе на престолъ. Петръ III потерялъ ту малую долю разсудка, какую имѣлъ. Онъ во всемъ шелъ напроломъ; онъ хотѣлъ сломить гвардію, онъ велъ ее въ походъ для этого; онъ замѣнилъ бы ее своими голштинскими войсками, которыя должны были оставаться въ городѣ. Онъ хотѣлъ перемѣнить вѣру, жениться на Л. В. (Елизаветѣ Воронцовой), а меня заключить въ тюрьму.

Въ день празднованія мира, сказавъ мнѣ публично оскорбительныя вещи за столомъ, онъ приказалъ вечеромъ арестовать меня. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ отмѣнить этотъ приказъ; съ этого дня я стала прислушиваться къ предложеніямъ, которыя мнѣ дѣлались со времени смерти императрицы.

Планъ состоялъ въ томъ, чтобы схватить его въ его комнатѣ и заключить, какъ принцессу Анну **) и ея дѣтей. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Мы были увѣрены въ [преданности] большого числа капитановъ гвардейскихъ полковъ. Узелъ секрета находился въ рукахъ троихъ братьевъ Орловыхъ; Остенъ помнитъ, что видѣлъ старшаго, какъ онъ всюду за мною слѣдовалъ и дѣлалъ тысячу безумныхъ вещей. Его страсть ко мнѣ была всѣмъ извѣстна, и все имъ дѣлалось съ этой цѣлью. Это люди необычайно рѣшительные и очень

---

*) Письмо Екатерины II къ Ст. Понятовскому 2-го авг. 1762 г.

**) Т.-е. Анну Леопольдовну, мать Іоанна VI (1740—1741 г.г.).

любимые большинствомъ солдатъ, такъ какъ они служили въ гвардіи. Я очень многимъ обязана этимъ людямъ; весь Петербургъ тому свидѣтель.

Умы гвардейцевъ были подготовлены, и подъ конецъ въ тайну было посвящено отъ 30 до 40 офицеровъ и около 10,000 нижнихъ чиновъ. Не нашлось ни одного предателя въ теченіе трехъ недѣль, потому что было четыре отдѣльныхъ партіи, начальники которыхъ созывались для приведенія [плана] въ исполненіе, а главная тайна находилась въ рукахъ этихъ троихъ братьевъ; Панинъ хотѣлъ, чтобъ это совершилось въ пользу моего сына, но они ни за что не хотѣли согласиться на это.

Я была въ Петергофѣ. Петръ III жилъ и пилъ въ Ораніенбаумѣ. Условились, что въ случаѣ предательства не станутъ ждать его возвращенія, но соберутъ гвардейцевъ и провозгласятъ меня (самодержавной императрицей). Рвеніе по отношенію ко мнѣ вызвало то же, что произвела бы измѣна. Распространился 27-го слухъ въ войскахъ, что я арестована. Солдаты приходятъ въ волненіе; одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокаиваетъ ихъ. Одинъ солдатъ приходитъ къ капитану Пассеку, начальнику одной изъ партій, и говоритъ ему, что я, безъ сомнѣнія погибла. Онъ увѣряетъ его, что у него есть извѣстія обо мнѣ. Этотъ солдатъ, все продолжая тревожиться за меня, идетъ къ другому офицеру и говоритъ ему то же самое. Этотъ не былъ посвященъ въ тайну; испуганный тѣмъ, что офицеръ отослалъ этого солдата, не арестовавъ его, онъ идетъ къ майору. Послѣдній посылаетъ арестовать Пассека. И вотъ весь полкъ въ движеніи. Въ теченіе этой же ночи послали рапортъ въ Ораніенбаумъ. И вотъ тревога между нашими заговорщиками. Они рѣшили прежде всего послать второго брата Орлова ко мнѣ, чтобы привезти меня въ городъ, а два другіе идутъ всюду извѣщать, что я скоро пріѣду.

Гетманъ Волконскій, Панинъ были посвящены въ тайну. Я спокойно спала въ Петергофѣ, въ 6 часовъ утра, 28-го. День прошелъ очень тревожно для меня, такъ какъ я знала все то, что подготовлялось. Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату и говоритъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ: „Пора вамъ вставать; все готово для того, чтобы васъ про-

возгласить". Я спросила у него подробности; онъ сказалъ мнѣ: „Пассекъ арестованъ". Я не медлила болѣе, одѣлась какъ можно скорѣе, не дѣлая туалета, и сѣла въ карету, которую онъ привезъ. Другой офицеръ подъ видомъ лакея находился при дверцахъ кареты; третій выѣхалъ навстрѣчу ко мнѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петергофа.

Въ пяти верстахъ отъ города я встрѣтила старшаго Орлова съ княземъ Барятинскимъ младшимъ; послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ одноколкѣ, потому что мои лошади выбились изъ силъ, и мы отправились въ Измайловскій полкъ, гдѣ вышли; тамъ было всего двѣнадцать человѣкъ и одинъ барабанщикъ, который сталъ бить тревогу. И вотъ сбѣгаются солдаты, обнимаютъ меня, цѣлуютъ мнѣ ноги, руки, платье, называютъ меня своей спасительницей. Двое привели подъ руки священника съ крестомъ; и вотъ они начинаютъ приносить мнѣ присягу. По окончаніи этого меня просятъ сѣсть въ карету; священникъ съ крестомъ шелъ впереди; мы отправились въ Семеновскій полкъ; послѣдній вышелъ къ намъ навстрѣчу съ криками *виватъ*. Мы поѣхали въ Казанскую церковь, гдѣ я вышла. Приходитъ Преображенскій полкъ, съ криками виватъ; (солдаты) говорятъ мнѣ: „Мы просимъ прощенія за то, что явились послѣдними; наши офицеры задержали насъ, но вотъ четверо изъ нихъ, которыхъ мы приводимъ къ вамъ арестованными, чтобы показать вамъ наше усердіе. Мы желали того же, чего желали наши братья". Пріѣзжаетъ конная гвардія; она была въ бѣшеномъ восторгѣ, такъ что я никогда не видала ничего подобнаго, плакала, кричала объ освобожденіи отечества.

Эта сцена происходила между садомъ гетмана и Казанской. Конная гвардія была въ полномъ составѣ, съ офицерами во главѣ. Такъ какъ я знала, что дядю моего, которому Петръ III далъ этотъ полкъ, они страшно ненавидѣли, я послала пѣшихъ гвардейцевъ къ дядѣ, чтобы просить его оставаться дома, изъ боязни несчастія съ нимъ. Не тутъ-то было: его полкъ отрядилъ (солдатъ), чтобъ его арестовать, домъ его разграбили, а съ нимъ обошлись грубо.

Я отправилась въ новый Зимній дворецъ, гдѣ Синодъ и Сенатъ были въ сборѣ. Тутъ на скорую руку составили манифестъ и присягу. Оттуда я спустилась и обошла пѣшкомъ

войска. Было болѣе 14,000 человѣкъ гвардіи и полевыхъ полковъ. Какъ только меня увидѣли, поднялись радостные крики, которые повторялись безчисленной толпой. Я отправилась въ старый Зимній дворецъ, чтобы принять необходимыя мѣры и завершить дѣло. Тамъ мы держали совѣтъ, и было рѣшено отправиться, со мною во главѣ, въ Петергофъ, гдѣ Петръ III долженъ былъ обѣдать. По всѣмъ большимъ дорогамъ были разставлены пикеты, и время отъ времени къ намъ приводили лазутчиковъ.

Я послала адмирала Талызина въ Кронштадтъ. Пріѣхалъ канцлеръ Воронцовъ, посланный для того, чтобы упрекнуть меня за мой отъѣздъ: его повели въ церковь для принесенія присяги. Пріѣзжаютъ князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, также изъ Петергофа, чтобы обезпечить вѣрность войска и убить меня; ихъ повели приносить присягу безо всякаго сопротивленія съ ихъ стороны.

Разославъ всѣхъ курьеровъ и принявъ всѣ мѣры предосторожности съ нашей стороны, около 10 часовъ вечера я облеклась въ гвардейскій мундиръ, приказавъ объявить себя полковникомъ при неописуемыхъ крикахъ радости. Я сѣла верхомъ; мы оставили лишь немного человѣкъ отъ каждаго полка для охраны моего сына, который остался въ городѣ. Я выступила такимъ образомъ во главѣ войскъ, и мы всю ночь шли въ Петергофъ. Когда мы подошли къ небольшому монастырю на этой дорогѣ, является вице-канцлеръ Голицынъ съ очень льстивымъ письмомъ отъ Петра III. (Я забыла сказать, что когда я выступала изъ города, ко мнѣ подошли три гвардейскихъ солдата, посланные изъ Петергофа, для того, чтобы распространять манифестъ среди народа, и сказали мнѣ: „Возьми, вотъ что поручилъ намъ Петръ III; мы даемъ это тебѣ, и радуемся, что имѣли этотъ случай присоединиться къ нашимъ братьямъ“).

За первымъ письмомъ пришло второе, доставленное генераломъ Михайломъ Измайловымъ, который бросился къ моимъ ногамъ и сказалъ мнѣ: „Считаете ли вы меня за честнаго человѣка“. Я ему сказала, что да.—„Ну такъ“, сказалъ онъ, „пріятно быть заодно съ умными людьми. Императоръ предлагаетъ отречься. Я вамъ доставлю его послѣ его совер-

шенно добровольнаго отреченія. Я безъ труда избавлю мое отечество отъ гражданской войны".

Я возложила на него это порученіе; онъ отправился его исполнять. Петръ III отрекся въ Ораніенбаумѣ безо всякаго принужденія, окруженный 1590 голштинцевъ, и прибылъ съ Елизаветой Воронцовой, Гудовичемъ и Измайловымъ въ Петергофъ, гдѣ, для охраны его особы, я дала ему шесть офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Такъ какъ это было 29-ое число, день Петра и Павла, въ полдень, то нужно было пообѣдать. Въ то время, какъ готовили обѣдъ для такой массы народу, солдаты вообразили, что Петръ III былъ привезенъ княземъ Трубецкимъ, фельдмаршаломъ, и что послѣдній старался примирить насъ другъ съ другомъ. И вотъ они поручаютъ всѣмъ проходящимъ, и между прочимъ гетману, Орловымъ и нѣсколькимъ другимъ (передать мнѣ), что уже три часа, какъ они меня не видѣли, что они умираютъ со страху, какъ бы этотъ старый плутъ Трубецкой не обманулъ меня, „устроивъ притворное примиреніе между твоимъ мужемъ и тобою, какъ бы не погубили тебя, а одновременно и насъ, но мы его въ клочья разорвемъ". Вотъ ихъ выраженія. Я пошла къ Трубецкому и сказала ему: „Прошу васъ, сядьте въ карету, между тѣмъ какъ я обойду пѣшкомъ эти войска." Я ему разсказала то, что происходило. Онъ уѣхалъ въ городъ сильно перепуганный, а меня приняли съ неслыханными восклицаніями.

Послѣ того я послала, подъ начальствомъ Алексѣя Орлова, въ сопровожденіи четырехъ офицеровъ и отряда смирныхъ и избранныхъ людей, низложеннаго императора за 25 верстъ отъ Петергофа, въ мѣстечко, называемое Ропша, очень уединенное и очень пріятное, на то время, пока готовили хорошія и приличныя комнаты въ Шлиссельбургѣ и пока не успѣли разставить лошадей для него на подставу.

Но Господь Богъ расположилъ иначе. Страхъ вызвалъ у него поносъ, который продолжался три дня и прошелъ на четвертый; онъ чрезмѣрно напился въ этотъ день, такъ какъ имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы. Попросилъ онъ у меня, впрочемъ, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, изъ боязни скандала и усиленія броженія среди людей, которые его караулили, я ему послала только три послѣднія вещи. Его схватилъ приступъ геморроидальныхъ ко-

ликъ вмѣстѣ съ приливами крови къ мозгу; онъ былъ два дня въ этомъ состояніи, за которымъ послѣдовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторовъ, онъ испустилъ духъ, потребовавъ лютеранскаго священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велѣла его вскрыть; но вполнѣ удостовѣрено, что не нашли ни малѣйшаго слѣда отравы: онъ имѣлъ совершенно здоровый желудокъ, но умеръ онъ отъ воспаленія въ кишкахъ и апоплексическаго удара. Его сердце было необычайно мало и совсѣмъ сморщено.

Послѣ его отъѣзда изъ Петергофа мнѣ совѣтовали отправиться прямо въ городъ. Я предвидѣла, что войска будутъ этимъ встревожены. Я велѣла распространить объ этомъ слухъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, въ которомъ часу приблизительно, послѣ трехъ утомительныхъ дней, они были бы въ состояніи двинуться въ путь. Они сказали: „Около 10 часовъ вечера, но пусть и она пойдетъ съ нами". Итакъ, я отправилась съ ними, и на полдорогѣ я удалилась на дачу Куракина; гдѣ я бросилась, совсѣмъ одѣтая, въ постель. Одинъ офицеръ снялъ съ меня сапоги. Я проспала два съ половиной часа, и затѣмъ мы снова пустились въ путь.

Отъ Екатериненгофа я опять сѣла на лошадь, во главѣ Преображенскаго полка, впереди шелъ одинъ гусарскій полкъ, затѣмъ мой конвой, состоявшій изъ Конной гвардіи; за нимъ слѣдовалъ, непосредственно передо мною, весь мой дворъ. За мною шли гвардейскіе полки по ихъ старшинству, и три полевыхъ полка.

Я въѣхала въ городъ при безчисленныхъ крикахъ радости, и такъ ѣхала до Лѣтняго дворца, гдѣ меня ждали дворъ, Синодъ, мой сынъ и все то, что является ко двору. Я пошла къ обѣднѣ; затѣмъ отслужила молебенъ; потомъ пришли меня поздравлять.

Я почти не пила, не ѣла и не спала съ 6 часовъ утра въ пятницу до полудня въ воскресенье; вечеромъ я легла и заснула. Въ полночь, только что я заснула, капитанъ Пассекъ входитъ въ мою комнату и будитъ меня, говоря: „Наши люди страшно пьяны; одинъ гусаръ, находившійся въ такомъ же состояніи, прошелъ передъ ними и закричалъ имъ: къ оружію! 30000 пруссаковъ идутъ, хотятъ отнять у насъ нашу матушку. Тутъ они взялись за оружіе и идутъ сюда, чтобъ узнать о

состоянiи вашего здоровья, говоря, что три часа они не видѣли васъ и что они пойдутъ спокойно домой, лишь бы увидѣть, что вы благополучны. Они не слушаютъ ни своихъ начальниковъ, ни даже Орловыхъ.“

И вотъ я снова на ногахъ и, чтобы не тревожить мою дворцовую стражу, которая состояла изъ одного батальона, я пошла къ нимъ и сообщила имъ причину, почему я выхожу въ такой часъ. Я сѣла въ свою карету съ двумя офицерами и отправилась къ нимъ; я сказала имъ, что я здорова, чтобъ они шли спать и дали мнѣ также покой, что я только что легла, не спавши три ночи, и что я желаю, чтобъ они слушались впредь своихъ офицеровъ. Они отвѣтили мнѣ, что у нихъ подняли тревогу съ этими проклятыми пруссаками, что они всѣ хотятъ умереть за меня. Я имъ сказала: „Ну, спасибо вамъ, но идите спать.“ На это они мнѣ пожелали покойной ночи и добраго здоровья, и пошли какъ ягнята домой, и все оборачивались на мою карету, уходя.

На слѣдующiй день они прислали просить у меня извиненiя и очень сожалѣли, что разбудили меня, говоря: „Если каждый изъ насъ будетъ хотѣть постоянно видѣть ее, мы повредимъ ея здоровью и ея дѣламъ“.

Потребовалась бы цѣлая книга, чтобъ описать поведенiе каждаго изъ начальствующихъ лицъ. Орловы блистали своимъ искусствомъ управлять умами, осторожностью, смѣлостью въ большихъ и мелкихъ подробностяхъ, присутствiемъ духа и авторитетомъ, который это поведенiе имъ доставило. У нихъ много здраваго смысла, благороднаго мужества. Они патрiоты до энтузiазма и очень честные люди, страстно привязанные къ моей особѣ, и друзья, какими никогда еще не были никакiе братья: ихъ пятеро, но только трое было здѣсь. Капитанъ Пассекъ отличился стойкостью, которую онъ проявилъ, оставаясь двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, (солдаты отворяли ему окна и двери), дабы не вызвать тревоги до моего прибытiя въ его полкъ, и въ ежеминутномъ ожиданiи, что его повезутъ для допроса въ Ораніенбаумъ; приказъ о томъ пришелъ уже послѣ меня.

Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя и желаетъ приписать себѣ всю честь, такъ какъ была знакома съ нѣкоторыми изъ главарей, не была въ чести по

причинѣ своего родства и своего девятнадцатилѣтняго возраста, и не внушала никому довѣрія; хотя она увѣряетъ, что все ко мнѣ проходило черезъ ея руки, однако всѣ лица имѣли сношеніе со мною въ теченіе шести мѣсяцевъ прежде, чѣмъ она узнала только ихъ имена. Правда, она очень умна, но съ большимъ тщеславіемъ она соединяетъ взбалмошный характеръ и очень нелюбима нашими главарями; только вѣтреные люди сообщали ей о томъ, что знали сами, но это были лишь мелкія подробности. И. И. Шуваловъ, самый низкій и самый подлый изъ людей, говорятъ, написалъ тѣмъ не менѣе Вольтеру, что девятнадцатилѣтняя женщина перемѣнила правительство этой Имперіи; выведите, пожалуйста, изъ заблужденія этого великаго писателя. Приходилось скрывать отъ княгини пути, которыми другіе сносились со мной еще за пять мѣсяцевъ до того, какъ она что-либо узнала, а за четыре послѣднихъ недѣли ей сообщали такъ мало, какъ только могли.

Твердость характера князя Барятинскаго, который скрывалъ отъ своего любимаго брата, адъютанта бывшаго императора, эту тайну, потому что тотъ былъ бы довѣреннымъ не опаснымъ, но безполезнымъ, заслуживаетъ похвалы.

Въ Конной гвардіи одинъ офицеръ, по имени Хитрово, 22 лѣтъ, и одинъ унтеръ-офицеръ 17-ти, по имени Потемкинъ, всѣмъ руководили со смѣтливостью, мужествомъ и расторопностью.

Вотъ, приблизительно, наша исторія. Все дѣлалось, признаюсь вамъ, подъ моимъ ближайшимъ руководствомъ, и въ концѣ я охладила пылъ, потому что отъѣздъ на дачу мѣшалъ исполненію, а все созрѣло уже за двѣ недѣли до того.

Когда бывшій императоръ узналъ о мятежѣ въ городѣ, молодыя женщины, изъ которыхъ онъ составилъ свою свиту, помѣшали ему послѣдовать совѣту стараго фельдмаршала Миниха, уговаривавшаго броситься въ Кронштадтъ или удалиться съ небольшимъ числомъ людей въ армію, и когда онъ отправился на галерѣ въ Кронштадтъ, городъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, благодаря исполнительности адмирала Талызина, приказавшаго обезоружить генерала Дивьера, который былъ уже тамъ отъ имени императора, когда первый туда пріѣхалъ. Одинъ портовый офицеръ, по собственному

побужденію, пригрозилъ этому несчастному государю, что будетъ стрѣлять боевыми снарядами по галерѣ.

Наконецъ, Господь Богъ привелъ все къ концу, предопредѣленному имъ, и все это представляется скорѣе чудомъ, чѣмъ дѣломъ, предусмотрѣннымъ и заранѣе подготовленнымъ, ибо совпаденіе стольких счастливыхъ случайностей не можетъ произойти безъ воли Божіей.....

Я очень стѣснена... Я не могу разсказать вамъ все это, но это правда.

Я сдѣлаю все для васъ и вашей семьи, будьте въ этомъ твердо увѣрены.

Я должна соблюдать тысячу приличій и тысячу предосторожностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую все бремя правленія.

Знайте, что все проистекло изъ ненависти къ иностранцамъ, что Петръ III самъ слыветъ за таковаго.

Прощайте, бываютъ на свѣтѣ положенія очень странныя...

ПИСЬМА ПЕТРА III.

I.

Сударыня, я прошу Ваше Величество быть увѣренной во мнѣ и не отказать снять караулы отъ второй комнаты, такъ какъ комната, въ которой я нахожусь, такъ мала, что я едва могу въ ней двигаться. И такъ какъ Вамъ извѣстно, что я всегда хожу по комнатѣ и то отъ этого распухнутъ у меня ноги. Еще я Васъ прошу не приказывать, чтобы офицеры находились въ той же комнатѣ со мной, когда я имѣю естественныя надобности—это невозможно для меня; въ остальномъ я прошу Ваше Величество поступать со мной по меньшей мѣрѣ, какъ съ большимъ злодѣемъ, не думая никогда его этимъ оскорбить. Отдаваясь Вашему великодушію, я прошу отпустить меня въ скоромъ времени съ извѣстными лицами въ Германію. Богъ ей заплатитъ непремѣнно, Вашъ нижайшій слуга Петръ.

P. S. Ваше Величество можетъ быть увѣренной во мнѣ, что я ни подумаю ничего, ни сдѣлаю ничего, что могло бы быть противъ ея особы или ея правленія.

II.

Ваше Величество, если Вы совершенно не желаете смерти человѣку, который достаточно уже несчастенъ, имѣйте жалость ко мнѣ и оставьте мнѣ мое единственное утѣшеніе Елизавету Романовну. Вы этимъ сдѣлаете бо́льшее милосердіе Вашего царствованія; если же Ваше Величество пожелало бы меня видѣть, то я былъ бы совершенно счастливъ. Вашъ нижайшій слуга Петръ.

III. *)

Ваше Величество,

Я ещо прошу меня, которой Ваше воле изполналъ во всемъ отпустить меня въ чужие краи стеми, которие я Ваше величество прежде просилъ и надеюсь на ваше великодушие, что вы меня не оставите безь пропитания.

Верный слуга Петръ.

ПИСЬМА А. ОРЛОВА ИЗЪ РОПШИ.

I.

Матушка Милостивая Государыня здравствовать вамъ мы все (всѣ) желаемъ нещетныя годы. Мы теперь по отпускѣ сего письма і со всею командою благополучны, только уродъ нашъ очень занемогъ і схватила Ево нечасная колика, і я опасенъ, штобъ онъ севоднишную ночь не умеръ, а больше опасаюсь, штобъ не ожилъ. Первая опасность для того што онъ всіо здоръ говоритъ і намъ ето несколько весело, а другая опасность, што онъ дествительно для насъ всехъ опасенъ для тово што онъ іногда такъ отзывается хотя впрежнемъ состояни быть.

Всилу Імяннова вашего повеления я солдатамъ денги за полгода отдалъ, такожъ і ундер-афицерамъ, кроме одного Патіомкина вахмистра для того што служитъ бесжалованья. І салдаты некоторыя сквозь сльозы говорили про милость вашу, што оне еще такова для васъ не заслужили за шобъ

*) Сохраняемъ орѳографію подлинника (*Сост.*).

іхъ такъ вкороткое время награждать іхъ. При семъ посылаю списокъ вамъ всей команде, которая теперь здесь, а тысячи рублiовъ матушка не достало і я дополнилъ червонными, і у насъ здѣсь было много смѣха надъ гранодерами объ червонныхъ, когда оне у меня брали, іныя просили для тово што не видовали і опять іхъ отдавали, думая, што оне ничево не стоятъ. Посланной Чертковъ к вашему величеству обратно еще кнамъ не бывалъ і для того я опоздалъ васъ репортовать, а сие пишу во вторникъ вдевятомъ часу вполовине.

Посмерть вашъ верный рабъ
Алексей Орловъ.

II.

Матушка наша, милостивая Государыня, не знаю, што теперь начать, боясь гнева отъ вашего величества, штобъ вы чево на насъ неистоваго подумать не изволили і штобъ мы не были притчиною смерти злодея вашего і всей Роси также і закона нашего, а теперь і тотъ приставленной къ нему для услуги лакей Масловъ занемогъ, а онъ самъ теперь такъ боленъ, што не думаю, штобъ онъ дожилъ до вечера і почти совсемъ уже вбеспаметстве о чемъ уже і вся каманда здешнея знаетъ і молитъ Бога, чтобъ онъ скорей снашихъ рукъ убрался, а оной же Масловъ і посланной офицеръ можетъ вашему величеству донесть, вкакомъ онъ состояніи теперь ежели вы обо мнѣ усумнится ізволете писалъ сие рабъ вашъ верны (подпись оторвана).

III.

Вечеромъ, часовъ въ 6-ть, нарочный, прискакавшій изъ Ропши, подалъ Екатеринѣ пакетъ отъ Алексѣя Орлова. На листѣ сѣрой, нечистой бумаги, неумѣлымъ почеркомъ, пьяной рукою Алексѣя Орлова было написано (Бильбасовъ, „Исторія Екатерины Второй, т. II, стр. 128—9):

„Матушка милосердая Государыня! Какъ мне изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь верному своему рабу; но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ итти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать

поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Өедоромъ (Барятинскимъ); не успѣли мы разнять, а его и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ".

СМЕРТЬ ПЕТРА III.

Уже прошло 6 дней послѣ революціи и сіе великое происшествіе казалось конченнымъ такъ, что никакое насиліе не оставило непріятныхъ впечатлѣній. Петръ содержался въ прекрасномъ домѣ, называемомъ Ропша, въ 6 миляхъ отъ Петербурга. Въ дорогѣ онъ спросилъ карты и состроилъ изъ нихъ родъ крѣпости, говоря: „я въ жизнь свою болѣе ихъ не увижу". Пріѣхавъ въ свою деревню, онъ спросилъ свою скрипку, собаку и негра.

Но солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарованіе руководило ихъ къ тому, что они лишили престола внука Петра Великаго и возложили его корону на нѣмку. Большая часть безъ цѣли и мысли были увлечены движеніемъ другихъ, и когда всякій вошелъ въ себя и удовольствіе располагать короною миновало, то почувствовали угрызенія. Матросы, которыхъ не льстили ничѣмъ во время бунта, упрекали публично въ кабачкахъ гвардейцевъ, что они на пиво продали своего императора, и состраданіе, которое оправдываетъ и самыхъ величайшихъ злодѣевъ, говорило въ сердцѣ каждаго. Въ одну ночь приверженная къ императрицѣ толпа солдатъ взбунтовалась отъ пустого страха, говоря: „что ихъ матушка въ опасности". Надлежало ее разбудить, чтобы они ее видѣли. Въ слѣдующую ночь новое возмущеніе еще опаснѣе; однимъ словомъ пока жизнь императора подавала поводъ къ мятежамъ, то думали, что нельзя ожидать спокойствія.

Одинъ изъ графовъ Орловыхъ (ибо съ перваго дня имъ дано было сіе достоинство), солдатъ извѣстный по находящемуся на лицѣ знаку, и нѣкто по имени Тепловъ, достигшій изъ нижнихъ чиновъ по особому дару губить своихъ сопер-

никовъ, пришли вмѣстѣ къ несчастному сему государю и объявили при входѣ, что они намѣрены съ нимъ обѣдать. По обыкновенію русскому передъ обѣдомъ подали рюмки съ водкою и представленная императору была съ ядомъ. По тому ли, что они спѣшили доставить свою новость или ужасъ злодѣянія понуждалъ ихъ торопиться, черезъ минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жиламъ и злодѣйство, изображенное на ихъ лицахъ, возбудило въ немъ подозрѣніе—онъ отказался отъ другой, они употребили насиліе, а онъ противъ нихъ оборону. Въ сей ужасной борьбѣ, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли его на землю; но какъ онъ защищался всѣми силами, какія придаетъ послѣднее отчаяніе, а они избѣгали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сіе наказанія, то и призвали на помощь къ себѣ двухъ офицеровъ, которымъ поручено было его караулить и которые въ сіе время стояли у дверей внѣ тюрьмы. Это былъ младшій князь Барятинскій и нѣкто Потемкинъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Они показали такое рвеніе въ заговорѣ, что, несмотря на ихъ первую молодость, имъ ввѣрили сію стражу. Они прибѣжали и трое изъ сихъ убійцъ, обвязавъ и стянувши салфеткою шею сего несчастнаго императора, между тѣмъ какъ Орловъ обѣими колѣнями давилъ ему грудь и заперъ дыханіе; такимъ образомъ его задушили и онъ испустилъ духъ въ рукахъ ихъ.

Нельзя достовѣрно сказать, какое участіе принимала императрица въ семъ приключеніи; но извѣстно то, что въ сей самый день, когда сіе случилось, государыня садилась за столъ съ отмѣнной веселостью.

Вдругъ является тотъ самый Орловъ растрепанный въ потѣ и пыли въ изорванномъ платьѣ и съ безпокойнымъ лицомъ, исполненнымъ ужаса и торопливости. Войдя въ комнату, сверкающіе и быстрые глаза его искали императрицы. Не говоря ни слова, она встала, пошла въ кабинетъ, куда и онъ послѣдовалъ; черезъ нѣсколько минутъ она позвала къ себѣ графа Панина, который былъ уже наименованъ ея министромъ. Она извѣстила его, что государь умеръ и совѣтовалась съ нимъ, какимъ образомъ публиковать о его смерти

народу. Панинъ совѣтовалъ пропустить одну ночь и на другое утро объявить сію новость, какъ будто сіе случилось ночью. Принявъ сей совѣтъ, императрица возвратилась съ тѣмъ же лицомъ и продолжала обѣдать съ тою же веселостью. На утро, когда узнали, что Петръ умеръ отъ геморроидальной колики, она показалась орошенная слезами и возвѣстила печаль свою указомъ.

Тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ и выставлено напоказъ. Лицо черное и шея уязвленная. Несмотря на сіи ужасные знаки, чтобы усмирить возмущенія, которыя начинали обнаруживаться, и предупредить, чтобы самозванцы подъ его именемъ не потрясли бы нѣкогда имперію, его показывали три дня народу въ простомъ нарядѣ Голштинскаго офицера. Его солдаты, получивъ свободу, но безъ оружія, мѣшались въ толпѣ народа и, смотря на своего государя, обнаруживали въ лицахъ своихъ жалость, презрѣніе, нѣкоторый родъ стыда и поздняго раскаянія.

Скоро ихъ посадили на суда и отправили въ свое отечество: но по роковому дѣйствію на нихъ жестокой ихъ судьбы буря потопила почти всѣхъ сихъ несчастныхъ. Нѣкоторые спаслись на ближайшихъ скалахъ и берегу, но были тоже потоплены тѣмъ временемъ, какъ Кронштадскій губернаторъ посылалъ въ Петербургъ спросить, позволено ли будетъ имъ помочь?

Рюльеръ.

МОСКВА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕВОРОТА 1762 г.

Городъ Москва, столица имперіи, получила извѣстіе о революціи такимъ образомъ, который причинилъ много безпокойства. Въ столь обширномъ городѣ заключается настоящая россійская нація, между тѣмъ какъ Петербургъ есть только резиденція двора. Пять полковъ составляли гарнизонъ. Губернаторъ приказалъ раздать каждому солдату по 20 патроновъ. Собралъ ихъ на большой площади предъ стариннымъ царскимъ дворцомъ въ древней крѣпости, называемой Кремлемъ, которая построена передъ симъ за 400 лѣтъ и была первою колыбелью россійскаго могущества. Онъ пригласилъ туда и народъ, который съ одной стороны встрево-

женный раздачей патроновъ, а съ другой увлекаемый любопытствомъ собрался туда со всѣхъ сторонъ и въ такомъ множествѣ, какое только могло помѣститься въ крѣпости. Тогда губернаторъ читалъ во весь голосъ манифестъ, въ коемъ императрица объявляла о восшествіи на престолъ и объ отреченіи ея мужа; когда онъ окончилъ свое чтеніе, то закричалъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина II“. Но вся сія толпа и пять полковъ хранили глубокое молчаніе. Онъ возобновилъ тотъ же крикъ,—ему отвѣтили тѣмъ же молчаніемъ, которое прерывалось только глухимъ шумомъ солдатъ, роптавшихъ между собою за то, что гвардейскіе полки располагаютъ престоломъ по своей волѣ. Губернаторъ съ жаромъ возбуждалъ офицеровъ, его окружавшихъ, соединиться съ нимъ; они закричали въ третій разъ: „да здравствуетъ императрица!“ опасаясь быть жертвою раздраженныхъ солдатъ и народа и тотчасъ приказали ихъ распустить... *).

Рюльеръ.

ОТГОЛОСКИ ПЕРЕВОРОТА 1762 г. ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Я расположился въ сей разъ пробыть у сестры моей не болѣе недѣль двухъ или трехъ, дабы мнѣ можно было до осени еще успѣть доѣхать до своей деревни. Но не прошло еще и одной недѣли съ пріѣзда моего, какъ вдругъ получаемъ мы то важное, и всѣхъ насъ до крайности поразившее извѣстіе, что произошла у насъ въ Петербургѣ извѣстная революція, что государь свергнутъ былъ съ престола и что взошла на оный супруга его, императрица Екатерина II.

Не могу и по нынѣ забыть того, какъ много удивились всѣ тогда такой великой и неожидаемой перемѣнѣ, какъ и была она всѣмъ поразительна и какъ многіе всему тому обрадовались, а особливо тѣ, которымъ характеръ бывшаго императора былъ довольно извѣстенъ, и которые о добромъ характерѣ нашей новой императрицы наслышались. Для меня

*) Дашкова замѣчаетъ: „Ложь, будто въ Москвѣ равнодушно приняли извѣстіе о переворотѣ; напротивъ, радость была всеобщая, ее восторженно выражали“.

все сіе было уже не такъ удивительно, ибо я того нѣкоторымъ образомъ уже и ожидалъ. И какъ я изъ Петербурга только-что пріѣхалъ, то и заметанъ былъ отъ всѣхъ, о тамошнихъ происшествіяхъ, вопросами, и я принужденъ былъ, какъ роднымъ своимъ, такъ и пріѣзжавшимъ къ нимъ сосѣдямъ все, что зналъ и самолично видѣлъ, разсказывать. Но какъ и я о точныхъ обстоятельствахъ сего великаго происшествія столь же мало зналъ, какъ и они, ибо изъ перваго короткаго о томъ манифеста ничего дѣльнаго намъ усмотрѣть было не можно, то не менѣе и я былъ любопытенъ о всѣхъ подробностяхъ узнать, какъ и они. Узнавъ же потомъ обо всемъ въ подробностяхъ, радовались тому, что совершилось все сіе безъ всякой междуусобной брани и обагренія земли кровію человѣческою...

А. Болотовъ.

Отдѣлъ 2-ой

1762—1796 гг.

Дворъ.

ЖИЗНЬ ДВОРА.

Служба моя въ гвардіи ничтожна и кратковременна; нѣкоторое время я былъ при ротѣ и раза два дежурилъ, потомъ записанъ былъ въ уборные: такъ назывались сержанты, избираемые по высокому росту. Одѣты они были въ обыкновенные тогдашніе мундиры; шишаки въ родѣ римскихъ съ богатою серебряною арматурою и панашомъ изъ страусовыхъ перьевъ украшали ихъ головы; сума для патроновъ то жъ съ серебряною арматурою. Сіи уборные сержанты стояли по два на часахъ передъ кавалергардской залой, куда только впускались до капитана; но въ дворянскомъ мундирѣ всякій имѣлъ право туда входить. Я хаживалъ, бывъ сержантомъ гвардіи, какъ и прочіе мои товарищи, не въ службѣ, въ дворянскомъ мундирѣ, который во всякомъ чинѣ дворянинъ имѣлъ право носить. За сею залою была тронная, у дверей которой стояли по два кавалергарда; не всѣ генералъ-поручики и тайные совѣтники имѣли туда входъ, но тѣ только, которые имѣли на то позволеніе. Кавалергарды были не то, что теперь; ихъ было всего шестьдесятъ человѣкъ; выбирались по желанію каждаго, высокаго роста, изъ дворянъ; они всѣ считались поручиками въ арміи; капралы были штабъ-офицеры, вахтмейстеръ—полковникъ, корнетъ—генералъ-майоръ, поручикъ былъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, ротмейстеръ—сама императрица. Должность ихъ была стоять по двое на часахъ у тронной, а когда императрица хаживала пѣшкомъ въ Александро-Невскій монастырь, 30 августа, въ день сего святаго, то они всѣ ходили по сторонамъ ея; мундиръ ихъ парадный былъ синій бархатный, обложенъ

въ видѣ латъ кованымъ серебромъ, и шишакъ тожъ изъ серебра и очень тяжелый...

По моей молодости и неопытности почти вовсе не доходило до моего свѣдѣнія ничего касательно дворскихъ интригъ, но скажу: какимъ образомъ дворъ по наружности всѣмъ былъ извѣстенъ. Въ каждое воскресеніе и большой праздникъ былъ выходъ ея величества въ придворную церковь...

Каждое воскресенье былъ при дворѣ балъ или куртагъ. На балъ Императрица выходила въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ церковь; передъ залою представлялись дамы и цѣловали ея ручку. Балъ всегда открывалъ великій князь съ великою княгинею минуэтомъ; послѣ ихъ танцовали придворные и гвардіи офицеры; изъ армейскихъ ниже полковниковъ не имѣли позволенія; танцы продолжались: минуэты, польскіе и контрдансы. Дамы должны были быть въ русскихъ платьяхъ, то-есть особливаго покроя парадныхъ платьяхъ, а для уменьшенія роскоши былъ родъ женскихъ мундировъ по цвѣтамъ, назначеннымъ для губерній. Кавалеры всѣ должны быть въ башмакахъ. Все дворянство имѣло право быть на оныхъ балахъ, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи,—только въ дворянскихъ мундирахъ.

Императрица игрывала въ карты съ чужестранными министрами или кому прикажетъ, для чего карты подавали тѣмъ по назначенію камеръ-пажа; великій князь тоже игралъ за особливымъ столикомъ. Часа черезъ два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тѣмъ же порядкомъ отходила во внутреннія комнаты. Послѣ нея спѣшили всѣ разъѣзжаться.

Въ новый годъ и еще до великаго поста бывало нѣсколько придворныхъ маскарадовъ. Всякій имѣлъ право получить билетъ для входа въ придворной конторѣ. Купечество имѣло свою залу, но обѣ залы имѣли между собою сообщеніе, и не запрещалось переходить изъ одной въ другую.

По желанію могли быть въ маскахъ, но всѣ должны были быть въ маскарадныхъ платьяхъ: доминахъ, венеціянахъ, капуцынахъ и проч. Императрица сама выходила маскированная, одна безъ свиты. Въ буфетахъ было всякаго рода прохладительное питье и чай; ужинъ былъ только по

приглашенію оберъ-гофмаршала, человѣкъ на сорокъ въ кавалерской залѣ. Гвардіи офицеръ наряжался для принятія билетовъ; ежели кто пріѣзжалъ въ маскѣ, долженъ былъ предъ офицеромъ маску снимать. Кто первый пріѣзжалъ и кто послѣдній уѣзжалъ, подавали государынѣ записку: она была любопытна знать весельчаковъ. Какъ балы, такъ и маскарады начинались въ шесть часовъ, а маскарады оканчивались за полночь.

Одинъ разъ въ недѣлю было собраніе въ Эрмитажѣ, гдѣ иногда бывалъ и спектакль; туда приглашаемы были люди только извѣстные; всякая церемонія была изгнана; императрица, забывъ, такъ сказать, свое величество, обходилась со всѣми просто. Были сдѣланы правила противъ этикета; кто забывалъ ихъ, то долженъ былъ въ наказаніе прочесть нѣсколько стиховъ изъ Телемахиды, поэмы стариннаго сочиненія Тредьяковскаго.

У великаго князя по понедѣльникамъ были балы, а по субботамъ на Каменномъ островѣ, по особому его приглашенію, лично каждаго, чрезъ придворнаго его половины лакея; а сверхъ того наряжались по два гвардіи офицера отъ каждаго полка.

Въ Европѣ славилась тогда пѣвица г-жа Тоди и пѣвецъ Маркези; никогда они вмѣстѣ не съѣзжались, но императрица убѣдила ихъ обоихъ прибыть въ Петербургъ. Г. Сарти, извѣстный сочинитель музыки, сочинилъ оперу: Армида и Рено; всѣ аріи согласовались съ желаніемъ сихъ двухъ именитыхъ артистовъ. Во время представленія, одинъ надъ другимъ стараясь одержать поверхность, пѣніемъ своимъ они удивляли и восхищали знатоковъ и любителей музыки.

Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимаемаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій *), отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человѣкъ;

*) Который никогда и ротой не командовалъ.

много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разсказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ, а когда оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ день у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сіятельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжалъ сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ, кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.

По воскресеніямъ у вице-канцлера графа Остермана бывали балы. Вообще много было открытыхъ домовъ, гдѣ весело провожали время, а особливо у оберъ-гофъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина. Публичныя увеселенія были: два театра, на которыхъ играли русскіе актеры трагедіи, комедіи и оперы; въ трагедіи отличался своимъ неподражаемымъ талантомъ г. Дмитревскій. Французская была прекрасная труппа для трагедіи и комедіи, италіянская опера буфа, которую императрица изъ всѣхъ театральныхъ позорищъ болѣе всего жаловала. Въ балетѣ тогда отличался Розетти, какъ прыгунъ, а Пикъ для характеристическихъ танцевъ. Въ большомъ каменномъ театрѣ каждый четвергъ г. Морсаньи давалъ маскарады; платили за входъ по одному рублю и посѣщали оные, какъ всѣ знатные обоего пола, такъ и вся публика, маскированные и безъ масокъ. Императрица неоднократно инкогнито бывала замаскировавшись съ фаворитомъ своимъ Ланскимъ, въ сопровожденіи статсъ-дамы графини Браницкой и камеръ-фрейлины Протасовой.

Былъ музыкальный клубъ, гдѣ каждую недѣлю по понедѣльникамъ были концерты и многія другія вольныя для увеселенія заведенія. Игры азартныя хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы. Словомъ, всѣ, жившіе въ Петербургѣ, жили вольно и пріятно, безъ всякаго принужденія; однакожъ благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія...

Л. Энгельгардтъ.

ДВОРЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

Трудно описать твердость характера Императрицы въ ея заботахъ о государствѣ. Она была честолюбива, но въ то же время покрыла славой Россію; ея материнская заботливость распространялась на каждаго, какъ бы онъ незначителенъ ни былъ. Трудно представить зрѣлище, болѣе величественное, чѣмъ видъ Императрицы во время пріемовъ. И нельзя было быть болѣе великодушнымъ, любезнымъ и снисходительнымъ, чѣмъ она въ своемъ тѣсномъ кругу. Едва появлялась она, исчезала боязнь, замѣняясь уваженіемъ, полнымъ нѣжности. Точно всѣ говорили: „Я вижу ее, я счастливъ, она наша опора, наша мать".

Садясь за карты, она бросала взглядъ вокругъ комнаты, чтобы посмотрѣть, не нужно ли кому чего-нибудь. Она доводила свое вниманіе до того, что приказывала опустить стору, если кого безпокоило солнце. Ея партнерами были дежурный генералъ-адъютантъ, графъ Строгоновъ, и старый камергеръ Чертковъ, котораго она очень любила. Мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, тоже иногда принималъ участіе въ игрѣ или по крайней мѣрѣ присутствовалъ при этомъ. Платонъ Зубовъ тоже. Вечеръ продолжался до девяти часовъ или до половины десятаго.

Я вспоминаю, что однажды Чертковъ, бывшій плохимъ игрокомъ, разсердился на Императрицу, заставившую его проиграть. Ея Величество была оскорблена тѣмъ, какъ онъ бросилъ карты. Она не сказала ничего и прекратила игру. Это случилось какъ разъ около того времени, когда обыкновенно расходились. Она встала и простилась съ нами. Обыкновенно въ этотъ день бывалъ обѣдъ для всѣхъ, входившихъ въ администрацію. Великій князь Павелъ и Великая Княгиня Марія пріѣзжала изъ Павловска, замка, въ которомъ они жили, находившагося въ четырехъ верстахъ отъ Царскаго Села. Когда они не приходили, то былъ обѣдъ для избранныхъ лицъ подъ колоннадой. Я имѣла честь быть допущенной на эти обѣды. Послѣ обѣдни и пріема, когда Императрица удалялась въ свои покои, маршалъ двора, князь Барятинскій, перечислялъ лицъ, которыя должны были имѣть

честь обѣдать съ ней. Чертковъ, допущенный на всѣ небольшія собранія, стоялъ въ углу, крайне огорченный происшедшимъ наканунѣ. Онъ почти не смѣлъ поднять глазъ на того, кто долженъ былъ произнести надъ нимъ приговоръ. Но какое же было его удивленіе, когда онъ услышалъ свое имя. Онъ не шелъ, а бѣжалъ. Мы пришли къ мѣсту обѣда. Ея Императорское Величество сидѣла въ концѣ колоннады. Она встала, взяла Черткова подъ руку и молча обошла съ нимъ кругомъ колоннады. Когда она возвратилась на прежнее мѣсто, она сказала ему по-русски: „Не стыдно ли вамъ думать, что я на васъ сержусь? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры остаются безъ послѣдствій?“ Никогда я не видѣла человѣка въ такомъ волненіи, въ какомъ былъ этотъ старикъ; онъ расплакался, безпрестанно повторяя: „О, матушка, что сказать тебѣ, какъ благодарить тебя за такія милости? Всегда готовъ умереть за тебя!“

На вечерахъ въ Царскомъ Селѣ рядомъ со столомъ Императрицы стоялъ круглый столъ. Принцесса Луиза, уже считавшаяся невѣстой великаго Князя, сидѣла тамъ между своей сестрой и мной. Кромѣ насъ тамъ сидѣли м-ль Шувалова, теперь въ замужествѣ Дитрихштейнъ и племянницы графини Протасовой. Императрица давала распоряженіе принести намъ карандаши, перья и бумагу. Мы рисовали или играли въ секретеръ. Иногда Ея Величество спрашивала, что у насъ выходило, и весело смѣялась. Графиня Шувалова играла въ карты съ м-ль Протасовой, дежурными придворными и иногда съ графиней Браницкой, которая по временамъ пріѣзжала въ Царское Село.

Дворецъ въ Царскомъ построенъ Императрицей Елизаветой I. Онъ обширенъ и красивъ, несмотря на свою готическую архитектуру. Императрица Екатерина прибавила для себя особое помѣщеніе въ болѣе изысканномъ вкусѣ. Оно находилось за многочисленными залами въ зеркалахъ и позолотѣ, отдѣлявшими отъ апартаментовъ, занятыхъ прежде Великимъ Княземъ Павломъ, и за которыми находилось возвышеніе, гдѣ Императрица обыкновенно стояла обѣдню вмѣстѣ съ семьей и дамами ея свиты. Первая комната этого новаго помѣщенія была отдѣлана живописью восковыми красками: въ слѣдующей комнатѣ стѣны украшены были

сибирской лазурью, а полъ былъ сдѣланъ изъ краснаго дерева и перламутра. Большой кабинетъ рядомъ весь изъ китайскаго лака, а если повернуть налѣво, находилась спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинетъ съ зеркалами, раздѣленными большими деревянными панно. Маленькій кабинетъ служилъ входомъ въ колоннаду, которая была вся видна въ перспективѣ изъ двери.

На террасѣ передъ колоннадой находился диванъ, обитый зеленымъ сафьяномъ, и столъ. Ея Величество занималась тамъ дѣлами рано утромъ. Передъ этой очень простой пристройкой находилась маленькая стѣна. Если обогнуть ее, то налѣво открывался прелестный газонъ, окаймленный прекрасными и душистыми цвѣтами. Красивыя комнаты примыкали къ террасѣ съ этой стороны. Налѣво барьеръ изъ гранита шелъ до самаго сада, украшенный бронзовыми статуями, вылитыми по древнимъ образцамъ въ императорской Академіи.

Колоннада представляла изъ себя стеклянную галлерею съ мраморнымъ поломъ. Она была окружена другой открытой галлереей съ рядомъ колоннъ, поддерживавшихъ крышу; съ нея открывался обширный видъ. Колоннада возвышалась надъ двумя садами; старый паркъ, многолѣтнія липы котораго бросали тѣнь на маленькія комнаты рядомъ съ террасой, и англійскій садъ съ красивымъ озеромъ посерединѣ.

Это прекрасное помѣщеніе, занятое той, которая обладала всѣмъ, чтобы нравиться и вызывать привязанность, казалось волшебнымъ. У Императрицы былъ особый даръ облагораживать все, къ чему она приближалась. Она сообщала смыслъ всему, и самый глупый человѣкъ переставалъ казаться такимъ около нея. Каждый оставлялъ ее довольный собой, потому что она умѣла говорить, не вызывая смущенія и примѣняясь къ разумѣнію того, съ кѣмъ она говорила...

Гр. В. Головина.

ДВОРЦОВЫЯ ЗАБАВЫ.

Императрица когда лѣтомъ жила въ Царскомъ Селѣ, то все семейство царское жило съ нею, а государь Павелъ Петровичъ жилъ съ супругою въ Павловскомъ. Видъ его былъ

строгій, недовольный (и было чѣмъ). Онъ пріѣзжалъ съ почтеніемъ разъ въ недѣлю, въ назначенные дни. Пріѣздъ его вселялъ почтеніе и страхъ, когда впрочемъ страхъ не имѣлъ никогда мѣста при императрицѣ; но для Павла Петровича все въ струнку. Мы хотя и птенцы еще были, и намъ политика не была извѣстна, однако же ожиданное прибытіе заставляло насъ держать, какъ нынѣ говорятъ, руки по швамъ. Должность пажей состояла еще—двери отворять; слѣдовательно, мы были первые видимы, и, вы можете судить, какъ мы оправлялись, оглядывались, боялись и цѣпенѣли.

Выходъ на гулянье императрицы было торжество для знатныхъ, которые добивались благосклонности и взгляду. Для насъ она казалась богинею, и лицо ея сіяло какъ солнце. Тутъ, во время прогулки на лугу, играли въ игры, почти военные, de barie, и были двѣ стороны войскъ, одна подъ командою Александра, другая—Константина; офицеры все были ребята славные, веселые, а именно: графъ Чернышевъ, графъ Эльмптъ и многіе другіе; войско были великія княжны, и амазонки—фрейлины. Императрица потѣшалась внуками и любовалась тою непринужденностью, какою всѣ пользовались, не смотря на царицу, обладательницу полушара земного. Тутъ брали въ плѣнъ стариковъ, какъ-то: князя Несвицкаго, графа Строганова, Черткова, князя Барятинскаго. Они служили аманатами. Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ также бѣгалъ, воевалъ, и его сотрудникъ былъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ. Припомнилъ я теперь, какъ пишу, какое было забавное происшествіе, въ которомъ я игралъ важную роль. Одинъ прекрасный вечеръ, въ Царскомъ Селѣ, императрица во время прогулки шла медленно; за нею вся свита, а въ концѣ кортежа пажи. Разставленныя копны съ сѣномъ представляли собою деревню, съ тою только разницею, что луга Екатерины были Эдемъ, цѣлыя поля розовыя. Князь Зубовъ, подозвавши меня, сказалъ: „Возьмите генерала Львова и бросьте на копну". Повиноваться должно было, но какъ схватить Львова: генералъ въ лентѣ, старикъ, любимый царицею; ну—какъ осердится: бѣда, опять розги! Что же? Чтобы гулянье сдѣлать веселѣе и царицу посмѣшить, князь Зубовъ осмѣлился взять клочекъ сѣнца и очень вѣжливо положилъ на плечо царицѣ. Это былъ сигналъ штурма; без-

началіе, и кто во что гораздъ—пошли разметывать копны, бросать на фрейлинъ и кавалеровъ, а насъ стая пажей бросилась на Львова, повалила на копну и ну—его заваливать сѣномъ; онъ кричитъ, бранится, а князь Зубовъ съ великими князьями ну—его тащить за ноги. Копны всѣ разметали, императрица сѣла на скамейку, смѣялась. Тутъ досталось и другимъ—старухамъ штатсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинѣ Протасовой и графинѣ Ливенъ; но всѣ шутили, бѣгали, не сердились; за нами гонялся Сергѣй Лаврентьевичъ, и наши вержеты растрепались, и мы Барятинскому также услужили: царица кивнула, мы забыли страхъ, и князь Барятинскій былъ обсыпанъ сѣномъ. Вотъ какъ иногда забавлялась обожаемая царица, которой трепетали другія державы, и которая раскидала Турокъ, Поляковъ и забросала ихъ сѣномъ, только пороховымъ....

Не могу не разсказать еще одинъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ. Государыня, нагулявшись, всегда садилась играть въ шахматы въ четверомъ, а иногда въ вистъ. Кавалеры все были дѣти по 80 лѣтъ, и это всегда было въ билліардной комнатѣ. Великіе князья, великія княжны играли всегда въ фанты, а главные коноводы были любезнѣйшій изъ придворныхъ графъ Чернышевъ и любезно-дерзкій графъ Эльмптъ. Всегда бывало играли въ муфти, „par ordre de moufti", и муфти всегда былъ Эльмптъ. Онъ дурачился, обманывалъ, ловилъ и фантовъ всегда набиралась цѣлая шляпа. Фанты вынимала Анна Степановна Протасова, и достался фантъ „le docteur et le malade": больной былъ А. П. Нащокинъ, а лѣкарь—графъ Эльмптъ. Сняли бѣлые чахлы съ креселъ, устлали билліардъ, положили Нащокина, оборотили стулъ вмѣсто подушки, повязали голову салфеткой, убрали тѣло чахлами бѣлыми, и сдѣлался халатъ. Повели передъ царицею кругомъ билліарда; всѣ шли по два въ рядъ, а графъ Эльмптъ сзади шелъ. Привязали въ петлицѣ нѣсколько пустыхъ бутылокъ, длинные бумажные ярлыки, каминная кочерга коротенькая вмѣсто клистирной трубки; положили Нащокина и ну—ему ставить клистиръ. Государыня такъ хохотала, что почти до слезъ. Я думаю, каково было и Нащокину. Онъ сердился, вертѣлся, но повиновался, какъ тотъ вельможа въ „Горѣ отъ ума".

Потомъ опять фантъ: „ambassade turque“; камергеръ Олешевъ избранъ; онъ былъ очень тихъ, скроменъ, родня Суворову, и желалъ такъ веселиться, какъ иному весело лѣзть на висѣлицу; но дѣлать нечего: il fallait des plastrons. Эльмптъ главный церемонiйместеръ, а пажи всегда были его прислужники и все мигомъ достанутъ. Опять чахлы съ креселъ, сдѣлали на Олешева чалму, нажгли пробку, намарали брови, сдѣлали бороду черную, одѣли въ чахлы и навѣшали шалей. Онъ морщился, просилъ пощады, но безъ этой процессiи веселья бы не было. Шутка эта въ послѣдствiи имѣла весьма непрiятное окончанiе. Олешевъ, котораго государь Павелъ Петровичъ любилъ, бывши дежурнымъ въ Павловскѣ, говорилъ объ этой насмѣшкѣ, и когда государь Павелъ Петровичъ взошелъ на престолъ, то графъ Эльмптъ выключенъ былъ изъ службы и отосланъ къ отцу въ Ригу.

Въ Царскомъ Селѣ бывали спектакли, и тогда лучшiй поэтъ былъ для комедiй г. Копьевъ. Императрица Екатерина любила поощрять всѣ издѣлiя. Изъ Тулы прiѣзжали купцы и мастеровые и привозили съ собою стальныя вещи. Императрица покупала ихъ на нѣсколько тысячъ, и всѣ знатные, глядя на сiе, обязаны были тоже дѣлать, и потому иногда разыгрывались безденежныя лотереи изъ стальныхъ вещей, и такимъ образомъ у каждаго изъ живущихъ въ Царскомъ Селѣ или прiѣзжающихъ была какая-либо штучка стальная.

Зимою, когда императрица жила въ Зимнемъ дворцѣ, выходы ея къ обѣднѣ дѣйствительно были очаровательны, убранство было богатое, и въ прическу на головѣ были втыканы нѣсколько булавокъ съ висячими брилліантами, такъ называемыми игрушками. Выходъ всегда былъ церемонiальный: камеръ-юнкеры, камергеры шли впереди, а послѣ обѣдни государыня изволила проходить черезъ большiе аппартаменты и кавалергардскую комнату. Тогда была кавалергардская рота изъ дворянъ, въ которой царица была капитанъ, а князь Зубовъ—поручикъ, капралъ-генералъ-маiоръ Чулковъ. У кавалергардовъ, которые стояли на часахъ у дверей, былъ особый списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ дозволялось входить за кавалергардовъ; въ кавалергардской же комнатѣ были генералъ - поручики, тайные совѣтники и множество генераловъ и бригадировъ, которые не имѣли входа за кавалер-

гардовъ, и слѣдовательно, удостоивались только видѣть императрицу во время ея шествія. Великолѣпіе двора было удивительное; были кавалерскіе праздники, и тогда обѣды бывали на тронѣ, а кавалеры въ орденскихъ мантіяхъ, и посуда была съ тѣми звѣздами и лентами, какой былъ кавалерскій праздникъ...

Вскорѣ потомъ прибыло въ Петербургъ турецкое посольство. Какъ бы пріятно было теперь имѣть тотъ церемоніалъ, который былъ составленъ для принятія посла! Какъ дневной журналъ царствованія Екатерины былъ бы теперь интересенъ! Но онъ покоится въ архивахъ придворныхъ, или не подвергся ли пламени. Какія великолѣпныя празднества! На площади передъ дворцомъ выстроены были горы, на верху коихъ стоялъ цѣлый быкъ жареный, и голова начинена была 500-ми рублями серебромъ. Горы состояли, такъ сказать, изъ полокъ, на которыхъ уставлены были всякаго рода кушанья, и праздникъ этотъ именовался „быковъ рвать“. По бокамъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, пивомъ и медомъ. Народу была бездна, и когда зачиналась или драка, или большая давка, то лучшій способъ состоялъ унять тѣмъ, что пожарныя трубы дѣйствовали по лицамъ и головамъ. Добыча 500 рублей оставалась всегда въ рукахъ людей сильныхъ, мясниковъ. Великая Екатерина любовалась таковыми праздниками, и дѣйствительно, казалось, что все это одна семья....

А. Башиловъ.

ВСЕСОСЛОВНЫЙ МАСКАРАДЪ ПРИ ДВОРѢ.

„Двадцать роскошно иллюминованныхъ комнатъ дворца были открыты для публики. По срединѣ одной изъ залъ, въ которой обыкновенно давались придворные балы, устроено мѣсто для танцевъ особъ высшаго полета, огороженное низкой рѣшеткой. Другая изящно убранная зала овальной формы, называемая „большой залой Аполлона“, отведена для танцевъ лицъ, не имѣющихъ доступа ко двору, мѣщанъ и т. п. Остальныя комнаты,—гдѣ подавался чай и разныя прохладительныя — были заняты карточными столами. Все переполнилось громадной толпой, которая постоянно двигалась взадъ и впередъ.

Гостямъ представлено было на выборъ оставаться въ маскахъ или снять ихъ. Представители дворянства явились въ домино, лица низшаго сословія—въ русскихъ національныхъ костюмахъ, нѣсколько пріукрашенныхъ. Это была какъ-бы выставка одеждъ, носимыхъ въ данное время обитателями Россійской имперіи, что представляло такое разнообразіе пестрыхъ фигуръ, какого не создала самая причудливая фантазія въ маскарадахъ другихъ странъ. Многія купчихи были украшены дорогимъ жемчугомъ, расколотымъ для большаго эффекта на половинки...

„Около семи часовъ появилась императрица съ великолѣпною кадрилью, состоящею изъ восьми дамъ и столькихъ же кавалеровъ. Императрица и сопровождавшія ее дамы были въ самыхъ пышныхъ греческихъ нарядахъ, кавалеры были одѣты римскими воинами, съ шлемами, богато украшенными алмазами. Изъ дамъ особенно выдавались герцогиня Курляндская, Репнина, и графиня Брюсъ; изъ кавалеровъ Иванъ Чернышевъ и Потемкинъ. Императрица шла впереди, опираясь на руку Разумовскаго. Обойдя нѣсколько комнатъ и два или три раза залу Аполлона, она сѣла играть въ карты. Часть публики послѣдовала за нею и размѣстилась, какъ могла, въ почтительномъ разстояніи отъ карточнаго стола. Около одиннадцати, императрица, по обыкновенію, удалилась въ свои аппартаменты“...

І. Коксъ.

ЖЕНИТЬБА ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Изъ всѣхъ привезенныхъ въ Россію жертвъ двѣ молоденькія Баденъ-Дурлахскія принцессы показались наиболѣе интересными и красивыми. Ихъ мать, пріятная женщина и достойная мать уважаемой семьи, рожденная принцесса Дармштадтская, уже была разъ тутъ со своими сестрами, одна изъ которыхъ имѣла несчастье быть первой женой Павла. Она не захотѣла появиться сама съ дочерьми на той аренѣ, гдѣ ее самое выставляли, и поручила ихъ графинѣ Шуваловой, вдовѣ автора посланія къ Нинонъ, ведшей всѣ переговоры совмѣстно съ нѣкіимъ Стрекаловымъ, который держался, какъ казакъ, посланный въ Грузію, чтобы похитить дѣвушекъ для гарема султана.

Принцессы пріѣхали послѣ долгаго и тягостнаго путешествія, поздней осенью 1792 г., ночью, въ самую убійственную, очевидно, удручавшую ихъ погоду. Ихъ привезли въ прежній Потемкинскій дворецъ, гдѣ онѣ и были представлены императрицѣ, которую сопровождала ея фаворитка г-жа Браницкая. Юныя принцессы приняли сперва послѣднюю за Екатерину, но графиня Шувалова вывела ихъ изъ заблужденія, и онѣ, упавъ къ ногамъ императрицы, стали со слезами цѣловать ея платье и руки, пока она не подняла и не расцѣловала ихъ; затѣмъ имъ дали поужинать на свободѣ. На слѣдующій день, когда онѣ еще одѣвались, Екатерина посѣтила ихъ и принесла съ собой Екатерининскія ленты, драгоцѣнности и матеріи. Она велѣла показать себѣ ихъ гардеробъ, и, осмотрѣвъ его, сказала: *„Друзья мои, когда я пріѣхала въ Россію, я была бѣднѣе васъ“* *).

Въ тотъ же день молодые великіе князья увидали ихъ у своей бабки. Старшій, подозрѣвавшій причину ихъ пріѣзда, былъ задумчивъ и смущенъ, онъ промолчалъ все время. Екатерина объяснила, что она вызвала ихъ съ цѣлью воспитать при своемъ дворѣ, такъ какъ знакома съ ихъ матерью и такъ какъ французы заняли ихъ родину. По возвращеніи великіе князья много говорили о нихъ, и Александръ сказалъ, что находитъ старшую очень красивою. *„Ахъ, нѣтъ!* воскликнулъ младшій, *обѣ нехороши: ихъ надо послать въ Ригу къ Курляндскимъ принцамъ: онѣ для нихъ только и годны“.*

Слова Александра сейчасъ же были переданы бабкѣ; она пришла въ восторгъ, что ему понравилась именно та, которую она ему предназначала и которою сама, казалось, была очарована. Екатерина утверждала, что она, когда пріѣхала въ Россію, была похожа на Луизу Баденскую; она велѣла принести сдѣланный тогда портретъ свой, сличила ихъ, и всякій, понятно, находилъ, что онѣ похожи, какъ двѣ капли воды. Съ тѣхъ поръ она особенно привязалась къ юной принцессѣ, удвоила свою нѣжность къ Александру и съ увлеченіемъ занялась проектомъ о немедленной передачѣ имъ престола.

---

*) Въ концѣ своей жизни Екатерина часто говаривала: въ Россію я пріѣхала бѣдной, но расплатилась съ имперіей: Таврида и Польша — приданое, которое я ей оставлю.

Молодыя иностранки въ первый разъ появились при дворѣ въ день пріема польскихъ депутатовъ, прибывшихъ для принесенія благодарности великой Екатеринѣ за ту честь, которую она только что оказала республикѣ, оставивъ за собой три четверти ея. Принцессъ ослѣпило великолѣпіе двора, а ихъ юная грація, казалось, не меньше очаровала всѣхъ окружающихъ; но со старшей случилось несчастье, заставившее суевѣрныхъ русскихъ говорить, что она не будетъ счастлива въ Россіи. Приближаясь къ Екатеринѣ, она споткнулась о ступеньку трона и упала во весь ростъ. Да не исполнится столь грустное предзнаменованіе!

Принцесса Луиза съ улыбкой встрѣчала судьбу свою. Сестра же ея, совершенно равнодушная къ блеску двора, цѣлыми днями горько оплакивала свою родину и родныхъ, такъ что ее, наконецъ, отослали назадъ, осыпавъ подарками. Однако это тронуло ее гораздо меньше, чѣмъ радость, что она скоро увидитъ берега Рейна. Неизвѣстный утѣшитель родился въ сердцѣ Луизы и осушилъ глаза ея. Увидавъ молодого великаго князя, предназначеннаго ей въ супруги и равнаго ей по красотѣ и по нѣжности, она полюбила его. Она охотно согласилась на все чего отъ нея требовали, училась по-русски, изучала греческіе догматы, и скоро уже смогла прознести публичное исповѣданіе своей новой религіи и воспринять на свои голыя руки и нѣжныя, голыя ноги помазаніе, произведенное бородатымъ архіереемъ, провозгласившимъ ее великой княгиней *Елисаветой Алексѣевной.* Екатерина предпочла дать ей свое собственное отечество, чѣмъ оставить, по обычаю, имя ея отца.

Обрученіе праздновалось въ слѣдующемъ маѣ съ необыкновенной пышностью и торжественностью. Россія только что закончила три почти одинаковыхъ побѣдоносныхъ войны. Дворъ пополнился толпой генераловъ и офицеровъ, увѣнчанныхъ лаврами, сорванными во время этихъ войнъ. Много шведовъ, поклонниковъ Екатерины, почти всѣ преданные и покорные польскіе магнаты, татарскіе ханы, послы великой Бухары, турецкіе паши, греческіе и молдаванскіе депутаты, персидскіе софты, французскіе эмигранты, просившіе о мести и покровительствѣ, — все это увеличивало ряды вельможъ надменной самодержицы сѣвера: никогда еще

дворъ не представлялъ столь блестящаго и разнообразнаго зрѣлища. Это были послѣдніе счастливые дни Екатерины. Покрытая и увѣнчанная золотомъ и бриллiантами, она обѣдала на тронѣ, возвышавшемся надъ окружающимъ; съ удовольствiемъ обозрѣвала она громадное собранiе представителей всѣхъ нацiональностей и, казалось, всѣхъ ихъ видѣла у своихъ ногъ. Окруженная своей блестящей и многочисленной семьей, она показалась бы поэту Юноной, сидящей среди боговъ.

Гораздо незамѣтнѣе прошелъ прiѣздъ принцессы Саксенъ-Кобургской съ тремя дочерьми, одна изъ которыхъ стала супругой вел. кн. Константина. Русскiе позволили себѣ острить насчетъ принцессъ и насчетъ старомодности и безвкусицы ихъ платьевъ. Ихъ представили послѣ того, какъ обновили ихъ гардеробъ... Вел. кн. Константина заставили выбрать младшую, маленькую шатенку, проявлявшую умъ и возбуждающую интересъ. Ей дали имя Анны Ѳеодоровны. Она заслуживала больше счастья, чѣмъ сулилъ ей буйный нравъ ея слишкомъ юнаго супруга.

К. Массонъ.

ЗАКЛЮЧЕНIЕ МИРА (1774 г.).

Вся Москва занималась тогда симъ осматриванiемъ, и мы всегда съѣзжались со множествомъ каретъ, либо туда ѣдущихъ, либо назадъ возвращающихся оттуда. Назначалось къ тому преобширное поле, вплоть подлѣ Москвы находящееся, и Ходынкою называемое. На небольшомъ и отлогомъ возвышенiи, посреди всего сего поля находящагося, воздвигнутъ былъ превеликой, со множествомъ комнатъ, и всходовъ и выходовъ павильонъ, могущiй помѣстить въ себѣ великое множество особъ знаменитѣйшихъ и дворянства. Въ ономъ назначаемо было быть общему собранiю всѣхъ лучшихъ сего торжества зрителей. Сей холмъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ разными другими зданiями и предметами. Съ одной стороны, въ недалекомъ разстоянiи отъ павильона, воздвигнуто было нѣкакое большое, круглое, низенькое зданiе, похожее на нѣкакой обширной замокъ, съ глухими вокругъ стѣнами, и внутри имѣвшую отверстую площадку, окружен-

ную вокругъ съ одной стороны помянутою глухою наружною стѣною; а со внутренней—одними только колоннами, и самою легкою, на подобіе навѣса сверхъ ихъ, кровлею. Все сіе было раскрашено и расписано великолѣпнымъ образомъ; но никто тогда не зналъ, на что бы такое сіе зданіе такого особаго рода назначалось, но послѣ узнали мы, что оное назначаемо было для обѣденнаго стола, и что вся помянутая, длинная и узкая кругомъ галлерея установится столами.

Кромѣ сего, на подобіе крѣпости снаружи росписаннаго круглаго зданія, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полуокруглое зданіе, составленное изъ множества прекрасно сдѣланныхъ лавочекъ, наполненныхъ разными купеческими товарами и украшенныхъ также изящнымъ образомъ. Зданіе сіе отдѣлено было отъ лѣваго фаса главнаго павильона небольшою только площадкою, и для выхода къ оному устроено было особое крыльцо. Всѣ не понимали тогда, на что-бъ такое и сіе зданіе, съ такимъ множествомъ лавокъ и товаровъ, было устроено, и многіе мечтали уже, что императрица будетъ одарять сими товарами всѣхъ своихъ гостей, или присутствующихъ на семъ торжествѣ дворянъ; и разнесшаяся о томъ въ народѣ молва побуждала и тѣхъ присутствовать при ономъ, которые сперва и не имѣли къ тому хотѣнія. Но послѣ узнали, что какъ сіе обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего незначущую частичку полуострова Крыма, которую пріобрѣли мы себѣ чрезъ заключеніе мира, и которая была единственнымъ плодомъ толь многихъ побѣдъ и пролитой толь многой человѣческой крови; то окружающая сей холмъ съ двухъ прочихъ сторонъ низменная, и надолбами (тынъ, ограда) отъ сего холма отдѣленная равнина должна была представлять часть Азовскаго моря, а холмъ—пріобрѣтенную частичку полуострова Крыма, большой павильонъ — городокъ Еникуль, круглое зданіе—крѣпость Керчь, а полукруглое—Таганрогъ, какъ мѣсто, назначенное для будущей великой торговли. Какъ и самые товары въ лавкахъ долженствовали предзнаменовать сію торговлю, всходствіе чего и подѣлано было нѣсколько небольшихъ морскихъ судовъ, и разстановлены съ ихъ мачтами и флагами, въ разныхъ мѣстахъ на оной равнинѣ, представляющей море, будто бы плавающими, въ

разсужденіи которой не могъ я надивиться, что не пришло никому въ мысль предложить, чтобъ велѣть всю ее вспахать, или съ нея снять зеленый дернъ, и тѣмъ придать болѣе вида воды и моря, а холмъ оставить бы зеленой.

Далѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ праваго его фаса, воздвигнутъ былъ цѣлый рядъ другъ отъ друга отдѣленныхъ зданій совсѣмъ особаго рода. Со стороны отъ большого павильона, представляли они совершенное подобіе большихъ купеческихъ трехмачтовыхъ кораблей, съ ихъ мачтами, вымпелами, флагами, и со всѣмъ такелажемъ; и все сіе устроено было такъ искусно, что зрѣніе легко могло обманываться и почесть ихъ настоящими; будто подлѣ берега на морѣ стоящими кораблями. Съ задней же стороны были они всѣ отверзтые, и всею внутренностію своею составляли спокойныя галереи, устроенныя для смотрѣнія изъ нихъ огромнаго фейерверка, устроеннаго и пріуготовляемаго позади ихъ.

Кромѣ сего, воздвигнутъ былъ также въ довольномъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ задней его стороны особой и нарочно для сего случая построенной театръ для увеселенія публики театральнымъ безденежнымъ представленіемъ. Для увеселенія же подлаго народа подѣлано было прямо противъ передняго фаса павильона, за помянутою равниною, представляющею море, множество круглыхъ качелей, открытыхъ театровъ и воздвигнутыхъ шестовъ для лазанія и сниманія съ нихъ разныхъ вещей, назначенныхъ въ награду тѣмъ, коимъ удастся взлѣсть на оные. Сдѣланы также были пріуготовленія къ тому, чтобъ эквилибристамъ ходить по веревкамъ и утѣшать народъ, и прочія тому подобныя забавы. Всѣ сіи отдаленные берега долженствовали означать Барабинскую степь, и разные тамошніе народы.

Наконецъ, вся лежащая отъ города до помянутаго павильона, и болѣе нежели на версту простиравшаяся выровненная и выглаженная дорога, украшена была съ одного бока разными иллюминаціонными украшеніями, а съ другой — множествомъ большихъ обрѣзныхъ щитовъ, съ проспективическими изображеніями разныхъ родовъ избушекъ, хижинъ и другихъ деревенскихъ зданій, нарисованныхъ довольно живо и такъ, что издали они казались настоящими зданіями.

Вотъ сколько разныхъ вещей и предметовъ надѣлано было на семъ обширномъ полѣ. Всѣ они достойны были зрѣнія; почему и неудивительно, что вся Москва съѣзжалась смотрѣть оные, и что не было дня, въ которой не было-бъ оно усѣяно множествомъ каретъ и всякаго народа. Совсѣмъ тѣмъ какъ фейерверкъ былъ еще не готовъ, и надлежало нѣсколько дней до изготовленія его дожидаться, то тещѣ моей не восхотѣлось дожидаться онаго, но она упросила насъ отпустить ее съ излишними лошадьми назадъ въ Кіясовку, къ оставшимъ тамъ нашимъ малюткамъ-дѣтямъ...

Наконецъ, наступилъ вечеръ, и появились вездѣ зажигаемые иллюмиціонные огни, которыхъ было по всѣмъ мѣстамъ и окрестностямъ безчисленное множество, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ. И какъ вскорѣ засимъ начали дѣлать приуготовленія къ зажиганію фейерверка, то я, не упуская времени и прежде еще отшествія Государыни въ корабли, поспѣшилъ туда, чтобы захватить для себя удобное мѣсто для смотрѣнія, и былъ такъ счастливъ, что и нашелъ наипрекраснѣйшее мѣсто въ одномъ изъ кораблѣй, стоящихъ въ сторонѣ правой; и могу сказать, что весь фейерверкъ съ нашего корабля былъ несравненно лучше виденъ, нежели изъ самаго средняго, съ котораго смотрѣла сама императрица и въ которой, кромѣ знатнѣйшихъ особъ, никого не пускали, ибо такъ случилось, что вѣтерокъ несъ весь дымъ отъ зажженыхъ щитовъ съ праваго крыла на лѣвой. Слѣдовательно, для насъ всѣ горящія фигуры тотчасъ очищались, а для зрителей съ другихъ кораблей заслонялись дымомъ, и они многаго не могли за дымомъ симъ совсѣмъ видѣть.

Совсѣмъ тѣмъ фейерверкъ сей былъ преславной, и не только знаменитъ своею огромностію, но и всѣмъ своимъ расположеніемъ, сдѣланнымъ съ наилучшимъ вкусомъ. Представлено было три огромныхъ щита: одинъ, въ срединѣ, фитильной изъ огней разноцвѣтныхъ; другой изъ селитреныхъ свѣчекъ; а третій прорѣзной, освѣщенной сзади множествомъ вертящихся огненныхъ колесъ, и всѣ, прямо можно сказать, пышные, великолѣпные и зрѣнія весьма достойные. Всѣ они зажжены были не вдругъ, а одинъ послѣ другого, а между тѣмъ представляемы были разныя другія огненныя декораціи, составленныя изъ превеликаго множества разно-

образно вертящихся огненныхъ колесъ, звѣздъ, солнцевъ, огненныхъ фонтановъ и бураковъ, съ выпускаемыми изъ нихъ швермерами и лусткугелями, разсыпающимися на воздухъ безчисленными брилліантовыми звѣздами. На всѣ сіи декораціи было еще пріятнѣе смотрѣть, нежели на щиты самые: было ихъ такое множество, что мы всѣ глаза свои, смотря на нихъ, растеряли. Для слуха же въ особенности поразительны и увеселительны были, такъ-называемые, подземные огни, производящіе трескотню превеликую. Но ничто не могло сравниться съ такъ-называемымъ *павлинымъ хвостомъ*. Составленъ онъ былъ изъ безчисленнаго множества ракетъ, зажженыхъ и пущенныхъ въ одно время съ двухъ сторонъ, въ противуположномъ другъ другу направленіи, дабы всѣ онѣ представляли собою дѣйствительное нѣкоторое подобіе павлинаго распростертаго ужасной величины хвоста. И можно сказать, что послѣднее сіе зрѣлище было безподобное и такое, на которое безъ пріятнаго восхищенія никому смотрѣть и довольно имъ налюбоваться было не можно. Всѣ сіи ракеты, простиравшіяся числомъ до 700 начинены были горящими звѣздами, и какъ онѣ начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на насъ цѣлой дождь изъ звѣздъ горящихъ. Словомъ, зрѣлище было преузорочное, и никакое перо не можетъ описать и изобразить всю его пышность и великолѣпіе.

Сіе было послѣднее явленіе, и онымъ кончился весь нарочито долго и почти цѣлыхъ два часа продолжавшійся фейерверкъ, а вкупѣ и все тогдашнее торжество. Государыня тотчасъ послѣ того отправилась во дворецъ, а вслѣдъ за нею начали и всѣ разъѣзжаться, съ которыми и я, насилу отыскавши своихъ боярынь, смотрѣвшихъ фейерверкъ сей изъ павильона, и побоявшихся итти на корабли, въ городъ уже послѣ полуночи возвратился, насмотрѣвшись и наслушавшись всего досыта...

А. Болотовъ.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Когда я пріѣхалъ въ Царское Село, императрица была такъ добра, что сама показывала мнѣ всѣ красоты своего великолѣпнаго загороднаго дворца. Свѣтлыя воды, тѣнистая

зелень, изящныя бесѣдки, величественныя зданія, драгоцѣнная мебель, комнаты, покрытыя порфиромъ, лазоревымъ камнемъ и малахитомъ, все это представляло волшебное зрѣлище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды...

При совершенной свободѣ, веселой бесѣдѣ и полномъ отсутствіи скуки и принужденія, одинъ только величественный дворецъ напоминалъ мнѣ, что я не просто на дачѣ у самой любезной, свѣтской женщины. Кобенцель былъ неисчерпаемо веселъ; Фитцъ-Гербертъ высказывалъ свой образованный, тонкій умъ, а Потемкинъ свою оригинальность, которая не оставляла его даже въ нерѣдкія минуты задумчивости и хандры. Императрица свободно говорила обо всемъ, исключая политики; она любила слушать разсказы, любила и сама разсказывать. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты. Почти цѣлое утро государыня занималась, и каждый изъ насъ могъ въ это время читать, писать, гулять, однимъ словомъ, дѣлать, что ему угодно. Обѣдъ, за которымъ бывало немного гостей и немного блюдъ, былъ вкусенъ, простъ, безъ роскоши; послѣобѣдное время употреблялось на игру или на бесѣду; вечеромъ императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля у Фитцъ-Герберта, у меня или у Потемкина.

Однажды, помню я, императрица сказала мнѣ, что у нея околѣла маленькая левретка Земира, которую она очень любила и для которой желала бы имѣть эпитафію. Я отвѣчалъ ей, что мнѣ невозможно воспѣть Земиру, не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ. „Я полагаю, что вамъ достаточно будетъ знать,—возразила императрица,—что она родилась отъ двухъ англійскихъ собакъ: Тома и Леди, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла“. Этого мнѣ было довольно, и я исполнилъ желаніе императрицы и написалъ слѣдующіе стихи, которые она чрезвычайно расхвалила:

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémire, et les Graces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.

Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, a la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon coeur!
Quand on aime, on craint tant! Zémire aimait tant celle
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Devaient à sa fidélité
Le don de l'immortalité,
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maitresse. *)

Императрица велѣла вырѣзать эти стихи на камнѣ, который былъ поставленъ въ царскосельскомъ саду. **)

Графъ Л. Ф. Сегюръ.

НА ПРІЕМѢ У ЕКАТЕРИНЫ II.

Графъ Панинъ, воспитатель наслѣднаго принца Павла, спросилъ меня разъ: неужели я намѣренъ уѣхать изъ Петербурга, не увидавъ императрицу? Я отвѣчалъ изъявленіемъ крайняго сожалѣнія о томъ, что лишенъ этого счастія, не имѣя въ виду, кому бы угодно было представить меня государынѣ. Тогда графъ указалъ мнѣ на Лѣтній садъ, какъ на мѣсто обычной утренней прогулки ея величества.

— Но съ какого повода и по какому праву могу я предстать передъ нею?

— Въ этихъ основаніяхъ вы не имѣете надобности.

---

*) „Здѣсь пала Земира, и опечаленныя Граціи должны набросать цвѣтовъ на ея могилу. Какъ Томъ, ея предокъ, какъ Леди, ея мать, она была постоянна въ своихъ склонностяхъ, легка на бѣгу и имѣла одинъ только недостатокъ—была немножко сердита; но сердце ея было доброе. Когда любишь, всего опасаешся, а Земира такъ любила ту, которую весь свѣтъ любитъ, какъ она! Можно ли быть спокойною при соперничествѣ такого множества народовъ? Боги, свидѣтели ея нѣжности, должны были бы наградить ее за вѣрность безсмертіемъ, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительницѣ".

**) Надпись эта и теперь еще видна, хотя неявственно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ.

— Но я вовсе неизвѣстенъ императрицѣ...

— Ошибаетесь; она васъ видѣла и даже замѣтила.

— Во всякомъ случаѣ, я не осмѣлюсь приблизиться къ ея величеству безъ чьего-либо посредства.

— Я тамъ буду.

Графъ условился со мной о днѣ и часѣ. Въ назначенное время я пошелъ на прогулку одинъ, разсматривая обстановку сада. По обѣимъ сторонамъ аллеи были разставлены статуи жалчайшей работы: горбатые Аполлоны, щедушныя Венеры, дюжіе Амуры, сложенные гвардейскими солдатами, и, вдобавокъ, ничего не было смѣшнѣе путаницы, допущенной въ именахъ миѳологическихъ и историческихъ. Помню одну маленькую и безобразную фигурку, съ названіемъ Гераклита, и уродливую же, хныкающую физіономію, подъ титуломъ Демокрита. Бородатый старикъ нареченъ былъ Сафо, старуха именовалась Авиценна; двое юношей, невинно-ласкающихъ другъ друга, слыли Филемономъ и Бавкидой. Но я сдержалъ въ себѣ смѣхъ, приближаясь къ подходящей императрицѣ.

Впереди шелъ Орловъ, сзади слѣдовали многія дамы, сбоку государыни шелъ графъ Панинъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, она спросила мое мнѣніе объ обстановкѣ сада. Отвѣтъ мой былъ повтореніемъ того, который я далъ королю прусскому на подобный же вопросъ *).

— Что касается надписей, прибавилъ я, то, конечно, онѣ сдѣланы для мистифицированія несвѣдующихъ и для забавы тѣхъ, кто имѣетъ нѣкоторыя познанія въ исторіи.

— „Надписи и персонажи—все это ничего не означаетъ. Мою покойную тетку **) обманывали. Надѣюсь, вы могли бы увидѣть въ Россіи многое, не столь смѣшное, какъ эти статуи.

— Государыня! Если въ вашей имперіи что-либо и могло бы показаться подобнымъ, то оно отстоитъ неизмѣримо далеко отъ всякаго сравненія съ предметами, возбуждающими восторженное изумленіе иностранцевъ.

При дальнѣйшемъ ходѣ разговора я имѣлъ случай

*) Что садъ великолѣпенъ.

**) То-есть, императрицу Елисавету Петровну.

произнести съ похвалою имя короля прусскаго. Императрицѣ угодно было, чтобы я сообщилъ ей подробности моего съ нимъ свиданія, что я и выполнилъ. Въ это время зашла рѣчь о празднествѣ, предположенномъ императрицею, но отложенномъ за дурною погодой, то-есть, турнирѣ или каруселѣ, на который должны были собраться отличнѣйшіе воины государства. Екатерина спросила меня, въ обычаѣ-ли подобные праздники въ моемъ отечествѣ.

— Конечно, и тѣмъ болѣе, что климатъ Венеціи благопріятенъ для увеселеній такого рода. Хорошіе, ясные дни тамъ столько же обыкновенны, какъ здѣсь рѣдки, несмотря на то, что путешественники находятъ здѣшній годъ моложе, нежели во всѣхъ прочихъ мѣстахъ.

— Правда, вашъ годъ старѣе одиннадцатью днями.

— Не было-ли бы, подхватилъ я тутъ, нововведеніемъ, достойнымъ вашего величества, принятіе григоріанскаго календаря въ вашей обширной державѣ? Вамъ, государыня, не безъизвѣстно, что онъ усвоенъ всѣми народами. Сама Англія, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, откинула 11 послѣднихъ дней февраля, и этою мѣрой правительство ея пріобрѣло нѣсколько милліоновъ. Въ прочихъ странахъ Европы всѣ съ удивленіемъ взираютъ на то, что старый стиль до сихъ поръ еще употребляется въ такой имперіи, гдѣ государь есть въ то же время глава церкви и гдѣ существуетъ академія наукъ. Всѣ готовы думать, что Петръ Великій, установившій начало года съ 1-го января, отмѣнилъ бы притомъ и старый стиль когда бы не сознавалъ для себя обязательнымъ держаться тогдашняго примѣра Англіи, въ рукахъ у которой была торговля Россіи...

— И потомъ, перебила меня императрица, Петръ не былъ ученымъ.

— Онъ былъ выше всякаго ученаго, государыня! Онъ былъ мужъ великаго, геніальнаго ума! Что за тактъ въ дѣлахъ! Что за искусство въ ихъ веденіи! Какая рѣшительность! Какая смѣлость! Онъ успѣвалъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, потому что обладалъ умомъ, который предохранялъ его отъ ошибокъ, и всею силой, необходимой для борьбы со зломъ...

Я не успѣлъ окончить панегирикъ, какъ Екатерина отвер-

нулась отъ меня и пошла далѣе. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что она не могла, безъ нѣкотораго затаеннаго неудовольствія, выслушивать похвалы, расточаемыя ея предшественнику. Встревоженный такимъ исходомъ разговора, я старался развѣдать что-нибудь по этому поводу отъ графа Панина, который, однако-жъ, увѣрялъ меня, что я весьма понравился ея величеству и что государыня каждый день разспрашивала обо мнѣ. Онъ мнѣ совѣтовалъ пользоваться случаями—вновь встрѣтиться съ нею.

— При томъ же, прибавилъ графъ, такъ какъ вы произвели хорошее впечатлѣніе, то, по всей вѣроятности, удостоитесь приглашенія бывать при дворѣ,—и тогда, если заявите желаніе вступить здѣсь на службу, то получите мѣсто...

Ф. Казанова.

ДЕНЬ ЕКАТЕРИНЫ II.

Образъ жизни императрицы въ послѣдніе годы былъ одинаковъ: въ зимнее время имѣла она пребываніе въ большомъ зимнемъ дворцѣ въ среднемъ этажѣ, подъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго брюссовскаго дома, гдѣ нынѣ находится экзерцизъ-гаузъ. Собственныхъ ея комнатъ было не много: взойдя на малую лѣстницу, входишь въ комнату, гдѣ, на случай скораго отправленія приказаній государыни стоялъ за ширмами для статсъ-секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ письменный столъ съ приборомъ; комната сія стояла окнами къ малому дворику; изъ нея входъ былъ въ уборную, которой окна были на дворцовую площадь. Здѣсь стоялъ уборный столикъ. Отсюда были двѣ двери: одна направо въ брилліантовую комнату, а другая налѣво въ спальню, гдѣ государыня обыкновенно дѣла слушала. Изъ спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налѣво въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, а другой прямо черезъ галлерею, въ такъ-называемый ближній домъ; въ сихъ покояхъ государыня жила иногда до весны, а иногда и прежде въ Таврической дворецъ переѣзжала. Дворецъ сей построенъ княземъ Потемкинымъ на берегу Невы.

Главный корпусъ онаго былъ въ одинъ этажъ, кажется

нарочно, дабы государыня высокимъ входомъ не была обезпокоена. Здѣсь ея покои были просторнѣе чѣмъ въ зимнемъ дворцѣ, особливо кабинетъ, въ которомъ она дѣла слушала. Въ первыхъ числахъ мая выѣзжала, всегда инкогнито, въ Царское Село, откуда въ сентябрѣ, также инкогнито, въ зимній дворецъ возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно просторныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галлерея, въ которой государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С.-Петербурга народа; дѣла же слушала или въ кабинетѣ, или въ спальнѣ. Время и занятія императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ: она вставала въ 8 часовъ утра и до 9 занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣднее время сочиненіемъ сенатскаго указа). Однажды она мнѣ между разговорами сказала: „что не пописавши нельзя и одного дня прожить“. Въ это же время пила одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной подлѣ стѣны садилась на стулѣ, имѣя передъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ; въ сіе время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровой шлафрокъ или капотъ, а на головѣ флеровой бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Несмотря на 65 лѣтъ государыня имѣла еще довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости отъ чего говорила твердо безъ шиканья, только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ.

Однажды позванъ будучи съ докладами увидѣлъ я ее читающую тихимъ образомъ. Она улыбаясь сказала: „Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ снарядъ? Сколько вамъ лѣтъ отъ роду?“ и когда я сказалъ двадцать шесть, то она прибавила: „А мы въ долговременной службѣ государству притупили зрѣніе и теперь принуждены очки употреблять“.

Въ другой разъ отдавая мнѣ собственноручную записку о прісканіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиняемаго ею устава для сената, она сказала: „ты не смѣйся надъ моей рус-

скою орфографіей; я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать. По пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстринѣ: „полно ее учить, она и безъ того умна". Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ безъ учителя и это самое причиною, что я плохо знаю правописаніе".

Впрочемъ государыня говорила по-русски довольно чисто и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ множество знала...

Государыня, занявъ вышеописанное свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безъ отходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и вышедъ звалъ, кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полицеймейстеръ и статсъ-секретари; въ одиннадцатомъ же часу пріѣзжалъ графъ Безбородко; для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для вице-канцлера, губернатора и губернскаго прокурора Петербургской губерніи суббота; для генералъ-прокурора понедѣльникъ и четвергъ; среда для синодскаго оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера; четвергъ для главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ. Но всѣ сіи члены, въ случаѣ важныхъ и нетерпящихъ времени дѣлъ, могли и въ другіе дни пріѣхать и по онымъ докладывать. Первый по позыву являлся къ государынѣ оберъ-полицеймейстеръ, бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесеніемъ о благосостояніи столицы и о другихъ происшествіяхъ, и съ запиской на одной четверткѣ листа, написанной въ полиціи не красиво и не правильно, о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города наканунѣ того дня разнаго званія людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать; ибо часовые никого изъ проѣзжающихъ черезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шляхтъ-баумовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицъ не былъ запрещенъ, каждый получалъ отъ губернатора подорожную во всякое время, и безъ всякой платы, и выѣзжалъ изъ города, когда хотѣлъ. Посему реэстръ пріѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный.

По выходѣ оберъ - полицеймейстера, статсъ - секретари черезъ камердинера докладывались, и по одиночкѣ были

призваны (въ семъ числѣ и я находился). При входѣ въ спальню наблюдалъ я слѣдующій обрядъ: дѣлалъ государынѣ низкій поклонъ, на который она отвѣчала наклоненіемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я взявъ въ свою цѣловалъ, и чувствовалъ сжатіе моей собственной руки, потомъ говорила мнѣ: „садитесь“. Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ принесенныя бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочіе, при входѣ къ государынѣ тоже самое дѣлали и такой же пріемъ имѣли. Но какъ скоро показывался графъ П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную выходилъ. Приходилъ же всегда съ заготовленными къ подписанію бумагами. Около одиннадцатаго часа пріѣзжали и по докладу предъ государыню были допущаемы и прочіе вышеупомянутые чины, а иногда и фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій, бывшій тогда послѣ завоеванія Польши въ Петербургѣ. Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земныхъ поклона передъ образомъ Казанской Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, передъ которымъ неугасимая горѣла лампада; потомъ, обратясь къ государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать и говорила, поднимая его за руки: „помилуй, Александръ Васильевичъ, какъ тебѣ не стыдно это дѣлать?“ Но герой обожалъ ее и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе. Государыня подавала ему руку, которую онъ цѣловалъ, какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и черезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и нѣкоторые другіе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою. При сихъ докладахъ и представленіяхъ въ Зимнемъ и въ Таврическомъ дворцахъ военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ, а статскіе въ будничные дни въ простыхъ французскихъ кафтанахъ и въ башмакахъ, и въ праздничные дни въ парадныхъ платьяхъ. Но въ Царскомъ Селѣ, въ будничные дни, какъ военные, такъ и статскіе носили фраки и только въ праздники надѣвали первые мундиры, а послѣдніе французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ. Послѣ во внутренней уборной старый ея парикмахеръ Козловъ убиралъ ей волосы по старинной модѣ съ небольшими назади ушей буклями: прическа невысокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобъ еще ее увидѣть; и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, М. С. Алексѣева, подавала ледъ, которымъ государыня терла лицо, можетъ быть, въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, А. А. Палакучи, накалывала ей на голову флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время государыня разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ тутъ, въ числѣ коихъ не рѣдко бывалъ оберъ-шталмейстеръ Левъ Ал. Нарышкинъ, а иногда графъ Ал. Сергѣичъ Строгановъ, всегдашніе ея собесѣдники. Раскланявшись съ предстоявшими господами возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню, гдѣ при помощи ихъ и Марьи Савишны одѣвалась для выхода къ обѣду; а мы всѣ восвояси отправлялись.

Платье государыня носила въ простые дни шелковое, однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда молдаванскимъ; верхнее было по большей части лиловое или дикое, безъ орденовъ, и подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое съ тремя орденами звѣздами: Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою, а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала, и малую корону; башмаки носила на каблукахъ не очень высокихъ.

Обѣденный ея столъ былъ въ сіе время во 2-мъ часу пополудни (тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы, исключая П. А. Зубова, который всегда безъ приглашенія съ государыней кушалъ). Въ будничные дни обыкновенно приглашаемы были къ столу изъ дамъ: камеръ-фрейлина Протасова и графиня Браницкая, а изъ мущинъ дежурный генералъ-адъютантъ П. Б. Пассекъ, Л. А. Нарышкинъ, графъ Строгановъ, два эмигранта французскіе, добрый графъ Эстергази и черный маркизъ Деламбертъ; иногда вице-адмиралъ Рибасъ, генералъ-губернаторъ польскихъ губерній Ту-

толминъ, и наконецъ гофъ-маршалъ кн. Барятинскій; въ праздничные же дни, сверхъ сихъ, были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновъ въ С.-Петербургѣ, бывшихъ до 4-го, а въ чрезвычайныя торжества до 6-го класса.

Всedневный обѣдъ государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ была она крайне воздержна. Никогда не завтракала, и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила; и иногда не ужинала, черезъ что до 65 лѣтъ, несмотря на трудолюбивый образъ жизни, была довольно здорова и бодра; хотя же иногда на ногахъ у ней оказывалась опухоль и открывались раны, но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно и къ поддержанію ея здоровья. Увѣряютъ, что смерть приключилась ей единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня оставшись одна лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечерняго же собранія слушала иногда иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ Каме, что случалось и при слушаніи почты, которую читали передъ нею или П. А. Зубовъ, или гр. Морковъ или Поповъ, который однакожъ, по худому выговору французскаго языка, рѣдко былъ для сего чтенія призываемъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился.

Въ шесть часовъ собирались вышеупомянутыя и другія извѣстныя государынѣ и ею самой назначенныя особы для провожденія вечернихъ часовъ. Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, и послѣ спектакля домой уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ государыни: она играла въ рокомболь или въ вистъ по большей части съ П. А. Зубовымъ, Е. В. Чертковымъ и гр. А. С. Строгановымъ; также и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. Въ десятомъ часу государыня уходила во внутренніе покои, гости уѣзжали; въ одиннадцатомъ часу она была уже въ постели, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

Великіе князья съ супругами нерѣдко у государыни обѣдали и на вечернихъ собраніяхъ бывали, особливо въ Царскомъ Селѣ; выходы и пріемныя аудіенціи были двоякія малыя по воскресеньямъ, и церемоніальныя; въ первомъ случаѣ государыня проходила въ 10 часовъ утра въ церковь изъ внутреннихъ покоевъ черезъ столовую, малою боковою церковною дверью, безъ большаго штата, и становилась на своемъ мѣстѣ позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа, съ мантильей и съ платками, нѣсколько отступя назадъ стояли (въ большіе торжественные дни): наслѣдникъ съ супругою, а еще подалѣе молодые великіе князья съ своими супругами. Послѣ обѣдни выходили изъ алтаря архіереи для поздравленія; благословляя ее, давали ей цѣловать руку, и сами у нея руку цѣловали. Послѣ сего государыня выходила изъ церкви въ западную большую дверь черезъ такъ называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей чужестранные министры, и другія особы черезъ оберъ-камергера К. Шувалова, или старшаго по немъ камергера. При семъ возвращеніи шли впереди камеръ-юнкеры и камергеры по 6 человѣкъ по два въ рядъ: подлѣ государыни по правую сторону оберъ-камергеръ, по лѣвую шталмейстеръ (графъ Н. А. Зубовъ старшій братъ П. А-ча), за ними статсъ-дамы и фрейлины. Государыня входила въ тронную, со всею своею свитою, куда входили такъ же и всѣ тѣ, имѣвшіе входы за кавалергардами, которые стояли у дверей сего покоя. Здѣсь государыня остановясь принимала поздравленія и допускала къ рукѣ всѣхъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ, изъ которыхъ со многими разговаривала, но съ нѣкоторыми никогда ничего не говорила. Она стояла одна, шага на четыре передъ собраніемъ и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто изъ собранія разговора съ нею начинать не могъ. Сія аудіенція рѣдко болѣе получаса продолжалась.—Большіе выходы отличались отъ сихъ тѣмъ, что по особому церемоніалу государыня выходила въ церковь слушать литургію черезъ бриліантовую, тронную и кавалерскую залы съ большою свитой и въ богатыхъ платьяхъ и тѣмъ же путемъ въ тронную возвращалась...

А. Грибовскій.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНЫ II.

(По отрывкамъ изъ ея писемъ къ г-жѣ Жофренъ)

Я встаю акуратно въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла; всякій, кому нужно говорить со мной, входитъ по очередно, одинъ за другимъ; такъ продолжается до 11 часовъ и долѣе; потомъ я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество народа; поговоривъ полчаса или $^3/_4$ часа, я сажусь за столъ; по выходѣ изъ-за стола является *гадкій генералъ*, *) чтобы читать мнѣ наставленія; онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до пяти часовъ съ половиною; тогда я или ѣду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ-нибудь до ужина, который кончается до 11 часовъ, затѣмъ я ложусь и на другой день повторяю то же самое, какъ по нотамъ...

Въ молодости я тоже по временамъ предавалась богомольству, и была окружена богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду (не думайте однако, что я была въ числѣ этихъ послѣднихъ, я никогда не лицемѣрила и ненавижу этотъ порокъ). Теперь богомоленъ только тотъ, кто хочетъ быть богомольнымъ; никому не мѣшаютъ дѣйствовать какъ угодно; одинъ порокъ и соблазнъ наказаны, впрочемъ каждый живетъ, какъ вздумается. У меня слишкомъ много занятій, чтобы вмѣшиваться въ чужія дѣла, которыя до меня не касаются; я придерживаюсь этого правила столько же по убѣжденію, сколько и по наклонности; не люблю ни заносчивости, ни бабьихъ сплетенъ; а станешь дѣйствовать иначе, онѣ тотчасъ же и появятся. Нужно облегчать жизнь другимъ и себѣ; черезъ это менѣе попадается шиповъ на жизненной дорогѣ, не всегда впрочемъ усыпанной розами...

Ваши приказанія будутъ исполнены, нынѣшнею зимою намѣреваюсь дѣлать болѣе движенія чѣмъ прежде. Много

---

*) Тутъ Екатерина II имѣетъ въ виду И. И. Бецкаго.

уважаю вашу св. Терезу, такъ какъ вы меня увѣряете, что она достойная женщина; но мое почтеніе къ святымъ не переходитъ черезъ границы святыхъ Греческой церкви; и такъ вы должны меня простить, если я не желаю сходства съ нею...

Екатерина II.

ПАЖИ НА ДЕЖУРСТВѢ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Вотъ я опредѣленъ въ пажи въ 1793 году, 10-го іюля, и сколько помню, то въ то время, когда великолѣпный праздникъ давалъ князь Потемкинъ императрицѣ въ Таврическомъ дворцѣ; праздникъ сей уподоблялся „Тысячѣ и одной ночи“ *). Наконецъ, пятнадцати лѣтъ я сталъ дежурить во дворцѣ. Вицъ-мундиръ нашъ былъ свѣтло-зеленый, и каждая петлица была вышита золотомъ; камзолъ былъ красный, штаны зеленыя, вержетъ и букли напудренные; всегда въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками и красными каблуками— talons rouges, означающіе высокое дворянство. Въ парадные же дни намъ давали мундиры зеленые бархатные, по всѣмъ швамъ золотое шитье, и часто съ большого пажа надѣвали на маленькаго, ушивали камзолъ, штаны; каждое платье тогда стоило 1000 рублей серебромъ. Платья эти были шиты Богъ знаетъ когда, и, наконецъ, были такъ ветхи, что къ свадьбѣ императора Александра Павловича намъ сшили новые, по мѣркѣ каждаго и выдавали съ росписками, и сохрани Боже замарать! Тогда денежнаго штрафа не было, а просто сѣкли розгами, отъ чего, съ всею шалостью, мы берегли наши мундиры.

Я имѣлъ счастіе неоднократно прикладываться къ рукѣ Ея Величества, потому что она изволила знать моего родителя. Главный нашъ начальникъ былъ оберъ-гофмаршалъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, весьма ласковый и милый, обращеніе коего съ нами было—драть насъ за уши и величать щенками. Тогда пажи служили за столомъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли счастіе быть приглашенными къ столу Ея Величества; а вседневный столъ не болѣе 12 персонъ, а въ воскресенье персонъ 20 или 25; въ этотъ день

*) Башиловъ ошибается: знаменитый Потемкинскій праздникъ былъ данъ 28-го апрѣля 1791 года.

обѣдали фрейлины и равно дежурные камергеры и камеръ-юнкера и форшнейдеръ (или подаватель кушанья и разрѣзыватель), также камергеръ. Въ воскресенье всегда кушалъ наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Ѳедоровна, а потому обѣдъ былъ церемонный. Никто лучше пажей не служилъ—проворные и ловкіе ребята, и награда состояла въ томъ, что всѣ конфекты былъ удѣлъ пажей; разборка ихъ всегда происходила въ родѣ штурма, и кто половчѣе, тотъ бралъ сухія конфекты, которыя можно было положить въ шляпу, а кто послабѣе, тому доставалось варенье: куда съ нимъ дѣваться; и кто изъ пажей былъ посильнѣе, тотъ у малютокъ и варенье отбиралъ, и слезы не помогали; но меня Богъ миловалъ: я не поддавался и былъ по пословицѣ и самъ съ усамъ. Тарелки были серебряныя, а какъ императрица была ужъ въ старыхъ лѣтахъ, то Боже сохрани — столкнуться тарелка съ тарелкою, чтобъ онѣ зазвенѣли; конецъ тотъ же—розги...

А. Башиловъ.

ПЛАТОНЪ—ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ НАСЛѢДНИКА ПАВЛА.

По Императорѣ Петрѣ третьемъ вступила на Престолъ Императрица Екатерина II. Обнародовано, что будетъ Императрица въ Москвѣ для коронованія въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Архимандрітъ тотчасъ отправился въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Платономъ, и побывъ тамъ съ мѣсяцъ, возвратился въ лавру, и заключая, что по Коронаціи, не преминетъ Императрица посѣтить лавру, поручилъ Ректору Платону надлежащее къ тому сдѣлать приготовленіе. Онъ по должности сіе взявъ на себя, изготовилъ привѣтствія, оду, канты, иллюминацію и на 40 человѣкъ особую торжественную одежду, съ вѣнками на головахъ и съ пальмами въ рукахъ и рѣчи отъ себя (чему всему есть особое печатное описаніе), и въ ожиданіи Высочайшаго присутствія, всѣхъ занималъ въ надлежащихъ упражненіяхъ. Между тѣмъ празднованъ былъ какъ вездѣ, такъ и въ лаврѣ, день Коронаціи, Сентября 22 дня, при семъ случаѣ Платонъ говорилъ проповѣдь въ лаврѣ. Потомъ и дѣйствительно, скоро воспослѣдовало Императорское лавры посѣщеніе Октября дня. У Креста встрѣчалъ Намѣстникъ, у

лавры встрѣчена была Архимандрітомъ съ братіею. На другой день на литургіи проповѣдь говорилъ Намѣстникъ Иннокентій. Послѣ обѣда Императрица посѣтила Семинарію, гдѣ, по привѣтствіи отъ учениковъ, Ректоръ говорилъ Императрицѣ рѣчь, а потомъ нечаянные учинены были диспуты, по желанію и по убѣжденію графа Григорья Григорьевича Орлова, что все принято Ея Величествомъ благоволительно и пожалованъ онъ съ учителями довольною денежною наградою. А въ 1763 году въ Мартѣ мѣсяцѣ, по Имянному Императрицы указу опредѣленъ въ лавру Ректоръ Платонъ Намѣстникомъ, на мѣсто Иннокентія...

Воспослѣдовалъ того года въ Маѣ мѣсяцѣ паки Императрицы походъ въ Ростовъ, для перекладыванія мощей Димитрія Ростовскаго въ новую раку; и далѣе въ Ярославль: почему паки Императрица прибыла въ лавру. Платонъ, яко Намѣстникъ, встрѣтилъ Императрицу у Креста съ привѣтствіемъ, и по прибытіи, на другой говорилъ проповѣдь *о Пользѣ Благочестія*, которую Государыня столь приняла благоволительно, что тотчасъ велѣла оную напечатать, и удостоила его со Архимандрітомъ быть при своемъ Царскомъ столѣ. Случилось ему за столомъ сѣсть съ Г. Генералъ-Прокуромъ, Княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который былъ тогда въ особливой у Императрицы милости, Князь за столомъ съ Намѣстникомъ непрестанно говорилъ о разныхъ матеріяхъ. Императрица примѣтивъ сіе, говоритъ: „Князь, вы ни какъ полюбили Отца Намѣстника, что съ нимъ, не перестая, говорите“. На то Князь: „Ето, Государыня! не человѣкъ, а уродъ“.—„Почему такъ? Какой онъ уродъ?“ возразила Императрица“. На сіе Князь: „я Государыня съ нимъ о разныхъ матеріяхъ разговаривалъ: онъ на все столь основательно рѣшаетъ, что меня удивилъ. И какъ я его о многомъ и до иныхъ странъ касающемся вопрошалъ. Онъ все такъ объяснялъ, какъ будто въ чужихъ краяхъ учился. Я его спрашивалъ: не былъ ли онъ въ чужихъ краяхъ, и гдѣ учился. Онъ говоритъ, что нигдѣ не былъ; а учился то въ Москвѣ въ Спасской школѣ. Сіе все меня, Государыня! удивило, что сей монахъ, въ столь молодыхъ лѣтахъ, столь знанія имѣетъ; и потому я его называю уродомъ“. И притомъ прибавилъ: „дай Богъ! чтобъ наши дѣти, столько

учились, и столько издерживая, до такого просвѣщенія достигли“.

Таковой отвѣтъ Князя много увеселилъ Императрицу, да и всѣ за столомъ сидящіе взоръ и вниманіе на Платона обратили; ибо Князь говорилъ весьма громко. Сіе слыша, Платонъ внутренне Бога благодарилъ за таковое милостивое судебъ его дѣйствіе. И потомъ Императрица приглашала намѣстника ѣхать съ собой въ Ростовъ. Но онъ извинился болѣзнію груди...

По возвращеніи изъ Ростова, паки Императрица посѣтила лавру; и увидѣвъ Платона, тотчасъ благосклонно вопросила: есть ли ему легче отъ груди? Потомъ паки удостоился быть при Государскомъ столѣ, и пожалованъ кускомъ бархата рытаго, и денежною съ прочими дачею немалою, и благополучно сопроводили Высокую гостью. Дни чрезъ три послѣ сего Архимандрітъ отправился въ Москву, для принесенія благодаренія за посѣщеніе, и съ собой крайне нехотѣвшаго и желавшаго нѣсколько по трудамъ успокоиться взялъ Платона. Но на дорогѣ получилъ Архимандрітъ курьера отъ Двора съ письмомъ, чтобъ пріѣхавъ ему въ Москву, взять съ собою Платона Намѣстника, и явиться съ нимъ ко Двору. Пріѣхавъ въ Москву, въ тотъ же день Архимандрітъ съ Платономъ ко Двору явился, гдѣ имъ сказано, что остаться при столѣ. За столомъ Императрица съ нимъ благоволительно разговаривала, и разные вопросы задавала, а паче Графъ Панинъ, яко Гофмейстеръ Наслѣдника, разными предложеніями его испытывалъ; особливо, какъ примѣтно было, хотѣлъ узнать, не суевѣренъ ли Платонъ? При чемъ въ первый разъ за столомъ, и будущаго своего воспитаника, Великаго Князя, видѣть Платонъ имѣлъ честь. Послѣ стола Графъ Панинъ позвалъ къ себѣ архимандріта и его и объявилъ Платону, что Ея Императорское Величество опредѣляетъ его къ Государю Наслѣднику Павлу Петровичу въ учителя Богословія, съ опредѣленіемъ жалованья по тысячи рублей; а о прочемъ де, содержаніи его положено будетъ въ Петербургѣ. Ибо тогда Дворъ отправлялся въ Петербургъ...

Въ Петербургъ пріѣхали въ первыхъ числахъ Августа 1763 года, и остановились на Троицкомъ подворьѣ на Фонтанкѣ.

Какъ въ Новосергіевской пустынѣ, принадлежавшей тогда лаврѣ, новопостроенная соборная церковь, готова была къ освященію, и Архимандрітъ положилъ звать къ тому Императрицу, то и желалъ, чтобъ при семъ случаѣ Платонъ сказалъ проповѣдь, которую онъ и сказалъ въ присутствіи Государыни, Августа 10 числа. До того же мѣсяца на Успеніевъ день говорилъ проповѣдь во дворцѣ, въ Высочайшемъ присутствіи. А между тѣмъ Платону отъ Двора опредѣлено жилище и содержаніе. Покои нехудые отведены, въ бывшемъ деревянномъ зимнемъ дворцѣ, что на Мойкѣ. Содержаніе кромѣ 1000 р. жалованья, положено на столъ 300 р., по штофу водки въ недѣлю; по бутылкѣ рейнвейну на день, меду полпива, кислыхъ щей, дровъ и свѣчъ неоскудное число, бѣлье столовое и посуда всякая дворцовая; да истопникъ и работникъ, а сверхъ того, карета дворцовая съ парою лошадей и съ конюхомъ. И такъ Платонъ началъ жить въ новомъ мѣстѣ, и нѣсколько новымъ родомъ жизни. Ибо привыкши жить въ монастырскомъ уединеніи, тутъ окруженъ былъ мірскими, всякаго состоянія и пола, людьми, въ томъ же дворцѣ живущими, что не очень ему нравилось: но радъ былъ, что тутъ же была церковь, въ которой по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ исправляли службу придворные священники.

Положено Великому Князю ученіе преподавать три дни въ недѣлю, въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по часу, назначивъ къ тому двѣнадцатый часъ, и по воскреснымъ и праздничнымъ предъ обѣднею читать Священное Писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволитъ. И такъ призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ Великимъ Княземъ, Августа 30 дня, сказавъ рѣчь, въ коей объяснивъ пользу сего ученія, увѣщевалъ Высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому великое вниманіе и прилежаніе. Великій Князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были припятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако Высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли, или разговоръ относительно Бога

и Вѣры, были ему всегда пріятны. Сіе по примѣчанію, еще ему внѣдрено было съ млекомъ, покойною Императрицею Елисаветою Петровною, которая его горячо любила, и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но притомъ Великій Князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ, и часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія; и наружностію всякою въ глаза бросающеюся, болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность...

Митрополитъ Платонъ.

ВОСПИТАНІЕ НАСЛѢДНИКА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

1764 годъ. 20 сентября. День рожденія Его Имп. В-ва: минуло десять лѣтъ. По утру Платонъ говорилъ Е. В-ву въ покояхъ его не-большое поздравленіе, весьма разумно сложенное. Потомъ пошли къ Ея В-ву на половину; оттуда за Ея В-вомъ къ обѣднѣ. По окончаніи божественной службы говорилъ Платонъ проповѣдь на тему изъ чтенія Евангелія: въ терпѣніи стяжите души ваша. Сію проповѣдью Е. В-во приведена была въ слезы, и многіе изъ слушателей плакали, когда проповѣдникъ на концѣ предлагалъ о терпѣніи Ея В-ва въ понесеніи трудовъ для пользы и безопасности отечества, о успѣхахъ Е. В-ва въ преподаваемыхъ ему наукахъ, и о слѣдующей оттуда надеждѣ россійской. Изъ церкви пошли на половину къ Ея В-ву, гдѣ, принявъ поздравленія отъ чужестранныхъ министровъ, и пробывъ нѣсколько времени во внутреннихъ покояхъ у Ея В-ва, изволилъ Е. В-во возвратиться къ себѣ, и тамъ еще принимать поздравленія отъ придворныхъ той половины, отъ морскихъ флагмановъ и офицеровъ и отъ штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи. Потомъ позавтракавши нѣсколько—изволилъ пойти къ обѣденному столу Ея В-ва. Въ продолженіе стола присылали оттуда за груднымъ портретомъ Е. В-ва, который датскимъ живописцомъ недавно окончанъ и сего-дня принесенъ. Государыня изволила указать, чтобъ тотъ же живописецъ написалъ Е. В-ва портретъ во весь ростъ, потому что тотъ весьма былъ схожъ. Послѣ стола тотчасъ Е. В-во къ себѣ пройтить изволилъ. Играли въ

билліардъ, и Е. В-во съ танцовщикомъ Гранже менуэта три протанцовать изволилъ. Ввечеру, часу въ шестомъ пошли мы во внутренніе покои Ея В-ва. Тамъ побывъ нѣсколько времени, изволилъ Е. В-во пойтить въ залу и открыть балъ съ съ штатсдамой графиней М. А. Румянцевой. Потомъ изволилъ танцовать съ фрейлинами графиней Гендриковой, Хитрововой, Паниной и графиней Шереметевой. Изволила прибыть на балъ и Ея В-во; танцовать не изволила, и. не-долго побывъ, ретировалась. По окончаніи бала, былъ публичный большой столъ въ галлереѣ. Сидѣли по билетамъ...

22 сентября. День коронованія Ея В-ва. Е. В-во, одѣвшись по утру, изволилъ ходить къ Государынѣ съ поздравленіемъ. Оттуда за Ея В-вомъ изволилъ пойтить въ церковь. Не доходя до дверей церковныхъ, въ галлереѣ стояли по обѣимъ сторонамъ тридцать человѣкъ кавалергардовъ въ новомъ ихъ уборѣ, который надѣтъ былъ сего-дня въ первый разъ. Командовалъ ими вахмистръ ихъ Д. В. Арсеньевъ. По окончаніи обѣдни Преосвященный С. петербургскій Гавріилъ говорилъ проповѣдь, а на-конецъ Преосвященный Дмитрій Сѣченовъ, Митрополитъ новогородскій Ея В-ву поздравленіе, по обыкновенію своему въ словахъ краткихъ, но важныхъ и выразительныхъ. Отъ обѣдни Е. В-во, проводивъ Ея Имп. В-во изволилъ пойтить къ себѣ и позавтракать. Того дня въ залѣ былъ большой фигурный столъ. Е. В-во съ государынею изволилъ кушать на тронѣ, гдѣ во все время стола стоялъ у него за стуломъ и раскладывалъ ему кушанье Е. П-во Никита Ивановичъ. Форшнейдеромъ былъ и противъ Ея В-ва стоялъ гр. А. Строгановъ. Его В-во сидѣлъ у Государыни по правую руку. Кушанье ставилъ во все время гофмаршалъ князь Н. М. Голицынъ: носили до трону кавалергарды. Послѣ стола Е. В-во, проводя Государыню до Ея покоевъ, возвратиться изволилъ къ себѣ и препровождать время разговорами по большой части о завтрашнемъ маскарадѣ. Потомъ танцовалъ съ г. Гранже, при чемъ былъ и Его Пр-во Никита Ивановичъ. Часу въ седьмомъ пошли къ Государынѣ, и оттуда на балъ. Не ходя еще къ Ея В-ву изволилъ Е. В-во наложить орденъ Святыя Анны на г. генерала-рекетмейстера И. И. Козлова. Балъ открылъ Е. В-во съ графиней М. А. Румянцевой, штатсъ—дамой Е. В-ва. Потомъ изволилъ танцо-

вать съ прибывшею тогда принцессою голштинскою, урожденною бургграфиней Доná; потомъ съ фрейлиной А. А. Хитровой. Ея Величество прибывъ на балъ приказала объявить черезъ Никиту Ивановича Его сіятельству вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, что изволитъ его жаловать въ дѣйствительные тайные совѣтники. Передъ баломъ изволила въ покояхъ своихъ наложить орденъ Св. Александра Невскаго на оберъ-прокурора гр. Ф. Г. Орлова, и пожаловать ему камергерскій ключъ... Въ окончаніи бала, часовъ въ восемь Е. В-во упражненъ будучи воображеніемъ о завтрашнемъ маскарадѣ, и заботясь, чтобъ лечь поранѣе, и проснувшись такожъ поймать опять тѣ жъ воображенія и идеи, началъ показывать почти сквозь слезы нетерпѣливость, чтобъ ретироваться, что Е. П-во Никита Ивановичъ, наблюдая благопристойность, и принужденъ былъ сдѣлать; но пришедъ въ опочивальню не преминулъ, чтобъ молодого Государя гораздо не пожурить за то, и потомъ пошедъ къ себѣ, намъ рекомендовалъ съ нимъ обхожденіе поступкѣ его соотвѣтствующее; сему послѣдуя во время ужины и до самой той минуты, какъ Е. В-во опочивать легъ, наблюдали мы особливую скромность, и представляли англинскую бесѣду, говоря съ великими разстановками и чинами.

23 сентября. Е. В-во изволилъ проснуться часовъ въ шесть. Разговаривалъ со мною о вчерашнемъ днѣ, и я старался показать ему непристойность его поступки, въ чемъ онъ и признаваться изволилъ. Къ сему прицѣпилъ я по смыслу своему и иныя для Е. В-ва наставленія, которыя всѣ съ великимъ вниманіемъ были слушаны. По семъ нечувствительно зашелъ у насъ разговоръ о пословицѣ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ.“ При томъ между прочимъ внушалъ я Е. В-ву, какая разница бываетъ между министрами и ближними Государя добраго и остроумнаго, и Государя нерадиваго и легкомысленнаго. Потомъ принесли Государю примѣривать сдѣланное для маскараду султанское платье и туфли. Часу въ двѣнадцатомъ подалъ нѣкій магистеръ Бодинусъ Е. В-ву нѣмецкую оду. Потомъ читалъ предъ Е. В-омъ рѣчь свою, на нѣмецкомъ же языкѣ сложенную. Читаючи стоялъ на принесенной въ покой походной его катедрѣ, о которой весьма усильно просилъ, чтобъ внесть дозволено было. Послѣ полудни часа

въ четыре начали съѣзжаться назначенные съ Е. В-омъ въ маскарадную кадриль господа. Одѣли ихъ. Часу въ седьмомъ пошли къ Государынѣ во внутренніе Ея В-ва покои. Оттуда въ залъ, гдѣ маскарадъ былъ, шли вышеозначеннымъ строемъ. Наконецъ, разстроились и начали танцовать. Е. В-во изволилъ танцовать съ фрейлинами и другими масками. Съ маскараду ходили отдыхать со всѣми сими турецкими вельможами въ учительную комнату Его В-ва. Потомъ возвратясь въ маскарадъ еще танцовали. Е. В-во пойтить къ себѣ изволилъ въ девять часовъ. Турки всѣ остались, иные танцовать, иныхъ матушки по домамъ повезли. Пришедъ послали для Е. В-ва за кушаньемъ. Прежде нежели кушанье поставили, зашелъ у насъ разговоръ о воспитаніи бывшихъ съ Е. В-мъ въ маскарадѣ дѣтей и потомъ генерально о воспитаніи. Е. П-во Никита Ивановичъ, пріемля въ семъ разговорѣ участіе, весьма обстоятельныя дѣлалъ разсужденія о разности между человѣкомъ благовоспитаннымъ и человѣкомъ безъ воспитанія; какъ многія естественныя слабости воспитаніемъ скрыты, или еще и въ добро превращены быть могутъ, и какъ напротивъ того необузданны склонности, безосновательны и нелѣпы дѣла человѣка воспитаніемъ не просвѣщеннаго. При чемъ изволилъ Е. П-во сказывать тому нѣсколько примѣровъ изъ самой новѣйшей лѣтописи о приключеніяхъ, которыя нѣсколько дней тому назадъ случились. Е. В-во въ семъ случаѣ болѣе былъ слушателемъ. Потомъ сѣли за столъ. Е. В-во изволилъ говорить, какъ ему визирь понравился, и какъ онъ хорошо воспитанъ. Изволилъ послать со мной къ нему поклонъ и со стола конфектовъ, также къ Капитану—Башѣ поклонъ...

29 сентября. По утру Е. В-во не учился, потому что всѣ книги были убраны для перевозу въ зимній дворецъ, часу въ двѣнадцатомъ и самъ Е. В-во туда переѣхать изволилъ. Переѣхавши, тотчасъ изволилъ пойтить къ Государынѣ. Оттуда возвратившись къ себѣ, разсматривалъ сдѣланную въ уборной его комнатѣ рѣшетчатую птичню, и поставленный въ учительной токарный станокъ, стараніемъ Е. П-ва И. И. Бецкаго. Около птични сѣло насъ съ Е. В-омъ человѣкъ пять, и представляя будто бы партеръ, били въ ладоши, какъ скоро какая птичка особливое какое движеніе сдѣлаетъ, вспорхнетъ, ощипнется или отряхнется. Симъ позабавясь Е. В-во изволилъ

пойтить за столъ. Передъ самымъ тѣмъ временемъ представлялъ Главнаго Магистрата Президентъ кн. Мещерскій петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ да съ солью В. Князю на новоселье...

Послѣ обѣда не учился жъ Е. В-во; книги еще были не разобраны и въ комнатахъ кое-что прибирали. Токарному станку труда не мало было: В. Князь точилъ, мы всѣ точили, и никто ничего не умѣлъ. Потомъ пришолъ И. И. Бецкій; показывалъ какъ съ токарной сбруей обходиться. Е. В-во зачалъ точить получше и мы какъ настоящіе токари громодню опять подняли. Послѣ изволилъ Е. В-во играть въ карты въ три—три: играли Е. В-во. Т. И. Остервальдъ, П. И. Пастуховъ и я. Окончивъ игру, изволилъ В. Князь самъ распоряжать и устанавливать комнатную свою библіотеку въ опочивальнѣ. Потомъ смотрѣлъ я съ нимъ планъ франкфуртской баталіи, который присланъ тогда вскорѣ послѣ той баталіи къ Е. В-ву отъ фельдмаршала графа П. С. Салтыкова. В. Князь изволилъ высматривать ордеръ баталіи и который полкъ стоялъ подлѣ котораго. Часу въ осьмомъ изволилъ лечь въ учительной комнатѣ на канапе и началъ нѣсколько подремывать. И какъ я сѣвши подлѣ него и пощекотавъ, сказалъ: дремлешь. батюшка, дремлешь! то на сіе развеселившись изволилъ сказать мнѣ нарошно соннымъ голосомъ: je règne, вспомня сіе слово изъ комедіи „Arlekuin, empereur de la lune." Въ исходѣ осьмого часа сѣли ужинать. Тутъ въ разговорахъ между прочемъ доносилъ я Е. В-ву, какое скаредное и болотистое мѣсто тамъ было, гдѣ нынѣ прекрасная улица, что Большой Морскою называется. Потомъ зашла рѣчь о строеніяхъ и о дорогахъ. Я Е. В. разсказывалъ о крѣпости старинныхъ зданій, о Аппіанской дорогѣ въ Италіи, о каналѣ Лангедокскомъ, о нашемъ Ладожскомъ, и какъ у насъ при Государѣ Петрѣ В-омъ. его прадѣдѣ. за крѣпостью въ строеніи и за обжогомъ и приготовленіемъ кирпича крѣпко смотрѣли. Откушавши попрыгалъ нѣсколько Е. В-во и легъ опочивать...

2 октября. Е. В-во проснулся по утру въ шесть часовъ. Чай кушалъ въ постелѣ. Потомъ вставши изволилъ одѣться и сѣсть за ученье. Передъ обѣденнымъ кушаньемъ точилъ Е. В-во. Обѣдали Его Сіятельство вице-канцлеръ, графъ З. Г..

А. В. Олсуфьевъ, ген. Веймарнъ, г. фельдцейхмейстеръ Вильбоа, и тайный совѣтникъ графъ Минихъ, съ которыми у него сего-дня была конференція, какъ сказываютъ о дѣлахъ китайскихъ. У насъ за столомъ сего-дня говорили о представленной въ Москвѣ кавалерами трагедіи, и о балетѣ, также разсуждали и вообще о театрѣ. Послѣ стола тотчасъ изволилъ Е. В-во пойтить въ парадный свой залъ, куда принесенъ былъ сдѣланный по размѣру и совсѣмъ оснащенный корабль, длиною въ 15 футовъ: дѣланъ подъ смотрѣніемъ корабельнаго мастера Качалова и подмастерья Никитина. Корабль показывалъ Е. В-ву Его П-во г. адмиралъ С. И. Мордвиновъ. Порѣзвился нѣсколько Е. В-во, и въ половинѣ четвертаго часу сѣлъ учиться. У меня и сего-дня весьма хорошо учился. Послѣ ученія изволилъ Е. В-во пойтить самъ-другъ со мною въ залъ къ кораблю. Подлѣ него стояла модель крѣпости ораніенбаумской. Я сказалъ Е. В-ву, что вотъ двѣ крѣпости, крѣпость сухопутная и крѣпость морская. Е. В-во тотчасъ перехвативъ у меня, изволилъ говорить, что я то съ языка у него сорвалъ, что онъ хотѣлъ сказать то же самое. Потомъ изволилъ спросить меня: а кто выдумалъ строить сухопутныя крѣпости? На сіе доносилъ я Е. В-ву, что строеніе крѣпостей тогда началось, какъ начались между людьми раздоры; раздоры тогда начались, какъ въ людяхъ завелась ненависть; ненависть завелась тогда, какъ родились страсти, а страсти родились съ человѣкомъ. При томъ напоминалъ я, чтобы Е. В-во тогдашнихъ крѣпостей не изволилъ представлять себѣ такими, какову изволитъ видѣть эту ораніенбаумскую; но что тогдашнія крѣпости противъ этой были клѣтки; что какъ укрѣпленія отъ времени до времени перемѣнялись, о томъ буду имѣть честь подробно предложить, когда станемъ трактовать о фортификаціи. Тутъ изволилъ сказать Е. В-во: такъ по этому и морская-та наша крѣпость сначала не такъ хороша была? Я изъяснялъ Е. В-ву въ генеральныхъ словахъ о началѣ и производствѣ корабельнаго дѣла. Упоминалъ при томъ, дабы больше вложить въ него поощреніе къ ученію математическому, что все въ огромномъ семъ зданіи расположено по правиламъ математическимъ, и что тотъ прямо красоты его еще не видитъ, кто не знаетъ математики. Е. В-во изволилъ разсказывать мнѣ о употребленіи сигнальныхъ флаговъ во время бою, чему онъ отъ мор-

скихъ наслышался; сему кораблю изволилъ тутъ Е. В-во дать имя Анна на память покойной сестры своей Великой Княжны Анны Петровны. Потомъ пошли мы во внутренніе покои и сѣли въ маленькомъ будуарѣ играть въ карты въ три-три; играли Е. В-во, Остервальдъ, Перфильевъ и я. Кончивши игру часу въ осьмомъ въ исходѣ сѣли ужинать.

5 октября. Сего утра назначено турецкому посланнику быть у Его П-ва Никиты Ивановича на аудіенціи и подать листъ отъ визиря своего. Е. В-во вчерась еще выпросилъ у Никиты Ивановича позволеніе, чтобъ смотрѣть аудіенціи инкогнито. Она была сего-дня по утру въ исходѣ двѣнадцатаго часу въ парадныхъ покояхъ В. князя. Какъ ввели посланника въ комнату аудіенціи, то П. В. Бакунинъ вошелъ въ парадную Е. В-ва залу, каторая на сей разъ кабинетъ представляла, доложить Его П-ву о прибытіи посланника. Его П-во тотчасъ вышелъ, и выслушавъ рѣчь отъ посланника, по подачѣ визирскаго къ нему листа, говорилъ ему отвѣтъ. По окончаніи отвѣта изволилъ Е. П-во сѣсть за столъ въ креслы, посланника посадилъ по правой сторонѣ; а на лѣвой сторонѣ сидѣлъ для асистенціи Его П-ву Иностранной Коллегіи членъ графъ А. С. Строгановъ. Около множество кавалеровъ стояло. Е. В-во изволилъ смотрѣть изъ залы въ двери. Передъ нимъ стояли фрейлины А. Р. Веденева и графиня А. П. Шереметева, и составляли для него изъ роброновъ своихъ ширму. Е. В-во былъ безъ кавалеріи. Видя Турковъ не хотѣлъ близко подойти къ дверямъ, но все отсторанивался, знать отъ непривычки къ челмамъ и усамъ ихъ. По окончаніи аудіенціи сѣли за столъ. Его П-во Никита Ивановичъ разсказывать изволилъ, что посланникъ между прочимъ говорилъ ему, что Его П-во дарованіями своими плѣнилъ его душу, что честность и добродѣтель изображены на лицѣ его. Турокъ сими послѣдними словами крайне мнѣ полюбился. Нельзя ничего было сказать сего справедливѣе. Впрочемъ говорили за столомъ сего-дня по большей части о обрядахъ въ пріемѣ пословъ и посланниковъ. Ставъ изъ за стола поточилъ нѣсколько Е. В-во, потомъ попрыгалъ. Сѣлъ учиться. По окончаніи ученія въ седьмомъ часу изволилъ пойтить къ Государынѣ... Пришедъ къ себѣ жаловался Е. В-во, что не очень здоровъ. Сѣли ужинать. Покушалъ слегка. За столомъ разговорились мы о Туркахъ...,

Зашла рѣчь о Магометѣ, къ которой и Е. В-во пристать изволилъ. Говоря о предпріимчивости сказалъ я: pourquoi n'a-t-on pas trois ou quatre têtes à risquer! Сіе кончивши началъ я говорить о Боневалѣ и его свойствахъ. Т. И. Остервальдъ примолвилъ къ тому, что первая причина побѣгу его была одна женщина, его полюбовница. Тутъ упомянулъ я, какъ отъ малыхъ причинъ великія дѣла рождаются: склонился разговоръ о женщинахъ; говорилъ я, сколь многимъ дѣламъ онѣ единственная причина, хотя по Исторіи иногда вмѣсто того совсѣмъ иныя причины читаемъ. Кн. И. Барятинскій сказалъ тутъ, что онъ слышалъ, что нѣкогда славный маршалъ Тюреннъ открытіемъ вверенной ему тайны своей любовницѣ, былъ въ немилости и въ несчастіи.

7 октября. Окончивъ урокъ историческій, переводилъ русскія вѣдомости на французскій языкъ. Читаючи сіи вѣдомости прежде вслухъ, изволилъ два раза чихнуть, и сказать послѣ: два раза я чихнулъ и все на запятыхъ, што-то будетъ какъ дойду до точки. Отучившись изволилъ Государь В. Князь играть въ воланы. Потомъ пошелъ со мною въ опочивальню и пожаловалъ мнѣ бывшаго при немъ статскаго совѣтника покойнаго Ѳ. Д. Бетхѣева записки о прежнихъ Е. В-во ученіяхъ, сколько сихъ записокъ отыскалось; ихъ очень не много, да которыя и есть, тѣ весьма необстоятельны и кратки: строки по четыре. Я не премину однакожъ употребить ихъ въ сочиненіи своемъ о бывшихъ до меня въ комнатѣ любезнѣйшаго моего Государя Цесаревича происшествіяхъ. Изъ опочивальни изволилъ Е. В-во пойтить со мною въ залъ къ кораблю. Тамъ изволилъ приказать двумъ гайдукамъ и тремъ лакеямъ всѣ принесенные ему флаги на кораблѣ по разнымъ веревкамъ привязыватѣ. Для каждаго флагу самъ изволилъ показывать мѣсто и весьма тѣмъ упражненъ былъ. Во время сего упражненія изволилъ разговаривать со мною о завтрашнемъ маскарадѣ, въ который въ томъ же султанскомъ платьѣ пойтить изволилъ, въ которомъ послѣдній разъ былъ, и всѣхъ тѣхъ Турковъ имѣть съ собою будетъ, которые тогда были. Говорилъ, что послѣ завтрашняго маскараду, при первомъ случаѣ намѣренъ выпросить для себя и для всей своей кадрильи матрозскія платья. Тутъ шутя докладывалъ я Е. В-ву, что ему со всѣми этими матросами можнобъ усѣсться на кораблѣ.

который разцвѣчаютъ теперь флагами, и поддѣлавши подъ него колеса въ маскарадъ на немъ ѣхать. Е. В-во изволилъ тѣмъ веселиться и попрыгивать. Незадолго передъ обѣдомъ поднесъ Его В-ву артиллерійскій одинъ офицеръ, родомъ Грузинецъ князь Чухлымановъ, князь Чолакоевъ (или можетъ быть и инако, не знаю хорошенько) двѣ духовыя гоубицы и двѣ пушки. Въ залѣ дѣлали имъ пробу. Стрѣляли приготовленными для нихъ нарочно деревянными ядрами. Сѣли за столъ... Разговаривалъ я за столомъ съ Его П-вомъ С. И. Мордвиновымъ о морскомъ и сухопутномъ бою, утверждая, что ихъ морскія битвы ужаснѣе и жесточаѣ, нежели сухопутныя; что на сухомъ пути командующему по протяженію подчиненнаго ему фронту безопаснѣйшее для себя мѣсто избрать можно; что по разбитіи ретировавшись съ остальными людьми можетъ собрать ихъ и опять наступать на непріятеля; что на морѣ кромѣ корабля, на нѣсколько саженъ простирающагося, дѣваться некуда; что на разбитомъ кораблѣ принуждено ретироваться на дно и проч. Е. В-во изволилъ также въ сію рѣчь вмѣшиваться, и наконецъ между прочимъ сказалъ: чтожъ бѣды, хоть и на дно ретироваться. Вить въ смерти-та больше страху, нежели вреда, особливо для человѣка добродѣтельнова, которому на томъ свѣтѣ лучше еще будетъ нежели здѣсь. Потомъ глядя на поставленную на столѣ пирамиду, изволилъ сказать мнѣ Его В-во: я такъ въ свой корабль вглядѣлся. что и эта пирамида кораблемъ мнѣ кажется, когда немножко позадумаюсь. Послѣ стола пришелъ къ Е. В-ву Его Сіятельство графъ Г. Г. Орловъ. В. Князь приказалъ принести изъ залы помянутыя духовыя орудія, два пожаловалъ графу Григорію Григорьичу и два себѣ взялъ. Назначили въ комнатѣ болота и пригорки, представили двѣ арміи и началась съ обѣихъ сторонъ пальба. Графъ Г. Г. съ похвалою при семъ случаѣ разсказывалъ о графѣ П. А. Румянцовѣ, какъ онъ предводительствовалъ своимъ корпусомъ и дѣлалъ распоряженія въ послѣднюю войну. Послѣ какъ ушолъ графъ Г. Г., отведши меня къ сторонѣ говорилъ мнѣ Е. В-во: не прогнѣвайся братецъ, что я тебѣ сегодня за столомъ устрицъ больше одново блюда ѣсть не далъ. Я боялся, чтобъ ты не занемогъ. За сіе благодарилъ я В. Князя. Въ половинѣ четвертаго часу изволилъ онъ сѣсть учиться. У меня весьма хорошо

учился. Послѣ ученья изволилъ послать съ повѣсткою о затрашнемъ маскарадѣ къ господамъ своей кадрильи. Приказалъ имъ съѣхаться къ себѣ завтра въ четыре часа по полудни. Пославъ изволилъ считать, что до того времени остается безъ малаго двадцать четыре часа. Е. В-во до сего вожделеннаго времени по часамъ тогда еще счетъ началъ вести, какъ до него девяносто два часа было. Потомъ началась изъ духовой гоубицы ужасная пальба и долго продолжалась. Въ шесть часовъ изволилъ Е. В-во пойтить на комедію. Комедія была французская: „L' école des femmes;“ балетъ „Les Chasseurs;“ маленькая пьэса „La fête de l'amour.“ Ея Величество присутствовать не изволила въ комедіи. Въ маленькой пьэсѣ и въ балетѣ танцовщику Тимофею Парадису и Мекуршѣ два раза партеръ безъ него захлопалъ, что ему весьма было непріятно. Пришедши къ себѣ долго роптал о томъ. Графъ А. С. Строгановъ пришедъ, говорилъ Е. В-ву что въ послѣдній разъ на комедіи и Государыня дозволила при себѣ апплодировать, хотя она и не изволитъ зачать. В. Князь на сіе изволилъ отвѣчать ему: да объ этомъ я не слыхалъ, чтобъ Государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ апплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобъ тѣхъ можно было высылать вонъ, которые начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности. За ужиной и послѣ все время Его В-во посерживался. За столомъ показывалъ графъ Александръ Сергѣеичъ новонапечатанные въ стихахъ французскихъ письмо Барневельта къ другу своему Трюману. Этотъ Барневельтъ любовницею своей приведенъ былъ на то, чтобъ убить своего благодѣтеля За то приговоренъ къ смерти, и письмо сіе передъ смертію пишетъ. Гр. А. С. сказывалъ, что трагедію на сей случай именуемую „Барневельтъ“ перевелъ на русскій языкъ Андрей Андреичъ Нартовъ. Е. В-во, вошедши сего вечера въ нравъ брюзгливый, изволилъ выговорить: я знаю, что перевелъ, и очень дурно. И графъ А. С. спросилъ, почему онъ то знать изволитъ, то отвѣчалъ ему: я видѣлъ ее и строки двѣ прочелъ. Тутъ говорилъ я Е. В-ву, что никогда такъ скоро судить не надобно; что авторы и переводчики трудятся изъ чести, кладутъ на упражненія свои для того много времени, и что худое для нихъ утѣшеніе будетъ, если послѣ за всѣ

старанія ихъ и за пролитой потъ прочетши строки двѣ скажутъ: дурно, дурно, дурно. Сіе напоминаніе изволилъ принять Е. В-во...

16 октября. Его Высочество изволилъ проснуться въ семь часовъ, и весьма не веселъ былъ, что такъ поздно. Потомъ неудовольствіе гораздо еще умножилось, и до слезъ почти дошло, что госп. Остервальдъ, пробывши вчерась долго на маскарадѣ, не приходилъ часу до одиннадцатаго. В. Князю одѣвшись хотѣлось сѣсть за ученье, а госп. Остервальда по утру часы для исторіи. Послѣ ученья раскаивался въ своемъ нетерпѣніи. Передъ обѣдомъ забавлялся Е. В-во около маленькой электрической машины; гайдуковъ и другихъ при немъ электровали. Часу до третьяго дожидались мы Никиты Ивановича. И Е. В-во ожидалъ весьма терпѣливо, хотя и говорилъ, что кушать очень хочется... Вставши изъ-за стола, веселился Государь электризаціею. Въ четвертомъ часу изволилъ сѣсть за ученье; у меня очень хорошо учился. Часу въ шестомъ сѣли мы играть въ три—три... Потомъ порѣзвился Е. В-во. Сѣли ужинать. За ужиною разговаривали о маскарадѣ вчерашнемъ, что очень былъ тѣсно, особливо въ тѣхъ аванзалахъ, гдѣ было мѣщанство. Потомъ разговорились о бывшихъ въ Москвѣ маскарадахъ; какая ужасная тѣснота тамъ была; что все дворянство по большой части тамъ и проч. Е. В-во съ восхищеніемъ вспоминалъ о житьѣ московскомъ. И кромѣ сего, когда ни придетъ къ рѣчи, всегда изволитъ показывать охоту пожить въ Москвѣ. Ужиналъ у насъ господинъ Фузадье. Я между прочимъ сказывалъ В. Князю о маленькомъ его сынѣ, какъ онъ прилеженъ, и что я одинъ разъ засталъ его, что сидитъ и пересматриваетъ чертежи въ универсальной исторіи о путешествіяхъ. Вставши изъ за стола, разулся Е. В-во, и господинъ Фузадье обрѣзывалъ у него ногти.

29 октября. Сего утра госп. Клеретъ вырвалъ у него зубъ, который уже гнить было началъ. В. Князь долго не изволилъ допускать его, но потомъ скрѣпился, и дозволилъ зубъ вырвать. Одѣвшись изволилъ Е. В-во сѣсть учиться... Но мнѣ отъ Е. В-ва какъ я пріѣхалъ, пріемъ не столько былъ ласковъ, чтобъ я имѣлъ причину быть имъ доволенъ. Въ изысканіи тому причины, особливо здѣсь я входить не хочу. То при-

мѣчу только, что часто на Е. В-во имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого нибудь человѣка, такого человѣка послѣ видя Е. В-во склоненъ къ нему является; когда жъ напротивъ того говорятъ о немъ не выгодно и хулителъно, а особливо не прямо къ Его В-ву съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговоръ мимоходомъ, то такого Государь Вел. Князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется. Сѣли за столъ... Пострадалъ я сего-дня за столомъ ужасно. И какъ не страдать, когда вотъ что происходило: разговорились мы о Государѣ Петрѣ В-омъ; нѣкто прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего Монарха, о томъ только твердить разсудилъ за благо, что государь часто напивался до пьяна, и билъ министровъ своихъ палкою; другой нѣкто, изъ неосмотрительнаго подражанія такому отнюдь не позволительному разговору въ присутствіи Е. В-ва, прибавилъ къ тому, что какъ Государь билъ палкою въ одно время нѣкоего своего генерала, Нѣмца, то сей генералъ послѣ сказалъ изъ библіи: Рука Господня прикоснуся ая и проч. Прежній нѣкто продолжалъ, что только-те и извѣстно государей—драчуновъ по исторіи, что Петръ Первый да покойный король прусской, отецъ нынѣшняго короля. Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла XII, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что Вольтеръ пишетъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Государя Петра В-го первымъ солдатомъ, то спросилъ у него Е. В-во, неужели это такъ? На сіе говорилъ онъ Е. В-ву, что можетъ быть и написано, однако то крайнее ласкательство; наконецъ какъ я говорилъ о письмахъ Государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ сюда къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи, надобно непремѣнно имѣть и тѣ письма; что я многія у себя имѣю и проч.; то первый нѣкто никакого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что Государь въ нихъ писывалъ иногда: Минъ-Геръ Адмиралъ, и подписывалъ: Питеръ. Признаюсь что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать запальчивость. Я всему разумному

и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе, пристойно ли, чтобы Е. Имп. В-во, престола Россійскаго Наслѣдникъ и Государя Петра В-аго родной правнукъ, такимъ недоброхотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель?...

Посемъ разговорились о Кейслеровомъ путешествіи, и послѣ о переводчикахъ академическихъ: Тепловѣ, Голубцовѣ и Лебедевѣ. Я говорилъ, что они очень хорошо по русски знали и хорошо переводили. Первый тотъ нѣкто сказалъ на то: „однакожъ они всѣ одной вить смертью умерли, то есть спились.“ Тутъ тотчасъ оборотясь ко мнѣ изволилъ говорить В. Князь: вотъ слышишь ли, вить это не ложь я думаю? Я отвѣчалъ, что коротко ихъ не зналъ, и о кончинѣ ихъ не извѣстенъ, и что и того не знаю, почему и тотъ господинъ такія подробности могъ вѣдать. Послѣ стола порѣзвясь Е. В-во изволилъ сѣсть учиться. Потомъ пошли на маскарадъ со всѣмъ маленькимъ нашимъ приборомъ... Съ маскараду пришли мы въ девятомъ часу въ началѣ. Е. В-во очень гнѣвнымъ изволилъ себя противъ меня оказывать. А проступки своей истинно ни какой не знаю.

2 ноября. Прежде нежели успѣлъ еще я войтить къ Е. В-ву изволилъ онъ прибѣжать ко мнѣ и бросясь на шею и цѣлуя меня говорилъ: прости меня, голубчикъ, я передъ тобой виноватъ; впередъ никогда уже ссориться не буду, вотъ тебѣ рука моя. Я разцѣловалъ ручку Е. В-ва и по нѣкоторымъ изъясненіямъ постановивши твердый миръ, пошелъ за нимъ чай пить. За чаемъ разговаривали мы между прочимъ о Рестовой французской грамматикѣ, также о Ломоносовой русской. Тутъ разсказывалъ я Е. В-ву о падежахъ, какъ всѣ они по-русски называются, и что который падежъ значитъ. За обуваньемъ прочелъ я Е. В-ву изъ Вольтеровой исторіи о Государѣ Петрѣ В-омъ два мѣста. Первое, гдѣ Вольтеръ говоритъ, что Карлъ XII достоинъ быть въ арміи Петра В-го, первымъ солдатомъ; другое мѣсто, гдѣ Вольтеръ разсуждаетъ, что надобно, чтобы Россія еще имѣла Петровъ Великихъ, дабы всѣ въ ней заведенія приведены были къ совершенству, и она порядочно выстроенными городами и людствомъ жителей такъ бы изобиловала, какъ прочія европейскія государства. Какъ первое мѣсто прочелъ я, то сказать изволилъ Е. В-во: вить этта-то льститъ онъ. На сіе отвѣчалъ я, что

Вольтеръ тоже почти самое и въ исторіи своей о Карлѣ XII упоминаетъ, гдѣ бы конечно Государю Петру В-му не сталъ ласкательствовать. Въ другомъ мѣстѣ прочитавъ разсужденіе Вольтерово говорилъ я, что это и до Е. В-ва касается, что для чего ему не быть въ числѣ великихъ государей, что способы всѣ къ тому имѣетъ и прочее. Потомъ подробно разсуждалъ я, какъ Е. В-ву поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и будущихъ родовъ благодарность и почтеніе. Я весьма доволенъ былъ вниманіемъ, съ какимъ Е. В-во слушать меня изволилъ. Потомъ о многомъ шутить со мною изволилъ, и все утро чрезвычайно былъ ласковъ. Изволилъ читать вчерашнюю комическую оперу. Потомъ сѣлъ учиться. Послѣ ученія точилъ Е. В-во. Никита Ивановичъ приказалъ сегодня конфисковать часы у Государя В-аго Князя, для того, что часто изволитъ смотрѣть на нихъ и время очень акуратно мѣряетъ. Еще Его П-во приказалъ, чтобъ Е. В-во изъ славныхъ французскихъ трагическихъ авторовъ нѣкоторыя мѣста наизусть выучивалъ, гдѣ заключаются хорошія сентенціи. Сіе сегодняжъ и зачато послѣ послѣ-обѣденнаго ученія...

Un Roi sage, ainsi Dieu l'-a prononcé lui-même,
Sur la richesse et l'or ne met point son appui etc.

За ужиною изволилъ Е. В. съ пріятностію вспоминать и разговаривать о житьѣ московскомъ.

6 ноября. Е. В. изволилъ встать въ семъ часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученія, по окончаніи которыхъ принесъ Его Пр-во Никита Ивановичъ поднесенную Итальянцомъ Маджи шляпу, выложенную вмѣсто позумента, новоманернымъ изъ стеклянныхъ нитокъ сплетенымъ кружевомъ. Велѣли вынесть ее въ казенную. Я всѣ руки перекололъ себѣ стеклами. Потомъ Е. В-во порѣзвясь, изволилъ о вчерашнемъ письмецѣ разговаривать со мною. Сѣли за столъ... Его Пр-во Петръ Ивановичъ разсказывалъ объ одномъ человѣкѣ, съ какимъ усердіемъ и съ какою доброю памятью онъ всѣ указы и учрежденія напротивъ пріискиваетъ и представляетъ, если доходитъ сдѣлать кому какую милость; а если къ тому идетъ, чтобъ наказать кого, то ни съ чѣмъ несправляясь обѣими руками подписываетъ. Потомъ читалъ гр. И. Г. въ экстраординарныхъ газетахъ подъ артикуломъ изъ Лондона,

что тамъ нѣкто, сохраняя нѣсколько времени сокъ, выжатый изъ травы, которая на рѣпейникъ походитъ, вздумалъ наконецъ дѣлать опыты надъ этимъ сокомъ, и нашелъ, что имъ всякій металлъ въ золото превратить можно; и что это всѣмъ любопытнымъ въ Лондонѣ показывается. Карлъ Федоровичъ долго противъ этого спорилъ, и утверждалъ, что сіе невозможно. Говорили и о дрезденскомъ порошкѣ, изобрѣтенномъ нѣсколько лѣтъ назадъ, которымъ будто всякіе металлы въ золото превращать можно. Гр. Иванъ Григорьичъ болѣе при томъ шутилъ, нѣсколько въ досаду Карлѣ Федоровичу... Послѣ позабавясь Е. В-во изволилъ сѣсть учиться. У меня очень хорошо учился. Въ Физикѣ сего-дня гораздо нехорошо шло. Послѣ разговаривая со мною, изволилъ Его Высочество поглядѣть въ окошко, и какъ на дворѣ подмерзло и дороги были весьма шероховаты и нѣсколько прикрыты снѣгомъ, то изволилъ сказать мнѣ: *пожалуй посмотри, дорога-та теперь совсѣмъ а ла грекъ*; (узоръ въ шитьѣ, выдуманный недавно въ Парижѣ и употребляемый и сѣверными нашими петиметрами). Въ этожъ время между разговоровъ былъ мнѣ случай донести Е. В-ву, что въ кунсткамерѣ хранится по указу Государя Петра В. деревянный глобусъ, сдѣланный въ тогдашнее время русскимъ мастеромъ; и что хотя по тогдашнему ученичеству и не весьма чисто выработанъ, однако блаженныя памяти Государь говоря, что ему то мило, что свой дѣлалъ, приказалъ поставить глобусъ въ кунсткамеру, разцѣловалъ мастера и пожаловалъ ему на вѣкъ довольное пропитаніе. Такъ великій Государь ободрялъ своихъ подданныхъ! Потомъ точилъ Е. В-во и со мною кое о чемъ шутить изволилъ. Часу въ седьмомъ изволилъ пойтить къ Государынѣ. Ея В-во изволила быть въ самыхъ внутреннихъ своихъ покояхъ, и въ биліардную выходить не изволила. Чрезъ полчаса времени возвратился Государь къ себѣ. Изволилъ сѣсть со мною и сказать: *попишемъ, братецъ, что нибудь, покамѣстъ до ужины*. Я велѣлъ подать чернильницу и бумаги, и вотъ что мы писали:

„Я смыслъ и остроту всему предпочитаю,
„На свѣтѣ прелестей нѣтъ больше для меня.
„Тебя, любезная! за то я обожаю,
„Что блещешь, остроту съ красой соединя.

Захотѣлось Его В-ву написать и шуточную рѣчь, которою бъ могъ онъ турецкому посланнику отвѣтствовать вмѣсто настоящей, еслибъ имѣлъ онъ у него аудіенцію, (хотя посланникъ ничего по-русски не умѣетъ), и сочинили мы слѣдующую:

Господинъ Посланникъ,

„Понеже вы видомъ козлу, нравомъ медвѣдю, а умомъ барану уподобляетесь; того ради повелѣлъ я всѣмъ онымъ животнымъ собрався въ конференцію дать вамъ аудіенцію. Послѣ того получите вы визиты отъ всѣхъ лошадей и быковъ здѣшняго столичнаго города. Теперь милости просимъ вонъ“.

Сѣвши за столъ разговаривали мы между прочимъ, какъ дурна красота безъ разума, и какъ напротивъ того она усугубляется и отчасу болѣе къ себѣ привлекаетъ, ежели при ней есть разумъ. Упоминали при томъ, о нѣкоторыхъ и на имя...

11 ноября. Государь изволилъ проснуться въ семь часовъ. Одѣвшись сѣлъ за свои ученья. По окончаніи ученья, изволилъ читать древнюю Ролленову Исторію, въ подлинникѣ. Какъ читаючи ее, ненарочно два слипшіеся листа вдругъ перекинулъ, то изволилъ сказать: „сказываютъ, что такъ-то нѣкогда дьяконъ, читаючи Св. Писаніе, два листа вдругъ перекинулъ, и непримѣтя того, сряду читалъ: сотвори же Господь Еву изъ ребра Адамова и... помази ее смолою“. Англійскій пасторъ г. Демарескъ въ это время былъ у насъ и обѣщался заказать для Е. В-ва вырѣзать при академіи на дощечкахъ ландкарты, такъ какъ тѣ вырѣзаны, которыя онъ поднесъ Государю прошлаго году. В. Князь весьма много забавляться изволилъ простымъ обхожденіемъ и ухватками г. Демареска. Потомъ изволилъ пойтить со мною въ опочивальню. Сѣлъ я въ креслы, и Е. В-во, сѣвши подлѣ меня, до самаго обѣда изволилъ разговаривать со мною кое о какихъ анекдотахъ. Сѣли за столъ... Его Пр-во Никита Ивановичъ читалъ отвѣтную грамату Шаха персидскаго на нотификацію, сдѣланную отъ здѣшняго Двора о кончинѣ Государя Имп. Петра В., во владѣніе Государыни Екатерины Алексѣевны. Въ граматѣ, въ титулѣ Шаховымъ между про-

чимъ написано: „Сидимъ мы на нашемъ императорскомъ престолѣ поджавши ноги; иногда и лежимъ; шапка у насъ на бекрень. Пьемъ поминутно вино красное; отъ чего голова наша чрезвычайно помутилася, да теперь не воротить уже; просить было о томъ подданнымъ нашимъ Всевышняго прежде, пока еще охота къ питью нами не овладѣла“ и проч. Никита Ивановичъ весьма разумно разсуждалъ о такомъ невѣжествѣ цѣлыхъ народовъ. Разсказывалъ еще, что какъ блаженныя памяти Государь Петръ В. калмыцкому хану Аюкѣ подарилъ карету, то ханъ принималъ у себя въ каретѣ сидя пословъ другихъ окрестныхъ владѣльцовъ. Наконецъ изломалось что-то у кареты, и Аюка-Ханъ отправилъ ее и при ней посольство къ Государю, чтобы приказалъ починить ее. Разговаривая вообще о каретахъ, упоминали, что во Франціи при Генрихѣ IV ихъ совсѣмъ почти еще не было. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что при Государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ весьма рѣдкіе и самые только знатнѣйшіе ѣздили въ каретахъ, прочіе въ англинскихъ половинчатыхъ колясках, а молодые люди по большой части верхомъ; что Государь Петръ В. весьма часто самъ въ одноколкѣ ѣзжать изволилъ. Е. В-во очень былъ веселъ и замысловато шутить изволилъ. Разговорились о вотчинахъ графа А. С. Строганова, и о принадлежащихъ ему городахъ на Чусовой. Никита Ивановичъ изволилъ говорить, что дѣды Александра Сергѣича и онъ самъ можетъ быть лучше бы сдѣлали и больше прибыли имѣли, еслибы, подражая примѣру Демидовыхъ, за титулами и за придворными честьми не столько гонялись. Я не знаю, пріятно ли было такое раздробленіе обстоятельствъ графу А. С. Спорилъ онъ противъ мнѣнія Е. Пр-ва Никиты Ивановича не мало... Ввечеру изволилъ Государь быть въ комедіи. Комедія была французская: „Le Philosophe marié“; балетъ г. Нейвиля „La jalousie villageoise“; вмѣсто маленькой піэсы комическая опера: „Молошница“. В. Князю все зрѣлище весьма полюбилось. Въ большой пьэсѣ не понравилась только комедіянка Вальвильша. Когда она ни выйдетъ, изволилъ морщиться и презрительный видъ дѣлая говорить: *какая это несносная харя; она ходить совсѣмъ не умѣетъ. Очень похожа на верблюда: не фыркнула бы оборотясь сюда на насъ*; про Планшмотису

изволилъ говорить, *что у нее всѣ ухватки субреткины, хотя роль и не субреты играетъ.* Балетъ Е. В-ву чрезвычайно былъ угоденъ. Изволилъ говорить, что у него руки свербятъ, хлопать хочется, и что ежелибъ Государыни не было, то бы онъ во все время прохлопалъ. Балетъ былъ со всѣмъ новаго вкусу, и гораздо не дуренъ. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество кушать въ опочивальнѣ за маленькимъ столикомъ. Я тутъ же ужиналъ. Разговорились между прочимъ о комическихъ операхъ, потомъ о разборѣ и о вкусѣ. Я говорилъ, что весьма мало такихъ людей, которые бы слѣдуя своему просвѣщенію дѣла судили и давали свои мнѣнія; что большая часть разиня ротъ слушаетъ только, какихъ другіе судьи мыслей, и пристаютъ къ нимъ не зная ни силы, ни писанія, по слѣпотѣ своей или по подлости; что иные изъ одного только упрямства одно дѣло похваляютъ, другое хулятъ; что можетъ быть и сами увидѣли бы свою ошибку, еслибы безпристрастно захотѣли подумать; что особливо Е. В-ву надобно остерегаться, чтобы не попасть въ такіе судьи; что ненадобно быть упорну своемъ мнѣніи; что надобно слушать разсужденія людей разумныхъ и просвѣщенныхъ, однакожъ безъ предупрежденія и слѣпоты, но слушаясь во всемъ чистаго и здраваго разсужденія; что въ Е. В-вѣ все сіе скорѣе примѣчается, нежели въ другомъ, потому что гораздо болѣе глазъ на него смотрятъ, нежели на другаго; что своимъ важнымъ примѣромъ и другихъ недостатки онъ исправить можетъ и скорѣе на нихъ оглянуться заставитъ и проч...

26 ноября... Послѣ ученья, Главнаго Магистрата президентъ кн. Мещерскій представлялъ Е. В-ву санктпетербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ да съ солью, для поздравленія съ прошедшимъ днемъ тезоименитства Ея В-ва. Изъ поднесенныхъ ранетовъ, грушъ и лимоновъ изволилъ Государь, десятка два выбравъ, самъ накласть на блюдо, и послать къ Его Преподобію о. Платону. Его Преподобіе послѣ чтенія съ Государемъ Св. Писанія остался у насъ сегодня обѣдать. Отправивъ купцовъ, изволилъ Е. В-во передъ о. Платономъ со мною биться на рапирахъ. Сѣли потомъ за столъ. Разговаривали сначала о женитьбѣ и о разводѣ. Во время сего разговору, В. Князь изволилъ припамятовать одинъ стихъ

изъ посланій св. апостола Павла. Послѣ сего зашли разсужденія о суевѣрствѣ и католическихъ земляхъ, о кипѣніи крови св. Іаннуарія, о чанѣ св. Іосифа и прочее... Послѣ стола изволилъ Е. В-во забавляться, приказалъ подать себѣ карафинъ пустой, и заткнувъ его припечаталъ ярлыкъ съ надписью: „Le han de St. Goseph“, такъ какъ онъ о томъ за столомъ отъ графа А. С. слышалъ. Въ четвертомъ часу изволилъ Государь сѣсть учиться. Ввечеру пріѣхала его повивальная бабушка Голанка. Разговаривалъ я съ нею при Е. В-вѣ о рожденіи и младенчествѣ. Бабушка сказывала, что ходить Государь зачалъ году и одного мѣсяца. Сказывалъ я и бабушка тоже подтверждала, какая при рожденіи Е. В-ва по двору и во всемъ народѣ была радость. При томъ говорилъ я Е. В-ву, что надобно сей радости соотвѣтствовать и стараться, чтобъ она при совершенномъ его возрастѣ еще болѣе умножилась; что до сего не чѣмъ инымъ дойтить, какъ прилежнымъ упражненіемъ въ ученіи и безпрестаннымъ исполненіемъ въ самомъ дѣлѣ предлагаемыхъ Е. В-ву для поведенія его правилъ. Припомнилъ я Государю и о ужинѣ въ день тезоименитства Ея В-ва, толкуя, что всегда, будучи въ публикѣ, надобно ему памятовать, что всѣхъ глаза на него смотрятъ; что всѣ по движеніямъ его, по разговорамъ, по взглядамъ, по ухваткамъ, по поступкамъ заключаютъ о его нравѣ и мѣряютъ по тому будущую свою надежду. Часу въ седьмомъ точилъ Е. В-во. Вставши изъ-за станка, изволилъ разговаривать со мною, какъ бы онъ охотно въ Москву поѣхалъ, если-бъ можно было, какъ бы тамъ жить сталъ. Послѣ на токодильномъ столѣ разстанавливалъ Государь шашки; а я между тѣмъ подлѣ сидя съ г. Остервальдомъ разговаривалъ о происхожденіи комерцій и монеты; объ американскомъ богатствѣ, о завоеваніи Америки и тому подобномъ...

18 декабря... Послѣ ученья, передъ обѣдомъ вышедъ въ желтую комнату съ Любимомъ Артемьичемъ, разговаривать изволилъ о караулахъ въ войскѣ во время походу; какъ разстанавливаются, какъ рундомъ ходятъ, и какъ отдаютъ и сохраняютъ пароли и лозунги. Пошли за столъ. Гость только одинъ былъ у насъ Любимъ Артемьичъ. Сначала разговорились о Хвостовѣ и о Поздѣевѣ, которые казенную покрали. Любимъ Артемьичъ сказывалъ, что судить ихъ опредѣленъ

гвардіи маіоръ А. Л. Щербачевъ... Разговорились о точности военной службы и о строгости судовъ военныхъ. Любимъ Артемьичъ сказывалъ, что при Государѣ Петрѣ В. цѣлый судъ за то сосланъ на каторгу, что осудилъ одного офицера не по законамъ, а по собственному своему благоизобрѣтенію. Говорилъ я, что и я объ этомъ судѣ слышалъ, что Государь разгнѣвался за то, что судейское дѣло судить по тѣмъ законамъ, которые даны имъ, а умягчить, перемѣнить или совсѣмъ простить зависитъ отъ Его Монаршеской воли. „Однако, продолжалъ я, вить этихъ судей послѣ простилъ Государь, и приказалъ очень скоро возвратить ихъ; хотѣлъ только дать острастку". В. Князь изволилъ сказать къ тому: *хороша острастка, отобрать чины. да послать на каторгу.* Челищевъ говорилъ тутъ, что Государь Петръ В. обыкновенно прощалъ тѣхъ, кто самъ принесетъ повинную; если же кто покажетъ себя упорнымъ или злоумышленнымъ, для тѣхъ рѣдко умягчалъ строгость законовъ. „Да не при одномъ Государѣ, продолжалъ онъ, эта строгость соблюдалась. Во время турецкихъ походовъ разстрѣляли Тютчева и разжаловали въ солдаты генералъ-поручика Загрязскаго, ни за что почти. Это и слишкомъ было, а Государь давно уже преставился". Е. В-во изволилъ спросить: *какъ это происходило, и за что разстрѣляли Тютчева?* Разсказывалъ тутъ Любимъ Артемьичъ объ этомъ дѣлѣ. И подлинно причина была не великая. Т. И. Остервальдъ старался оправдать въ томъ Миниха и говорилъ, что эта строгость тогда была неудобна, что никто не хотѣлъ его слушать. Были на сіе и возраженія. Разговорились о А. И. Румянцевѣ и о ссорахъ его съ Минихомъ; тутъ также было и pour и contre. Послѣ стола изволилъ, отведши меня, говорить Е. В-во, *что ему хочется чтобы старичокъ Любимъ Артемьичъ еще что нибудь разсказалъ.* Подошелъ я къ нему, и началъ съ нимъ разговаривать. Е. В-во, ставши подлѣ, изволилъ слушать. Говорили мы о взятіи Очакова, потомъ зашла рѣчь о свѣтлѣйшемъ князѣ Менщиковѣ. Любимъ Артемьичъ разсказывалъ о житьѣ его, и какъ Государь его жаловалъ; упоминалъ такожъ и о письмахъ Государевыхъ къ нему, къ Ф. М. Апраксину и къ Б. П. Шереметеву. Просилъ я его объ этихъ письмахъ, чтобы ко мнѣ сообщилъ ихъ, потому что многія есть у него. „Прочитавши ихъ, говорилъ я, покажу

и Е. В-ву тѣ, которыя достойны примѣчанія сыщутся“. В. Князь также изволилъ просить его, чтобы прислалъ ко мнѣ сіи письма. Откланялся Любимъ Артемьичъ и пошелъ въ свою дежурную. Е. В-во изволилъ биться со мною на рапирахъ. Потомъ пошли мы въ учительную. Пришло мнѣ не знаю какъ-то въ голову изъ Ломоносова Похвальнаго слова Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ то мѣсто, гдѣ написано: „Ты едина истинная наслѣдница, Ты Дщерь моего Просвѣтителя“. (Слова сіи прибѣгнувшая Россія говоритъ Государынѣ). И какъ я это выговорилъ, то Е. В-во смѣючись изволилъ сказать: *это конечно уже изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова.* Хотя онъ сіе и шутя сказать изволилъ, однакоже говорилъ я ему на то: „желательно, Милостивый Государь, чтобы много такихъ дураковъ у насъ было. А вамъ, мнѣ кажется, не прилично такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, который не только здѣсь, но и во всей Европѣ ученіемъ своимъ славенъ, и во многія академіи принятъ членомъ. Вы В. князь Россійскій. Надобно вамъ быть и покровителемъ музъ россійскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ одобреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человѣкъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа конечно немногихъ Ломоносовыми сдѣлала. Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ. Но сіе самое доказываетъ его достоинство. Великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. До того испорчено человѣческое сердце, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Немного такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость“. Е. В-во выслушавши изволилъ говорить, *что это конечно справедливо, и что онъ пошутилъ только...*

25 декабря. Рождество Христово. Е. В-во изволилъ встать въ седьмомъ часу. Одѣвшись, въ комнатахъ своихъ изволилъ пойтить къ обѣдни; изъ церкви за Ея В-вомъ во внутренніе покои. Тамъ фельдмаршалъ Минихъ подносилъ Государынѣ три прописи на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, которыя писалъ ученикъ, находящійся при лютеранской церкви, подъ покровительствомъ его, школы. Видно, что старичку за восемьдесятъ лѣтъ уже, и что возвращается къ

нему златой вѣкъ младенческій. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Е. В-во сѣсть кушать. За столомъ, Его Пр-во Никита Ивановичъ между прочимъ разсказывать изволилъ, что онъ вчерась читалъ описаніе рѣки Терки и мѣстъ около лежащихъ. Хвалилъ весьма тамошній климатъ и во всемъ изобиліе. Григорій Андреичъ сказывалъ, что какъ онъ въ Персіи былъ, такъ видѣлъ въ Гилянѣ развалины крѣпостцы, о которой сказываютъ, что построена была Стенькою Разинымъ. Есть такожъ въ Каспійскомъ морѣ два острова, изъ которыхъ одинъ Стенька же Разинъ назвалъ Святымъ, а другой Жилымъ; на Жиломъ и по нынѣ видны развалины стариннаго, имъ основаннаго, селенія. Никита Ивановичъ о семъ изволилъ пересказывать по-французски г. Салдерну... Ея В-во изволила прислать къ Е. В-ву гофмаршала, чтобы часу въ пятомъ пожаловалъ туда на половину, святки встрѣтить... Въ пятомъ часу пошли мы на половину къ Ея В-ву. Игры происходили передъ биліардной въ аудіенцъ-комнатѣ. Началось танцованьемъ. Ея В-во съ В. Княземъ первый менуетъ танцовать изволила. Потомъ изволила поднять графа П. Б. Шереметева. Е. В-во поднялъ фрейлину А. А. Хитрову. Во всѣхъ углахъ танцовали, какъ на маскарадѣ. Потомъ начались контръ-танцы. Е. В-во ихъ не танцуетъ. Никита Ивановичъ сказалъ ему тутъ, что теперь воля, чтобъ дѣлать что изволитъ. Обрадовались сему разрѣшенію, Е. В-во весьма былъ веселъ, дѣлалъ антраша à sa façon, попрыгивалъ, и изъ угла въ уголъ перескакивалъ. Всѣ на него любовались; фрейлины, не зная, что сказать отъ радости, называли его *любезнымъ Пунюшкою* (не въ глаза то есть). Какъ зачали танцовать контра-танцы, Ея В-во изволила въ той же комнатѣ сѣсть играть въ ломберъ съ графомъ К. Г. Разумовскимъ и съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ. Е. В-во изволилъ у другова стола играть въ бирюльки. Играли съ нимъ господа той половины придворные и я. Послѣ контра-танцовъ и польскихъ, (въ которыхъ весьма много рѣзвились, завиваючись и развиваючись, вмѣстѣ взявшись рука за руку), связали длинную ленту и стали въ кругъ. Ея В-во и Его В-во тутъ же стать изволили. Началась игра рукобивка. Потомъ оставя ленту, въ кругъ въ три человѣка стали: гоняли четвертаго. Игра продолжалась съ часъ или часа съ полтора. По окон-

чаніи игры, Ея В-во изволила опять сѣсть играть въ карты, а мы къ себѣ убрались...

1765 года 16 января. Послѣ обѣда также все время Е. В-во очень былъ веселъ. Изволилъ поскакивать, и кое чѣмъ забавляться. Вечеръ дню не соотвѣтствовалъ; пошли мы на куртагъ. Ея В-во изволила тамъ присутствовать, и играть въ пикетъ съ чужестранными министрами и съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ знатныхъ. Е. В-во изволилъ стоять тутъ же въ кругу. Сперва веселъ былъ: разговаривалъ съ министрами. Изъ нашихъ съ княземъ П. И. Рѣпнинымъ, съ вице-канцлеромъ, съ графами П. и И. Г. Чернышевыми. Наконецъ скучилось ему. Началъ подзывать Никиту Ивановича домой. Его Пр-ву хотѣлось дождаться того, какъ Государыня изволитъ ретироваться, и для того отказывалъ ему. Началъ В. Князь съ ножки на ножку переступать, помигивать и смотрѣть на плафонъ, чтобъ скрыть свое нетерпѣніе. Между тѣмъ очень оно видно было, и сбирающіяся на глазахъ тучки еще болѣе то показывали. Никита Ивановичъ принужденъ былъ пойтить съ Е. В-вомъ. Какъ скоро добрались мы до своихъ предѣловъ, и вошли въ жолтую комнату, остановились всѣ. Никита Ивановичъ приказалъ съ В. Князя снять тутъ шпагу, и чтобъ онъ далѣе никуды не ходилъ. Давъ ему наижесточайшій выговоръ, оборотился къ намъ и сказалъ, чтобъ мы на сей вечеръ В. Князя всѣ оставили, и никто не говорилъ бы съ нимъ ни слова. Сказавъ сіе, пошелъ Его Пр-во къ себѣ, оставивъ у насъ по себѣ тишину неописанную. В. Князь выговоромъ весьма огорченъ былъ, и стоя у печи разными знаками показывалъ свое неудовольствіе. По предписанію, никто не говорилъ ему ничего. Разговаривали мы между собою, показывая будто совсѣмъ на него не примѣчаемъ... Разсужденія сіи пусть при мнѣ и останутся. По приказанію Его Пр-ва Никиты Ивановича, ужинать сѣлъ Е. В-во уже въ десятомъ часу, опочивать легъ въ одиннадцатомъ, что для него было школою терпѣнія. Весь вечеръ происходилъ въ тихости. Вотъ такъ-то и во всѣхъ дѣлахъ бываетъ: на суслѣ пива не узнаешь. День начался такъ хорошо и весело, а кончился наискучнѣйшимъ образомъ.

2 марта... Во время убиранья волосовъ, читалъ я Государю Боалову героикомическую поэму, называемую: Zutrin, т.-е.

„Налой“. Е. В-во весьма забавлялся симъ чтеніемъ. Убравшись, изволилъ выйтить со мною въ жолтую комнату. Попрыгаючи изволилъ тамъ много разговаривать со мною, и повѣрять всѣ свои тайны. Въ десять часовъ изволилъ сѣсть за свои ученія. Послѣ ученья точилъ, и устанавливалъ въ строй шахматы. Послѣ обѣда учился Государь, какъ обыкновенно. У меня весьма хорошо дѣло свое сдѣлалъ. Часу въ пятомъ приходилъ къ Намъ Его Пр-во Никита Ивановичъ. Тутъ между прочимъ опять возобновилась матерія о Геометріи. Г. Остервальдъ говорилъ, что Эпинусъ намѣренъ съ Его В-вомъ начать сію науку. У меня уже написана она, и я представлялъ о томъ Никитѣ Ивановичу. Приказалъ Его Пр-во, чтобъ я къ г. Эпинусу съѣздилъ, сказалъ ему о томъ его именемъ, и на всегда бы съ нимъ постановилъ, какимъ порядкомъ впредь у насъ пойдетъ Его В-ва математическое ученіе. Ѣздилъ я къ г. Эпинусу, былъ у него часа съ два, и постановилъ слѣдующій порядокъ. По окончаніи Ариѳметики, буду я предлагать Государю В. Князю Геометрію теоретическую и практическую, потомъ Фортификацію и Артиллерію, и начальныя основанія Механики и Идростатики, наконецъ генеральныя правила о Тактикѣ. Господинъ Эпинусъ нынѣ проходить будитъ съ В. Княземъ Физику, независимо отъ Математики; какъ же скоро отъ меня свѣдаетъ, что Его В-во довольно уже твердъ въ Геометріи, то начнетъ съ нимъ математическую часть Физики, пространную Механику, правила Оптики и Астрономіи, основываясь на моей Геометріи. При томъ г. Эпинусъ покажетъ Его В-ву и Алгебру. Сіе пересказалъ я Его Пр-ву Никитѣ Ивановичу и онъ весьма похваля, апробовать изволилъ все сіе расположеніе...

28 іюля. За чаемъ разговаривалъ я съ Его В-вомъ о числѣ здѣшняго войска, и сказалъ ему, какъ оно содержится, сколько на него исходитъ, и сколько какихъ полковъ по штату. Во время обуванья, изволилъ Государь Цесаревичъ твердить урокъ свой изъ Богословіи по моему побужденію, для того что я былъ порукою, что онъ его изволитъ выучить. За убираньемъ волосовъ, изволилъ смотрѣть присланную книжку. Приказывая камердинеру подать ее себѣ, изволилъ сказать: *подай-ка мнѣ вонъ этотъ курсъ Философіи.* Одѣвшись, изволилъ Е. В-во сѣсть учиться. Послѣ ученья,

въ биліардъ играть изволилъ. Сѣли мы за столъ. Изъ посторонних обѣдалъ у насъ только камеръ-юнкеръ Талызинъ... Послѣ обѣда часу въ шестомъ пріѣхалъ Никита Ивановичъ, и поѣхали мы въ баржѣ на Каменный островъ. Изъ постороннихъ былъ съ нами только кн. Хованскій. Сперва объѣхали мы весь островъ кругомъ. Объѣзжая, встрѣтили противъ Каменнаго Носу Ея В-во. Она изволила ѣхать къ А. П. Мельгунову на Мишинъ островъ. Тамъ приготовлена была псовая охота. Приставъ къ Каменному острову, изволилъ Е. В-во войтить въ покои. Тутъ побывъ не долго, пошли въ садъ и бѣгали въ запуски. Государь В. Князь также бѣгать изволилъ. Никита Ивановичъ между тѣмъ взявъ со собою кн. Хованскаго, изволилъ смотрѣть строенія. Какъ возвратился къ намъ, то пошли мы далѣе въ рощу. Тамъ по звѣринцу и по огородамъ походя, пришли опять въ покои. Ходя по болотистымъ и морскимъ мѣстамъ, Е. В-во и мы всѣ очень выгрязнились и вымочились. Не противно то было В. Князю. Съ полчаса планъ Каменнаго острова Никита Ивановичъ разсматривалъ. Потомъ сѣвши въ баржу, переѣхали мы поперегъ на Петербургскую сторону, гдѣ дожидали кареты...

1 сентября. Послѣ стола, какъ Никита Ивановичъ изволилъ уйтить къ себѣ, Государь Цесаревичъ стоя у окна дыхнулъ на стекло и выписалъ пальцемъ имя той фрейлины, которая больше всѣхъ ему нравится. Какъ подошли кое-кто къ окошку, то онъ тотчасъ стереть изволилъ. Потомъ забавляяся, бѣгалъ Е. В-во по комнатамъ до самаго залу. Наконецъ и кафтанъ скинувши, въ одномъ камзолѣ, изъ биліардной растворяя двери, въ залъ глядѣть изволилъ. Кафтанъ, какъ изволилъ говорить, для того онъ скинулъ, чтобы его не узнали, ежели кто въ то время пройдетъ по залу. Потомъ изволилъ Е. В-во учиться, какъ обыкновенно. Послѣ ужины изволилъ танцовать безъ музыки изъ своей охоты.

2 сентября. Сегодня на придворномъ театрѣ была комедія русская „школа мужей"; маленькая піеса: „обычай нынѣшняго свѣта". Его В-во въ комедіи быть не изволилъ.

8 сентября. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмого часу. Одѣвшись, изволилъ готовиться къ экзамену.

Вскорѣ пришелъ и Его Пр-во Никита Ивановичъ. За нимъ были братъ его Петръ Ивановичъ, И. П. Елагинъ и графъ А. С. Строгоновъ. Его Преподобіе о. Платонъ спрашивалъ тутъ Его В-ва въ присутствіи сихъ особъ, изъ первыя части проходимыя ему Теологіи. Государь Цесаревичъ отвѣтствовалъ очень хорошо, и получилъ общую похвалу. Всѣ гости у насъ обѣдали, и еще г. Салдернъ. За столомъ Его Пр-во Никита Ивановичъ и Его Пр-во Петръ Ивановичъ разговаривали по большой части съ Его Преподобіемъ о. Платономъ о церковныхъ обрядахъ. Наконецъ, Его Пр-во Никита Ивановичъ говорилъ о. Платону, чтобы пріѣхалъ ввечеру на кукольную комедію, которую Государь Цесаревичъ смотрѣть изволитъ. Спрашивалъ у меня Его Преподобіе совѣту, ѣхать ли ему туда. Я ему говорилъ, что ежели Его Пр-ву угодно, то для чего не ѣхать, тѣмъ наипаче, что сегодня будетъ только генеральная проба, и изъ постороннихъ будутъ весьма не многіе. Послѣ обѣда Е. В-во учиться не изволилъ, для того, что сегодня праздникъ Рождества Богородицы. Ввечеру поѣхали мы въ каменный зимній дворецъ, на кукольную комедію, которая нарочно для Е. В-ва, по приказанію Никиты Ивановича, сдѣлана театральнымъ машинистомъ Дюкло́. Послѣ кукольной комедіи было оптическое представленіе бури и морской баталіи, которое одно только и достойно было смотрѣнія. Его Преподобіе о. Платонъ былъ на семъ позорищѣ. Возвратясь оттуда, разговаривалъ Никита Ивановичъ съ графомъ Строгоновымъ сперва о домѣ Воронцовыхъ, потомъ о министерствѣ шведскомъ. Его Пр-во сказывалъ Государю В. Князю, какой великій охотникъ нынѣшній король шведскій до кукольныхъ комедій, и какъ онъ самъ, стоя за декораціями, говоритъ вмѣсто Полишинеля. Въ товарищи на такое представленіе беретъ къ себѣ обыкновенно Е. В-во Арлекина съ французскаго театра, и этотъ Арлекинъ великой другъ ему. Его Пр-во разсказывалъ о семъ съ насмѣшкою Е. В-ву. Сѣли потомъ за столъ. Изъ постороннихъ ужиналъ у насъ графъ Строгоновъ. Никита Ивановичъ сегодня тутъ же за столомъ сидѣть изволилъ. Разговаривалъ о сегоднишномъ экзаменѣ, и при томъ говорилъ, что послѣ нынѣшней зимы надобно и во всѣхъ ученіяхъ Е. В-ву сдѣлать экзаменъ. Тутъ зашла рѣчь о методѣ въ наукахъ, и Его Пр-во изво-

лилъ дѣлать мнѣ честь, что адресовалъ ко мнѣ свои разсужденія и моихъ мнѣній притомъ требовалъ.

9 сентября. Часу въ шестомъ въ началѣ пріѣхали сказать, что Ея В-во изъ Сарскаго села прибыть изволила прямо въ зимній дворецъ на комедію. Поѣхали мы туда, и Его В-во во все время зрѣлища изволилъ пробыть въ ложѣ у Государыни-родительницы. Комедія была: „Le contre-temps"; балетъ Толатовъ съ мельницею; маленькая піеса „Le jeu de l'amour et du hazard". Въ ложѣ между прочимъ Ея В-во изволила спрашивать у В. Князя, которая ему изъ актрисъ лучше всѣхъ нравится? Его В-во про молоденькую мамзель Кадишъ сказать изволилъ. Потомъ Государыня спросить изволила, изъ фрейлинъ кто ему лучше всѣхъ нравится? На сіе Государь Цесаревичъ отвѣтствовалъ, что ему всѣ равны, Ея В-во смѣючись говорить изволила, чтобъ онъ хоть на ухо о томъ сказалъ; но Его В-во тожъ отвѣтствовать изволилъ, что и прежде, а между тѣмъ поглядывалъ на меня; однако Ея В-во сего примѣтить не изволила. Послѣ комедіи возвратился Его В-во къ себѣ. Государыня указала ему, Никитѣ Ивановичу и графинѣ М. А. Румянцевой сѣсть съ собою. Проводя Ея В-во до внутреннихъ покоевъ, изволилъ Его В-во пойтить къ себѣ, и скоро сѣсть кушать.

21 сентября. Ученія сегодня не было. Государь В. Князь былъ въ малиновомъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, какъ положено Академіи Художествъ почетнымъ любителямъ. Сегодня пополудни званъ Его В-во въ Академію Художествъ... За столомъ особливое сдѣлалось приключеніе: Его В-во попросилъ съ одного блюда себѣ кушать; Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалося В. Князю: разсердился онъ, и положа ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его Пр-во въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство вывелъ В. Князя изъ-за стола во внутренніе его покои, и приказалъ, чтобъ онъ остался тамъ съ дежурными своими кавалерами. Пожуря за то Его В-во, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ, и тамъ нѣсколько времени сидѣли, Государь Цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ за стола, Его Пр-во Никита Ивановичъ взялъ съ собою В. Князя одного въ учительскую комнату, и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка,

которую конечно никто не похвалитъ... Переплакался, наконецъ, Его В-во. Поѣхали въ Академію Художествъ. Встрѣтилъ тамъ Государя Цесаревича Ив. Ив. Бецкій со всѣмъ своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемоніально. Извѣстно, что Ив. Ив. располагать церемонія и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма искусенъ. Пришедъ въ покой, сѣли тамъ за богато-убранный столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ вслухъ письма отъ вице-канцлера кн. А. М. Голицына, отъ графа И. Г. Чернышова и отъ А. В. Олсуфьева, которые объявляли желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Г. Н. Теплова, который желалъ быть принятъ въ почетные члены. По прочтеніи каждаго письма, И. И. качалъ головою по два раза, сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону. Послѣ сего всѣ члены Академіи привставаніемъ своимъ, какъ видно, знакъ согласія своего показывали. Тогда приказалъ И. И. конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принятъ. Всѣ приняты, которыхъ письма читали. Еще принятъ профессоръ Анатоміи, кадетскаго корпуса докторъ Пекенъ. Послѣ сего началось балотированье. Подъ И. И. Бецкимъ въ Академіи нынѣ директоръ А. Ф. Какоринъ. По штату положено, чтобы всякіе четыре мѣсяца изъ профессоровъ выбирать въ директоры по балотированію. Балотировали Александра Филиповича, профессоровъ: Жилета (Скульптуры), Ламота (Архитектуры) и Торелли (Живописи). Досталось по баламъ остаться по прежнему Александру Филиповичу. Симъ засѣданіе кончилось. Пошли смотрѣть картинъ, писанныхъ съ натуры, которыя всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, которыя, какъ сказываютъ, прежде еще признаны за лучшія, конференцъ-секретарь приложилъ печать, для раздачи послѣ преній. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣзжаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора г. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены, и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили. Отсюда пошли опять въ конференцъ-залу, подписывать въ книгѣ опредѣленія о пріемѣ вышеупомянутыхъ особъ въ Академію. Его В-во имя свое въ пяти мѣстахъ подписать изволилъ. Между тѣмъ, какъ другіе подписывали, изволилъ Его В-во подойтить ко мнѣ; я

смотрѣлъ статую его въ бюстъ, сдѣланную господиномъ Жилетомъ, которая стояла въ углу залы. Хвалилъ я статую. Государь Цесаревичъ, смѣючись, изволилъ мнѣ сказать: *вотъ ужъ, есть что хвалить: какой фурсикъ сдѣланъ.* Изъ залы пошли въ ту комнату, гдѣ были разные эстампы и скульпторныя штуки. Оттуда ходили смотрѣть жилищъ ученическихъ и лазарету. Въ лазаретѣ больной былъ одинъ только Ермеnевъ, съ которымъ Его В-во долго и очень милостиво изволилъ разговаривать. Вездѣ было чисто и хорошо прибрано. Пришло между тѣмъ время ужинѣ. Накрыли столъ, поставили кушанье, и въ присутствіи Его В-ва ударили въ колоколъ для позыву учениковъ къ ужинѣ. Изволилъ Его В-во ходилъ около стола, и смотрѣлъ, какъ они ужинали. У многихъ мальчиковъ физіономіи весьма острыя. Сидѣли они за столомъ очень хорошо, а которыхъ о чемъ спрашивали, тѣ отвѣтствовали вѣжливо и свободно. Государь Цесаревичъ столь прилежно на ихъ кушанье смотрѣть изволилъ, что самому кушать захотѣлось. Послѣ ужины, одинъ изъ учителей ударилъ по столу, и всѣ встали. Одинъ ученикъ прочелъ вслухъ молитву, а потомъ всѣ пѣли: „Царю Небесный! помилуй насъ, Господи, помилуй насъ“, и еще молитвы двѣ: симъ все окончилось. Его В-во изволилъ возвратиться во дворецъ. Какъ скоро пріѣхали, то изволилъ онъ пойтить къ Ея В-ву для поздравленія съ завтрашнимъ праздникомъ. Изволила Государыня спрашивать у Его В-ва, что въ Академіи происходило. Побывъ тамъ нѣсколько времени, возвратился Государь Цесаревичъ къ себѣ, и сѣлъ кушать. Сидѣли у насъ за столомъ и Его Пр-во Никита Ивановичъ, также Его Преподобіе о. Платонъ. Его Пр-во разговаривалъ по большой части съ о. Платономъ о разности—вымышлять дѣла, и производить ихъ самою вещію. О славномъ Монтескіе говорилъ Его Пр-во, что онъ великій былъ законовѣдецъ, а самъ судья весьма посредственный. Послѣ ужины началась всенощная. Его В-во слушать изволилъ весьма благочестиво...

23 сентября. Послѣ ученія, изволилъ ходить въ парадные свои покои къ кораблю, и устанавливать по мачтамъ и по райнамъ фейерверочныя колесца и хлопушки. Послѣ обѣда, Его В-во, позабавясь, изволилъ сѣсть за свои ученія. При

ѣхалъ потомъ и Его Пр-во Никита Ивановичъ. Пошли въ комедію. На придворномъ театрѣ была сегодня комедія французская: „La métromanie“; балетъ новый госп. Гранжè, называемый: „Le Faune jaloux“; маленькой піэсы за тѣмъ не было, что одинъ актеръ занемогъ. Отъ того и зрѣлище кончилось ранѣе обыкновеннаго. Ея В-во тутъ изволила присутствовать. Послѣ комедіи изволилъ Его В-во пойтить въ парадные свои покои къ кораблю, и тамъ жечь при Никитѣ Ивановичѣ разставленныя сего утра фейерверочныя машинки. Государь Цесаревичъ несказанно тѣмъ былъ доволенъ.

24 сентября. Во время ученія, какъ пришла рѣчь о землѣ Амазонской, то изволилъ сказать Государь Цесаревичъ: *какъ же моглабъ стоять эта земля долго, еслибъ между Амазонками мужчинъ совсѣмъ не было?* Послѣ ученія, изволилъ Его В-во точить. Потомъ размолвился онъ съ кн. Куракинымъ и довелъ до того, что Куракинъ заплакалъ. Государю В. Князю сіе пуще смѣшно еще стало, и хохоталъ онъ изо всей мочи. Говорилъ я Его В-ву, чтобъ изволилъ перестать, и оставилъ бы Куракина въ покоѣ, чему онъ и послѣдовалъ.... Въ началѣ пятаго часу пришолъ Его Пр-во Никита Ивановичъ, и поѣхали въ воспитательное училище. Прежде изволилъ Его В-во смотрѣть, какъ мальчики танцовали и рѣзвились для рекреаціи; потомъ изволилъ ходить по комнатамъ, гдѣ живутъ они. Наконецъ, принесли столъ со штуками, которыя положены мальчикамъ въ награжденіе за ихъ ученье. Господинъ Кювильи, директоръ сего училища, читалъ, кому въ бывшемъ у нихъ прежде собраніи положены награжденія. Шесть человѣкъ получили преміи. Первому штучку изъ своихъ рукъ пожаловалъ Его В-во; другой получилъ штучку изъ рукъ отъ графини А. А. Чернышовой, и прочіе принимали ихъ отъ бывшихъ тутъ другихъ дамъ.... Лавровъ говорилъ Его В-ву маленькій комплиментъ на французскомъ языкѣ. Отъ роду ему лѣтъ семь. Послѣ раздачи награжденій, походя нѣсколько времени еще по комнатамъ, изволилъ Его В-во сойтить внизъ, и смотрѣть, какъ мальчики ужинали. Во все время ужины изволилъ быть тутъ, и мальчиками весьма любовался; со многими изволилъ разговаривать и щекоталъ ихъ. Изо всѣхъ робятъ понравился Государю Цесаревичу Максимъ Ушаковъ. Учится, говорятъ, изрядно; толь-

ко показалось мнѣ, что онъ простоватъ. Во время ужины болѣе подлѣ него изволилъ стоять, съ нимъ болѣе всѣхъ ласковѣе и снисходительнѣе разговаривать; и мальчикъ безпрестанно глядѣлъ на В. Князя. Часовъ въ восемъ изволилъ Его В-во возвратиться во дворецъ. У себя долго объ училищѣ и о томъ мальчикѣ изволилъ разговаривать. Сѣли мы ужинать. Все объ училищѣ разговаривали. Между тѣмъ пришелъ разговоръ о третьеводнишномъ пожарѣ, который случился у меня въ сосѣдствѣ. Сказывалъ я, что во время пожару четверо какихъ-то гвардіи офицеровъ напали на одного человѣка, который шелъ по улицѣ въ малиновомъ платьѣ съ позументомъ. Онъ вынялъ противъ нихъ шпагу, и офицеры принуждены были его оставить. Его В-во изволилъ между прочимъ на то сказать: *человѣкъ-атъ въ малиновомъ кафтанѣ ужъ конешно былъ Нѣмецъ.* Я отвѣчалъ, что точно не знаю, а что показалось мнѣ по голосу его, что Русскій....

25 сентября.... Сказывалъ мнѣ Его В-во, что онъ, читая на сихъ дняхъ древнюю Ролленеву Исторію, увидилъ тамъ описаніе женскихъ свойствъ, которое ему крайне понравилось. Изволилъ говорить: не далъ-де я тово знать, однако мѣсто очень примѣтилъ, и прочиталъ еще послѣ. „Hist ancienne de M. Rollin. Tome II page 330. édition de Galle grand 8“. Объ одной фрейлинѣ признавался мнѣ Его В-во, что онъ день ото дня ее болѣе любитъ. Не опровергалъ я совсѣмъ того, однако говорилъ Государю Цесаревичу, что не очень надобно въ эти мысли устремляться, дабы онѣ не безпокоили и нужнымъ Его В-ва упражненіямъ не препятствовали...

29 сентября... Въ исходѣ одиннадцатаго часу поѣхали мы въ Новодѣвичей монастырь, гдѣ малолѣтнія дѣвушки воспитываются. Ея В-во изволила пускать кровь, и какъ сказываютъ, сожалѣть, что день принуждена препроводить, въ дѣлахъ не упражняясь. Къ Его В-ву изволила присылать за эстампами. Еще слышалъ я, что сегодняжъ для своего увеселенія заставляла С. М. Козмина переводить при себѣ на русскій языкъ „Discours aux Welches, dans les contes de Guillaume Vadé“. Въ двѣнадцатомъ часу пріѣхали мы въ монастырь. Его В-во встрѣченъ И. И. Бецкимъ, княжною Долгоруковой и госпожей Лафонтшей. Сперва ходили смотрѣть мѣщанскихъ дѣвушекъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Госу-

даря Цесаревича, также показывали работы ихъ шитье и кружева. Лучше всѣхъ изъ нихъ дѣвушка Акулина, дочь какого-то кучера. Сказывали, что и Государыня ее очень изволитъ жаловать. Потомъ ходили смотрѣть, гдѣ живутъ монахини, которыхъ числомъ четырнадцать. Игуменьей у нихъ сестра И. И. Кройотова. Оттуда пошли внизъ, гдѣ дѣвушки обѣдали. Тамъ побывъ нѣсколько времени, изволилъ Его В-во пойтить въ залу, гдѣ обѣдали благородныя дѣвушки. Тутъ изволилъ быть долго и со многими дѣвушками, ходя около стола, разговаривать. Бывъ въ залѣ у мѣщанскихъ дѣвушекъ, изволилъ Государь Цесаревичъ также со многими разговаривать. Между тѣмъ поставили и для Его В-ва кушанье, вверху въ покояхъ княжны Долгоруковой, главной смотрительницы сего установленія. Изволилъ пойтить туда Государь В. Князь, и сѣсть за столъ. Обѣдали изъ постороннихъ княжна Долгорукова, племянница ея, которая выходитъ замужъ за графа А. А. Бестужева, госпожа Лафонтша, двѣ ея дочери, и г. Салдернъ, который пріѣхалъ съ Его В-вомъ... Послѣ обѣда пошли мы въ классы дѣвицъ благородныхъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Его В-ва, пѣли по-итальянски и французскую пѣсню изъ комической оперы: „Charmant objet de ma flamme, ne doutes point de mes feux. etc.“. Плели блонды и пересказывали наизусть выученные на французскомъ языкѣ басни и уроки географическіе. Лучше всѣхъ танцовала и пѣла дѣвушка Левшина. Собою лучше всѣхъ Звѣрева... Отъ всего своего общества подарили онѣ Его В-ву два шпажные банта, одинъ плетеный, другой рисованный, собственныхъ трудовъ ихъ. По окончаніи упражненій своихъ, пошли онѣ въ садъ, и тамъ бѣгали. Мамзели ихъ по наряду тутъ же съ ними бѣгали при Его В-вѣ. Потомъ изволилъ Его В-во взойтить опять въ покои къ княжнѣ Долгоруковой, и, выпивши тамъ чаю, пойтить въ карету. Во дворецъ возвратилися мы въ исходѣ пятаго часу. Государь Цесаревичъ изволилъ ходить къ Государынѣ-родительницѣ. Ея В-во выходить въ биліардную не изволила. Побывши тамъ нѣсколько времени, возвратился Его В-во къ себѣ и поѣхалъ въ нѣмецкую комедію. Комедія была „Bourgeois gentilhomme“. Пріѣхавши изъ комедіи, изволилъ В. Князь точить. Между тѣмъ поставили кушанье.

Сѣли мы за столъ. Его Пр-во Никита Ивановичъ былъ тутъ же. Какъ между прочимъ разговорились о ѣздѣ Его Пр-ва изъ Швеціи сюда, и дошла рѣчь до города Торнео, то спросилъ Его В-во, *каковъ этотъ городъ?* Его Пр-во отвѣтствовалъ, что дуренъ. Государь В. Князь изволилъ на то еще спросить: *хуже нашего Клину или лучше?* Никита Ивановичъ изволилъ ему на то сказать: „ужъ Клину-та нашева конечно лучше. Намъ, батюшка, не льзя еще, о чемъ бы то ни было, разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ“...

19 октября... Послѣ ученія изволилъ смотрѣть эстампы Vues de Paris и планы города Парижа. Изволилъ распоряжать, гдѣ бы кому жить, еслибъ Парижъ былъ нашъ. Самъ себя полагалъ полковникомъ кирасирскимъ, который будто съ полкомъ своимъ стоитъ въ Парижѣ. Сѣли мы за столъ... Разговоръ зашелъ объ оспѣ. Его Пр-во Никита Ивановичъ изволилъ сказать, что по городу нынѣ очень многіе лежатъ въ оспѣ, и говорилъ, что ежели на Его В-вѣ быть оспѣ, тобъ лучше всего желалъ Его Пр-во, чтобъ она была нынѣ. Много разговаривали мы объ оспѣ. Послѣ ученія, смотрѣлъ Его В-во тѣжъ эстампы, которые сего утра смотрѣть изволилъ. Возлюбленной своей назначивать изволилъ квартиру въ моемъ домѣ, а самому себѣ напротивъ, черезъ улицу: обѣщался всякой день ѣздить въ гости. Сегодня Его В-во очень былъ наряденъ и разубранъ. Вчерась по кончинѣ Цесаря римскаго трауръ кончился; и такъ Государь Цесаревичъ весь былъ въ золотѣ. Четвертый уже день, какъ приказываетъ себѣ на каждой сторонѣ класть по семи буколь, а прежъ сего обыкновенно только по одной буклѣ или по крайной мѣрѣ по три на сторонѣ бывало; въ большіе иногда праздники по пяти класть приказывалъ, и то почти съ принужденіемъ: L'amour fait des prodiges. Чулки раза два или три нынѣ въ день приказываетъ перевязывать, чтобы были глаже. Ходя со мной по комнатѣ, изволилъ сказать Его В-во: *мнѣ кажетца, что ты мной недоволенъ, что я такъ ряжусь.* Отвѣтствовалъ я, что нарядовъ не только не отвергаю, но говорю, что молодому человѣку конечно надобно быть хорошо при-

брану и опрятну; но что напротивъ того и то я говорю, что въ наряды одни все свое вниманіе устремлять отнюдь негодится, особливо для такова человѣка, который на семъ свѣтѣ живучи, болѣе что-нибудь сдѣлать хочетъ, какъ только по верхамъ глядѣть, во всѣ зеркала смотрѣться и только то переговаривать, что говорятъ другіе. Ввечеру изволилъ Его В-во пойтить къ Государынѣ; тамъ былъ концертъ; Ея В-во въ ломберъ играть изволила съ графами М. Л. Воронцовымъ и З. Г. Чернышевымъ. Его В-во изволилъ сѣсть играть въ берланъ.

20 октября. Его Высочество встать изволилъ въ исходѣ седьмаго часу. Все утро разными аллегоріями проговорилъ со мною о своей любезной, и восхищался, вспоминая о ея прелестяхъ. Какъ сія матерія кончилась, то читалъ я Государю Цесаревичу на-изусть послѣднія строфы въ пятой одѣ покойнаго Ломоносова. Очень внимательно изволилъ Его В-во слушать, и сказать мнѣ: *ужесть какъ хорошо! Это нашъ Вольтеръ.* Потомъ какъ одѣлся, возобновилъ опять прежнюю матерію, и спрашивалъ меня, можно ли ему будетъ на любезной своей жениться? И говорилъ, что онъ чрезвычайно радъ былъ, еслибъ это могло сдѣлаться. Отвѣчалъ я Его В-ву, что до этого еще далеко, и чтобъ онъ тогда меня спросить объ этомъ изволилъ, то я, конечно, дамъ ему совѣтъ, не льстя его прихотямъ, а такъ какъ человѣкъ честный и прямой его другъ. Государь Цесаревичъ неудовольствуясь симъ, изволилъ говорить мнѣ: *тогда таки я съ тобой посовѣтую; однако теперь, пожалуй, голубчикъ, скажи мнѣ, что если бы въ этомъ могли случиться препятствія, то чтобъ это за препятствія такія были?* Пересчиталъ я ему нѣкоторыя, которыя могли бы случиться. Въ одиннадцатомъ часу сѣлъ Его В-во учиться. Потомъ въципкъ играть изволилъ, и наблюденія дѣлать, смотря изъ окна къ верху. Сѣли за столъ. Изъ постороннихъ никого у насъ не было. Его Пр-во Никита Ивановичъ шутилъ надъ В. Княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ былъ въ княжну М. В. Хованскую, что за кн. Борятинскимъ, а нынѣ и играть комедію „La fête d'amour", съ нею не хочетъ. Говорилъ Его Пр-во, que c'est le dépit amoureux. Послѣ обѣда позабавясь, Его В-во сѣлъ учиться. Послѣ ученья графъ Шереметевъ принесъ Государю Цесаревичу шляпу, которую

онъ ему досталъ для маскараду. Танцовали мы всѣ съ Его В-вомъ контрадансъ. Пошли потомъ въ комедію. По просьбѣ В. Князя дозволилъ Никита Ивановичъ, чтобъ и графъ Шереметевъ шелъ съ нами же въ ложу. Его В-во во время комедіи съ нимъ только и со мною проговорить изволилъ. Особливо шутили мы, что В. Князя любезная очень часто въ лорнетъ на него поглядывала. А мы и безъ лорнету не спуская глазъ туда смотрѣли, такъ что и Ея В-во изъ своей ложи примѣтить то изволила. Какъ пришли къ Ея В-ву въ ложу, то изволила она шутя говорить В. Князю, что завтра маскараду не будетъ, вѣдая уже видно про наши похожденія. Комедія была „Le prejugé à la mode“: малая піеса „Le somnambule“; балетъ Нейвилевъ... Послѣ ужины зашелъ у насъ какъ-то нечувствительно разговоръ о Бабкѣ Его В-во Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ, и о ея достоинствахъ, а потомъ и о Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Просилъ меня Государь Цесаревичъ, чтобъ я разсказалъ ему о вступленіи на престолъ Ея В-ва, въ чемъ мнѣ не трудно было Его В-во удовольствовать, потому, что съ бывшими при томъ дѣлѣ очень много говаривалъ, и обо всѣхъ подробностяхъ вѣдаю...

17 ноября... Въ двѣнадцатомъ часу возвратился Его Пр-во Никита Ивановичъ отъ Государыни. Приказано уже было, чтобъ съ конюшни были сани для выходу Его В-ва. Какъ скоро пришелъ Никита Ивановичъ, тотчасъ Государь Цесаревичъ собрался, надѣлъ сапоги, шубу и шапку съ ушами. Сѣли въ сани, и поѣхали кататься. Его Пр-во Никита Ивановичъ сидѣлъ съ Его В-мъ въ саняхъ по лѣвую сторону, прочіе нашего штату въ другихъ саняхъ ѣхали. Ѣхали мы Луговою; потомъ поворотили по Невской перспективѣ, мимо Казанской. Подъѣзжая къ слоновому двору, поворотили къ Новодѣвичьему монастырю. Оттуда выѣхали черезъ Конную Гвардію на Литейную; съ Литейной выѣхали опять на Невскую перспективу и домой. Къ слоновому двору подъѣзжая, увидѣлъ Государь Цесаревичъ на перекресткѣ, что мужики, стоя подлѣ квасниковъ, съ великимъ апетитомъ пьютъ теплое сусло. Захотѣлось ему сего питья отвѣдать. Приказалъ тутъ Его Пр-во Никита Ивановичъ остановиться. Подали стаканъ сусла, откушалъ Его В-во, и очень ему понравилось: мужику

приказалъ дать пять рублей. Описать нельзя, съ какою тутъ радостью и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ народъ на Государя Цесаревича. Онъ на то время очень былъ веселъ. Оборачиваясь, изволилъ со мною разговаривать, и хвалилъ сусло: около стоящей черни все это слышно было. Его В-во симъ катаньемъ несказанно былъ доволенъ. На улицѣ изъ саней ко мнѣ оборачиваясь, хотѣлъ меня поцѣловать въ своей радости. Но я сказалъ, чтобы изволилъ сидѣть починнѣе, что мы уже домой пріѣхавши поцѣлуемся. По Литейной, мимо дому фельдмаршала Миниха ѣдучи, и видя на немъ разныя арматуры, въ цѣпяхъ Турковъ, знамена и прочее, сказалъ Его Пр-во Никита Ивановичъ иронически: „Cet homme là n'est par vain du tout“. Государь В. Князь изволилъ сказать къ тому: *я о закладъ ударюсь, что онъ и теперь, сидя за столомъ, какіе нибудь прожекты выдумываетъ.* На сіе сказалъ я, что прожекты выдумывать не токмо не порокъ, но еще достоинство, и достоинство великое; только чтобъ прожекты были полезные. „Фельдмаршалъ Минихъ, продолжалъ я, выдумывалъ въ свое время прожекты, которые ему славу дѣлали; теперь также ихъ иногда выдумываетъ, но не всегда съ удачей“. Его В-во изволилъ говорить: что онъ въ семъ-то послѣднемъ разумѣніи и сказалъ о немъ такъ. Возвратясь во-свояси домой, Его В-во изволилъ разсказывать домашнимъ своимъ, какъ онъ катался, что гдѣ видѣлъ. Сѣли мы за столъ... Послѣ стола, Его В-во, позабавясь и прибравъ себѣ волосы, которые послѣ катанья были попорчены, изволилъ сѣсть учиться. У меня хорошо учился. Ввечеру изволилъ пойтить въ комедію. Комедія была русская: „Жоржъ-Дандинъ“; балетъ Нейвилевъ съ герландами; малая піэса „Любовь докторъ“. Ея В-во въ комедіи быть не изволила. Сказываютъ, что изволила принимать лекарство. Его В-во малой піесы не слушалъ; изволилъ пойтить къ Государынѣ-родительницѣ въ самые внутренніе покои, и былъ тамъ близъ часа. Возвратясь къ себѣ, сѣлъ кушать. За ужиной изволилъ разговаривать о короляхъ французскихъ: Генрихѣ IV, Людвигѣ XIV, и нынѣшнемъ Людвигѣ XV. Изволилъ о нихъ дѣлать свои разсужденія, изъ которыхъ многія были остры и основательны. Поговорили мы такожъ и о нѣкоторыхъ анекдотахъ самыхъ еще нѣжныхъ младенческихъ лѣтъ Его В-ва.

Послѣ ужины, товарищи мои разсуждали съ Его В-вомъ о всѣхъ той половины кавалерахъ, также и о нѣкоторыхъ боярахъ нашихъ, каковъ кто собой, какъ убирается, какъ кланяется и какія имѣетъ ухватки. Къ сему разговору приступать не разсуждалъ я за благо; и такъ былъ только слушатель, не говорилъ ни слова...

11 декабря. Воскресенье. Его В-во проснуться изволилъ въ семъ часовъ. Чай кушалъ въ постелѣ. Какъ я подошелъ къ нему, то, поцѣловавшись со мною очень ласково, изволилъ сказать: „*Здравствуй, голубчикъ! Все-ли ты въ добромъ здоровьи? Каково спалъ?* Потомъ изволилъ говорить: „*такихъ словъ давно уже ты отъ меня не слыхалъ.* Et bien, je suis revenu de mon erreur; je sçais que je vous ai fait beaucoup de tort, mon cher ami; *помиримся жъ*“, и поцѣловавшись еще, изволилъ сказать: только пожалуй ни на кого не сердись; présentement tout va rentrer dans son assiette. Отвѣчалъ я Его В-ву, что я ни на кого не сержусь, только сожалѣю, что Его В-во въ состояніи былъ (недѣли за 2 до этого – *Сост.*) сдѣлать несправедливость такому человѣку, который искренно его любитъ и истинно о его пользѣ усердствуетъ; и что во время его гнѣву единственное утѣшеніе находилъ я въ своей невинной и незазорной совѣсти. Просилъ меня только Его В-во, чтобы я все забылъ; что онъ самъ во всемъ раскаивается. Потомъ разсказывалъ мнѣ Государь Цесаревичъ, какъ ему было весело, когда изволилъ быть на дачѣ у оберъ-маршала Сиверса; тамъ была любезная его В. Н. Изволилъ сказать, что много танцовалъ съ нею и разговаривалъ. *Говорилъ-де я ей то, что тебѣ много разъ говаривалъ, то-есть, что я всегда хотѣлъ бы быть вмѣстѣ съ нею.* Какъ она сказала Его В-ву, что ей очень хочется поцѣловать у него ручку, онъ отвѣтствовалъ, что ему еще больше хочется поцѣловать у нея ручку. Какъ назадъ ѣхали, то она ѣхала въ салазкахъ передъ Его В-вомъ. Тутъ, оборачиваясь, другъ другу поцѣлуи бросали. В. Князь говорилъ ей: *je crois, que nous n'aurons pas de si tôt une journée aussi favorable; et elle repondoit par un „assurément Monseigneur“*. Его В-во также говорилъ ей, что можетъ быть ей милѣе было-бъ, еслибы на его мѣстѣ сидѣлъ Дивіеръ. На то отвѣчала она, что напрасно Его В-во въ ней сумнѣвается; что она Дивіера ненавидитъ и проч. Въ восемь часовъ всталъ Его В-во съ по-

стели, и началъ одѣваться. Разговаривали мы о сегоднишнемъ балѣ. Ея В-во, отъѣзжая въ Сарское село, изволила дать дозволеніе Его В-ву сдѣлать у себя балъ въ Ея отсутствіи. Сей день для того назначенъ. Званы всѣ фрейлины и еще нѣкоторыя изъ молодыхъ знатныхъ дамъ, также и изъ кавалеровъ. Сегодня у Его В-ва первый балъ; прежде никогда еще не бывало. Одѣвшись, читалъ Государь Цесаревичъ съ Его Преподобіемъ о. Платономъ Св. Писаніе; потомъ изволилъ пойтить въ церковь. Возвратясь изъ церкви, сѣлъ кушать... Послѣ обѣда, часу въ шестомъ, съѣхались званые на балъ. Открыть балъ изволилъ Его В-во съ фрейлиной А. А. Хитровой. Танцовали въ томъ покоѣ, гдѣ на часахъ стоятъ Кавалергарды, потому что на половинѣ Его В-ва нѣтъ ни одной для того довольно просторной комнаты. Въ началѣ десятаго часу балъ кончился; всѣ разъѣхались, и Государь Цесаревичъ сѣлъ кушать. Весьма былъ доволенъ сегоднишнимъ вечеромъ; танцовалъ и говорилъ очень много со своей любезной...

25 декабря. Рождество Христово. Его В-во встать изволилъ въ семь часовъ. Одѣвшись, читалъ съ его Преподобіемъ о. Платономъ Св. Писаніе. Потомъ, принявши поздравленія и рапорты отъ господъ флагмановъ, изволилъ пойтить въ церковь, а послѣ обѣдни за Ея В-вомъ въ биліардную. Государыня изволила говорить, что уже мѣсяцъ тому назадъ, какъ Государь Цесаревичъ давалъ знать Ея В-ву, что прошлаго году о Рождествѣ въ первый день ввечеру были у Ея В-ва святошныя игры, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы и нынѣ тожъ сдѣлать, и для того изволила усмѣхаючись говорить В. Князю, чтобы онъ послѣ обѣда кафтанъ изволилъ надѣть получше, и былъ ввечеру къ Ея В-ву на игрище. Притомъ изволила Государыня сказать В. Князю: *конечно этотъ день у васъ въ календарь записанъ, также и тотъ, какъ мы въ послѣдній разъ у Сиверса были.* Ея В-во о моихъ запискахъ знать не изволитъ. Его В-во возвратился къ себѣ, и скоро потомъ изволилъ пойтить къ Государынѣ. Тамъ кушалъ. Въ то время, какъ къ себѣ приходить изволилъ, входили къ нему въ покои многіе для поздравленія. Генералъ кн. А. М. Голицынъ пріѣхалъ нынѣ изъ Москвы, и также былъ у Его В-ва. Его Сіятельство ѣздилъ въ Москву на 28 дней. Послѣ

кушанья, возвратясь отъ Государыни-родительницы, переодѣлся Его В-во, попрыгалъ, и смотрѣлъ Блонделеву Архитектуру. Ввечеру пришелъ отъ Ея В-ва камергеръ графъ А. С. Строгановъ, звать туда Государя Цесаревича. Послали сказать о томъ Никитѣ Ивановичу. Пришелъ Его Пр-во и пошли мы къ Ея В-ву въ шесть часовъ. Тамъ были всѣ фрейлины, да изъ постороннихъ дамъ графиня М. А. Румянцева съ дочерью П. А. Брюсшей, и множество кавалеровъ. Въ аудіенцъ-комнатѣ, гдѣ тронъ стоитъ, началась игра. Сперва взявшись за ленту, всѣ вкругъ стали, нѣкоторые ходили въ кругу, и прочихъ по рукамъ били. Какъ эта игра кончилась, стали опять всѣ въ кругъ, безъ ленты, уже по двое, одинъ за другаго: гоняли третьева. Послѣ сего золото хоронили; „заплетися плетень" пѣли; по-русски плясали; польской, менуэты и контрдансы танцовали. Ея В-во во всѣхъ сихъ играхъ Сама быть и по-русски плясать изволила, съ Никитою Ивановичемъ. Съ Его В-ва потъ почти капалъ: столь искреннее принималъ онъ въ сихъ забавахъ участіе! По большой части изволилъ быть подлѣ бочку у своей любезной, и очень много и страстно съ нею разговаривалъ. Она съ своей стороны также не очень суровой себя оказывала. Princes et Rois vont vite en amour, pas comme nous autres particuliers. Ея В-во изволила шпынять надъ В. Княземъ, въ какомъ онъ удовольствіи d'ètre si proche de son objêt chéri. Въ то время какъ всѣ сіи увеселенія происходили, вышли изъ внутреннихъ Ея В-ва покоевъ семь дамъ, которыя всѣхъ крайне удивили. Нарядились въ женское платье: 1) Г. Г. Орловъ; 2) камергеръ гр. А. С. Строгановъ; 3) камергеръ гр. Н. А. Головинъ; 4) камергеръ П. Б. Пасикъ; 5) шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ; 6) камеръ-юнкеръ М. Е. Баскаковъ; 7) камеръ-юнкеръ кн. А. М. Бѣлосельскій. На всѣхъ были кофты, юбки и чепчики. У Бѣлосельскаго только на головѣ была косынка, и одѣтъ онъ былъ прочихъ похуже, такъ какъ боярскія боярыни одѣваются; представлялъ маму, а прочіе представляли боярышенъ подъ ея смотрѣніемъ. Какъ пришли, то посадили ихъ за круглый столъ, поставили закусокъ и подносили пуншу. Много тутъ шалили, и потомъ, вставши, плясали...

С. Порошинъ.

ПРИДВОРНЫЕ МАСКАРАДЫ И СПЕКТАКЛИ.

Описаніе публичнаго маскараду: *11 Декабря 1764 года.* Предвозвѣстники маскарада въ пристойномъ по ихъ званію платьѣ, верхомъ:

1. Петиметръ, 2. Докторъ, 3. Комедіянтъ, 4. Педантъ, 5. Картежникъ. 6. Скупой, 7. Раскольникъ. 8. Танцовщикъ.

1. Шестнадцать человѣкъ петиметровъ: у каждаго въ рукѣ по маленькому зеркалу, въ которое онъ безпрестанно смотрится, и самъ собою любуется; въ другой рукѣ бутылка съ лоделаваномъ, которымъ онъ себя опрыскиваетъ. За ними ѣдетъ коляска, въ которой петиметръ сидя убирается и съ парикмахеромъ своимъ совѣтуетъ, какъ бы къ лицу убраться; передъ нимъ и позади его лакеи держатъ зеркала.

2. Везутъ комнату, въ которой сидитъ докторъ. Около его шестеро больныхъ, для которыхъ онъ пишетъ рецепты. Позади везутъ аптеку, въ которую онъ посылаетъ слугу своего за лекарствами, и самъ, выходя на крыльцо, всѣхъ увѣряетъ, что хотя больные и перемрутъ, однако перемрутъ по самымъ точнымъ правиламъ медицины. Восклицаетъ ежеминутно: нѣтъ лучше науки и важнѣе, какъ медицина!

3. Везутъ комнату, въ которой за столомъ сидятъ комедіянты ужинаютъ съ знатными господами, и поютъ пѣсни. Господа обходятся съ ними за панебрата и разговариваютъ о любви.

4. Идутъ четыре человѣка педантовъ; разсуждаютъ объ наукахъ все неправильно и некстати, и сердятся на новыхъ философовъ, которые разуму послѣдуютъ.

5. Ѣдутъ въ комнатѣ картежники, играютъ въ карты, съ распухлыми лицами, которыя показываютъ, что они ночей пять уже не спали; отъ проигрышу бѣсятся.

6. Идутъ шестеро скупыхъ и ѣдятъ сухой хлѣбъ; за собой несутъ сундуки и оглядываются безпрестанно, чтобъ не унесъ ихъ кто; заглядываютъ въ нихъ, и любуются деньгами.

7. Идутъ раскольники, и бранятъ нашихъ священниковъ, для чего они по старымъ книгамъ не служатъ и на семи просвирахъ не поютъ обѣдни.

8. Идутъ двое танцовщиковъ; безпрестанно прыгаютъ и смотрятъ себѣ на ноги...

1 февраля 1765 года. У графа Петра Борисовича Шереметева была сегодня ввечеру представлена въ домѣ комедія, въ которой Его Высочество... быть не изволилъ. Ея Величество изволили тутъ присутствовать. Комедія представлена была господина Детуша „le philosophe marié", т. е. женившійся философъ. Роли раздѣлены были слѣдующимъ образомъ: Аристъ кн. П. В. Хованскій. Дамонъ кн. А. М. Бѣлосельскій. Лизимонъ кн. А. Н. Щербатовъ. Жеронтъ графъ А. С. Строгановъ. Маркизъ Делоретъ графъ Сольмсъ, прусскій министръ. Мелита графиня А. П. Шереметева. Целіанта—графиня Д. П. Чернышова. Финета Н. П. Чернышова. Маленькая пьэса была „Les moeurs du temps", т. е. нравы нынѣшняго вѣку. Дѣйствующія лица изъ тѣхъ же были, которые въ большой комедіи, выключая графа Николая Петровича и сестры его графини В. П. Шереметевыхъ, которые такожъ въ маленькой піэсѣ играли. Смотрителей было сто девять человѣкъ. Входили по билетамъ. Собирателемъ билетовъ былъ Его Сіятельство графъ З. Г. Чернышовъ; указательницею ложъ графиня А. А. Чернышова, невѣстка его; директоромъ всего позорища графъ И. Г. Чернышовъ; директоромъ оркестру князь П. Н. Трубецкой. Я былъ въ комедіи; имѣлъ билетъ Его В-ва: также отъ графа Петра Борисовича я еще одинъ билетъ имѣлъ. Съ сего числа, по самое 13-е число, изволилъ Его В-во кушать и во весь день забавляться въ опочивальнѣ. Одѣвался въ фракъ. За ушьми прикладывали припарку. Забавы по большой части состояли въ разставкѣ по столу декорацій. Читали Вольтерова *Задиіга* всякій день по немногу.

6 февраля. Для публики на сей недѣлѣ нижеслѣдующія были увеселенія. Сего числа ввечеру была на большомъ придворномъ театрѣ дворянская комедія: „мнѣніемъ больной". Входили по билетамъ. Дѣйствующія лица были: *Арганъ* Н. Н. Кропотовъ. *Бералъдъ* Титовъ, офицеръ гвардіи. *Діафорій* А. А. Волковъ. *Фома Діафорій* В. Н. Бибиковъ. *Докторъ Пургонъ* Волковъ меньшой. *Аптекарь* меньшой Бибиковъ. Женскія роли всѣ играли сестры Василья Ильича Бибикова, выключая *дочь Аргантову*, которую представляла какая-то дѣвица Ушакова. Балетъ былъ „Аписъ и Галатея". Танцовали все фрейлины и кавалеры. Роль его высочества, то

есть Именея, танцовалъ графъ Н. П. Шереметевъ. Маленькая пьэса была: „Филантропъ“. Филантропъ былъ Титовъ: жена его жену Филантропову представляла; кучера Александръ Волковъ игралъ очень хорошо.

7 февраля. Ввечеру французская комедія была: „surprise de la haine“: маленькая пьэса „le triple mariage“; балетъ Гранжеевъ.

8 февраля. Ничего для публики не было. У графа П. Б. Шереметева маскарадъ былъ, гдѣ и ея Имп-торское В-во присутствовать изволила. Тутъ все были званые.

9 февраля. Ввечеру вышеупомянутая-жъ дворянская комедія и тѣми же лицами была представлена. Балетъ былъ тотъ же, и маленькая пьэса та же. Передъ комедіей имѣлъ у Ея В-ва аудіенцію Полякъ Малаховскій.

10 февраля. На придворномъ театрѣ ввечеру комедія была французская „le joueur“; маленькая пьэса „Arlequin Gula“; балетъ „Аполлонъ и Дафна“. По окончаніи позорища, изволила Ея В-во поѣхать въ штегельманскій домъ, къ графу Г. Г. Орлову. Изволила тамъ кушать и забавляться разными играми.

11 февраля. Повѣстка была, чтобъ въ комедію съѣзжаться въ маскарадномъ платьѣ и оттуда, кто изволитъ, ѣхать въ маскарадъ къ Локателію, въ старый деревянный дворецъ. Маскараду положено продолжаться отъ сего вечера до воскресенья до утра. Съѣхались въ маскарадномъ платьѣ въ комедію. Комедія была французская „l'homme du jour“; балетъ новый Гранжеевъ съ зміею; вмѣсто маленькой пьэсы комическая опера „on ne s'avise jamais de tout“. Послѣ зрѣлища, отужинавши у Его Высочества, поѣхалъ я въ маскарадъ. Тамъ, по приказу его кланялся одному человѣку. Ея В-во изволила быть въ маскарадѣ, закрывшись въ мужской кофейной доминѣ. Изволила ходить, съ графомъ Григоріемъ Григорьичемъ и съ фрейлиной А. В. Паниной, ухватясь за руку. Встрѣчаючись со мной, раза два изволила мнѣ кланяться. Напослѣдокъ подозвала меня къ себѣ и болѣе получаса разговаривать и шутить изволила, не сказывая о себѣ; но нельзя было не узнать Ея В-во, хотя я того и не показывалъ. Въ маскарадѣ тѣснота была ужасная.

12 февраля. Весь день, какъ упомянуто, маскарадъ продолжался.

13 февраля. Воскресенье, Государь одѣвшись, изволилъ выйтить въ церковь. Ввечеру изволилъ пойтить на куртагъ. Куртагъ былъ въ той комнатѣ, гдѣ стоятъ Кавалергарды. Ея В-во изволила тутъ присутствовать. Съ куртагу пошли въ театръ. Входили всѣ по билетамъ. Какъ Его В-во совсѣмъ уже выздоровѣлъ и опухоль миновалась, то изволилъ онъ пойтить тудажъ. Была трагедія русская „Синавъ и Труворъ“. Играли благородные: Синавъ И. И. Кропотовъ. Труворъ П. И. Мелиссино. Гостомыслъ господинъ Титовъ. Ильмена жена госп. Титова: очень хорошо играла. Вѣстникъ В. И. Бибиковъ. Пажъ артиллерійскій кадетъ. Балетъ былъ прежній же „Арисъ и Галатея“. Маленькая пьэса была „Пустомеля“, сочиненіе господина Лукина. Роль пустомели игралъ В. И. Бибиковъ. Играть было графу Г. Г. Орлову; но отмѣнилось, не знаю за чѣмъ. Симъ и кончилась честная масленица. Я думаю, что и кромѣ театру въ городѣ сегодня такихъ пустомель довольно было. Вино и молчаливаго говорливымъ дѣлаетъ, а въ масленицу на Руси вину расходъ не малый....

С. Порошинъ.

ФАВОРИТЫ ПРИ ДВОРѢ.

Потемкинъ.

I.

„Въ одно и тоже время... мнѣ случилось видѣть у него министровъ, генераловъ, высшихъ вельможъ, артистовъ и простыхъ ремесленниковъ; англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, шведовъ, датчанъ, персовъ, грузинъ, турокъ, калмыковъ и татаръ.“ Гости, по желанію, могли заняться какой угодно игрой, такъ какъ въ пріемной стояло множество столовъ съ шахматами, триктракомъ и т. п. Потемкинъ обыкновенно обѣдалъ въ три часа; затѣмъ уходилъ въ спальню отдыхать. Проснувшись, онъ опять являлся къ гостямъ, иногда одѣтый, иногда въ халатѣ и туфляхъ и нерѣдко безъ чулокъ. Онъ садился у котораго-либо изъ столовъ, слѣдилъ за игрой или разговаривалъ.

Съ русскими вельможами онъ обращался очень высокомѣрно, но былъ внимателенъ и даже любезенъ съ иностранцами, особливо при болѣе близкомъ знакомствѣ. Къ прислугѣ Потемкинъ относился добродушно и не терпѣлъ, когда ихъ били „по русскому обычаю“...

II.

„Во время путешествія князя Потемкина... впереди его ѣхалъ англичанинъ-садовникъ съ 600 помощниковъ, и съ невѣроятною быстротою разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться князь, хотябы на одинъ день. Являлись дорожки, усыпанныя пескомъ и окаймленныя цвѣточными клумбами, сажались деревья и кусты всякаго рода и величины. Если князь жилъ дольше одного дня, то увядшія растенія замѣнялись свѣжими, привозимыми иногда изъ далекихъ мѣстъ, когда по близости не оказывалось лѣсу“...

Коксъ.

Потемкинъ въ церкви.

Въ Харьковѣ же удалось мнѣ видѣть князя Потемкина-Таврическаго; было это зимою въ послѣднюю поѣздку его изъ арміи въ столицу по взятіи Очакова. На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя къ обѣдни въ соборѣ; служилъ архіерей; студентамъ велѣно быть у обѣдни; мнѣ досталось стоять съ лѣвой стороны амвона посреди церкви. Обѣдня и началась поздно и необыкновенно тянулась; архіерей на большомъ выносѣ провозгласилъ протяжнымъ во всеуслышаніе голосомъ: „военачальники, градоначальники и свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Таврическаго;“ прогремѣлъ потомъ при „о спасеніи“ тотъ же возгласъ протодіаконъ. Свѣтлѣйшій все еще не являлся; пришелъ уже послѣ „достойно“, остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона посреди церкви, взглянулъ вверхъ во всѣ четыре конца. „Церковь не дурна“, сказалъ вслухъ губернатору Кишенскому; вслѣдъ затѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана

и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другого кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскія врата отворялись,—повернулся—въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой, сверхъ того, шубѣ изъ чернаго мѣху, крытой шелковою же матеріею, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ повидимому неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіаѳомъ...

Ѳ. Лубяновскій.

Опала и помилованіе.

По пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя изъ Херсонской губерніи, опредѣленъ я былъ къ нему съ четырьмя другими сержантами на ординарцы; симъ заключилась служба моя въ гвардіи. 1783 года въ декабрѣ его свѣтлость взялъ меня къ себѣ въ адъютанты...

Князь жилъ во дворцѣ; хотя особливый былъ корпусъ, но на аркахъ была сдѣлана галлерея для проходу во дворецъ черезъ церковь, мимо самыхъ покоевъ императрицы.

Лишь только я вступилъ въ свое лестное, по тогдашнему времени, званіе, какъ по разнымъ причинамъ государыня оказала къ князю немилость, и уже онъ собирался путешествовать въ чужіе края, и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ; почему, какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей, никто у него не бывалъ; а сему слѣдуя, и другіе всякаго званія люди его оставили: близь его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Княгиня Дашкова, бывшая въ милости и довѣренности у императрицы, довела до свѣдѣнія ея, черезъ сына своего, бывшаго при князѣ дежурнымъ полковникомъ, о разныхъ неустройствахъ въ войскѣ: что слабымъ его управленіемъ вкралась чума въ Херсонскую губернію, что выписанные имъ Италіянцы и другіе иностранцы, для населенія тамъ пустопорожнихъ земель, за неприуготовленіемъ имъ жилищъ и всего нужнаго

почти всѣ померли, что раздача земель была безъ всякаго порядка, и окружающіе его дѣлали много злоупотребленій и тому подобное; къ княгинѣ Дашковой присоединился фаворитъ А. Д. Ланской.

Императрица не совсѣмъ повѣрила доносу на свѣтлѣйшаго князя, и черезъ особыхъ вѣрныхъ ей людей тайно узнала, что непріятели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя, какъ человѣка способствовавшаго къ управленію государствомъ; лишила милости княгиню Дашкову, отставила ее отъ званія директора Академіи, и на мѣсто ея пожаловала г. Домашнева; князю возвратила довѣренность.

Свѣтлѣйшій князь, въ одинъ день проснувшись, на столѣ близъ кровати видитъ пакетъ, положенный его камердинеромъ, изъ Грековъ, Захаромъ Константиновымъ, и который присланъ былъ отъ императрицы, съ тѣмъ чтобы для сего князя не будить. Онъ, проснувшись и прочитавъ оный, закричалъ: „Попова!“ (такъ звали правителя его канцеляріи). Я бывши тогда дежурнымъ, позвалъ его; князь подалъ ему бумагу и сказалъ: „Читай“. То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегіи, то-есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывшій подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: „Идите поздравлять князя фельдмаршаломъ“. Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость. Онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ (такъ онъ хаживалъ къ ней по утрамъ). Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты его были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе передъ нимъ пресмыкались... Образъ жизни моего генерала былъ единообразенъ; всякое утро домъ его наполнялся вельможами, особливо военными, но его рѣдкіе кто видали. Онъ всегда былъ въ своей спальнѣ и въ шлафрокѣ; кромѣ самознатныхъ людей и короткихъ его знакомыхъ никто не входилъ туда безъ доклада. Въ часъ онъ обѣдалъ; его собственный столъ былъ на осьмнадцать приборовъ, да для штата его, въ другой залѣ, на двадцать четыре прибора. Какъ столъ, такъ и все прочіе

было на счетъ двора, равно и услуга. Любилъ играть въ коммерческія игры, а иногда и въ банкъ. Любилъ лакомиться самыми грубыми вещами, для чего старались ему доставлять по его вкусу, не только изъ Петербурга какъ-то: хорошіе соленые огурцы, капусту и тому подобное, но изъ губерній, съ нарочными курьерами доставляли: изъ Урала икру, изъ Астрахани рыбу, изъ Нижняго-Новгорода подновскіе огурцы, изъ Калуги – калужское тѣсто. Иногда князь выѣзжалъ на вечера и балы, а особливо ко Льву Александровичу Нарышкину; обѣдать иногда ѣзжалъ къ Матвѣю Ѳедоровичу Кашталинскому, у котораго почитался самый лакомый столъ, и собирались знатнѣйшіе карточные игроки. На балы великаго князя и на Каменный Островъ ни одного раза не миновалъ. Любилъ смотрѣть на искусныхъ игроковъ въ билліардъ, почему всѣхъ лучшихъ искусниковъ отыскивали и къ нему привозили; тоже любилъ смотрѣть игру шахматъ, для чего изъ Тулы выписали одного купца, и онъ возилъ его съ собою даже и въ армію. Многіе, чтобы быть извѣстными его свѣтлости, старались имѣть къ нему входъ и его забавлять...

А. Энгельгардтъ.

Новый фаворитъ.

Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя; потерею любимца своего (Ланскаго) она огорчалась: на нѣкоторое время при дворѣ оставлены были всѣ увеселенія. Въ придворной церкви у обѣдни, сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько-нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну. Частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и не получившіе тщательнаго воспитанія. Наконецъ, выборъ палъ на гвардіи офицера Александра Петровича Ермолова. Касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, особливо въ сравненіи съ прежними фаворитами, а еще болѣе съ послѣднимъ Ланскимъ; тотъ былъ большого роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты лица правильныя, цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка, а Ермоловъ былъ женоподобенъ, умомъ же не превосходилъ послѣдняго, котораго считали не слишкомъ дальновиднымъ.

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ князю и увѣдомился, что Мамоновъ пожалованъ былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, а на мѣсто его взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ, въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему знакомиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: „Какъ прикажете о себѣ доложить?“ Я былъ столько простъ, что не догадался, къ чему готовится мой товарищъ, и сказалъ: „Что это за странность, что безъ доклада войти не можно?“ Однакожъ далъ время о себѣ доложить. Ермоловъ принялъ меня очень вѣжливо, но свысока; я простодушно рекомендовалъ себя въ его знакомство. Онъ былъ знакомъ съ моею матерью въ Москвѣ и считалъ за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и обѣщалъ при случаѣ оказывать мнѣ свои услуги.

Свѣтлѣйшій князь приготовилъ большой праздникъ въ Аничковскомъ своемъ домѣ или, лучше сказать, павильонѣ. Въ день его великолѣпнаго маскарада, приказано было всему его свѣтлости штату быть въ мундирахъ легкой конницы и въ шарфахъ. Собравшись еще до пріѣзда князя, увидѣлъ я Ермолова въ драгунскомъ мундирѣ и въ башмакахъ; по добродушію своему, подошедъ къ нему, сказалъ: „Александръ Петровичъ, развѣ вы не знаете, что велѣно всѣмъ намъ быть въ мундирѣ легкой конницы, въ сапогахъ и шарфахъ?“ — „Я знаю, отвѣтилъ онъ мнѣ, но думаю, что его свѣтлость на мнѣ не взыщетъ.“ — „Остерегитесь, лучше поѣзжайте домой и переодѣньтесь“. — Не безпокойтесь, сказалъ онъ, однакожъ не менѣе я вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе“. Вскорѣ его свѣтлость пріѣхалъ, и представьте себѣ мое удивленіе, когда онъ взялъ Ермолова подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по залѣ, чего онъ и самыхъ знатныхъ бояръ не удостоивалъ.

Когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями, и сѣла играть въ карты, а Ермолова поставили отъ нея шагахъ въ четырехъ впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни. Тогда только я догадался, къ чему сего адъютанта готовили.

Маскарадъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ было въ богатыхъ костюмахъ и доминахъ. Большая длинная овальная галлерея къ одной сторонѣ огорожена была занавѣсомъ, а въ другомъ концѣ сдѣланъ былъ оркестръ пирамидою, убранный съ великимъ вкусомъ; было болѣе ста музыкантовъ съ инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкою, управляемою майоромъ Росетти, всегда находившимся при князѣ; на самомъ верху пирамиды былъ поставленъ въ богатой одеждѣ литаврщикъ Арапъ. Вся галлерея освѣщена была висящими гирляндами вдоль поперекъ, на которыхъ поставлены были свѣчи.

Двѣ пары танцовали кадриль: князь Дашковъ съ княжною Барятинской, въ первый разъ показавшеюся въ публикѣ и удивлявшею всѣхъ своей красотою, а особливо ловкостью и гибкостью своего стана (которая послѣ была замужемъ за княземъ В. В. Долгоруковымъ). Она одѣта была просто въ бѣломъ платьѣ, а кавалеръ ея сверхъ мундира въ бѣломъ домино. Вторая пара была графиня Матюшкина (которая послѣ была замужемъ за графомъ Віельгорскимъ), кавалеръ ея былъ графъ Г. И. Чернышевъ. Обѣ пары танцовали такъ, что я въ жизни моей лучшихъ танцовщиковъ не видалъ.

Когда настало время ужина, хозяинъ доложилъ о томъ императрицѣ; лишь только она подошла къ занавѣсѣ, какъ она была поднята, и явился столъ богато-убранный, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ. Императрица кушала за особымъ круглымъ столомъ съ великими князьями, статсъ-дамами, камеръ фрейлинами, чужестранными министрами и нѣкоторыми самыхъ первыхъ степеней кавалерами; вокругъ его былъ поставленъ въ полциркуля другой большой столъ, такъ что служащіе за онымъ обращены были къ ней лицомъ; въ то же время, въ одно мгновеніе, внесено было до сорока малыхъ столовъ, каждый о двѣнадцати кувертахъ, убранныхъ и освѣщенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ императрицѣ встать изъ-за стола, всѣ они были вынесены и въ одинъ мигъ исчезли, равно и завѣса опустилась. По нѣкоторомъ времени императрица съ великими князьями изволила отбыть. Маскарадъ продолжался до трехъ часовъ...

А. Энгельгардтъ.

Погребеніе фаворита.

Погребеніе тѣла князя (Потемкина) происходило 13 октября слѣдующимъ порядкомъ. По совершеніи духовныхъ обрядовъ, приготовлена была просторная зала, гдѣ долженствовало быть поставлено тѣло усопшаго, вся обитая чернымъ крепомъ съ флеровыми перевязями по бортамъ.

Впереди для катафалка сдѣлано отдѣленіе шелковою черною занавѣсою, обложенною по бортамъ серебрянымъ позументомъ, съ большими по срединѣ висящими серебряными кистями и подтянутою серебрянымъ шнуркомъ; нѣсколько подалѣе поставлена была балюстрада, обитая чернымъ сукномъ и обложенная сверху по краямъ широкимъ серебрянымъ позументомъ.

Потолокъ сего отдѣленія одѣтъ былъ наподобіе павильона чернымъ сукномъ и увитъ крестообразно по краямъ бѣлыми и креповыми перевязями.

По срединѣ отдѣленія поставленъ былъ амвонъ, обитый краснымъ сукномъ, съ тремя ступенями, обложенными по краямъ серебрянымъ позументомъ.

На срединѣ амвона сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами на серебряныхъ подножіяхъ и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ.

Надъ гробомъ сдѣланъ былъ великолѣпный балдахинъ изъ розоваго бархата, обложенный по краямъ чернымъ бархатомъ, съ богатымъ золотымъ позументомъ. Спуски онаго были изъ розоваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахромою и поднятые шнурами съ небольшими золотыми кистями. Балдахинъ поставленъ былъ на 10 древкахъ, обтянутыхъ розовымъ бархатомъ и перевитыхъ серебрянымъ позументомъ, и укрѣпленъ къ землѣ восемью золотыми шнурами, на коихъ повѣшены большія золотыя кисти. На верху балдахина, по угламъ и по срединѣ, укрѣплены страусовыя черныя и бѣлыя перья; внутри оный былъ обложенъ бѣлымъ атласомъ.

Въ головахъ, на сдѣланномъ возвышеніи, положена была на парчевой золотой подушкѣ княжеская корона, обведенная лаврами.

На первыхъ отъ гроба ступеняхъ, у головы съ обѣихъ сторонъ стояли табуреты, покрытые краснымъ сукномъ съ золотымъ по краямъ позументомъ, на коихъ положены были подушки изъ малиноваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахромою и золотыми по угламъ висящими кистями; на оныхъ съ правой стороны положенъ фельдмаршальскій жезлъ, а съ лѣвой вѣнецъ лавровый [1]); съ сей же стороны, пониже, лежала крышка отъ гроба, на коей находились шпага, шляпа и шарфъ. На послѣдней ступени расположены были на таковыхъ же бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена покойника по старшинству ихъ, всѣ знаки власти, полученные имъ въ награжденіе заслугъ отъ милостей монаршихъ. По сторонамъ катафалка поставлены были двѣ пирамиды изъ бѣлаго атласа, увѣшанныя чернаго и бѣлаго крепа перевязями. На пирамидѣ, стоявшей съ правой стороны, виденъ былъ гербъ его свѣтлости, по сторонамъ поставлены два знамени великаго гетмана, а на черной доскѣ изображена была бѣлыми буквами слѣдующая надпись:

„Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч., и проч., усерднѣйшій сынъ отечества, присоединитель къ Россійской Имперіи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Сучукъ-Кале, Сунніи, Тульчи, Исакчи, острова Березанскаго, Хаджибея [2]) и Паланки; прославившій оружіе Россійской имперіи въ Европѣ и Азіи, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ градовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми добродѣте-

[1]) Екатерина пожаловала этотъ вѣнокъ Потемкину по окончаніи кампаніи 1789 г. Вѣнокъ этотъ былъ золотой и украшенный изумрудами и бриліантами и стоилъ 150,000 рублей.

[2]) Одесса.

лями общественными и благочестіемъ. Скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 34 верстахъ отъ столичнаго города Яссъ, 1791 года, октября въ 5-й день, на 52 году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не только облагодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдующихъ его“.

На пирамидѣ, съ лѣвой стороны стоявшей, виденъ былъ гербъ во всемъ подобный первому, а по сторонамъ поставлены были: справа — кейзеръ-флагъ, а слѣва — гетманское знамя.

Девятнадцать большихъ свѣчъ, въ высокихъ подсвѣчникахъ, обложенныхъ золотою парчею, и множество меньшихъ свѣчъ, поставленныхъ кругомъ гроба, освѣщая катафалкъ, представляли весьма важное и великолѣпное зрѣлище, внушающее благоговѣніе и горесть. 11-го числа, по совершеніи всѣхъ вышеописанныхъ приготовленій, тѣло поставлено было на катафалкъ и учреждено при гробѣ дежурство изъ одного генералъ-майора, двухъ полковниковъ, четырехъ штабъ-офицеровъ, и восьми оберъ-офицеровъ, одного генералъ-адъютанта и одного флигель-адъютанта. Тогда объявлено было въ городѣ, что хотящіе отдать послѣдній долгъ покойному фельдмаршалу допускаемы будутъ къ тому безъ изъятія.

Народъ стекался толпами; горесть написана была на всѣхъ лицахъ, наипаче воины и Молдавскіе бояре проливали слезы о потерѣ своего благодѣтеля и друга; въ сіе время поставленный у дверей офицеръ раздавалъ убогимъ мелкія серебряныя деньги. Поклоненіе тѣлу происходило сего числа пополудни отъ 3 до 6 часовъ. Въ часы прихода для поклона тѣлу стояли у головъ по обѣимъ сторонамъ штаба покойнаго фельдмаршала два генералъ-адъютанта, у средины гроба по два гвардіи офицера, два флигель-адъютанта, а нѣсколько подалѣе по два офицера Екатеринославскаго гренадерскаго полка; внутри, съ правой стороны лейбъ-гвардіи отъ бомбардирской роты, съ лѣвой кирасирскаго полка князя Потемкина, а у балюстрады того же полка по два офицера въ супервестахъ.

12-го числа двери отворены были отъ 10 часовъ пополуночи до 2-хъ часовъ пополудни, потомъ отъ 3-хъ до 8 часовъ вечера, въ которое время по прежнему была раздача

убогимъ серебряныхъ мелкихъ денегъ. Между тѣмъ одинъ генералъ-адъютантъ, два флигель-адъютанта на лошадяхъ въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина въ траурномъ видѣ съ литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, которое имѣло быть на другой день въ 8 часовъ пополуночи.

13 числа полки Екатеринославскій и Малороссійскій гренадерскіе и Днѣпровскій мушкатерскій стали по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ долженствовало происходить шествіе. Когда духовенство собралось, и все было готово, время выноса возвѣщено было 11-ю пушечными выстрѣлами и унылымъ колокольнымъ звономъ; пальба продолжалась черезъ каждую минуту до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлій, назначенный къ совершенію сего печальнаго обряда.

Тѣло выносили изъ особливаго усердія генералы, также штатъ его свѣтлости и назначенные къ тому штабъ-офицеры; балдахинъ несли гвардейскіе офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ:

Открывалъ оное эскадронъ конвойныхъ гусаръ покойнаго фельдмаршала.

За нимъ кирасирскій полкъ князя Потемкина.

Конь покойнаго въ траурѣ.

Верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ; каждую вели два конюха въ богатой ливреѣ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ.

120 человѣкъ солдатъ съ факелами, въ черныхъ эпанчахъ и въ распущенныхъ шляпахъ, съ чернымъ флеромъ.

27 оберъ-офицера въ траурномъ видѣ со свѣчами.

12 штабъ-офицеровъ въ траурномъ видѣ со свѣчами.

Бояре княжества Молдавскаго, князья и посланники Черкесскіе.

За симъ долженъ былъ слѣдовать генералитетъ; но генералы, какъ выше сказано, выносили гробъ и шли послѣ онаго до самой церкви.

Духовенство.

Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеры, имѣя двухъ оберъ-офицеровъ ассистентами:

1. Орденъ Св. Андрея. 2. Орденъ Св. Александра Невскаго. 3. Орденъ Св. Георгія 1-го класса. 4. Орденъ Св. Вла-

диміра 1-го класса. 5. Орденъ Бѣлаго Орла. 6. Орденъ Св. Станислава. 7. Орденъ Прусскаго Чернаго Орла. 8. Орденъ Датскаго Слона. 9. Орденъ Шведскаго Серафима. 10. Орденъ Св. Анны. 11. Камергерскій ключъ. 12. Гетманская булава. 13. Гетманская сабля. 14. Жалованная шпага. 15. Вѣнецъ. 16. Бантъ отъ портрета императрицы. 17. Фельдмаршалскій жезлъ. 18. Гетманское знамя. 19. Кейзеръ-флагъ. 20. Другое знамя. 21. Княжеская корона.

Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряжѐнныхъ 8-ю лошадьми въ черныхъ попонахъ, изъ которыхъ каждую велъ одинъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ.

Парадная карета, покрытая чернымъ сукномъ, запряженная 8-ю лошадьми, подъ черными покрывалами; при ней конюхи въ парадной ливреѣ и черныхъ эпанчахъ.

За гробомъ шли родственники князя.

Шествіе замыкали: эскадронъ конвойныхъ гусаръ, казачій полкъ, Булавы великаго гетмана, Донской казачій полкъ князя Потемкина.

По совершеніи литургіи преосвященный епископъ Херсонскій Амвросій вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По окончаніи отпѣванія, когда запѣли вѣчную память, сдѣлано было 11 пушечныхъ выстрѣловъ, а войско произвело троекратно ружейный бѣглый огонь. Рыданіе родственниковъ, ближнихъ и воиновъ раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Тѣло омыто горячими слезами облагодѣтельствованныхъ покойникомъ.

По окончаніи всего, опредѣлены были при гробѣ къ дежурству одинъ адъютантъ, четыре офицера и караулъ.

А. Энгельгардтъ.

Бывшіе фавориты въ провинціи.

Корсаковъ.

Еще во время пребыванія моего въ Шкловскомъ училищѣ, вышелъ изъ случая Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, а мѣсто его заступилъ и при дворѣ сталъ имѣть большое вліяніе Александръ Дмитріевичъ Ланской. Корсакову пожа-

ловано было въ Могилевской губерніи 6000 душъ, 200000 рублей для путешествія въ чужіе края, бриллiантовъ и жемчуговъ было у него, какъ цѣнили тогда, болѣе нежели на 400000 руб.; судя по нынѣшнему курсу, имѣлъ онъ денегъ и вещей на 2.400.000. Какъ въ жалованныхъ ему деревняхъ еще не было построеннаго дома, то выпросилъ онъ у тамошняго помѣщика Іезефовича деревню Желивль, верстахъ въ тридцати отъ Могилева, куда и пріѣзжали къ нему всѣ родственники его изъ Смоленской губерніи; не рѣдко и отецъ мой съ семействомъ своимъ ѣзжалъ туда же и меня бралъ съ собою. Какъ ни огроменъ былъ въ Желивлѣ домъ, и какъ ни много было при немъ службъ, но тѣснота бывала ужасная: въ одной комнатѣ помѣщалось фамиліи по двѣ; ежедневно одни пріѣзжали, другіе уѣзжали, но менѣе осьмидесяти человѣкъ никогда не бывало: при такомъ множествѣ господъ, сколько перебывало людей и лошадей? Болѣе шести мѣсяцевъ жилъ онъ таковымъ образомъ; все, что можно придумать къ увеселенію и роскоши, все было придумано: посему, а еще болѣе по безпорядку, онъ въ короткое время прожилъ много изъ данныхъ ему на путешествіе денегъ.

Зоричъ.

...Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній, лучшее дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей: между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая, генералъ-поручица графиня

Мелина и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи — князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами (изъ корпуса, основаннаго Зоричемъ — *Сост.*) и другими, польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но таковаго рода жизнь ввела его въ неоплатные долги...

А. Энгельгардтъ.

Карьэра фаворита.

Съ прибытіемъ моимъ въ Шкловъ, познакомился я съ генераломъ Зоричемъ, владѣльцемъ сего мѣстечка, или лучше сказать, изряднаго городка и многихъ другихъ имѣній. Генералъ Зоричъ по необыкновенному своему характеру заслуживаетъ, чтобъ я о немъ здѣсь нѣчто сказалъ. Онъ родомъ изъ Сербіи, и настоящее его прозванье есть не Зоричъ, а Неражичъ.—Зоричъ же былъ его дядя со стороны матери, также сербъ, служилъ въ россійскомъ войскѣ и достигъ достоинства генерала. Въ царствованіе императрицы Елизаветы I вывелъ онъ многія колоніи своихъ единоземцевъ, которые съ немалой для Россіи пользой были поселены имъ на Украйнѣ и составляли поселенные гусарскіе полки. Они служили храбро и усердно во время семилѣтней войны противу Фридриха II короля прусскаго. За таковую услугу императрица наградила его имѣньемъ изъ 700 душъ. Сей Зоричъ, не бывъ женатъ, взялъ къ себѣ племянника своего Неражича, записалъ въ полкъ, и тотъ служилъ при немъ въ званіи унтеръ-офицера еще въ сію войну; ему едва было тогда пятнадцать лѣтъ отъ роду. Генералъ Зоричъ такъ полюбилъ молодого Неражича, что хотя и имѣлъ ближайшихъ наслѣдниковъ по праву, однакожъ укрѣпилъ за нимъ все свое имѣніе и далъ свою фамилію Зоричъ. Родной братъ сего самаго Зорича, служившій также генераломъ въ россій-

скомъ войскѣ, всегда носилъ прозванье Неражича. Какъ бы то ни было, но молодой Зоричъ по смерти дяди своего продолжалъ служить въ гусарскихъ полкахъ.

Во время войны съ турками подъ предводительствомъ фельдмаршала Румянцева былъ уже онъ маіоромъ и состоялъ въ числѣ наѣздниковъ, или партизановъ. Онъ былъ пріятнаго вида, при посредственномъ воспитаніи и способностяхъ ума, однакожъ ловокъ, расторопенъ и храбръ, любилъ богато одѣваться, играть въ карты на большія суммы денегъ. Однимъ словомъ, онъ жилъ такъ, какъ жили молодые гусарскіе офицеры того времени. Впрочемъ онъ служилъ отлично и въ званьи маіора удостоенъ былъ за храбрость свою орденомъ св. Георгія 4 класса, что было тогда весьма рѣдко. Въ одно время посланъ онъ былъ съ малымъ отрядомъ гусаръ и казаковъ для обозрѣнья непріятельской арміи, а на возвратномъ пути велѣно ему было запастись фуражемъ. Исполнивъ первое, при второмъ окруженъ онъ былъ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ. Зоричъ, отступая, защищался храбро; но подъ нимъ застрѣлили лошадь, онъ упалъ, и прискакавшій къ нему арабъ хотѣлъ заколоть его копьемъ. Но въ самую ту минуту подоспѣлъ одинъ турокъ, который, увидя богатую его одежду, закричалъ ему по-турецки: „Что ты дѣлаешь? Это то и есть генералъ“. Арабъ остановился, и Зоричъ былъ взятъ военноплѣннымъ. Когда приведенъ онъ былъ на непріятельскіе аванпосты, то принятъ былъ начальникомъ оныхъ, какъ плѣнный генералъ. И Зоричъ за неимѣніемъ переводчика не могъ вывести изъ сего заблужденія. Наконецъ, когда представленъ онъ былъ къ визиру, которому объявилъ, что онъ не генералъ, а только гусарскій маіоръ, то и тотъ, судя по богатой его одеждѣ и отличному виду, подумалъ, что онъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ скрываетъ настоящее свое достоинство. Это Зоричъ легко могъ замѣтить. Наконецъ, отправленъ онъ былъ въ Константинополь, гдѣ содержался до окончанія войны и размѣна плѣнныхъ.

Въ Константинополѣ скоро научился онъ говорить по-турецки, чрезъ что познакомился съ нѣкоторыми греками и турками, которые его весьма полюбили и доставляли ему всѣ выгоды.

Возвратясь изъ плѣна, продолжалъ онъ служить въ гусарскомъ полку; но, какъ отличный офицеръ, былъ взятъ въ лейбъ-гусарскій эскадронъ Ея Величества. Находясь при дворѣ, нашелъ онъ случай сдѣлаться извѣстнымъ князю Орлову, бывшему любимцу Екатерины II. Мѣсто его хотя и заступилъ уже кн. Потемкинъ, но онъ все еще былъ въ нѣкоторой довѣренности у императрицы. Онъ, примѣтивъ красоту и ловкость Зорича, вздумалъ тѣмъ воспользоваться, чтобъ отомстить своему непріятелю. Онъ довелъ до того, что Зоричъ весьма понравился Екатеринѣ и сдѣлался ея любимцемъ. Кромѣ богатыхъ подарковъ и орденскихъ знаковъ, былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры, сдѣлался ея адъютантомъ и корнетомъ кавалергардскаго корпуса единственно потому, что великолѣпный мундиръ малаго сего отряда придавалъ ему еще больше красоты. Но Зоричъ наслаждался только одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ симъ счастіемъ и былъ затѣмъ удаленъ отъ двора. Однако-жъ ни одинъ изъ любимцевъ Екатерины въ столь короткое время не былъ столь щедро награжденъ. Не считая денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, даны были ему въ вѣчное и потомственное владѣніе мѣстечко Шкловъ, съ принадлежащими къ оному деревнями, въ которыхъ считалось до 6 т. душъ, да Сесвегенское имѣніе въ Лифляндіи, 4 т. душъ, придворный экипажъ и вся услуга. Сверхъ того, по прибытіи его въ Шкловъ, нашелъ онъ въ готовности собранныхъ доходовъ съ сего имѣнія милліонъ рублей.

Все шкловское имѣніе принадлежало прежде извѣстному польскому вельможѣ князю Адаму Чарторыйскому. Онъ во время присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи не захотѣлъ дать присяги на подданство императрицѣ Екатеринѣ II и удалился за-границу, а имѣніе его взято въ казну. Князья Чарторыйскіе почти никогда не жили въ Шкловѣ больше потому, что мѣстечко сіе находилось близко границы россійской. Итакъ Зоричъ, прибывъ туда, нашелъ для жительства своего хотя довольно обширный домъ, но построенный безъ всякихъ выгодъ, притомъ деревянный и ветхій. Поэтому началъ онъ строить новый деревянный домъ хорошаго вида и расположенія, огромную каменную ограду и театръ. Бывъ холостымъ и не имѣя никогда намѣренія жениться, рѣшилъ

онъ знатную часть доходовъ своихъ употребить на разныя благотворенія. Важнѣйшимъ же было учрежденіе кадетскаго корпуса, въ которомъ до четырехсотъ недостаточныхъ дворянъ содержались, воспитывались и обучались всѣмъ наукамъ, входящимъ въ составъ общественнаго воспитанія, воинской службѣ, а также иностраннымъ языкамъ. Весь корпусъ этотъ состоялъ на собственномъ его иждивеніи. Для сего началъ онъ и скорѣе всего выстроилъ прекрасное каменное зданіе, въ которомъ сіи воспитанники могли всѣ съ выгодою быть помѣщены. Учители, офицеры для присмотра, услуга, библіотека, разные инструменты и все потребное тогда же было доставлено. Онъ самъ ежедневно занимался симъ учрежденіемъ, поступая съ кадетами, какъ рѣдкіе изъ отцовъ поступаютъ съ своими дѣтьми. Видя сіе, дворяне Бѣлорусской и сосѣдственныхъ губерній наперерывъ поспѣшали привозить къ нему своихъ дѣтей, такъ что не только вскорѣ корпусъ его наполнился, но много принимаемо было и сверхъ положенія. Не довольствуясь симъ, Зоричъ испросилъ повелѣніе императрицы Екатерины, дабы кадеты его, по окончаніи наукъ, свидѣтельствованы были присылаемыми изъ Петербурга знающими особами и принимаемы были наравнѣ съ кадетами Императорскихъ кадетскихъ корпусовъ поручиками и подпоручиками въ военную или гражданскую службу, смотря по ихъ способностямъ, успѣхамъ въ наукахъ и поведенію. При выпускѣ же давалъ онъ каждому отъ себя мундиръ, весь офицерскій экипажъ, деньги на проѣздъ—сколько кому слѣдовало, и каждому по сто рублей на расходы. Сіе его заведеніе доставило Россіи многихъ отличныхъ знаніями своими и воспитаніемъ чиновниковъ. Хотя нельзя сказать, чтобъ науки лучше преподавались въ семъ корпусѣ, нежели въ Императорскомъ сухопутномъ, но зато кадеты несравненно лучше содержались и больше образованы были въ общежитіи. Они раздѣлены были у него на гренадеръ, мушкетеръ, егерей и конницу. Отставные офицеры добраго поведенія и знающіе службу въ свободное отъ наукъ время показывали имъ разные военные обороты по роду ихъ службы. Для кавалеристовъ же устроенъ былъ хорошій манежъ и карусель. Не говоря о больницѣ, въ которой многіе неимущіе получали пользу и содер-

жаніе. Генералъ Зоричъ собралъ къ себѣ не только всѣхъ недостаточныхъ своихъ родныхъ, но и старыхъ знакомыхъ, наипаче такихъ, которымъ онъ былъ обязанъ за какую-либо помощь прежде блистательнаго своего состоянія. Онъ построилъ имъ всѣмъ дома, далъ достаточное содержаніе и любилъ дѣлить съ ними время. Шкловъ лежитъ на большой дорогѣ, ведущей въ Петербургъ, Москву и за границу. Зоричъ не пропускалъ ни одного проѣзжающаго безъ угощенія. И богатые и бѣдные его сосѣди, пріѣзжая къ нему въ гости, жили по нѣскольку мѣсяцевъ на его счетъ. Театръ и оранжерея съ преогромными залами скоро были построены, хотя комедіанты его были посредственны и лучшія сочиненія были играны охотниками и кадетами. Но балеты были весьма хороши, а также музыка и пѣвчіе. Ни одинъ славный музыкантъ, пѣвецъ или пѣвица не могли пріѣхать изъ Европы въ россійскія столицы, не давъ нѣсколько концертовъ у Зорича. Онъ дарилъ ихъ щедро и такъ хорошо съ ними обходился, что многіе жили у него по нѣскольку мѣсяцевъ и изъ признательности давали наставленья собственнымъ его музыкантамъ.

Иностранцы и путешественники были имъ отлично принимаемы и всегда на нѣкоторое время останавливались въ Шкловѣ, пользуясь отъ него всѣмъ содержаніемъ.

Но домъ, который онъ началъ строить для себя, бывъ почти совсѣмъ готовъ, нечаяннымъ случаемъ сгорѣлъ. Старый же, принадлежавшій Чарторыйскому, сдѣлался слишкомъ ветхъ. Тогда Зоричъ перешелъ въ небольшой домъ, выстроенный имъ для родственницы его, вдовы, полковницы К., и жилъ до самой своей кончины въ ономъ, вмѣстѣ съ нею и ея семействомъ, имѣя для себя только три покоя. Ежедневные великолѣпные столы, на нѣсколько десятковъ особъ, балы по нѣскольку разъ въ недѣлю, концерты и пріемы гостей происходили у него въ большихъ оранжерейныхъ залахъ. Оттуда по окончаніи угощенія возвращался онъ съ отъѣздомъ гостей въ домъ госпожи К. Частые весенніе праздники, фейерверки, иллюминаціи, всякаго рода забавы и картежная игра не были имъ оставлены, исключая одной псовой охоты, которой онъ никогда не занимался, да и вовсе оной у себя не заводилъ.

Въ семъ положеніи жилъ онъ до кончины императрицы Екатерины. Но императоръ Павелъ I, вступая на престолъ, вызвалъ его въ Петербургъ и принялъ весьма благосклонно. Зоричъ имѣлъ уже тогда великіе долги на своемъ имѣніи, болѣе же всего разстроила его игра въ карты. Онъ проигралъ довольно князю Потемкину и несравненно больше его родственникамъ. Они оба другъ друга не любили, а Зоричъ въ шутку называлъ иногда кн. Потемкина дядей. Павелъ I зналъ всѣ сіи обстоятельства и въ то же время не терпѣлъ онъ Потемкина. Увидя Зорича, Павелъ сказалъ ему: „ваше состояніе разстроено, я это знаю; васъ раззорилъ дядя“. —„Не дядя,—отвѣчалъ Зоричъ,—а племянники“.—Павелъ доволенъ былъ симъ отвѣтомъ и далъ ему гусарскій полкъ.

Конные полки приносятъ въ Россіи доходъ людямъ бѣднаго состоянія, которые трудятся, занимаясь безпрестанно разными экономіями. Но Зоричъ готовился употребить свою собственность, чтобъ по природному его самомнѣнію полкъ его былъ лучше прочихъ. Тотъ, въ который онъ былъ назначенъ, названъ только гусарскимъ, а въ самомъ дѣлѣ былъ легкоконный, и Зоричъ долженъ былъ преобразовать его въ гусарскій. Ген. Т., отъ котораго началъ онъ принимать полкъ, имѣлъ много неспособныхъ къ службѣ лошадей, не хотѣлъ кончить добрымъ способомъ дѣла свои съ Зоричемъ, и принуждалъ его принимать худыхъ лошадей вмѣсто хорошихъ. Зоричъ сдѣлалъ свидѣтельство, и представилъ о томъ государю. Ген. Т. былъ выключенъ изъ службы, худыхъ лошадей велѣно было продать, а на мѣсто ихъ купить добрыхъ на счетъ прежняго начальника. Но тотъ отвѣтилъ Зоричу самымъ жестокимъ образомъ. Лошади сіи проданы были по самой низкой цѣнѣ, да и кому можетъ быть нужна старая и испорченная кавалерійская лошадь?

Между тѣмъ одинъ молодой офицеръ изъ числа воспитанныхъ Зоричемъ купилъ четыре лошади въ надеждѣ, что хотя одна изъ нихъ поправится: прочихъ же готовъ онъ былъ отдать и даромъ. И такъ, взявъ ихъ къ себѣ, велѣлъ имѣть за ними хорошій присмотръ. Узнавъ о томъ, ген. Т. послалъ черезъ нѣсколько дней русскаго купца, который прежде былъ маркитантомъ въ его полку, торговать у офицера сихъ лошадей. Купецъ съ перваго слова предложилъ

ему вдвое больше, нежели офицеръ заплатилъ. Этотъ молодой человѣкъ, не зная хорошо лошадей, подумалъ, что онѣ стоятъ дороже, и не согласился уступить за сію цѣну. Купецъ началъ прибавлять и, наконецъ, за весьма значительную сумму купилъ у него сихъ лошадей, заплатилъ деньги при свидѣтеляхъ и взялъ съ него росписку. Генералъ Т., получа оную отъ купца, при прошеніи своемъ представилъ государю, поставя на видъ, якобы Зоричъ предоставляетъ пользоваться своимъ питомцамъ на счетъ его собственности. Быстрый въ рѣшеніяхъ своихъ Павелъ, едва получилъ сію просьбу, какъ тогда же выключилъ Зорича изъ службы и назначилъ ему ссылку въ его имѣніе, изъ котораго запретилъ ему выѣзжать.

Въ семъ положеніи нашелъ я Зорича по прибытіи моемъ въ Шкловъ. Однакожъ онъ не показывалъ ни малѣйшей перемѣны въ своемъ характерѣ и жилъ такъ, какъ и прежде; съ тою только разницею, что оставилъ азартныя игры въ карты. Впрочемъ театры, балы, столы, угощеніе пріѣзжающихъ и проживающихъ въ Шкловѣ продолжались по прежнему. Онъ часто бывалъ у меня и просилъ, чтобы не только я, но и офицеры мои не имѣли своего стола, а приходили бы къ нему. Если же кто чѣмъ занятъ, или нездоровъ, то присылали къ такому обѣдъ и ужинъ съ его кухни. Сверхъ того, я и другіе ему знакомые пользовались его экипажами. Онъ содержалъ большое количество лошадей и много разныхъ большихъ и малыхъ экипажей. По утру всѣ должны быть запряжены и выѣхать на улицу; кому потребенъ экипажъ, тотъ возьметъ и поѣдетъ. Не разъ случалось на моихъ глазахъ, что онъ велитъ для себя подать карету, которую и подведутъ къ крыльцу. Между тѣмъ онъ за чѣмъ-либо замедлитъ въ домѣ, въ это время другой потребуетъ карету и поѣдетъ. Кучеръ отговориться не смѣетъ. Онъ выйдетъ, и если нѣтъ для него экипажа, то подождетъ, пока сыщутъ для него другой. Вотъ какъ проводилъ онъ время свое въ бытность мою въ Шкловѣ. Вставалъ онъ всегда въ пять часовъ и около часа продолжался его туалетъ, при чемъ пилъ онъ чай и разсматривалъ подаваемыя ему табели доходовъ и расходъ его имѣнія. Потомъ, одѣвшись въ мундиръ, выходилъ въ другую комнату, гдѣ принималъ рапортъ отъ кадетскаго корпуса, ординарца и вѣстового, а также пріѣзжающихъ къ

нему съ утреннимъ посѣщеніемъ. Послѣ сего ѣхалъ онъ въ корпусъ и присутствовалъ въ конференціи учрежденной имъ самимъ изъ чиновниковъ корпуса. Конференція разсматривала, что относится къ содержанію онаго въ добромъ порядкѣ. Оттуда шелъ онъ въ классъ, а потомъ къ кадетскому столу и отвѣдывалъ всѣ подаваемыя тамъ кушанья. Послѣ этого ѣхалъ онъ въ свою оранжерею, гдѣ уже приготовлены были водка и закуска, и гости начинали собираться на обѣдъ. Послѣ обѣда отдыхалъ онъ нѣсколько въ комнатахъ оранжереи или въ домѣ г-жи К. Если не назначено было никакого собранія, что однакожъ рѣдко случалось, то прогуливался онъ тогда верхомъ и на дрожкахъ. По вечеру опять пріѣзжалъ въ оранжерею, гдѣ ожидали уже его гости, съ которыми пилъ онъ чай и ужиналъ.

Зоричъ завелъ тоже въ имѣніи своемъ разныя фабрики какъ-то: шелковыхъ матерій, полотняную, парусную, канатную, суконную и кожевенную. Но сіи заведенія, кромѣ убытку, ничего почти ему не приносили, потому что онъ любилъ дарить своими произведеніями всѣхъ, кто только любопытенъ оныя увидѣть... Зоричъ, какъ кажется, выдумалъ средство, какъ сдѣлать больше долговъ. Онъ даже изобрѣлъ свои ассигнаціи. Это были небольшія печатныя бумажки особаго вида, на которыхъ выставлена была цѣна отъ 5-ти до 100 рублей, съ прописью уплачивать изъ его имѣнія. И когда имѣлъ онъ надобность въ деньгахъ, то подписывалъ оныя и выдавалъ. Жиды охотно ихъ принимали. По смерти же его было преимущественно уплачено по онымъ, нежели по векселямъ, потому что на сіи бумажки процентъ не считали, какъ на векселя, а поступили съ ними, какъ съ государственными ассигнаціями. О! Какіе великіе милліоны должна была бы заплатить нынѣ казна, если бы счесть положенный законами процентъ? Но не только что проценты, а и капиталовъ едва четвертая часть уплачивается нынѣ въ Россіи... При многихъ своихъ добродѣтеляхъ, Зоричъ имѣлъ и свои пороки. Хотя онъ не былъ слишкомъ гордъ, но былъ весьма самолюбивъ, притомъ нѣкоторые предразсудки и даже суевѣріе въ великой степени имъ обладали. Онъ вѣрилъ предзнаменованію разныхъ встрѣчъ, примѣтъ, сновъ и тому подобному, что дѣлало его иногда на цѣлый день и больше скуч-

нымъ или веселымъ. Но главнѣйшее, что впослѣдствіи весьма повредило его родственникамъ и друзьямъ, было то, что онъ никогда не хотѣлъ слышать о смерти. Даже если кто умретъ изъ его знакомыхъ, кадетъ или услуги, то не должно было ему о томъ сказывать. Когда онъ спроситъ, почему онъ давно не видитъ такого-то, ему говорили: онъ боленъ. Наконецъ, хотя и самъ онъ догадывался, что его нѣтъ уже на свѣтѣ, но молчалъ. Это было причиною того, что онъ умеръ безъ духовнаго завѣщанія. Такимъ образомъ, всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей, которые при жизни его пользовались великими выгодами и которымъ на всю жизнь онъ могъ бы устроить благополучное состояніе, теперь оставилъ онъ по смерти своей въ великой бѣдности.

Въ бытность мою въ Шкловѣ, жила при немъ племянница его, госпожа Б., которую онъ больше всѣхъ любилъ. Я съ нею познакомился, открылась взаимная склонность. Зоричъ о томъ узналъ и весьма согласенъ былъ соединить нашу судьбу, обѣщая не только дать богатое приданое, но даже сдѣлать меня наслѣдникомъ своего имѣнія. Не успѣлъ онъ еще сдѣлать потребнаго къ тому распоряженія, какъ полку нашему, безъ малѣйшаго отлагательства, велѣно было выступить въ походъ. Прощаясь со мною, сказалъ онъ мнѣ:

— Если полкъ вашъ на нѣкоторое время гдѣ-нибудь остановится, постарайтесь испросить для себя отпускъ, пріѣзжайте ко мнѣ, я отдамъ вамъ мою племянницу и устрою ваше состояніе, какъ обѣщалъ...

С. Тучковъ.

Въ погонѣ за счастьемъ.

Въ такомъ случаѣ не оставалось ему (Державину) ничего другого дѣлать, какъ искать входу къ любимцу Государыни и черезъ него искать себѣ покровительства. Въ то время, по отставкѣ Мамонова, вступилъ на его мѣсто молодой конной гвардіи офицеръ Платонъ Александровичъ Зубовъ, который никакъ не былъ съ нимъ знакомъ; ибо когда онъ служилъ въ гвардіи, тогда еще сей дитя фортуны былъ малолѣтенъ и бѣгалъ съ своимъ семействомъ туда и сюда, отъ Пугачева укрываясь. – Но что дѣлать? надобно было

сыскивать случаю съ нимъ познакомиться. Какъ трудно доступить до фаворита! Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у Императрицы. Такимъ образомъ, ходя нѣсколько (разъ), не могъ удостоиться ни одного раза застать его у себя. Не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту. Вслѣдствіе чего написалъ оду Изображеніе Фелицы, и къ 22-му числу сентября, то-есть ко дню коронованія Императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ Олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ. Государыня, прочетши оную, приказала любимцу своему на другой день пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать его въ свою бесѣду. Это было въ 1788 году. Съ тѣхъ поръ онъ сему царедворцу сталъ знакомъ, но кромѣ ласковаго обращенія никакой отъ него помощи себѣ не видалъ. Однако и одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему много уваженія; а сверхъ того и Императрица приказала приглашать его въ эрмитажъ и прочія домашнія игры, какъ-то на святки, когда они наступали, и прочія собранія. Въ домѣ Вяземскаго былъ также принятъ хорошо; но какъ братъ фаворитовъ, то-есть Дмитрій Александровичъ Зубовъ, сговорилъ на меньшей дочери Вяземскаго, и Державинъ пріѣхалъ его поздравить, то княгиня, принявъ холодно, показала ему спину. Сіе значило то, что какъ они сдѣлались, черезъ сговоръ дочери, съ любимцемъ Императрицы въ свойствѣ, то и не опасались уже, чтобъ Державинъ у него могъ чѣмъ повредить. Чрезъ сей низкій поступокъ княгини такъ ему домъ ихъ омерзѣлъ, что онъ въ сердцѣ своемъ положилъ никогда къ нимъ не ѣздить, что и въ самомъ дѣлѣ исполнилъ по самую князя кончину...

Въ 1789 или въ 1790 году въ сентябрѣ, по заключеніи мира съ Шведами, надобно было, по болѣзни генералъ-прокурора Вяземскаго, старшему оберъ-прокурору Ѳедору Михайловичу Колокольцову говорить публично передъ Императрицею, сѣдящею на тронѣ, отъ лица Сената рѣчь. Онъ, по знакомству, отнесся къ Державину, который ему и сочинилъ оную, но чтобъ быть благонадежнѣе въ благосклонномъ ся принятіи Императрицею, показалъ заблаговременно е

любимцу. Сей, прочетши предъ нею, былъ рѣчью доволенъ. Но Колокольцовъ, неизвѣстно по какой причинѣ, сказался больнымъ или въ самомъ дѣлѣ занемогъ, такъ что должно было по немъ старшему оберъ-прокурору взять на себя сію церемонію. По немъ старшій былъ оберъ-прокуроръ Петръ Васильевичъ Неклюдовъ, который, по связи съ графомъ Завадовскимъ, прибѣгнулъ къ нему съ просьбою о сочиненіи рѣчи, и дѣйствительно оную читалъ въ собраніи предъ Императрицею, а Державина сочиненіе осталось неупотребленнымъ, которое между прозаическихъ его письменъ со временемъ будетъ напечатано. Державинъ однакоже въ то время написалъ оду, напечатанную въ первой части, подъ именемъ *На шведскій миръ*. Въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ сего года взятъ Измаилъ. Съ извѣстіемъ симъ фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ ко двору, чтобъ болѣе угодить Императрицѣ, брата любимцова, Валеріана Александровича Зубова, что послѣ былъ графомъ и генералъ-аншефомъ. Въ самое то время случился въ комнатахъ фаворита и Державинъ. Онъ, въ первомъ восторгѣ о сей побѣдѣ, далъ слово радостному вѣстнику написать оду, которую и написалъ подъ названіемъ *На взятіе Измаила*. Она напечатана въ 1-ой части его сочиненій. Ода сія не токмо Императрицѣ, ея любимцу, но и всѣмъ понравилась; слѣдствіемъ сего было то, что онъ получилъ въ подарокъ отъ Государыни богатую осыпанную бриліантами табакерку, и былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его при дворѣ въ первый разъ по напечатаніи сего сочиненія, подошла къ нему и съ усмѣшкою сказала: „Я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна".—Князь Потемкинъ, пріѣхавъ изъ арміи, сталъ къ автору необыкновенно ласкаться и чрезъ Василія Степановича приказывалъ, что хочетъ съ нимъ короче познакомиться. Вслѣдствіе чего Державинъ сталъ въѣзжать къ князю Потемкину. Однажды, призвавъ его въ свой кабинетъ, отдалъ письмо принца де-Линя, писанное къ нему на французскомъ языкѣ, прося оное перевесть на русскій. Державинъ отговаривался незнаніемъ перваго; но князь сказалъ: „Нѣтъ, братецъ, я знаю, что ты переведешь".—Принялъ и съ пособіемъ жены своей перевелъ, чѣмъ казался быть довольнымъ и благодарилъ.

Въ теченіе сего времени случилась между княземъ Потемкинымъ и любимцемъ графомъ Зубовымъ непріятная для Державина исторія, въ которую онъ нечаяннымъ образомъ сталъ замѣшанъ. Въ одно время, при множествѣ предстоящихъ предъ княземъ поклонниковъ, вбѣжалъ какъ бѣшенный, нѣкто отставной провіантскаго стата маіоръ Бехтѣевъ и закричалъ громко: „Помилуйте, ваша свѣтлость, обороните отъ Александра Николаевича Зубова, который, надѣясь на своего сына, ограбилъ меня". Князь, увидѣвъ столь азартнаго человѣка, произносящаго дерзкую жалобу на человѣка, приближеннаго ко двору, и изъ осторожности, можетъ-быть чтобъ не произнесъ еще какихъ язвительныхъ словъ на толь знаменитаго обидчика, или чтобъ не подать поводу мыслить о не весьма хорошемъ его расположеніи къ фавориту (ибо между ими не хорошо было), всталъ стремительно съ мѣста и, взявъ Бехтѣева за руку, увелъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ съ добрые полчаса бывъ наединѣ, что они говорили, неизвѣстно. Но только когда вышли, то, спустя нѣсколько, стали предстоящіе пошептывать, что старикъ Зубовъ отнялъ у Бехтѣева наглымъ образомъ деревню; что несмотря на случай (сына), отдадутъ грабителя подъ судъ. Въ продолженіе дня говорили о семъ во всѣхъ знатныхъ домахъ, какъ-то у графовъ Безбородки, Воронцова, кн. Вяземскаго и прочихъ для того, что отецъ фаворитовъ своимъ надменнымъ и мздоимнымъ поведеніемъ уже всѣмъ становился несносенъ. На другой же день поутру явился Бехтѣевъ къ Державину и сталъ усиленно просить, чтобъ онъ былъ съ его стороны въ совѣстномъ судѣ посредникомъ, въ который онъ подалъ на старика Зубова прошеніе. Державинъ, сколько могъ, отговаривался отъ сей чести, извиняясь, что онъ не можетъ идти противъ отца того, который оказываетъ ему свое благорасположеніе. Но Бехтѣевъ настоялъ въ своемъ исканіи, ссылаясь на учрежденіе о губерніяхъ, въ которомъ именно воспрещено отказываться отъ посредничества въ совѣстномъ судѣ. Державинъ не зналъ, что дѣлать, выпросилъ сроку до завтра, поѣхалъ къ молодому Зубову; разсказавъ ему все происшествіе, бывшее у князя Потемкина, слухи городскіе и просьбу Бехтѣева, желалъ отъ него узнать, что ему дѣлать и какъ поступить въ семъ щекотливомъ обстоятельствѣ; ибо съ одной

стороны не позволяетъ ему законъ отказываться отъ посредничества, а съ другой непріятно ему противъ родителя его противуборствовать, который никоимъ образомъ не можетъ быть правымъ. Изъяснилъ ему существо дѣла. Оно состояло въ слѣдующемъ: „Бехтѣевъ въ Володимерскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ съ вашими деревнями, заложивъ въ Воспитательномъ домѣ 600 душъ за 40,000 рублей, просрочилъ. Батюшка вашъ, безъ всякаго права и противъ законовъ Воспитательнаго дома, по единственному своему могуществу, взнесъ безъ довѣренности Бехтѣева деньги и, выкупя чужое имѣніе, предъявилъ закладную въ гражданскую палату, которая, тожъ безъ всякаго разбирательства и права укрѣпя имѣніе за взносчикомъ денегъ, сообщила намѣстническому правленію, а сіе ввело его въ дѣйствительное владѣніе и Бехтѣева съ семействомъ выгнала изъ дому, отнявъ все его въ немъ и движимое имѣніе въ пользу батюшки вашего“. Молодой вельможа, выслушавъ все съ смущеніемъ, нѣсколько минутъ молчалъ, а потомъ сквозь зубовъ сказалъ: „Не можно ли безъ дальней огласки миролюбіемъ кончить сію тяжбу?“

Державинъ Бехтѣеву предложилъ, и онъ согласился, только чтобъ возвращена была ему деревня; но старый Зубовъ иначе на миръ не шелъ, какъ чтобъ ему же Бехтѣевъ заплатилъ якобы убытковъ шестнадцать тысячъ рублей; а какъ сіе совсѣмъ было несправедливо и стыдно было требовать ихъ съ Бехтѣева, то молодой обѣщалъ отдать свои, только чтобъ отцу не сказывать. Но съ симъ вмѣстѣ объ этомъ замолчалъ: ибо, какъ слышно было, что старикъ его переувѣрилъ-было въ своей правости. Бехтѣевъ наступилъ на Державина, какъ на посредника, чтобъ кончить скорѣе дѣло, грозя Императрицѣ подать письмо, чего недоброжелатели Зубова только и ждали, чтобъ подвергнуть его отвѣту. Державинъ сталъ убѣдительно говорить любимцу Императрицы противъ отца его, что, можетъ-быть, было и не весьма пріятно; однакоже убѣдилъ молодой Зубовъ стараго; и дѣло чрезъ записи кончено миролюбіемъ. Сего никогда не могъ простить жадный корыстолюбецъ Державину; но ничего не могъ ему сдѣлать, хотя бы и желалъ, какъ по покровительству сына, такъ и Потемкина, который въ сіе время весьма былъ хорошъ къ автору торжественныхъ хоровъ для

праздника на взятье Измаила, отправленнаго имъ въ Таврическомъ его домѣ, который, по его кончинѣ, переименованъ дворцомъ. Словомъ Потемкинъ въ сіе время за Державинымъ, такъ сказать, волочился: желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ, спрашивалъ чрезъ г. Попова, чего онъ желаетъ. Но съ другой стороны молодой Зубовъ, фаворитъ Императрицы, призвавъ его въ одинъ день къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ ему отъ имени Государыни, чтобъ онъ писалъ для князя, что онъ прикажетъ; но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ и безъ него все имѣть будетъ, прибавя, что Императрица назначила его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части. Надобно знать, что въ сіе время крылося какое-то тайное въ сердцѣ Императрицы подозрѣніе противъ сего фельдмаршала по истиннымъ (ли) политическимъ какимъ, замѣченнымъ отъ двора причинамъ, или по недоброжелательству Зубова, какъ носился слухъ тогда, что князь, поѣхавъ изъ арміи, сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ нездоровъ и ѣдетъ въ Петербургъ *зубы дергать.* Сіе дошло до молодого вельможи и подкрѣплено было, сколько извѣстно, разными внушеніями истиннаго сокрушителя Измаила, пріѣхавшаго тогда изъ арміи. Великій Суворовъ, но, какъ человѣкъ со слабостьми, изъ честолюбія ли, или зависти, или изъ истинной ревности къ благу отечества, но только примѣтно было, что шелъ тайно противъ неискуснаго своего фельдмаршала, которому, со всѣмъ своимъ искусствомъ, долженъ былъ единственно по волѣ самодержавной власти повиноваться. Державинъ въ таковыхъ мудрыхъ обстоятельствахъ не зналъ, что дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ...

Г. Державинъ.

ОСПА

Оставалось только приготовиться къ пути. Я устроилъ свои частныя дѣла со всевозможною скоростію, и мы сѣли на корабль въ Гарвичѣ 28 Іюля 1768 года.

Не стану описывать моего путешествія въ подробности: оно было совершено такъ скоро, что нельзя было сдѣлать

какія-либо наблюденія къ стати, и можно легко представить себѣ, что всѣ мои мысли были заняты важнымъ дѣломъ, которое я принялъ на себя, и что я не могъ позволить своему вниманію останавливаться на мелочныхъ предметахъ...

Я былъ представленъ Его Высочеству вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, который тоже получилъ приглашеніе, и мы имѣли честь обѣдать съ Великимъ Княземъ, который принялъ насъ съ тысячекратными знаками своей доброты; онъ оказывалъ прекрасное расположеніе духа и большую живость. Прощаясь съ нами послѣ обѣда, Его Высочество имѣлъ благосклонность пригласить насъ бывать при его дворѣ такъ часто, какъ только это можетъ быть для насъ удобно...

Слѣдующій день мнѣ было снова приказано быть при Императрицѣ, но не такъ гласно, и тогда Ея Величество соизволила увѣдомить меня, что она рѣшилась подвергнуться оспопрививанію сколь возможно скорѣе. Чтобы не подвергнуться упреку въ чрезмѣрной смѣлости въ дѣлѣ такой важности, я дамъ подробный отчетъ объ этомъ разговорѣ. Я позволилъ себѣ въ это время просить, чтобы мнѣ было предоставлено содѣйствіе придворныхъ врачей при такомъ серьезномъ дѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы я могъ сообщить имъ во всей подробности о каждомъ правилѣ и о каждомъ лѣкарствѣ, но Императрица не хотѣла согласиться на эту консультацію и была впрочемъ такъ снисходительна, что привела слѣдующія причины:

„Вы пріѣхали ко мнѣ съ репутаціей искуснаго и честнаго „врача; разговоръ, который я имѣла съ вами по этому предмету, показался мнѣ вполнѣ удовлетворительнымъ и увеличилъ довѣренность мою къ вамъ. Я не имѣю ни малѣйшаго „сомнѣнія на счетъ вашего умѣнья и вашихъ обширныхъ „познаній по этой части медицинской практики. Мои лейбмедики, не имѣя опытности, не могутъ быть искусны въ „оспопрививаніи и ихъ участіе скорѣе стѣснитъ васъ, безъ „всякой для васъ пользы. Моя жизнь принадлежитъ мнѣ и „я съ удовольствіемъ совершенно ввѣряюсь вамъ однимъ. „О томъ, что относится собственно до меня, вы не можете „отъ нихъ ничего узнать. Я пользовалась, слава Богу, такимъ „отличнымъ здоровьемъ, что никогда не обращалась къ ихъ „совѣтамъ, и я сама вамъ скажу о себѣ все, что вамъ нужно

„знать. Я сообщу вамъ также, что я рѣшилась подвергнуться „оспопрививанію прежде Великаго Князя, лишь только вы „заблагоразсудите; въ то же время я хочу, чтобы дѣло это „не было гласнымъ. Поэтому я поручаю вамъ распорядиться „такъ, чтобы всѣ были убѣждены въ моемъ намѣреніи не „подвергаться пока оспопрививанію".

Я обѣщался исполнить волю Ея Величества, съ тѣмъ стараніемъ, котораго нельзя не имѣть при сознаніи всей важности начинаемаго дѣла. Я предложилъ было сдѣлать сперва опытъ надъ нѣсколькими лицами ея пола, ея лѣтъ и ея тѣлосложенія. Императрица соизволила отвѣчать, что если бы эта операція была совершенно неизвѣстна, или если бы оставалось какое сомнѣніе на счетъ моего умѣнья или моей опытности, то эта предосторожность могла бы быть необходима, но такъ какъ Ея Величество не имѣла никакого въ этомъ отношеніи сомнѣнія, то не для чего было медлить.

Съ этой цѣлію и съ самаго этого времени приняли мѣры для введенія оспопрививанія въ Имперіи, къ чему, впрочемъ, было передъ тѣмъ уже рѣшено приступить, и дѣйствительно еще до моего пріѣзда сдѣланы были для этого нѣкоторыя приготовленія. Запаслись домомъ, столько же удобнымъ, сколько и помѣстительнымъ, который былъ построенъ для барона Вольфа и въ теченіи нѣкотораго времени оставался безъ жильцовъ и безъ мебели. Предложено были снабдить его всѣмъ нужнымъ и сдѣлать изъ него госпиталь. Докторъ Шуленіусъ, Лифляндскій врачъ, который съ успѣхомъ привилъ уже оспу многимъ лицамъ въ Лифляндіи, былъ назначенъ для присмотра за больными въ этомъ госпиталѣ, вмѣстѣ съ докторомъ.....*), его помощникомъ. Въ томъ же домѣ была отведена ему квартира.

Скоро послѣ насъ оба доктора прибыли и первая ихъ забота состояла въ томъ, чтобы снабдить домъ всѣмъ необходимымъ и сдѣлать всѣ перемѣны, нужныя для удобства помѣщенія. Съ этою цѣлію попросили меня съ моимъ сыномъ осмотрѣть домъ (что мы и исполнили) и распорядиться измѣненіями, по нашему усмотрѣнію. Скоро послѣ того оба доктора переѣхали въ новый госпиталь.

Неизбѣжныя приготовленія потребовали нѣкотораго вре-

*) Въ подлинникѣ пробѣлъ.

меня, нужно было также отыскать больного отъ котораго можно было бы достать свѣжую оспенную матерію. Наконецъ, всѣ обстоятельства оказались благопріятными и тогда рѣшились начать оспопрививаніе съ пяти юныхъ воспитанниковъ кадетскаго корпуса, которыхъ привезли въ оспенный домъ. Такъ какъ мнѣ нельзя было быть при дворѣ, въ то время когда я посѣщалъ больныхъ оспою, было рѣшено, чтобы первое оспопрививаніе было сдѣлано моимъ сыномъ; ему было поручено завѣдывать всѣмъ въ домѣ Вольфа, а мнѣ между тѣмъ назначено оставаться при дворѣ, съ тѣмъ, чтобы тщательно разузнавать о здоровьи Императрицы и Великаго Князя и о всѣхъ обстоятельствахъ, до нихъ относящихся.

Оспа была привита Свитену и Басову, двумъ кадетамъ, которые, какъ предполагалось, не имѣли до того натуральной оспы. Я говорю—предполагалось, потому что, какъ это не кажется страннымъ, свойства и признаки болѣзни были тогда почти не извѣстны и на нихъ такъ мало обращали вниманія, что рѣдко кто зналъ навѣрное, была ли у него прежде оспа или нѣтъ. Обыкновенная метода состояла въ томъ, что искали оспенныхъ знаковъ, и когда ихъ не находили, то заключали, что оспы не было вовсе.

Для обоихъ кадетовъ оспа была взята отъ одного ребенка, сына бѣдныхъ родителей въ предмѣстьи Санктпетербургскомъ. По словамъ моего сына, у ребенка было достаточно оспенной матеріи, и оспенный кризисъ уже приближался...

Всѣ заботились о томъ, какой будетъ имѣть успѣхъ этотъ первый опытъ надъ кадетами; о всемъ, что обнаруживалось, вели дневникъ, который мой сынъ два раза въ день сообщалъ мнѣ. Этотъ дневникъ переводили и представляли Ея Величеству.

Съ большимъ сокрушеніемъ узналъ я, что Басовъ на другой день послѣ привитія ему оспы заболѣлъ лихорадкою съ тошнотою и рвотою. По разысканію оказалось, что онъ неосторожно обременилъ желудокъ сухими фруктами, и надѣялись, что его болѣзни не было другой причины; но какъ бы то ни было, онъ заболѣлъ лихорадкою, съ признаками, которые привели меня въ большое безпокойство. Мы были въ городѣ и получали частыя и подробныя извѣстія о ходѣ

его болѣзни. Этотъ разъ случилось, что бывало не разъ и со мною, а именно, что оспа, по несчастію, была привита наканунѣ лихорадки, что разстройство, произведенное такою неожиданною болѣзнію, прервало правильный ходъ оспы и дѣлало сомнительнымъ, чтобы она показалась на рукѣ. Въ настоящемъ случаѣ это неожиданное обстоятельство весьма меня затрудняло.

Извѣстія, которыя мой сынъ мнѣ посылалъ, были вѣрны, и я могъ положиться на его сужденія; но то было худо, что лихорадка продолжалась и сопровождалась тошнотою, что также происходило и отъ робости больного; и въ самомъ дѣлѣ хотя кадеты, во время привитія къ нимъ оспы, вели себя съ приличною твердостію, но такъ какъ дѣло было непривычное, то оба они, какъ я узналъ въ послѣдствіи, считали себя жертвами, обреченными на опасный для нихъ опытъ.

Извѣстія, которыя я получилъ на шестой день, были рѣшительно неблагопріятны, и я хотѣлъ уже отправиться въ Вольфовскій домъ, чтобы пособить при врачеваніи больныхъ, но передъ тѣмъ получилъ приказаніе явиться къ Ея Величеству.

Императрица приняла меня такъ снисходительно и столько ободрила меня, что я не могу не разсказать, что происходило при этомъ случаѣ.

Императрица сказала мнѣ: „Ваша печаль мнѣ не нравится. Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?"

Я отвѣчалъ, что неблагопріятныя извѣстія о больныхъ въ Вольфовскомъ домѣ весьма меня безпокоили.

— „И мнѣ это досадно, но скажите мнѣ правду, отъ чего произошла болѣзнь кадетовъ, отъ оспы, или отъ другой причины?"—„Безъ сомнѣнія, не отъ оспы", отвѣчалъ я; „она началась прежде чѣмъ оспа могла разстроить организмъ и продолжается съ симптомами, которые никогда не сопровождаютъ оспу въ этомъ періодѣ". — „Такъ перестаньте же бояться", сказала Императрица, „я увѣрена вполнѣ, что, съ помощію Божіею, онъ преодолѣетъ болѣзнь и все кончится благополучно. Я должна сознаться, что это дѣйствительно несчастіе, если что нибудь случится, хотя и отъ другой причины; нельзя будетъ убѣдить народъ, что бѣда произошла

не отъ оспы; это усилитъ ихъ предразсудки въ самомъ началѣ дѣла и затруднитъ мое предположеніе ввести оспопрививаніе въ моей имперіи. Впрочемъ, развеселитесь, мы не можемъ поступать иначе, какъ прямодушно и справедливо. Я очень довольна вашими поступками и вы можете расчитывать на мое покровительство и на мою поддержку, и, что бы ни случилось съ этимъ молодымъ человѣкомъ, это не измѣнитъ моей рѣшимости, если только вы продолжаете считать полезнымъ, чтобы мнѣ была привита оспа".

„Я согласна подвергнуться операціи, сдѣланной вашими руками и возстановить репутацію оспопрививанія. Въ настоящее время я одобряю ваше намѣреніе отправиться въ Вольфовскій домъ, но, судя по времени, мы, можетъ быть, успѣемъ еще получить болѣе благопріятныя извѣстія; такъ подождите до вечера; тогда рѣшимъ, смотря по состоянію больного слѣдуетъ ли вамъ отправиться къ нему или нѣтъ".

Къ счастію, извѣстія, полученныя вечеромъ, были благопріятнѣе, такъ какъ лихорадка значительно уменьшилась, по этому мое перемѣщеніе въ Вольфовскій домъ было отложено, и съ этого времени никто уже изъ больныхъ не находился въ опасномъ положеніи; симптомы были умѣренные, и у Басова оказались только двѣ или три оспенныхъ болячки, а Свитенъ, у котораго на рукѣ не оказалось никакого признака оспы, продолжалъ оставаться совершенно здоровымъ со всѣми признаками, что у него была уже натуральная оспа по этому и было досадно, что случилось такъ...

Въ такомъ состояніи были дѣла, когда я отправился изъ Санктпетербурга къ доктору Шуленіусу и моему сыну, чтобы содѣйствовать успѣшному ходу оспопрививанія въ Вольфовскомъ домѣ. Когда я туда пріѣхалъ, я нашелъ, что, согласно донесенію моего сына, оба кадета были совершенно здоровы. Оставалось одно средство: привить оспу другимъ; съ этою цѣлію выбраны были еще четыре кадета, и послѣ тщательныхъ изслѣдованій нашли въ предмѣстьи города оспу такого свойства, что можно было ее привить. Мы отправились въ домъ, гдѣ былъ больной съ четырьмя кадетами и съ молодою служанкою, которая была при насъ и сама не знала была ли у ней оспа или нѣтъ. Съ нами былъ одинъ нѣмецкій хирургъ изъ тѣхъ, которые назначены для врачеванія

больныхъ изъ бѣдныхъ семействъ. Насъ приняли такъ странно, что разсказъ объ этомъ будетъ не безъ интереса для моихъ читателей; они узнаютъ какъ лѣчили прежде эту болѣзнь и какіе были предразсудки въ простонародьи.

Ребенокъ, отъ котораго мы имѣли въ виду взять матеріи, имѣлъ ея довольно, она была почти созрѣвшею, но дитя задыхалось отъ жару въ комнатѣ. Входя въ домъ, мы нашли на всѣхъ лицахъ какое-то выраженіе страха; но лишь только я подошелъ къ постели больнаго ребенка, чтобы взять оспенной матеріи, какъ одна женщина, мать дитяти, бросилась мнѣ въ ноги, лбомъ къ землѣ и положивъ руки на голову по восточному обычаю, сохранившемуся еще въ Россіи. Въ этомъ положеніи она жалобнымъ голосомъ произносила рѣчи, на непонятномъ для меня языкѣ. На лицахъ всего семейства изображался ужасъ, семейство это было многочисленно и всѣ толпились въ маленькой комнатѣ.

Это странное ихъ поведеніе до крайности меня изумляло, и я попросилъ моего нѣмецкаго друга объяснить мнѣ причину этого отчаянія.

„Вы должны знать", сказалъ онъ мнѣ, „что въ этой странѣ преобладаетъ мнѣніе, будто матерія, взятая отъ больного, можетъ принести пользу лицу, которому ее прививаютъ, но за то непремѣнно умретъ тотъ, отъ кого она взята. Эта бѣдная женщина — мать больного ребенка; она проситъ, чтобы вы пощадили ея сына и утверждаетъ, что ни подъ какимъ видомъ не дастъ вамъ взять отъ него матеріи". Мысль, что на меня смотрятъ какъ на убійцу, такъ меня поразила, что я содрогнулся и попросилъ хирурга объявить этой женщинѣ, что я никогда бы не принялся за такое преступное дѣло и не могъ бы рѣшиться отнять жизнь у невиннаго ребенка; что если взять отъ него оспенной матеріи, какъ я имѣлъ въ виду, то это не могло быть для ея сына опасно или вредно, но что если она не хотѣла мнѣ вѣрить, то я уйду и избавлю ее отъ всякаго опасенія. Хирургъ началъ убѣждать все это семейство, и я замѣтилъ одного порядочнаго съ виду человѣка; онъ переговорилъ сначала съ матерью, потомъ обратился къ хирургу, который тогда объявилъ мнѣ, что мать согласна. По этому я привилъ оспенную матерію отъ ребенка къ пятерымъ лицамъ, бывшимъ со мною; но между тѣмъ я

замѣтилъ, что женщина продолжала сокрушаться. Въ комнатѣ было такъ жарко, что жизнь ребенка подвергалась опасности и это тѣмъ болѣе заставило меня безпокоиться, по причинѣ предубѣжденій, о которыхъ мы говорили выше.

Я старался всѣми силами убѣдить ихъ, чтобы они отворили окошко, и тѣмъ дали возможность освѣжить ребенка, что было бы для него очень полезно. Всѣ мои просьбы, всѣ мои доводы были тщетны, до того они были увѣрены въ пользѣ жара; наконецъ имъ предложили рубль и намъ оказали милость: при насъ отворили окошко и обѣщались нѣкоторое время послѣ насъ его не запирать.

Возвращаясь домой, я разспрашивалъ хирурга, почему имѣли успѣхъ его убѣжденія, съ которыми онъ обращался къ матери ребенка; такъ какъ она согласилась, то повидимому она не имѣла болѣе никакихъ сомнѣній. Хирургъ мнѣ отвѣчалъ, что она оставалась при прежнемъ своемъ мнѣніи. Вы не поняли, сказалъ онъ мнѣ, того, что говорилъ ей мужъ, человѣкъ очень разсудительный. Онъ сперва спросилъ меня по точному ли приказанію Императрицы мы пріѣхали. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ обратился къ своей женѣ и сказалъ ей: „мой другъ, выслушай меня терпѣливо. Я тоже „бы не согласился пожертвовать своимъ сыномъ для пользы „кого бы ни было, но ты слышала, они пріѣхали по приказанію Ея Величества, и если бы Ея Величество приказала, „чтобы нашему сыну отрубили голову или ноги, что было бы „хуже смерти, надобно было бы покориться. Покажемъ же „какъ мы послушны и не станемъ прекословить волѣ Государыни“. Тогда только мать согласилась.

Воротившись, мы думали о жалкомъ положеніи этого семейства и о томъ, какъ усилились бы народные предразсудки, если бы ребенокъ не выздоровѣлъ; неразумное обращеніе съ нимъ подвергало его крайней опасности, и по этому къ вечеру я послалъ туда моего сына посмотрѣть на больного и, если возможно, пособить ему. Воротившись, онъ увѣдомилъ меня, что ребенокъ заснулъ спокойно, что ему было лучше, но комната была заперта какъ прежде, хотя уже не было такъ жарко. Ребенокъ поправился, но послѣ того жизнь его подвергалась большой опасности вслѣдствіе безразсуднаго съ нимъ обращенія; вотъ что съ нимъ сдѣлали: онъ былъ

еще очень слабъ, когда его снесли въ баню, вопреки совѣту хирурга: отъ этого его слабость и опасность увеличилась. Впрочемъ, хининный отваръ, который я посовѣтовалъ дать больному, и болѣе благоразумныя мѣры касательно свѣжаго воздуха избавили потомъ ребенка отъ болѣзни.

Димсдель.

ПУТЕШЕСТВІЯ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II ПО РОССІИ

Поѣздка въ новопріобрѣтенный край.

Въ слѣдующій въ 1780 годъ императрица предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный край, въ Бѣлорусскія губерніи, и въ Могилевѣ назначено было свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II. Для принятія высокихъ путешественниковъ дѣлали большія приготовленія; намѣстникъ, фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, не щадилъ трудовъ, чтобы представить ввѣренныя ему Полоцкую и Могилевскую губерніи въ лучшемъ устройствѣ, и дѣйствительно онѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ по наружности, такъ и по внутренности, какъ по исполнительной, такъ и по судебной и хозяйственной части. Люди, имъ собранные, были отличной нравственности, свѣдущіе въ дѣлахъ и дѣятельные: словомъ, сіи губерніи могли быть образцомъ для всей Россіи.

Вначалѣ жители не могли быть довольны новымъ правительствомъ, и, правду сказать, графъ принялся круто, въ томъ краѣ, гдѣ была совершенная анархія: паны поступали съ своими крестьянами по произволу, даже и въ жизни ихъ были властны: который изъ нихъ былъ богаче, тотъ утѣснялъ бѣдныхъ, какъ хотѣлъ: и такъ могло ли имъ быть пріятно, когда на всякомъ шагу останавливали ихъ въ буйныхъ дерзостяхъ? Дѣланіе же дорогъ произвело общій ропотъ. За то дороги были не только отъ столицъ, но и ко всѣмъ смежнымъ губерніямъ и уѣздамъ таковы, какимъ во всей имперіи не было подобныхъ: широкія, прямыя дороги ведены были чрезъ лѣса, горы, и буераки, по обѣимъ сторонамъ вырыты были канавы и обсажены въ два ряда березками, горы были скопаны, гати были сдѣланы по непроходимымъ зыбямъ и

болотамъ; мосты прочные, переправы черезъ рѣки безопасныя; на почтовыхъ станціяхъ выстроены были домики и снабжены простыми, но достаточными мебелями, такъ что каждый проѣзжающій находилъ не только спокойный ночлегъ, но и все нужное. Графъ склонилъ помѣщиковъ тѣхъ селеній, гдѣ станціи были учреждены, взять въ свое смотрѣніе не только сіи домики, но и почтовыхъ лошадей и почтальйоновъ, одѣтыхъ пристойно по образцу, какъ въ Пруссіи; казна по сходнымъ цѣнамъ платила за то содержателямъ, такъ что они имѣли небольшой доходъ.

Въ городахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, присутственныя мѣста выстроены были каменныя въ два этажа. съ приличнымъ расположеніемъ и архитектурою; дома для государева намѣстника съ большою залою, въ коей былъ поставленъ тронъ и все дворянство вмѣщалось для выборовъ; дома для губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, а въ уѣздахъ для городничихъ. Въ послѣдствіи, когда все сіе учредилось, сей государственный человѣкъ всѣми былъ обижаемъ.

Какъ императрица назначила для своего пребыванія въ Могилевѣ семь дней, то чтобы со стороны увеселеній было чѣмъ занять ее и дворъ, графъ выписалъ изъ Петербурга придворную италіянскую оперу. а для концертовъ придворную музыку и лучшихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ по тогдашнему времени славилась извѣстная пѣвица Бонафика; для праздниковъ же построилъ на свое иждивеніе театръ и пространную залу, по плану и содѣйствію славнаго архитектора Бригонція.

Собранъ былъ корпусъ войскъ изъ лучшихъ полковъ: перваго кирасирскаго, двухъ гусарскихъ, одного драгунскаго, пяти пѣхотныхъ, пятидесяти орудій полевой артиллеріи и двухъ полковъ Донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-поручика Степана Матвеевича Ржевскаго, извѣстнаго по тактическимъ познаніямъ и нѣкоторымъ военнымъ сочиненіямъ, которыхъ однакожъ, въ печать не выдалъ; имъ приготовлены были для императора маневры.

За мѣсяцъ до прибытія государыни, съѣхались иностранные министры, часть двора, множество иностранцевъ, а особливо знатныхъ и богатыхъ польскихъ вельможныхъ пановъ;

тогда Могилевъ уподоблялся болѣе многолюдному, столичному, нежели губернскому городу. Безпрестанные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде въ Россіи не было, да и сомнительно, было ли и послѣ; графъ Сапѣга проигралъ тогда все свое знатное имѣніе.

Наконецъ, государыня чрезъ Псковскую и Полоцкую губерніи прибыла къ границѣ Могилевской, гдѣ отецъ мой встрѣтилъ ее, а губернаторъ посланъ былъ встрѣчать императора Іосифа II, подъ именемъ графа Фалкенштейна ѣхавшаго со стороны Галиціи. Императрица пожаловала отцу моему поцѣловать ручку и сказала: „Еслибы я сама не видѣла таковаго устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила, а дороги ваши какъ сады". Передъ въѣздомъ въ Могилевъ императрица ночевала въ Шкловѣ, гдѣ была угощаема бывшимъ ея фаворитомъ Зоричемъ, а на обратномъ пути обѣщала пробыть въ Шкловѣ однѣ сутки.

Встрѣча въ Могилевѣ была самая великолѣпная; въ трехъ верстахъ построены были тріумфальныя ворота прекраснѣйшей архитектуры, между ними и городомъ поставлены были войска, а по другой сторонѣ народъ и мѣщанство съ ихъ цеховыми значками. У самыхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ государыню намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ съ чиновниками губерніи и дворянствомъ съ ихъ предводителями, верхами; у городскихъ воротъ—прибывшій наканунѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ и всѣ бывшіе тутъ генералы; передъ каретою императрицы ѣхалъ эскадронъ кирасиръ. Въ сопровожденіи всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императрица прибыла прямо къ собору, гдѣ встрѣчена была съ крестомъ и св. водою преосвященнымъ Георгіемъ, архіепископомъ могилевскимъ; приложась къ образамъ и отслуживъ благодарный молебенъ, она отправилась въ домъ намѣстника, гдѣ имѣла свое пребываніе. Тамъ встрѣчена была римско-католическимъ архіепископомъ Сестренцевичемъ съ духовенствомъ и супругою намѣстника статсъ-дамою графинею Анною Родіоновною Чернышевою, съ дамами.

На другой день императрица осматривала присутственныя

мѣста, и послѣ представлялись ей чиновники губерніи и дворянство. Въ тотъ же день къ обѣду прибылъ и императоръ, въ сопровожденіи своего генералъ-адъютанта и фаворита Кощейна. Вечеромъ представлялись всѣ дамы, послѣ чего при дворѣ былъ балъ... Въ теченіе нѣсколькихъ дней по утрамъ производились маневры въ присутствіи императора, а по вечерамъ продолжались праздники. На четвертый день пребыванія двора, бывши во дворцѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ говорилъ князю Потемкину, чрезъ котораго текли всѣ милости и съ которымъ онъ былъ тогда въ пріятномъ обхожденіи, что очень бы ему желалось, если бы государыня наградила достойнаго пастыря Георгія панагіею; князь съ удовольствіемъ взялся доложить объ этомъ императрицѣ и тогда же пошелъ въ кабинетъ ея величества, откуда вышелъ чрезъ короткое время и, отдавая графу панагію, сказалъ: „Извольте отвезти сами желаемое вами награжденіе архіепископу“. Графъ тѣмъ обидѣлся и сказалъ: „У васъ есть на то адъютанты, а я ужъ старъ для разсылокъ“. Явно, что князь хотѣлъ тѣмъ услужить графу, но, видя его гордый отвѣтъ, приказалъ при немъ своему адъютанту отвезти панагію къ архіерею, а самъ пошелъ къ государынѣ и пожаловался за сдѣланную ему при всѣхъ грубость. Императрица разгнѣвалась и съ тѣхъ поръ уже обращалась съ графомъ холодно. Щедрыя награжденія орденами, чинами и подарками, какіе были приготовлены чиновникамъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, остались безъ дѣйствія. Свѣтлѣйшій князь въ тотъ же день отправился. Кажется, что графъ напрасно погорячился и тѣмъ самымъ лишилъ себя и подчиненныхъ своихъ многихъ ожидаемыхъ милостей.

Въ пятый день заложена была церковь во имя св. Іосифа, для зданія которой императрица и императоръ назначили значительныя суммы; при этомъ императрица, послѣ колѣнопреклоненной молитвы, вмѣсто того, чтобы позволить себя приподнять графу, обернулась къ губернатору Пассеку и, подавъ ему руку, сказала: „Петръ Богдановичъ, пособите мнѣ встать“. Послѣ того ея величество уже не была, какъ до сего, ни на какомъ угощеніи.

Въ седьмой день поутру императрица отправилась съ императоромъ Іосифомъ въ Шкловъ. Зоричъ къ пріѣзду ея построилъ

преогромный домъ, богато убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей. [1]) Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ, съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти; сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванжура, отставной ротмистръ австрійской службы; императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-майоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино; павильонъ изъ 50,000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого.

На другой день императрица отправилась въ С.-Петербургъ, чрезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ чрезъ Москву.

По отбытіи императрицы былъ обѣдъ у архіерея Георгія, гдѣ графъ Захаръ Григорьевичъ изъявилъ свое огорченіе. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, и нѣсколько бывъ нетрезвъ, онъ сказалъ: „Ну, друзья мои, я виноватъ, что никто изъ васъ не награжденъ; признаюсь, некстати разгорячился; ну вотъ по крайней мѣрѣ жалованье государыни женѣ моей раздѣлю съ вами.“ Затѣмъ онъ порвалъ ожерелье жемчужное у сидѣвшей возлѣ его графини, которое разсыпалось и которое послѣ подобрали.

Чрезъ нѣсколько дней Могилевъ изъ многолюднаго города сдѣлался пустой и принялъ свой видъ.

А. Энгельгардтъ.

Посѣщеніе Екатериной II Глинки.

Императрица поворотила изъ села Чижева прямо на столбовую дорогу, пролегавшую изъ Духовщины на Порховъ.

---

[1]) Шкловскій купецъ, еврей Нотка, былъ посланъ отъ Зорича въ Дрезденъ для покупки того фарфора. За провозъ онаго чрезъ Пруссію у въѣзда въ границы сего королевства взята съ него пошлина, а потомъ также и при выѣздѣ. Нотка письменно жаловался королю, что несправедливо съ него взята вдвойнѣ пошлина за провозимый имъ товаръ, при въѣздѣ и при выѣздѣ изъ его королевства. Король далъ отвѣтъ на его жалобу въ такихъ выраженіяхъ: „Господинъ шкловскій купецъ Нотка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; также и справедливо и то, что при выѣздѣ взята таковая же; ибо еслибы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моей берлинской фабрикѣ.“

Въ деревнѣ нашей Холмъ была тогда перемѣна лошадей. По званію капитана-исправника, отецъ мой устроилъ свой участокъ въ видѣ рощи, обсадя обѣ стороны дороги вѣтвистыми деревьями. У самой перемѣны лошадей, близъ рощицы, раскинута была довольно обширная палатка, или шатеръ. Ближайшіе наши родные, по повѣсткѣ отца моего, подъ предводительствомъ столѣтняго прадѣда моего, Григорія Андреевича Глинки, со всѣхъ сторонъ спѣшили для воззрѣнія на Екатерину. Родительница моя, въ платьѣ изъ домашняго издѣлія, приготовляла въ палаткѣ сельское угощеніе. Четыре мои брата и я, въ канифасныхъ домотканныхъ камзольчикахъ, мы кружились около столиковъ, украшенныхъ цвѣтами, и разбѣгались глазами по узорчатымъ тканямъ, окидывавшимъ верхъ и бока шатра. Между тѣмъ отецъ мой сопровождалъ карету императрицы. День былъ какъ будто праздникомъ сельской природы. Яркіе лучи полдневнаго солнца, разливаясь по густымъ вершинамъ деревъ придорожныхъ, образовывали какой-то свѣтозарный сводъ, подъ которымъ медленно двигалось шествіе Екатерины. По одну сторону крестьяне въ нарядныхъ одеждахъ стояли съ хлѣбомъ-солью, а по другую крестьянки съ различными садовыми и полевыми цвѣтами. Одни простирали руки съ сокровищемъ нивъ своихъ, другія усыпали дорогу цвѣтами и зеленью. Гремѣли хоры родныхъ пѣсенъ, по мѣрѣ движенія кареты. тянулись вереницы хороводныя. Съ очаровательнымъ привѣтомъ своимъ, Екатерина, раскланиваясь во всѣ стороны, часто останавливаясь, спрашивала у радостныхъ поселянъ:

— Довольны ли вы, друзья мои, вашимъ капитаномъ-исправникомъ?—И раздавался общій крикъ:

— Довольны, матушка царица, довольны! Онъ намъ отецъ!

Лицо Екатерины сіяло удовольствіемъ, весело было и графу Румянцеву, что онъ могъ поставить на своемъ. И въ важныхъ, и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ щекотливое самолюбіе домогается взять свое. Императрицѣ хотѣлось непремѣнно, чтобы графъ побывалъ на родинѣ князя Потемкина, котораго если не онъ, то другіе почитали его соперникомъ; и графъ Румянцевъ, у котораго нѣкогда служилъ мой отецъ, заранѣе условился съ нимъ, чтобы мимо богатаго

родственника князя Потемкина завезть къ нему императрицу. Видя, что все кипитъ душевнымъ восторгомъ, онъ доложилъ Екатеринѣ, что капитанъ-исправникъ почтетъ свыше всѣхъ наградъ, если она соблаговолитъ принять въ семействѣ его сельскую хлѣбъ-соль.

Извѣстно, что Екатерина, преобразовывая Россію по мысли своей, почитала земское начальство первою ступенью къ внутреннему благоустройству, почему и отвѣчала:

— Въ семействѣ ревностнаго капитана-исправника рада быть гостьею. Онъ исполнялъ мой уставъ, а я исполню его желаніе. Его любятъ добрые земледѣльцы, на которыхъ я всегда обращала особенное вниманіе; а это и для меня лучшая награда.

При перемѣнѣ лошадей, графъ Румянцевъ слово отъ слова пересказалъ отцу моему отзывъ Екатерины. Онъ записалъ его и эту бумажку, которую назвалъ *жизнію жизни своей*, носилъ въ ладонкѣ на груди...

Когда карета остановилась, отецъ мой въ радостномъ порывѣ соскочилъ съ лошади и вскричалъ:

— Матушка-царица, прими отъ насъ нашу сельскую хлѣбъ-соль, нашъ домашній липецъ и наши усердныя сердца!

— Благодарю, благодарю,—отвѣчала Екатерина,—усердіе сердечное для меня всего дороже.

Тутъ съ быстротою юноши спрыгнулъ съ коня прадѣдъ мой и, преклонивъ колѣно, воскликнулъ:

— Матушка! Живи вдвое столько, сколько я прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. и дай Богъ тебѣ такую же крѣпость силъ, какую Его милосердіе даровало мнѣ въ преклонные годы.

— А сколько вамъ лѣтъ? спросила Екатерина.

— Сто лѣтъ, матушка-государыня.

Императрица возразила съ ласковою улыбкою:

Нѣтъ, мой другъ, цари такъ долго не живутъ: у нихъ много заботъ,—сказала и рукою приподняла моего дѣда.

Присутствіе Екатерины превратило нашъ шатеръ въ чертогъ великолѣпный, въ видѣ ея ангелъ милосердія вступилъ въ него. Съ душевнымъ восхищенімъ мать моя облобызала руку императрицы и подвела къ ней насъ, пятерыхъ малютокъ. И теперь еще помню то очаровательное мгновеніе, когда братъ мой Николай (онъ давно уже умеръ) рѣзво и смѣло

плясалъ предъ царицею, звонкимъ голосомъ заводя родную нашу пѣсню: „Юръ Юрка на ярмаркѣ“. Вижу теперь, какъ она, нѣжная матерь отечества, посадила его на колѣни; вижу, какъ братъ игралъ орденскою ея лентою; слышу, какъ смѣло сказалъ ей:

— Бабушка, дай мнѣ эту звѣзду!

— Служи, мой другъ, —отвѣчала Екатерина:—служи, милое дитя, и у тебя будутъ и ленты, и звѣзды. И тутъ же собственноручною рукою записала его и меня въ кадетскій корпусъ, а старшаго брата нашего Василія (его давно нѣтъ) въ Пажескій корпусъ.

Между тѣмъ, замѣтя, что графъ Румянцевъ разговаривалъ съ отцомъ моимъ, какъ съ стариннымъ знакомымъ, императрица спросила, гдѣ графъ его узналъ. Герой Задунайскій отвѣчалъ, что отецъ мой былъ у него въ Молдавіи четыре мѣсяца на ординарцахъ, и потомъ прибавилъ:

— Въ жару Кагульскаго сраженія я послалъ его къ полковнику Озерову съ приказомъ, чтобы онъ съ первымъ гренадерскимъ полкомъ ударилъ на толпы янычаръ, которые, нагло ворвавшись изъ лощины въ карре Племянникова, рѣшали нашихъ кинжалами...

Привѣтливо откушала она нашего хлѣба-соли, выпила бокалъ липца за здоровье хозяевъ „и за здоровье старшины Глинокъ“, —прибавили она, обратясь къ прадѣду моему.

Графъ Румянцевъ промолвилъ:

— Не мимо идетъ пословица, что за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ. За ревностную службу родного внука старшины Глинокъ и вы, государыня, и я ему въ долгу. Старооскольскаго полка секундъ-маіоръ Глинка, братъ нашего хозяина, былъ въ числѣ дежурныхъ офицеровъ у генерала-поручика Ступишина, при переходѣ черезъ Дунай; съ неустрашимою быстротою передавалъ онъ приказанія своего генерала. Онъ былъ убитъ, но и вы, государыня, читали о немъ въ моемъ донесеніи.

Слезы блеснули на глазахъ прадѣда моего. Упавъ на колѣни предъ Екатериною, сказалъ:

— Вели, матушка-царица, и я готовъ за тебя умереть во всякое время! А теперь дозволь проводить тебя верстъ десять.

Графъ Румянцевъ приглашалъ его въ свою карету.

- Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: —я поѣду верхомъ у кареты матушки-царицы, нагляжусь на нее, и у меня спадетъ съ плечъ десятка два лѣтъ. -сказалъ и на борзаго коня своего взлетѣлъ безъ чужой помощи. А конь, какъ будто веселя всадника, говоря Ломоносовски:

Крутилъ главой, звучалъ браздами
И топалъ бурными ногами,
Столѣтнимъ всадникомъ гордясь,

И витязь —молодецъ! Онъ былъ не на конѣ. Въ жизни обновленной онъ леталъ по поднебесью.

Все то, что относится къ этому дню, осталось у насъ семейнымъ сокровищемъ. Доходила ли до половины та бочка, изъ которой наливался липецъ для подчиванья царицы, ее тотчасъ дополняли,и этотъ неисходимый липецъ величали царскимъ липцемъ. Каждый разъ, когда съѣзжались родные и сосѣди и когда рѣчь душевная вызывала воспоминаніе о великой посѣтительницѣ, въ бокалахъ и кубкахъ пирующихъ друзей кипѣлъ царскій липецъ и гремѣли восклицанія: „Да здравствуетъ матушка-царица! Да здравствуетъ матушка Екатерина!"

Вечеромъ того же дня князь Рѣпнинъ, тогдашній смоленскій генералъ-губернаторъ, встрѣчалъ императрицу, и она сказала ему:

— Угадайте, у кого я была сегодня въ гостяхъ?—и, не дожидаясь отвѣта, промолвила: „Я была у духовщинскаго капитанъ-исправника. Спасибо ему, онъ понялъ душу земскаго учрежденія. Онъ любимъ поселянами и онъ вполнѣ исправникъ. Я сказала въ Наказѣ моемъ, что въ нашемъ государствѣ важнѣйшая часть — земледѣліе. Вотъ почему я приняла всѣ мѣры, чтобы земское начальство было охранительнымъ щитомъ земледѣльцевъ. Поблагодарите отъ меня духовщинскаго капитанъ-исправника за ревностное исполненіе его должности и передайте отъ меня ему эту золотую табакерку. Я никогда его не забуду. А онъ пусть привозитъ въ Петербургъ и кадетовъ своихъ, и пажа, записанныхъ мною въ корпуса...

С. Глинка.

Поѣздка по Россіи.

Около этого же времени я совершенно неожиданно получилъ отъ императрицы знакъ ея благоволенія. Она предложила мнѣ сопутствовать ей въ поѣздкѣ по Россіи, которую она намѣревалась совершить для осмотра работъ, предпринятыхъ для окончанія канала, соединяющаго Каспійское море съ Балтійскимъ черезъ Ладожское озеро, Волховъ, озеро Ильмень, Мсту, Тверцу и Волгу...

Третьяго іюня мы отправились въ путь. Поѣздъ состоялъ изъ двадцати каретъ...

Императрица ѣхала безъ всякаго конвоя: она напоминала стихъ Вольтера про Лая:

Comme il était sans crainte, il marchait sans défense.

(Безстрашный, онъ шелъ, не нуждаясь въ защитѣ).

Мы трогались съ мѣста по утрамъ, въ восемь часовъ. Около второго часа останавливались для обѣда въ городахъ или селахъ, гдѣ все уже было приготовлено такъ, чтобы императрица нашла тѣ же удобства, что въ Петербургѣ. Мы всегда обѣдали съ государыней. Въ восемь часовъ пополудни мы останавливались, и вечеръ императрица, по обыкновенію, проводила въ игрѣ и разговорахъ. Каждое утро, поработавъ съ часъ, Екатерина, передъ отъѣздомъ, принимала являвшихся къ ней чиновниковъ, помѣщиковъ и купцовъ того мѣста, гдѣ останавливалась; она допускала ихъ къ рукѣ своей, а женщинъ цѣловала и послѣ этого должна была уходить въ туалетную, потому что, по общему обыкновенію въ Россіи, всѣ женщины, даже мѣщанки и крестьянки румянились, и по окончаніи такого пріема все лицо государыни было покрыто бѣлилами и румянами. Въ каждомъ городѣ императрица, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ, отправлялась въ мѣстную церковь и молилась.

Черезъ четыре или пять дней мы доѣхали по дорогѣ, незамѣтно отлогой, до Вышняго-Волочка, самаго возвышеннаго мѣста на огромномъ пространствѣ между Сѣвернымъ и Чернымъ морями, не пересѣкаемомъ поперечными горами. Здѣсь, на этомъ высокомъ мѣстѣ, мы видѣли знаменитые шлюзы, которые сдерживаютъ теченіе нѣсколькихъ

рѣкъ и передаютъ воду въ каналы Тверцы и Мсты для сообщенія съ Каспіемъ по Волгѣ и для сплава къ Петербургу произведеній юга; этотъ судоходный путь поддерживаетъ и обогащаетъ цѣлыя огромныя области. Работы, предпринятыя для устройства этихъ шлюзъ, могутъ сдѣлать честь самому искусному инженеру... Послѣ небольшого роздыха мы предполагали проѣхать по берегу Мсты, чтобы миновать пороги, затрудняющіе плаваніе по этой рѣкѣ, до самыхъ Боровичей. гдѣ мы должны были сѣсть на суда. Но Екатерина подготовила намъ неожиданную перемѣну: не предупредивъ никого и не давъ никакихъ предварительныхъ приказаній, она измѣнила путь нашъ и поѣхала на Москву. Тамошній губернаторъ узналъ объ этомъ только за нѣсколько часовъ до нашего прибытія.

Видъ этого огромнаго города, обширная равнина, на которой онъ расположенъ, и его огромные размѣры, тысячи золоченыхъ церковныхъ главъ, пестрота колоколенъ, ослѣпляющихъ взоръ отблескомъ солнечныхъ лучей, это смѣшеніе избъ, богатыхъ купеческихъ домовъ и великолѣпныхъ палатъ многочисленныхъ гордыхъ баръ, это кишащее населеніе, представляющее собою самые противоположные нравы, различные вѣка, варварство и образованіе, европейскія общества и азіатскіе базары, все это поразило насъ своею необычайностью. Впрочемъ, въ эту первую мою поѣздку въ Москву я успѣлъ только вскользь осмотрѣть ее: мы пробыли въ ней только три дня. Екатерина показала намъ свои дворцы въ Петровскомъ, Коломенскомъ и Царицынѣ, городскіе сады и чудный водопроводъ, устроенный по ея распоряженію. Послѣ этого мы снова отправились до Боровичей черезъ Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочекъ. Императрица, желая ознаменовать свое краткое пребываніе въ Москвѣ благодѣяніемъ, увеличила городской доходъ и дала еще значительную сумму для учрежденія больницы въ зданіи, гдѣ прежде при Аннѣ и Елисаветѣ, помѣщалась тайная канцелярія. Въ Твери она также оставила память по себѣ своими пожертвованіями. Тверь очень красивый городъ. При взглядѣ на толпу горожанокъ въ ихъ кичкахъ съ бусами, въ ихъ длинныхъ бѣлыхъ фатахъ, обшитыхъ галунами, богатыхъ поясахъ, золотыхъ кольцахъ и серьгахъ, можно было вообра-

зить себѣ, что находишься на какомъ-нибудь древнемъ азіатскомъ празднествѣ. Въ Боровичахъ мы пересѣли на красивыя галеры; особенно великолѣпна была галера, назначенная для императрицы. Въ той, гдѣ помѣстили Кобенцеля, Фитцъ-Герберта и меня, были три изящно убранныя комнаты и хоръ музыкантовъ, будившихъ и усыплявшихъ насъ сладкой музыкой.

Еще до этого плаванія, когда мы ѣхали берегомъ въ каретахъ, князь Потемкинъ и я вздумали для любопытства, не спрашивая позволенія императрицы, проѣхать и спуститься черезъ пороги на маленькой лодкѣ. Говорили, что проѣздъ опасенъ, что здѣсь пошло ко дну нѣсколько судовъ. Императрицѣ понравилась эта выходка, хотя она и пожурила насъ за излишнюю отвагу.

При въѣздѣ на Ильменское озеро, которымъ проѣхали мы къ Новгороду, мы насладились зрѣлищемъ, совершенно новымъ для насъ. Все озеро, подобное тихому, свѣтлому морю, было покрыто множествомъ шлюпокъ, всѣхъ величинъ, разукрашенныхъ пестрыми парусами и цвѣтами. Рыбаки, крестьяне и крестьянки, находившіеся на нихъ, наперерывъ старались приближаться къ нашимъ блистательнымъ судамъ. Вокругъ насъ раздавались звуки музыки и клики и подъ вечеръ ихъ мелодическое, простое и заунывное пѣніе...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того мы проѣхали Ладожскій каналъ и прибыли въ Петербургъ 19/28 іюня. Такимъ образомъ мы въ мѣсяцъ совершили самую занимательную и пріятную поѣздку...

Графъ Сегюръ.

Путешествіе по Днѣпру и въ Крымъ.

Января 17-го (1787) я отправился въ Царское Село и 18-го числа выѣхалъ оттуда съ императрицею въ Крымъ...

Путешествія двора нисколько не походятъ на обыкновенныя путешествія, когда ѣдешь одинъ и видишь людей, страну, обычаи въ ихъ настоящемъ видѣ. Сопровождая монарха, встрѣчаешь всюду искусственность, поддѣлки, украшенія... Впрочемъ, почти всегда очарованіе привлекательнѣе

дѣйствительности; поэтому волшебныя картины, которыя на каждомъ шагу представлялись взорамъ Екатерины и которыя я постараюсь изобразить, по новости своей будутъ для многихъ любопытнѣе, нежели во многихъ отношеніяхъ полезные разсказы иныхъ ученыхъ, объѣхавшихъ и изслѣдовавшихъ философскимъ взглядомъ это огромное государство, которое недавно лишь выступило изъ мрака и вдругъ стало мощно и грозно, при первомъ порывѣ своемъ къ просвѣщенію...

18-го января 1788 года мы пустились въ путь...

Поѣздъ состоялъ изъ четырнадцати каретъ и 124 саней съ 40 запасными. На каждой станціи насъ ожидали 560 лошадей.

Было 17 градусовъ мороза, дорога прекрасная, и мы ѣхали славно. Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли. Чтобы защищаться отъ холода, мы закутались въ медвѣжьи шубы, надѣтыя сверху другой болѣе нарядной и богатой, но тоже мѣховой одежды; на головахъ у насъ были собачьи шапки. Такимъ образомъ мы не замѣчали стужи, даже когда она доходила до 20 градусовъ. На станціяхъ вездѣ было такъ хорошо натоплено, что скорѣе мы могли подвергнуться излишнему жару, чѣмъ холоду. Въ это время самыхъ короткихъ дней въ году солнце вставало поздно, и черезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака, восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночного мрака изрекла свое *пусть будетъ свѣтъ*! Въ 72 верстахъ отъ Петербурга мы остановились отобѣдать въ маленькомъ, новомъ и красивомъ городкѣ Рождественскѣ [1])...

Первая часть этого путешествія, начатаго холодною зимою, не можетъ быть обильна описаніями. Достаточно сказать, что мы проѣзжали по обширнымъ снѣжнымъ равнинамъ, чрезъ лѣса сосенъ и елей, которыхъ вѣтви, опушен-

1) Сегюръ разумѣетъ село Рожествено.

ныя имеемъ, порою, при солнечномъ освѣщеніи, блистали бриліантами и кристаллами. Можно себѣ представить — какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора. Въ городахъ и деревняхъ этотъ одинокій путь покрывался толпами любопытныхъ горожанъ и поселянъ: они, не замѣчая стужи, громкими криками привѣтствовали свою государыню.

Обычный порядокъ, который императрица ввела въ свой образъ жизни, почти не измѣнился во время ея путешествія. Въ шесть часовъ она вставала и занималась дѣлами съ министрами, потомъ завтракала и принимала насъ. Въ девять часовъ мы отъѣзжали и въ два останавливались для обѣда; послѣ того снова останавливались въ семь. Вездѣ она находила дворецъ или красивый домъ, приготовленный для нея. Мы ежедневно обѣдали съ нею. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, посвященныхъ туалету, императрица выходила въ залу, разговаривала, играла съ нами; въ девять часовъ уходила къ себѣ и занималась до одиннадцати. Въ городахъ намъ отводили покойныя квартиры въ домахъ зажиточныхъ людей. Въ деревняхъ мнѣ приходилось спать въ избахъ, гдѣ иногда отъ нестерпимой жары нельзя было уснуть...

Такъ какъ я не намѣренъ предлагать здѣсь скучный курсъ географіи, то поспѣшу достигнуть Смоленска, будучи увѣренъ, что никому не любопытно слѣдить за мною чрезъ села и деревни, въ которыхъ мы останавливались по два раза въ день и которыя совершенно нежданно дѣлались мѣстопребываніемъ величественнаго двора. Бѣдные поселяне, съ заиндевѣвшими бородами, несмотря на холодъ, толпами собирались и окружали маленькіе дворцы, какъ бы волшебною силою раздвинутые посреди ихъ хижинъ, дворцы, въ которыхъ веселая свита императрицы, сидя за роскошнымъ столомъ и на покойныхъ широкихъ диванахъ, не замѣчала ни жестокости стужи, ни бѣдности окрестныхъ мѣстъ; вездѣ находили мы теплые покои, отличныя вина, рѣдкіе плоды и изысканныя кушанья. Даже скука, эта вѣчная спутница однообразія, была изгнана присутствіемъ любезной государыни... Иногда по вечерамъ мы забавлялись играми, сочиненіемъ

шарадъ, загадокъ, стиховъ на заданныя риѳмы. Разъ Фритцъ Гербертъ предложилъ мнѣ слѣдующія риѳмы: amour, frotte, tambour, note. Я написалъ на нихъ слѣдующіе стихи:

De vingt peuples nombreux Catherine est *l'amour*.
Craigner de l'attaquer; malheur à qui s'y *frotte*!
La renommée est son tambour,
Et l'histoire son garde-note...[1]

Екатерина рѣшилась остаться три дня въ Смоленскѣ. Это отдалило наше прибытіе въ Кіевъ, гдѣ насъ ожидало множество пріѣзжихъ со всѣхъ сторонъ Европы. Государыня, помолившись въ соборѣ, удалилась въ свой дворецъ. Но на другой день она принимала дворянство, городскія власти, купечество, духовенство, а вечеромъ дала пышный балъ, на которомъ было до трехсотъ дамъ, въ богатыхъ нарядахъ; онѣ показали намъ, до какой степени внутри имперіи дошло подражаніе роскоши, модамъ и пріемамъ, которые встрѣчаешь при блистательныхъ дворахъ европейскихъ. Наружность во всемъ выражала образованіе; но за этимъ легкимъ покровомъ внимательный наблюдатель могъ легко открыть слѣды старобытной Московіи...

Мы снова пустились въ путь и послѣ десятидневной ѣзды, 29 января (8 февраля) 1787 года пріѣхали въ Кіевъ, древнюю столицу первыхъ русскихъ князей. Городъ этотъ лежитъ на Днѣпрѣ и отстоитъ отъ Петербурга почти на 400 миль. Это былъ предѣлъ первой части нашего путешествія, и мы дожны были остаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока рѣка освободится отъ льда, и откроется навигація. А этого нельзя ожидать ранѣе апрѣля. Отъ Смоленска до Кіева, несмотря на то, что густой снѣгъ застилалъ намъ виды, замѣтно было, что по мѣрѣ нашего приближенія къ югу, селенія попадались все чаще и были обширнѣе. До Кіева мы проѣхали десять городовъ... Императрица, не ограничиваясь одними лишь обычными привѣтствіями, вездѣ подробно разспрашивала чиновниковъ, духовныхъ, помѣщиковъ и купцовъ объ ихъ положеніи, средствахъ, требованіяхъ и нуждахъ. Вотъ—чѣмъ

[1]) „Екатерина предметъ любви двадцати народовъ. Не нападайте на нее: бѣда тому, кто ее затронетъ. Слава ея—барабанщикъ, а исторія—памятная книжка“.

она снискивала себѣ любовь своихъ подданныхъ и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромныя злоупотребленія, которыя многіе старались скрыть отъ нея...

Подъѣзжая къ Кіеву, испытываешь то особенное чувство уваженія, какое всегда внушаетъ видъ развалинъ. Къ тому же, живописное положеніе этого города придаетъ прелесть первому впечатлѣнію; смотря на него, вспоминаешь, что здѣсь колыбель огромной державы, долго пребывавшей въ невѣжествѣ, отъ котораго она освободилась не болѣе, какъ лѣтъ за сто, и теперь стала такъ огромна и грозна. Когда мы осмотрѣли эту древнюю столицу съ ея окрестностями, императрица захотѣла узнать — какое впечатлѣніе она произвела на меня, Кобенцеля и Фитцъ-Герберта, и послѣ съ усмѣшкою замѣтила, что различіе нашихъ мнѣній даетъ довольно вѣрное понятіе о характерѣ трехъ народовъ, которые мы представляли. „Какъ нравится вамъ Кіевъ?“ — спросила она у графа Кобенцеля. „Государыня, — воскликнулъ графъ съ выраженіемъ восторга, — это самый дивный, самый величественный, самый великолѣпный городъ, какой я когда-либо видѣлъ“. Фитцъ-Гербертъ отвѣчалъ на тотъ же вопросъ: „Если сказать правду, такъ это незавидное мѣсто, видишь только развалины, да избушки“. Когда съ такимъ же вопросомъ обратились ко мнѣ, я сказалъ: „Кіевъ представляетъ собой воспоминаніе и надежды великаго города“.

Для государыни построили дворецъ просторный, изящный и богато убранный. Она принимала въ немъ духовенство, правительственныхъ лицъ, представителей дворянства, купцовъ и иностранцевъ, пріѣхавшихъ во множествѣ въ Кіевъ, куда привлекло ихъ величіе и новость зрѣлища, здѣсь ихъ ожидавшаго. Въ самомъ дѣлѣ, имъ представлялся великолѣпный дворъ, побѣдоносная императрица, богатая и воинственная аристократія, князья и вельможи, гордые и роскошные, купцы въ длинныхъ кафтанахъ, съ огромными бородами, офицеры въ различныхъ мундирахъ; знаменитые донскіе казаки въ богатомъ азіатскомъ нарядѣ и которыхъ длинныя пики, отвагу и удальство Европа узнала недавно, татары, нѣкогда владыки Россіи, теперь подданные, женщины — христіанки, князь грузинскій, повергшій къ трону Екатерины дань Фазиса и Колхиды, нѣсколько пословъ отъ безчислен-

ныхъ ордъ Киргизовъ, народа кочевого, воинственнаго, часто побѣждаемаго, но никогда еще не покореннаго, наконецъ, дикіе калмыки, настоящее подобіе гунновъ, своимъ безобразіемъ нѣкогда наводившихъ ужасъ на Европу, вмѣстѣ съ грознымъ мечемъ ихъ жестокаго владыки — Атиллы. Весь востокъ собрался здѣсь, чтобы увидать новую Семирамиду, собирающую дань удивленія всѣхъ монарховъ Запада. Это было какое-то волшебное зрѣлище, гдѣ, казалось, сочетались старина съ новизною, просвѣщеніе съ варварствомъ, гдѣ бросалась къ глаза противоположность нравовъ, лицъ, одеждъ самыхъ разнообразныхъ.

Императрица, всегда вѣрная своимъ привычкамъ, въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ, дала великолѣпный балъ. Я надѣялся, что, будучи въ свитѣ императрицы, на этомъ длинномъ пути увижу разныя заведенія и постройки въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, я въ порывѣ негодованія необдуманно высказалъ, что мнѣ досадно проѣхать такъ далеко для того только, чтобы видѣть вездѣ тотъ же дворъ, слушать все тѣ-же православныя обѣдни и присутствовать на балахъ. Екатерина узнала объ этомъ и сказала: „Я слышала, будто вы порицаете меня за то, что я во всѣхъ городахъ устраиваю аудіенціи и празднества; но вотъ почему это такъ: я путешествую не для того только, чтобъ осматривать мѣстности, но чтобы видѣть людей; я довольно знаю этотъ путь по планамъ и по описаніямъ, и при быстротѣ нашей ѣзды я бы немного успѣла разсмотрѣть. Мнѣ нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицамъ, которыя могутъ употребить во зло мое довѣріе, — опасеніе, что открою всѣ ихъ грѣхи, ихъ нерадѣніе и несправедливости. Вотъ какую пользу хочу я извлечь изъ моей поѣздки; одно извѣстіе о моемъ намѣреніи поведетъ къ добру. Я держусь правила, что „*глазъ хозяйскій кормитъ*“ (L'oeil du maître engraisse les chevaux)...

Общество въ Кіевѣ представляло три различныя картины. У императрицы можно было видѣть то великолѣпнѣйшій дворъ, то самый тѣсный кружокъ. Домъ, гдѣ жили Кобенцель, Фитцъ-Гербертъ и я, и гдѣ мы принимали и русскихъ, и иностранцевъ, принялъ видъ какой-нибудь европейской

кофейни, которая была всегда полна, и въ которой сходились разноплеменные люди; здѣсь раздавалась рѣчь на различныхъ языкахъ, и употреблялись блюда, фрукты и вина разныхъ странъ. Время проходило въ общей бесѣдѣ или въ частныхъ толкахъ о разныхъ предметахъ, отъ важнѣйшихъ до самыхъ обыкновенныхъ. Напротивъ того, если кто подымался въ Печерскій монастырь, чтобы посѣтить Потемкина, который тамъ расположился, то подумалъ бы, что онъ присутствуетъ при аудіенціи визиря въ Константинополѣ, Багдадѣ или Каирѣ. Тамъ господствовало молчаніе и какой-то страхъ. По врожденной ли склонности къ нѣгѣ, или изъ притворнаго высокомѣрія, которое онъ считалъ умѣстнымъ обнаруживать, этотъ могущественный и прихотливый любимецъ Екатерины, изрѣдка показываясь въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, покрытомъ орденами съ брилліантами, весь въ шитьѣ и галунахъ, расчесанный, напудренный, чаще всего ходилъ въ халатѣ на мѣху, съ открытой шеей, въ широкихъ туфляхъ, съ распущенными и нечесаными волосами; обыкновенно онъ лежалъ развалясь на широкомъ диванѣ, окруженный множествомъ офицеровъ и значительнѣйшими сановниками имперіи; рѣдко приглашалъ онъ кого-нибудь садиться и почти всегда усердно игралъ въ шахматы, а потому не считалъ себя обязаннымъ обращать вниманіе на русскихъ или иностранцевъ, которые посѣщали его...

Зима миновала. Днѣпръ освободился изъ ледяныхъ оковъ своихъ; природа, сбросивъ траурный покровъ и засіявъ блескомъ весны, подавала Екатеринѣ знакъ къ отъѣзду. Мы отпраздновали день ея рожденія. Помолясь усердно въ Печерскомъ монастырѣ, императрица раздала много наградъ, лентъ, брилліантовъ и жемчугу. Де-Линь сказалъ: „Кіевская Клеопатра не глотаетъ жемчуговъ, а раздаетъ ихъ во множествѣ“. Наконецъ, 22 апрѣля императрица пустилась въ путь на галерѣ, въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которая когда-либо шла по широкой рѣкѣ. Она состояла изъ 80 судовъ съ 3000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, съ множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которая

слѣдовала за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая де-Линю и мнѣ; прочія были отданы князю Потемкину и его племянницамъ, оберъ-камергеру, шталмейстеру, министрамъ и сановникамъ, которые удостоились чести сопровождать императрицу. На остальныхъ судахъ помѣстились разные служители, пожитки, провизія. Г-жа Протасова и каждый изъ насъ имѣлъ комнату и еще нарядный и роскошный кабинетъ, съ покойными диванами, съ чудесною кроватью подъ штофною занавѣсью и съ письменнымъ столомъ краснаго дерева. На каждой изъ галеръ была своя музыка. Множество лодокъ и шлюпокъ носилось впереди и вокругъ этой эскадры, которая, казалось, создана была волшебствомъ.

Мы подвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на легкія суда и катались вдоль берега, вокругъ зеленѣющихъ островковъ, которыми усѣяна рѣка. Множество народа громкими кликами привѣтствовали императрицу, когда, при громѣ пушекъ, матросы мѣрно ударяли по волнамъ Борисѳена своими блестящими, расписанными веслами. По берегамъ появлялись толпы любопытныхъ, которые безпрестанно мѣнялись и стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы видѣть торжественный поѣздъ и поднести въ даръ императрицѣ произведенія различныхъ мѣстностей. Порою на береговыхъ равнинахъ Днѣпра маневрировали легкіе отряды казаковъ. Города, деревни, усадьбы, а иногда простыя хижины такъ были изукрашены цвѣтами, расписными декораціями и тріумфальными воротами, что видъ ихъ обманывалъ взоръ, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебно-созданными замками, великолѣпными садами. Снѣгъ стаялъ; земля покрылась яркою зеленью; луга запестрѣли цвѣтами; солнечные лучи оживлялись, одушевляли и украшали всѣ предметы. Гармоническіе звуки музыки съ нашихъ галеръ, различные наряды побережныхъ жителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъѣзжали къ большимъ городамъ, то передъ нами на опредѣленныхъ мѣстахъ выравнивались строемъ превосходные полки, блиставшіе красивымъ оружіемъ и богатымъ нарядомъ. Противуположность ихъ щегольского вида съ наружностью румянцовскихъ солдатъ уже

доказывала намъ, что мы оставляемъ области этого маститаго, знаменитаго воина и вступаемъ въ мѣста, которыя судьба подчинила власти Потемкина. Стихіи, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучаго любимца. Окружая императрицу такими дивами, когда она проѣзжала страны, недавно покоренныя его оружіемъ, онъ надѣялся возбудить ея самолюбіе и внушить ей желаніе и смѣлость рѣшиться на новыя завоеванія.

Мы были свободны только по утрамъ и пріятно проводили ихъ въ чтеніи, въ разговорахъ, въ переходахъ съ одной галеры на другія и въ прогулкахъ по берегамъ. Въ часъ мы отправлялись на царскую галеру и обѣдали съ императрицей. Столъ ея, какъ всегда, былъ накрытъ на десять приборовъ. Только разъ въ недѣлю она сзывала всю свиту, имѣвшую честь сопровождать ее. Тогда столъ устраивался на огромномъ суднѣ, гдѣ помѣщалось до 60 человѣкъ.

Черезъ пять дней (апрѣля 25) по отъѣздѣ нашемъ мы остановились въ Каневѣ, гдѣ насъ ожидалъ польскій король. Здѣсь было назначено свиданіе Станислава съ Екатериною...

Скучное пребываніе въ Кіевѣ, зима и въ особенности недовольный видъ Румянцева расположили къ грусти веселую императрицу. По высадкѣ нашей въ Кременчугѣ иная картина представилась взорамъ ея: весна, ожививъ природу, придала предметамъ праздничный видъ, и свѣтлая, прелестная зелень украшала все, даже болота. Домъ обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, англійскій садъ, въ которомъ волшебнымъ образомъ князь Потемкинъ насадилъ огромнѣйшія деревья: прекрасный видъ, украшенный тѣнистой зеленью, цвѣтами и водою; 12,000 вновь снаряженнаго войска; собраніе всего дворянства губерніи, въ богатыхъ нарядахъ, и купцовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи; наконецъ, повсемѣстное движеніе послѣ трехъ-мѣсячнаго покоя и близость къ цѣли этой необыкновенной поѣздки, занявшей вниманіе Европы: вотъ чѣмъ открылись для меня эти новыя зрѣлища. Удовольствіе Екатерины, при ежедневномъ видѣ новыхъ, занимательныхъ предметовъ, высказалось ясно. Потемкинъ, необыкновенный всегда и во всемъ, явился здѣсь столько же дѣятельнымъ, сколько былъ лѣнивъ въ Петербургѣ. Какъ будто какими-то

чарами умѣлъ онъ преодолѣвать всѣ возможныя препятствія, побѣждать природу, сокращать разстоянія, скрывать недостатки, обманывать зрѣніе тамъ, гдѣ были лишь однообразно песчаныя равнины, дать пищу уму на пространствѣ долгаго пути и придать видъ жизни степямъ и пустынямъ. Станціи были размѣщены такимъ образомъ, что путешественники не могли утомиться: флотъ останавливался всегда въ виду селеній и городовъ, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. По лугамъ паслись многочисленныя стада; по берегамъ располагались толпы поселянъ; насъ окружало множество шлюпокъ съ парнями и дѣвушками, которыя пѣли простонародныя пѣсни; однимъ словомъ, ничего не было забыто.

Надобно согласиться, что хотя Потемкинъ былъ плохой полководецъ, своенравный дипломатъ и далеко не великій государственный человѣкъ, но зато былъ самый замѣчательный, самый ловкій царедворецъ. Впрочемъ, если бы и снять искусственную оболочку съ его созданій, то осталось бы все-таки много существеннаго. Когда онъ принялъ въ управленіе эти громадныя области, въ нихъ было только 204,000 жителей, а подъ его управленіемъ населеніе въ нѣсколько лѣтъ возросло до 800,000,—число, впрочемъ, еще незначительное для пространства на 800 верстъ въ длину и 400 въ ширину.

Приращеніе это составляли колонисты греческіе, нѣмецкіе, польскіе, инвалиды, уволенные солдаты и матросы. Одинъ французъ, поселившійся здѣсь за три года до нашего пріѣзда, сказалъ мнѣ, что, проѣзжая ежегодно эту страну, онъ находилъ новопостроенныя богатыя селенія тамъ, гдѣ за годъ были пустыни.

Въ Кременчугѣ Потемкинъ доставилъ намъ зрѣлище большихъ маневровъ, въ которыхъ участвовали 45 эскадроновъ конницы и многочисленная пѣхота. Движенія ихъ могли дать намъ понятіе объ этой тактикѣ, страшной для турокъ, хотя, можетъ быть, и недостаточной противъ другихъ войскъ...

Разставшись съ Бахчисараемъ, мы ѣхали по роскошнымъ долинамъ, черезъ рѣку Кабарту; берега ея такъ живописны, что всѣ прилежащія селенія походятъ на сады. Къ обѣду

мы прибыли въ Инкерманъ, называвшійся у Грековъ Ѳеодорой, а у Татаръ—Ахтіаромъ. Здѣсь высокія горы полукружіемъ огибаютъ широкій и глубокій заливъ, гдѣ нѣкогда стояли древніе города Херсонесъ и Евпаторія. Эту знаменитую пристань полуострова Херсонеса Таврическаго, позже называвшагося Гераклейскимъ, императрица назвала Севастополемъ. Видъ береговъ Тавриды, посвященныхъ Геркулесу и Діанѣ, напомнилъ намъ миѳическія времена Грековъ и уже болѣе историческую эпоху босфорскихъ царей и Митридата.

Между тѣмъ, какъ ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери балкона, и взорамъ нашимъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами татарскихъ всадниковъ мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ даль и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту Евксинскому о присутствіи его владычицы и о томъ, что не болѣе, какъ черезъ 30 часовъ флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя, а знамена ея арміи—водрузиться на стѣнахъ его. Мы спустились въ заливъ. Екатерина обозрѣвала корабли свои и дивилась глубинѣ и ширинѣ залива, вырытаго природою, будто съ намѣреніемъ устроить здѣсь прекраснѣйшую пристань въ мірѣ. Проѣхавъ заливъ, мы пристали къ подножію горы, на которой полукружіемъ возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Нѣсколько зданій для складки товаровъ, адмиралтейство, городскія укрѣпленія, 400 домовъ, толпы рабочихъ, сильный гарнизонъ, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, все придавало Севастополю видъ довольно значительнаго города. Намъ казалось непостижимымъ, какимъ образомъ въ 2000 верстахъ отъ столицы, въ недавно пріобрѣтенномъ краѣ, Потемкинъ нашелъ возможность воздвигнуть такія зданія, соорудить городъ, создать флотъ, утвердить портъ и поселить столько жителей: это дѣйствительно былъ подвигъ необыкновенной дѣятельности.

Три корабля, спущенные при насъ въ Херсонѣ, и другіе изъ Таганрога должны были прибыть сюда вскорѣ. Но ме-

жду тѣмъ въ заливѣ уже стояла эскадра изъ 25 военныхъ кораблей, совершенно вооруженныхъ, снабженныхъ всѣмъ нужнымъ и готовыхъ по первому мановенію Екатерины тотчасъ же стать подъ паруса.

Входъ въ заливъ спокоенъ, безопасенъ, защищенъ отъ вѣтровъ и достаточно узокъ, такъ что съ береговыхъ батарей можно открыть перекрестный огонь, и даже ядра могутъ долетать съ одной стороны на другую...

Государыня дала мнѣ, равно какъ и всѣмъ спутникамъ своимъ, медаль, которую тогда велѣла выбить. На одной сторонѣ былъ профиль Екатерины, на другой—карта ея путешествія. Русская надпись свидѣтельствуетъ, что свершилось двадцатипятилѣтіе ея царствованія, и что она совершила путешествіе въ видахъ общественной пользы...

Несмотря на мое равнодушіе къ празднествамъ, я, однако, не пройду молчаніемъ одного, даннаго въ честь императрицы графомъ Шереметевымъ, въ одномъ изъ его подмосковныхъ помѣстій. Дорога туда была освѣщена блестящимъ образомъ. Огромный графскій садъ, насаженный съ большимъ искусствомъ, былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями. На прекрасномъ его театрѣ сыграли большую русскую оперу; всѣ, кто понималъ ея содержаніе, находили, что она была очень занимательна и хорошо написана. Я могъ только судить о музыкѣ и танцахъ, и меня удивило изящество мелодій, богатство нарядовъ, ловкость и легкость танцовщиковъ и танцовщицъ. Но болѣе всего меня поразило то, что авторъ словъ и музыки оперы, архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, который его расписывалъ, актеры и актрисы, кордебалетъ и самые музыканты оркестра,—все были крѣпостные люди графа Шереметева. Этотъ помѣщикъ, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, позаботился воспитать ихъ и обучить, ему обязаны они были своими талантами. Ужинъ былъ такъ же роскошенъ, какъ представленіе: никогда я не видывалъ такого множества золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, столько фарфора, мрамора и порфира. Наконецъ (что многимъ покажется невѣроятнымъ), весь хрусталь на столѣ на 100 приборовъ былъ изукрашенъ и осыпанъ дорогими каменьями всѣхъ цвѣтовъ и родовъ и самой высокой цѣны.

Такъ-то русскіе вельможи, лишь только вступили на путь просвѣщенія, какъ уже начали подражать патриціямъ Рима; въ то время въ Москвѣ можно было встрѣтить не одного Лукулла...

Графъ Сегюръ.

Екатерина въ Харьковѣ.

На возвратномъ пути изъ Крыма Императрица Екатерина II удостоила высочайшимъ посѣщеніемъ Харьковъ. За недѣлю передъ тѣмъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться: все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастью, было это лѣтомъ, при ясной, тихой и теплой погодѣ. Показался на Холодной горѣ царскій поѣздъ; настaлъ праздниковъ праздникъ. Тысячи голосовъ въ одинъ голосъ громогласно воскликнули: шествуетъ! И все умолкло! Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали: божество являлось. У городскихъ воротъ встрѣтили Императрицу намѣстникъ Чертковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генералъ-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ. Отъ воротъ до дворца (нынѣ университетъ), версты полторы, Императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась; слышанъ былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу. Затѣмъ смерклось; зажгли фейерверкъ, на бѣду не удался; къ тому же ракета угодила въ шею секретарю верхняго земскаго суда. Придворный врачъ прибѣжалъ осмотрѣть раненаго; фейерверкъ отмѣненъ: за тѣмъ кто-то изъ свиты вручилъ счастливому секретарю золотые часы, въ изъявленіе соболѣзнованія отъ всемилостивѣйшей Монархини. Звучитъ до сихъ поръ въ ушахъ у меня возгласъ: „Мати ты наша премилосердая“, который раздался между тысячами Украинцевъ, когда разнеслась вѣсть о часахъ. На другой день Императрица уѣхала. Отъ дворца по площади къ соборному

Успенія Божіей Матери храму постлано было алое сукно, по которому Ея Величество изволила пѣшкомъ итти въ соборъ, гдѣ слушала молебенъ. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицемъ довольнымъ, исполненнымъ благоволенія, величественно и милостиво кланялась на обѣ стороны. Изъ собора отправилась въ дальнѣйшій путь.

Въ восемь часовъ утра того дня всѣ ученики и учителя Коллегіума были въ классахъ. Принцъ Ангальтъ посѣтилъ заведеніе; меня нарядили изъ класса, гдѣ я былъ тогда, сказать ему привѣтствіе въ двухъ Латинскихъ стихахъ. Погладилъ меня по головѣ и весьма благосклонно просилъ всѣхъ насъ кланяться отъ него батюшкамъ и матушкамъ...

Ѳ. Лубяновскій.

Пребываніе Екатерины II въ Тулѣ.

Въ ночь подъ 20-ое число прискакалъ изъ путешествія своего нашъ намѣстникъ для сдѣланія въ Тулѣ. для встрѣчи Императрицы, имѣющей прибыть въ тотъ день, всѣхъ нужныхъ распоряженій. Я не успѣлъ услышать о его пріѣздѣ, какъ ранымъ-ранехонько поскакалъ къ нему и получилъ отъ него приказаніе о встрѣчаніи Государыни, вмѣстѣ со всѣми судьями и дворянствомъ, подлѣ судебныхъ большихъ корпусовъ, гдѣ всѣмъ судьямъ велѣно было съ обѣихъ сторонъ стоять и дожидаться пріѣзда Императрицы. Госпожамъ же всѣмъ велѣно въ нарядахъ своихъ собраться въ соборъ мимо крыльца и входа, въ который надлежало Государынѣ ѣхать.

Не могу безъ смѣха вспомнить о той превеликой суетѣ, въ какой находились всѣ въ сіе достопамятное утро, и какая скачка поднялась по всей Тулѣ каретъ и колясокъ и бѣганіе взадъ и впередъ народа. Вся большая Кіевская улица, отъ самаго въѣзда и сооруженныхъ при ономъ великолѣпныхъ тріумфальныхъ воротъ до самаго собора и далѣе до дворца, установилась въ одинъ почти мигъ безчисленнымъ множествомъ народа, и онъ, съ неописанною нетерпѣливостью, ожидалъ прибытія государыни и той минуты, въ которую увидитъ онъ свою обладательницу. Соборъ наполнился такъ

боярынями, что сдѣлалась въ немъ оттого духота совершенная. Всѣ онѣ одѣты были въ новые свои однорядные или женскіе мундиры, и всякая изъ нихъ старалась получить для себя лучшее и выгоднѣйшее мѣсто для смотрѣнія Государыни, о которой всѣ здѣсь навѣрное полагали, что она, поровнявшись противъ собора, непремѣнно остановится и, вышедъ изъ кареты, войдетъ въ церковь для поклоненія святымъ иконамъ. Что касается до намѣстника, то сей, распорядивъ нужное съ нѣкоторыми изъ чиновниковъ своихъ и двѣнадцатью человѣками почетныхъ, выбранныхъ изъ молодыхъ дворянъ и одѣтыхъ въ богатое платье, поскакали верхами за городъ для встрѣчи Императрицы.

Въ семъ положеніи и стоючи всѣ въ своихъ мѣстахъ, провели мы все тогдашнее прекрасное, свѣтлое и тихое лѣтнее утро. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу громъ пушечной за городомъ пальбы возвѣстилъ намъ о приближеніи къ городу Императрицы. Въ мигъ тогда все-и-все и весь народъ установился въ порядкѣ по своимъ мѣстамъ и всѣ, съ неизъяснимымъ вожделѣніемъ, стали дожидаться ея прибытія и глазами искали уже вдали ея кареты, ѣхавшей за многими другими, проскакавшими мимо насъ впереди. Наконецъ, показалась и она, окруженная множествомъ всадниковъ, скакавшихъ по обѣимъ сторонамъ оной. Самъ намѣстникъ скакалъ подлѣ кареты сей съ боку, верхомъ, и не успѣла оная поровняться противъ насъ, какъ всѣ мы отдали ей глубочайшій поклонъ. Но самое сіе поклоненіе и лишило насъ съ толикою нетерпѣливостью ожидаемаго удовольствія ее увидѣть, ибо вмѣсто того, чтобъ ей противъ насъ остановиться, какъ того мы всѣ ожидали, проскакала она мимо насъ такъ скоро, что мы, поднявъ головы свои, увидѣли уже карету ея далеко отъ насъ уже удалившуюся и посмотрѣли только вслѣдъ за оною. Столь же хорошо въ лестныхъ ожиданіяхъ своихъ обманулись и всѣ наши госпожи боярыни, находившіяся въ соборѣ, ибо и тамъ императрицѣ не угодно было выйти изъ кареты. Но она, остановившись на секунду противъ отворенныхъ въ соборѣ дверей, перекрестилась только предъ вынесеннымъ къ ней архимандритомъ крестомъ и приказала тотчасъ продолжать путь свой далѣе ко дворцу. Итакъ, всѣ тутъ ожидавшія госпожи, искони не видавшія государыни и

въ глаза, принуждены были ни съ чѣмъ и съ чувствительнымъ неудовольствіемъ разъѣхаться по своимъ домамъ и квартирамъ. Всѣми ими предводительствовала тогда наша губернаторша, госпожа Заборовская, но и ей самой стольже мало удалось государыню видѣть, какъ и всѣмъ прочимъ.

Господи! какое началось тогда у всѣхъ у насъ, а особливо у госпожъ и боярынь нашихъ, о семъ происшествіи судаченье и какія сожалѣнія слышны были повсюду и отъ всѣхъ, что всѣ труды и хлопоты ихніе обратились въ ничто и были тщетны. Но всѣ, по крайней мѣрѣ, утѣшали себя надеждою, что увидятъ Государыню въ приготовленномъ въ сей день въ театрѣ спектаклѣ, о которомъ всѣ не сомнѣвались, что Государыня удостоитъ оный своимъ посѣщеніемъ.

Сіе всеобщее желаніе, наконецъ, совершилось. Государыня, дѣйствительно, удостоила оный своимъ посѣщеніемъ, и не успѣло, предъ вечеромъ, все дворянство въ театръ съѣхаться и всѣ ложи онаго наитѣснѣйшимъ образомъ собою наполнить, какъ пріѣхала и Государыня въ препровожденіи намѣстника и прочихъ господъ и госпожъ изъ своей свиты. Минута вшествія ея, скажу, была восхитительная для всѣхъ. У всѣхъ зрѣніе и сердца обращены были на оную, и не успѣла Государыня показаться, какъ съ возгремѣвшею вдругъ музыкою, всѣ, вставъ, ей наиглубочайшимъ образомъ поклонились, и удостоены были и отъ ней соотвѣтственнымъ поклономъ. Съ сей минуты всѣхъ очи обращены были на ее во все продолженіе представляемой тогда пьесы, которую едва-ли и десятая часть народа тогда видѣла. Но сколь удовольствіе всѣхъ ни было велико, однако оно было еще несовершенно; ибо видѣніе издали не удовлетворило далеко еще желанія всѣхъ, хотѣвшихъ видѣть черты лица ея въ близи самой. Но сіе удовольствіе надѣялись всѣ имѣть на балѣ, который назначенъ былъ въ послѣдующій день въ залѣ дворянскаго собранія, и который, какъ всѣ говорили навѣрно, удостоитъ также Императрица своимъ посѣщеніемъ.

По окончаніи спектакля поѣхала Императрица обратно во дворецъ, а мы всѣ, по выходѣ изъ театра, поѣхали вслѣдъ за нею, для смотрѣнія иллюминаціи и серенады въ полномъ ихъ видѣ и дѣйствіи, ко дворцу и провели остальное время сего вечера довольно весело; ибо было дѣйствительно много

зрѣнія достойнаго; въ особенности же любовался я безчисленнымъ множествомъ плошекъ, которыми всѣ стѣны Тульской старинной крѣпости и ея башень были иллюминованы. Къ послѣднимъ, къ пріѣзду Государыни, придѣланы были сверху другія башенки съ шпицами, существующія и понынѣ, и всѣ онѣ установлены были множествомъ плошекъ, и всѣ онѣ вмѣстѣ, съ наставленными по всѣмъ зубцамъ ниже оныхъ рядами проволоки съ скипидаромъ, зажжены были въ одинъ мигъ и представляли преузорочное зрѣлище. А таковое же душевное удовольствіе доставляла всѣмъ зрителямъ и тогдашняя серенада. Оба разъѣзжающія тихо по каналу, мимо дворца, судна были въ сей вечеръ не только наипрекраснѣйшимъ образомъ разноцвѣтными огнями иллюминованы, но, кромѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, наполнены были множествомъ господъ и госпожъ, и тихая восхитительная гармонія духовой и вокальной музыки услаждала слухъ каждаго. Одинъ только недостатокъ при всемъ томъ былъ тотъ, что тогдашній іюньскій вечеръ былъ свѣтлый и недоставало нужной темноты для всѣхъ сихъ иллюминаціонныхъ зрѣлищъ. Что касается до Императрицы, то она весь сей вечеръ провела во внутреннихъ своихъ покояхъ и болѣе въ отдохновеніи отъ трудовъ и безпокойствъ, съ путешествіемъ сопряженныхъ.

Послѣдующій за симъ день 21-го числа іюня пробыла Государыня весь въ губернскомъ нашемъ городѣ Тулѣ, и сей день былъ рѣшительнымъ всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, надеждамъ и опасеніямъ, для меня въ особенности достопамятнымъ. Всѣмъ судьямъ и всему дворянству сдѣлана была еще съ вечера повѣстка, чтобъ собираться имъ въ 9-мъ часу поутру въ дворцовую залу, гдѣ имѣютъ они быть представлены намѣстникомъ Императрицѣ. Но я, какъ посторонній человѣкъ, заботясь болѣе о своихъ надобностяхъ, не разсудилъ ѣхать вмѣстѣ съ прочими во дворецъ, а, одѣвшись поранѣе, черканулъ за рѣку въ квартиру намѣстника и засталъ его еще одѣвающагося. Онъ принялъ меня милостиво и очень благосклонно и говорилъ многое со мною и сказывалъ мнѣ, между прочимъ, что онъ намѣренъ въ сей день представлять книги свои государынѣ, но не знаетъ, удастся ли ему представить и мою. Однако, говорилъ, чтобъ

взять и ее и нести съ собою; мнѣ-жъ велѣлъ пріобщиться къ судьямъ калужскимъ для шествія къ рукѣ императрицы. Пользуясь таковою его ко мнѣ благосклонностью, рѣшился я напомнить ему о моемъ сынѣ и попросить его о неоставленіи его по своему милостивому обѣщанію. Но на сіе сказалъ онъ мнѣ, что теперь сіе сдѣлать никакъ нельзя, а когда поѣдетъ чрезъ Тулу князь Потемкинъ, то онъ сдѣлаетъ и выпроситъ ему чинъ. Симъ ошарахнулъ онъ меня такъ, что вдругъ упала въ моемъ сердцѣ послѣдняя надежда, и тѣмъ паче, что о князѣ, оставшемся при арміи, было еще неизвѣстно, поѣдетъ ли онъ чрезъ Тулу или нѣтъ. Но душевное смущеніе мое въ сей разъ не долго продолжалось: намѣстнику что-то пришло вслѣдъ за симъ на мысль перемѣнить свое намѣреніе, и вздумалъ онъ вдругъ всѣ книги свои и мою поручить мнѣ и употребить самого меня для поднесенія ихъ Государынѣ. Таковое его ко мнѣ благорасположеніе не только успокоило, но и обрадовало меня чрезвычайно. Я началъ ласкать себя наипріятнѣйшею надеждою, что, можетъ быть, имѣть я буду счастіе говорить съ самою Государынею, не сомнѣваясь нимало въ томъ, что Императрица не преминетъ книги разсмотрѣть, а при семъ самомъ, по любопытству своему, восхочетъ поговорить со мною о Богородицкѣ и о садѣ въ ономъ. А тутъ, думалъ я, можетъ быть, и спроситъ о рисовальщикѣ сихъ книгъ, и я ласкался уже надеждою, что сей случай будетъ наивожделѣннѣйшимъ для намѣстника, для испрошенія ему отъ Императрицы милости. Въ сей пріятной надеждѣ, подхвативъ книги, и поскакалъ я вслѣдъ за намѣстникомъ, поѣхавшимъ во дворецъ, и дорогою мечталъ въ мысляхъ своихъ невѣдомо что и строилъ на воздухѣ гишпанскіе замки. Но, увы! все совершилось и пошло не такъ, какъ я думалъ и себѣ воображалъ.

Не успѣлъ я пріѣхать на оружейный заводъ, въ концѣ котораго находился дворецъ, какъ увидѣлъ разстилаемыя повсюду красныя сукна, для шествія государыни, и услышалъ, что она перемѣнила свое намѣреніе, и вмѣсто того, чтобы смотрѣть заводъ послѣ обѣда, расположила употребить къ тому тогдашнее утреннее время; и говорили, что она вскорѣ уже изъ дворца вытить изволитъ. Сіе смутило не только меня, но и самого намѣстника, ни мало того не

ожидавшаго. Я, прискакавъ ко дворцу и вошедъ въ залъ, нашолъ уже весь оный наполненный дворянствомъ, и намѣстникъ, увидѣвъ меня, велѣлъ мнѣ скорѣе подавать книги. Я бросился благимъ матомъ за ними въ карету, въ которой онѣ у меня оставлены были. Ее успѣли уже невѣдомо куда отъ крыльца отогнать, и я насилу могъ ее отыскать. Тутъ, подхвативъ ихъ всѣ, потащилъ ихъ безъ души во дворецъ. Была ихъ цѣлая ноша и всѣ превеликiя, состоящiя изъ многихъ атласовъ и ландкартъ, и разныхъ плановъ, до Тульской губернiи относящихся. Съ превеликимъ трудомъ отыскалъ я намѣстника между народомъ, и онъ, схватя меня, поставилъ-было сперва въ залѣ, но вскорѣ потомъ ввелъ меня въ другую внутренную и находящуюся подлѣ зала комнату, и, поставивъ въ темный уголокъ подлѣ окна и двери, въ которую Государынѣ выходить въ сiю комнату изъ внутреннихъ своихъ покоевъ надлежало, и велѣлъ мнѣ тамъ стоять и дожидаться до выхода Государыни.

Тутъ принужденъ я былъ стоять съ добрую четверть часа и держать подъ мышкою отяготительную свою ношу. Книги были превеликiя и тяжелыя, и держать ихъ было мнѣ не безъ труда. Къ сему свою, переплетенную въ зеленый гарнитуръ и въ прахъ раззолоченную, по приказанiю намѣстника, положилъ я на самый верхъ, и, держучи ее, помышляя, самъ себѣ говорилъ: „что ты, моя голубушка, произведешь? Трудовъ надъ тобою положено много, и пойдутъ ли они въ прокъ?“ И, возносия мысли свои далѣе, предавалъ судьбу ея на произволъ невидимаго Всемогущаго существа, прося Его учинить съ нею то, что Ему благоугодно будетъ и что Онъ признаетъ для обоихъ насъ съ сыномъ за наиполезнѣйшее.

Между тѣмъ какъ я такимъ образомъ умствовалъ, вдругъ растворились двери и показалась шествующая въ нихъ Государыня въ провожденiи всѣхъ своихъ спутниковъ и придворныхъ. Минута сiя была для меня самая критическая: уголокъ, въ которомъ я подлѣ самыхъ дверей у окошка стоялъ, былъ самый темненькiй, и я, боясь, чтобъ не преградить собою путь Государынѣ, принужденъ былъ въ семъ уголкѣ прижаться. И какъ въ самый тотъ моментъ растворились двери и въ залу, изъ оной вошолъ выписанный для

сего случая ученый и славный архимандритъ Павелъ, поелику тогдашняго нашего старичка архіерея Ѳеодосія не было уже въ живыхъ, и епархія наша была праздною, и Государыня, отступя шага два отъ дверей и на аршинъ только отъ меня, принуждена была для выслушиванія говоренной архимандритомъ привѣтственной рѣчи остановиться; а весь промежутокъ, между ея и дверьми, заступили вельможи ея свиты; то, будучи стѣсненъ, не зналъ я, что дѣлать, видя сущую невозможность пробраться сквозь ихъ на другую сторону дверей, стоялъ почти внѣ себя отъ смущенія. Рѣчь, говоренная архимандритомъ, была хотя не очень длинная, однако продлилась минуты двѣ или три, въ теченіе которыхъ вся комната сія наполнилась множествомъ народа. А не успѣла рѣчь кончиться и Государыня приложиться къ подносимому архимандритомъ образу и, принявъ его, отдать своимъ придворнымъ, какъ подступилъ къ ней тогдашній нашъ губернскій предводитель съ такою-жъ привѣтственною рѣчью, продолжавшеюся еще того долѣе. Сіе смутило меня еще болѣе. Со всѣмъ тѣмъ, стоючи въ такой близости, позади своей монархини, имѣлъ я случай не только оной насмотрѣться, но и заняться мыслями о сей великой обладательницѣ толикихъ милліоновъ народа, которыхъ всѣхъ судьба и счастіе зависѣли отъ ея особы, и отъ которой и я ожидалъ тогда какой-нибудь милости. Но всѣ сіи размышленія разсѣялъ усмотрѣвшій меня намѣстникъ и подающій мнѣ рукою знакъ, чтобъ я съ книгами моими какъ-нибудь пробрался позади Императрицы, сквозь стоящихъ ея вельможей. Тогда другого не оставалось, какъ попросить господъ дать сквозь кучу свою проходъ; что они тотчасъ и учинили. А какъ между тѣмъ, какъ я, пробравшись сквозь придворныхъ, подошолъ къ намѣстнику, кончилъ и предводитель свою рѣчь, то намѣстникъ, не медля ни минуты, и подвелъ меня съ книгами къ Государынѣ и сказалъ ей нѣкія слова, въ которыя я, въ тогдашнемъ смущеніи, не могъ вслушаться, а только знаю, что не успѣлъ я, поклонившись, поднесть книги свои къ Государынѣ, какъ кто-то изъ ея придворныхъ схватилъ всѣ оныя у меня изъ рукъ, и я съ тѣхъ поръ ихъ не видѣлъ, ибо онъ вмигъ скрылся съ ними за народомъ, и куда онъ ихъ понесъ, я того не могъ уже никакъ видѣть, ибо въ са-

мый тотъ моментъ и стали подходить къ Государынѣ наши градоначальники и судьи, а за ними и все дворянство къ рукѣ, и множествомъ своимъ такъ меня стѣснили, что я съ нуждою пробрался сквозь ихъ въ дальнѣйшій уголъ.

Тутъ, стоючи позади ихъ и смотря на весь торжественный обрядъ, имѣлъ я время заняться опять какъ прежними своими о монархинѣ сей помышленіями, такъ и мыслями о дальнѣйшей судьбѣ съ моею книгою. Я поискалъ ее повсюду глазами и увидѣлъ ее лежащую съ прочими книгами въ одномъ углѣ на столикѣ. Вздохнувъ самъ въ себѣ, мыслями сказалъ: „Ахъ, голубка моя! Что-то съ тобою, бѣдняжка, воспослѣдуетъ впередъ? а начало что-то не хорошо; не въ такое бы время желалъ бы я, чтобъ ты поднесена была къ Государынѣ: когда ей теперь тебя разсматривать? и хорошо, если она тебя замѣтитъ, и ей благоугодно будетъ послѣ полюбопытствовать и ее разсмотрѣть; а если сего по несчастью не воспослѣдуетъ и ее куда-нибудь спрячутъ, то прощай, какъ ее звали, и всѣ лестныя мои надежды лопнутъ и труды, употребленные на нее, пропадутъ тщетно и безъ всякаго возмездія!“

Помышленія сіи привели весь духъ мой въ такое смущеніе, что я, огорчаясь тѣмъ, не имѣлъ уже охоты, вмѣстѣ съ прочими, итить къ рукѣ Государыни, но далъ волю прочимъ заниматься симъ обрядомъ и тѣсниться другъ съ другомъ; а самъ между тѣмъ, все еще ласкался надеждою, не удостоитъ-ли Государыня послѣ воззрѣнія своего моей книги, и не востребованъ-ли я буду къ ней для какихъ-нибудь вопрошаній. Но, увы, и въ сей надеждѣ обманулся я совершенно, и какъ того во все теченіе сего дня ни ожидалъ, но сего не воспослѣдовало, и о книгѣ моей не было ни малѣйшаго тогда слуха и послушанія; почему и заключилъ я, что Государыня ни-какъ объ ней тогда не изволила и вспомнить, а того менѣе ее разсматривать; а, правду сказать, было ей тогда и некогда помышлять о такомъ бездѣліи; а всѣ мысли ея тогда были не тѣмъ, а гораздо важнѣйшими предметами очень заняты. Ибо не успѣла она всѣхъ бывшихъ тогда въ собраніи допустить къ рукѣ, какъ, не возвращаясь уже назадъ во внутренніе покои, воспріяла прямо черезъ залъ шествіе свое для осмотрѣнія оружейнаго завода, и намѣстникъ

нашъ пошолъ предъ нею для показыванія ей и всей ея свитѣ машинъ и производства оружейнаго дѣла. Вся толпа повалила тогда изъ залы и многіе стали разъѣзжаться, а другіе пошли вслѣдъ за оною; что увидя, вздохнувъ, сказалъ я опять самъ себѣ: „Ну, поздравляю, вотъ тебѣ и все! бѣги въ воду!“ И всѣ труды и надежды мои полетѣли, какъ ключъ ко дну.

Погоревавъ о таковой неудачѣ, съ досады хотѣлъ-было я убираться на квартиру, но, подумавъ-погадавъ, рѣшился й я пойтить вслѣдъ за Императрицею и поглядѣть, по крайней мѣрѣ, на ея хожденіе по заводу и осматриваніе всѣхъ представляемыхъ ей вещей. Но, къ умноженію моего душевнаго прискорбія, и тутъ не имѣлъ я великаго и такого удовольствія, какого-бы мнѣ имѣть хотѣлось, за превеликимъ множествомъ всякаго рода и званія людей, не только ходившихъ толпами вслѣдъ за Государыней, но перебѣгающихъ съ мѣста-на мѣсто, дабы видѣть ее съ лица, и по причинѣ, что она, а особливо въ тѣсныхъ мѣстахъ, окружена была всегда знатными особами ея свиты. Какъ я ни старался поймать гдѣ-нибудь случай видѣть Императрицу опять въ самой близи, слышать ея слова и замѣчать всѣ ея движенія, но не имѣлъ въ томъ никакой удачи, а насмотрѣлся только на графа Ангальта, съ нею изъ вельможъ нашихъ бывшаго, да на цесарскаго посланника графа Кобенцеля, также на спутника ея и друга, славнаго принца де-Линя, и то потому, что они иногда отставали отъ Императрицы и иныя вещи особенно пересматривали, и самаго даже тогдашняго ея фаворита, послѣдующаго повсюду за Государынею, случилось мнѣ только раза два, и то вскользь, видѣть; и я принужденъ былъ тѣмъ только и довольствоваться.

Осматриваніе сіе и пересматриваніе всего-и-всего продлилось-таки нарочито долго, но наконецъ оно кончилось, и Государыня пошла опять обратно во дворецъ, куда всѣ повалили за нею опять гурьбой, а вмѣстѣ съ ними и я льстился все еще надеждою, не дойдетъ-ли дѣло до меня и не станетъ-ли намѣстникъ, ушедшій съ нею во внутренніе покои, отыскивать меня, почему, втискавшись съ прочими въ залъ, наполнившійся опять народомъ, становился я нарочно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ намѣстнику удобнѣе бы было

меня усмотрѣть. Но какъ я выхода его ни ожидалъ, но онаго не воспослѣдовало, и я, увидѣвъ, наконецъ, что стали носить на столъ, приготовленный въ другомъ залѣ, кушанье, и всѣ начали разъѣзжаться, принужденъ былъ и самъ послѣдовать ихъ примѣру и уплетаться ни съ чѣмъ на свою квартиру.

Тамъ нашолъ я всѣхъ своихъ, ожидающихъ возвращенія моего съ великою нетерпѣливостью и начавшихъ тотчасъ меня спрашивать, что̀ произошло съ моею книгою. Но что̀ можно мнѣ было имъ сказать? я хотя и порадовалъ ихъ тѣмъ, что я имѣлъ счастіе подносить самъ ее Государынѣ, но самъ въ себѣ, почитая счастье сіе сущею ничтожностію, далеко не такъ его цѣнилъ, какъ они; и хотя имъ говорилъ, что Государынѣ разсматривать ее было некогда и никакъ не можно, и что можетъ быть будетъ она пересматривать ее послѣ обѣда, и не воспослѣдуетъ-ли оттого какихъ пріятныхъ для насъ послѣдствій, но внутренно въ себѣ не смѣлъ почти уже ласкаться сею надеждою.

Оставался еще нѣкоторый лучъ надежды, — тотъ, что не будетъ-ли чего-нибудь на балѣ, на который всѣ тогда собирались въ наилучшихъ своихъ нарядахъ ѣхать, ибо какъ всѣ навѣрное полагали, что Государыня не только оный удостоитъ своимъ присутствіемъ, но и пробудетъ на ономъ во весь вечеръ, то и ласкался я надеждою, что не сдѣлаетъ-ли въ пользу мою чего-нибудь намѣстникъ, которому тутъ же быть необходимо надлежало, или, по крайней мѣрѣ, не услышу ли я отъ него чего-нибудь о судьбѣ моей книги; а по всему сему поѣхалъ я съ сыномъ своимъ и боярынями на сей торжественный тогда и великолѣпный съѣздъ и собраніе съ отмѣнными и нетерпѣливыми, меня смущающими, душевными чувствіями.

Мы нашли всю огромную залу дворянскаго собранія наполненную уже народомъ и набитую безчисленнымъ почти множествомъ господъ и госпожъ и всѣхъ съ крайнею нетерпѣливостью и вожделѣніемъ дожидающихся той минуты, въ которую Государыня прибыть имѣетъ. А не успѣли мы несколько осмотрѣться, какъ вдругъ и заговорили всѣ: „ѣдетъ, ѣдетъ!“ А не успѣло слово сіе повсюду разнестись, какъ въ мигъ произошла между всѣми страшная суета и волненіе. Все поспѣшило какъ можно скорѣе становиться въ строй

и составить изъ себя улицу для входа и прохода къ трону Государыни, и сколько толчковъ надавано было при семъ случаѣ отъ протѣсненій другъ другу. Всякому хотѣлось стать впереди и занять выгоднѣйшее мѣсто, и у всѣхъ духъ почти переводился, какъ услышали уже вшествіе пріѣхавшихъ въ сѣни.

Вдругъ, наконецъ, загремѣла музыка, и въ тотъ же мигъ растворяются настежъ входныя двери. Но, подумайте и вообразите себѣ, какъ сильно поразились всѣ бывшіе тогда въ собраніи, и какъ изумились, увидѣвъ вмѣсто Государыни нашего только намѣстника, ведущаго за руку госпожу Протасову, спутницу Императрицы, и вслѣдъ за ними другихъ вельможъ, съ нею пріѣхавшихъ и ведущихъ также знаменитѣйшихъ госпожъ за руки, которыя всѣ не успѣли войти въ залу, какъ и пошли танцовать большой длинный польской. Господи! какое началось тогда у всѣхъ шептаніе и перешептываніе. Поразясь сею неожиданностью, спрашивали всѣ другъ у друга: „гдѣ-жъ и что-жъ Государыня-то? развѣ она не изволитъ быть?“ И съ неописаннымъ прискорбіемъ скоро услышали и узнали, что хотя она и намѣрена была удостоить сей балъ своимъ посѣщеніемъ и осчастливить всю нашу публику своимъ присутствіемъ, но, по причинѣ усталости и небольшого недомоганья, ѣзду сію отмѣнила, а изволила отпустить на балъ нашъ всѣхъ своихъ только спутниковъ и спутницъ. Не успѣло извѣстіе сіе по залѣ разнестись, какъ началось у всѣхъ неописанное о томъ сожалѣніе; всякъ изъявлялъ чувствованіе и прискорбіе свое о томъ другъ другу. Что-жъ касается до госпожъ, обманувшихся въ наилестнѣйшихъ своихъ надеждахъ и увидѣвшихъ тогда, что всѣ ихъ траты и убытки, употребленные на свои наряды, обратились въ ничто и сдѣлались тщетными, то прискорбія, сожалѣнія и даже самой внутренней досады изобразить никакъ было не можно.

Самого меня неожиданность сія смутила вновь неизобразимымъ образомъ, и я только и зналъ, что самъ въ себѣ твердилъ: „вотъ тебѣ на! И вотъ чѣмъ всѣ наши ожиданія кончились! Жди себѣ, пожалуй, пока не дождешься“. А какъ вскорѣ потомъ услышали, что Государыню не усталость и недомоганіе отъ ѣзды къ намъ удержали, а прискакавшій,

за часъ передъ тѣмъ, изъ арміи отъ князя Потемкина курьеръ, привезшій какія-то очень важныя извѣстія, и что Государыня очень ими смутилась и занялась тогда же писаніемъ, то воскликнулъ я самъ себѣ: „Господи! надобно же было и сему произойтить помѣшательству и такому несчастію особливому!“

Симъ, подобнымъ сему образомъ, говорилъ я тогда самъ съ собою въ мысляхъ, стоючи подлѣ стѣны и прислонившись къ оной, и признаюсь, что минуты сіи были мнѣ очень прискорбны и преисполнили духъ мой даже досадою и негодованіемъ на Государыню за таковое неуваженіе нашей публики и, такъ-сказать, шутку, съигранную съ оною.

Но какъ мало мы тогда знали о истинной причинѣ такой ея поступки, то охотно-бъ всѣ мы ее въ томъ извинили, если-бъ оная была намъ извѣстна. Послѣ узнали мы, что привезенное симъ курьеромъ извѣстіе было, въ самомъ дѣлѣ, не бездѣльное, но такое, которое не о балѣ нашемъ, а о иномъ и гораздо важнѣйшемъ заставило Государыню думать. Словомъ, курьеръ сей присланъ былъ отъ князя Потемкина съ первымъ увѣдомленіемъ о томъ, что турки, противъ всякаго чаянія и ожиданія, объявили намъ войну. А самое сіе и смутило Императрицу тогда до чрезвычайности.

А. Болотовъ.

Екатерина II въ Москвѣ.

Покойную императрицу довелось мнѣ видѣть всего только два раза: одинъ разъ въ соборѣ въ Петровъ день, другой — въ московскомъ благородномъ собраніи. Это было, когда праздновали двадцатипятилѣтіе ея воцаренія. Въ соборѣ намъ пришлось стать довольно близко отъ того мѣста, гдѣ стояла государыня, и изъ-за другихъ можно было иногда ее видѣть. Въ этотъ день было провозглашеніе московскаго архіепископа Платона митрополитомъ. Тогда разсказывали, что передъ начатіемъ обѣдни приказано было отъ императрицы первому протодіакону, чтобы на первой эктеньѣ, когда дойдетъ очередь поминать преосвященнаго Платона, называть его митрополитомъ, и чтобъ до того времени ему не сказывать. Діаконъ вышелъ на амвонъ и, какъ было приказано, такъ и сдѣлалъ; эктенья окончилась — митрополитъ вышелъ изъ

алтаря и, сдѣлавъ шагъ на амвонъ, молча поклонился императрицѣ и, вошедши въ алтарь, продолжалъ обѣдню своимъ чередомъ. На другой день былъ великій праздникъ, который давалъ Шереметевъ императрицѣ у себя въ Кусковѣ, но мы тамъ не были; съ графомъ батюшка знакомъ не былъ и толкаться въ толпѣ и давкѣ онъ намъ не позволилъ. „Будетъ государыня въ собраніи на дворянскомъ балѣ, тогда и вы ее увидите". Сестрѣ Александрѣ Петровнѣ было 21 годъ, мнѣ 19 лѣтъ, и мы отправились въ собраніе съ сестрой, Екатериной Александровной Архаровой. Балъ былъ самый блестящій и такой парадный, какихъ въ теперешнее время и быть не можетъ: дамы и дѣвицы всѣ въ платьяхъ или золотыхъ и серебряныхъ, или шитыхъ золотомъ, серебромъ, каменій на всѣхъ премножество; и мужчины тоже въ шитыхъ кафтанахъ съ кружевами, съ каменьями. Пускали въ собраніе по билетамъ самое лучшее общество; но было много. Императрица тоже была въ серебряномъ платьѣ, невелика ростомъ, но такъ величественна и вмѣстѣ милостива ко всѣмъ, что и представить себѣ трудно. Играли и пѣли: Громъ побѣды раздавайся, Веселися храбрый Россъ... И каждый куплетъ оканчивался стихами: Славься симъ Екатерина, Славься, нѣжная къ намъ Мать! Мнѣ пришлось танцовать очень неподалеку отъ императрицы, и я вдоволь на нее наглядѣлась. Когда приходилось кланяться во время миновета, то всѣ обращались лицомъ къ императрицѣ и кланялись ей, а танцующіе стояли такъ, чтобы не обращаться къ ней спиною. Блестящій былъ праздникъ. Прежде и послѣ того случалось мнѣ видѣть издали и на улицахъ государыню, но такъ близко — никогда.

Въ то время главнокомандующимъ Москвы былъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, хорошій батюшкинъ знакомый; онъ давалъ для государыни праздникъ у себя въ домѣ, но батюшка и самъ не былъ, и насъ не отпустилъ на балъ: „Много и безъ насъ тамъ будетъ и познатнѣе, и поважнѣе". А ужъ куда какъ хотѣлось ѣхать! Не пришлось. Отчего батюшка не заблагоразсудилъ, мы объ этомъ какъ-то и не разсуждали: не угодно ему, вотъ и вся причина.

Д. Благово.

Бытъ и нравы.

ЖИЗНЬ РУССКИХЪ БАРЪ.

Знавши до сего русскихъ въ столицахъ или на улицахъ, теперь же начавши жить съ ними поближе и, что называется, въ ихъ домашнемъ быту, я многое увидалъ неожиданное и многое узналъ, чему бы никогда не повѣрилъ. Николай Михайловичъ Булгаковъ, его супруга Прасковья Михайловна, трое дѣтей и до 60-ти обоего пола челядинцевъ составляли въ настоящемъ видѣ русскій дворянскій домъ. Господинъ былъ за 40 лѣтъ, кротокъ, снисходителенъ, искателенъ, не корыстолюбивъ, хотя и не щедръ. Госпожа — подъ 40 лѣтъ, ласкательна сначала безъ мѣры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья, безстыдница и къ людямъ жестока. Дѣти, какъ избалованные барчата; сынъ Александръ 9 лѣтъ, истинный ососокъ; дочь Анна 15 лѣтъ, уже, что первое меня удивило, заглядывалась на мужчинъ; Аленушка 4-хъ лѣтъ съ рожкомъ во рту. Челядинцы, какъ и вездѣ, составляли домашній скотъ; одни приближенные, любимцы имѣли лучшее одѣяніе и содержаніе; другіе, назначенные работать руками и ногами, имѣли одно нужное, и то бережливо.

Госпожа управляла домомъ самовластно, или лучше самовольно. Управленіе сіе, во всѣхъ подробностяхъ, есть дѣло довольно любопытное, ибо тутъ непрестанно незнаніе сражается съ невѣжествомъ. Сколько меня сначала удивляло: „не дѣлай своего хорошаго, дѣлай мое худое“, — обыкновенный русскаго дворянства отвѣтъ на представленіе своего холопа! Хозяйство русской домоводки состоитъ все изъ самыхъ мелочей: на кухнѣ — масла, яицъ и другихъ припасовъ

ежедневно издерживается втрое болѣе надобнаго. и отъ неумѣнія повара употреблять, и отъ привычки воровать, чему ни одна хозяйка воспрепятствовать, кромѣ крику и побоевъ, надлежащимъ образомъ не можетъ: ибо ни одна не познакомлена съ кухонными работами. И смѣшно, и жалко было смотрѣть споръ незнающей госпожи съ невѣжею поваромъ. Сія кричитъ: „У тебя сегодня соусъ былъ совсѣмъ нехорошъ". „Нехорошъ. сударыня, да чѣмъ же?"—„Еще я бъ знала чѣмъ? Нехорошъ, скверенъ, тебѣ говорятъ; вотъ я тебя, каналью, научу".—„Воля ваша, сударыня, а я лучше не умѣю". „Еще ты смѣешь говорить! Развѣ даромъ за тебя деньги платили?"—„Большія, сударыня, деньги 15 руб; да тому же болѣе уже 30 лѣтъ; тогда и не слыхать было о такихъ кушаньяхъ, какихъ ты изволишь требовать".—„Разговорился. бестія!"—„Воля твоя, сударыня. вѣдь мнѣ скоро 60 лѣтъ; я же человѣкъ ломанный, пора бы отставить". „А вотъ я тебя отставлю, забудешь ты противъ барыни ротъ разѣвать". Счастливъ, когда таковыя бесѣды угрозами кончатся.

Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ не имѣть голоса противъ своихъ господъ, дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтными скотами, покорность коихъ посему дальше всякія вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ властелиновъ. Надобно быть допущену во внутренность домовъ дворянскихъ. и самому не быть по сему русскимъ, дабы видѣть всѣ своевольства ежедневно въ сихъ вертепахъ. Я началъ мое ознакомливаніе съ домами точно не въ худшемъ. и по совѣсти не могу сказать, чтобы я, гдѣ ни жилъ, видѣлъ тиранства. творимыя у Михаила Васильевича Матюнина и его сестрицъ; но съ чистосердечіемъ долженъ написать, что и въ семъ домѣ за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію госпожи, лилась кровь несчастныхъ. Помѣщенный въ главномъ корпусѣ дома такъ, что однѣ только узенькія сѣни отдѣляли меня отъ комнатъ хозяйки, я невольно долженъ быть видѣть или слышать экзекуціи. всегда отправляемыя въ сѣняхъ въ присутствіи госпожи.

Распространяться о проступкахъ нѣтъ надобности: всякъ знаетъ, что предъ господиномъ, что ступитъ, то провинился, и за все наказывается; важнѣйшими, однакожъ, всегда почитаются волокитство и домашняя кража. Крайнее удивленіе

возбуждается въ иностранцѣ истребленіемъ по дворянскимъ домамъ челядинцами посуды и другихъ вещей. Они все бьютъ, ломаютъ, теряютъ, будто на подрядъ; а глупые хозяева довольствуются однимъ лишь за то наказаніемъ.

Надзоръ за комнатными дѣвками есть первая заботливость госпожи. Малѣйшее сихъ несчастныхъ поползновеніе, даже ничего незначущая игра, никогда не прощается; яснѣе же доказанное преступное дѣяніе, кромѣ истязаній тѣлесныхъ, во всѣхъ благочестивыхъ домахъ наказывается выдачею несчастныя преступницы въ замужество за какого-нибудь урода. Сколько разъ я бывалъ заступникомъ, ходатаемъ за таковыхъ несчастныхъ, и всегда почти безуспѣшно, ибо у благочестивыхъ барынь сей проступокъ безъ помилованія.

Кража домашняя, особенно господскаго и бездѣльнаго, розыскивается, взыскивается и наказывается со всею жестокостью; но украденное на сторонѣ всегда почти укрывается.

Первый годъ моего житья съ русскими для меня былъ весьма тяжелъ, ибо сколько уже ни испорченъ я былъ въ моей нравственности, но обхожденія и всѣ пріемы русскихъ заставляли меня, особенно мою бѣдную Лорхенъ, много переносить непріятностей. Въ русскомъ домашнемъ съ посторонними обхожденіи множество встрѣчается мелочей по скупости, или по глупости, которыя щекотливаго человѣка ежедневно станутъ выводить изъ терпѣнія. Не живавшій съ русскими ослѣпится первыми ихъ пріемами и ласковостями; но не пройдетъ двухъ недѣль, и все сіе воспріиметъ совершенно иной видъ. Скоро предупрежденіе замѣнится упорнѣйшимъ невниманіемъ, ласки угрюмостью, угожденія отказами и пр. Челядинцы съ первыхъ дней начинаютъ творить всевозможныя пакости. Они въ каждомъ домѣ, составляя для своихъ выгодъ братство, всякаго посторонняго опасаются и потому стараются ему всегда досаждать. Пріобрѣсть же ихъ приверженность почти ничѣмъ нельзя, ибо сколько они ни корыстолюбивы, но вѣроломны еще болѣе...

Г. Винскій.

МОДНЫЙ СВѢТЪ.

Модный московскій свѣтъ, на ряду съ петербургскимъ, размежевался на два отдѣленія: въ одномъ отличались англоманы, въ другомъ галломаны. Въ Петербургѣ было болѣе англомановъ, то-есть любителей повѣрій англійскихъ; въ Москвѣ было болѣе галломановъ. Въ модныхъ домахъ появились будуары, диваны, и съ ними начались истерики, мигрени, спазмы и т. д.

Изъ обветшалой Франціи XVIII столѣтія нахлынуло къ намъ волокитство, вмѣстѣ съ Доратами, Парни и такъ называемой любезностью петиметровъ.

Какъ будто бы для сбереженія своихъ сердецъ, щеголихи большого свѣта надѣли золотыя цѣпи. Это однакоже была не парижская мода, а своя—московская. Въ утренніе разъѣзды и на обѣды ѣздили съ гайдуками, скороходами, на быстрыхъ четверняхъ и шестерныхъ.

Вечеромъ—домашніе театры, гдѣ большею частію играли французскія комедіи, балы и маскарады, по воскресеньямъ и въ праздничные дни подъ Донскимъ были кулачныя схватки, пляски, хоры пѣсельниковъ и санный бѣгъ. Въ честь побѣдителя раздавались рукоплесканія. По ночамъ кипѣлъ банкъ. Тогда уже ломбарды болѣе и болѣе затѣснялись закладомъ крестьянскихъ душъ. Быстры, внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію. И у насъ въ большомъ свѣтѣ завелись мѣнялы. Днемъ разъѣзжали они въ каретахъ по домамъ съ корзинками, наполненными разными бездѣлками, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнные каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ счастливцевъ, которые проигрывали свое имѣніе и выманивали у нихъ почетное подаяніе.

Одинъ изъ новыхъ англійскихъ писателей представляетъ роскошь въ блестящемъ головномъ уборѣ, въ пышной одеждѣ, а подъ нею голыя, изможденныя ноги, около которыхъ съ одной стороны уцѣпилась женщина, а съ другой глупость. Но этого не замѣчали въ 1795 году. Москва пировала въ полномъ разгулѣ жизни веселой. Въ заграничномъ европейскомъ мірѣ гремѣло оружіе республиканскихъ легіо-

новъ и на поляхъ Италіи, и на берегахъ Рейна, а въ предѣлахъ древней Батавіи развѣвались знамена трехцвѣтныя; но для насъ все это было на краю какого-то другого свѣта...

С. Глинка.

ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГСКАГО ВЫСШАГО ОБЩЕСТВА.

Петербургъ. 11-го мая 1796 года. Я не писала вамъ нѣсколько почтъ, но, по правдѣ сказать, голова кружится отъ здѣшняго образа жизни; это очень утомительно, но за то очень весело, и хоть я очень жалѣю быть въ разлукѣ съ тѣми, которыхъ я обожаю, но должна сознаться, что мнѣ здѣсь очень пріятно; здѣсь все такъ оживлено, удовольствія очень разнообразны, всякій день что-нибудь новое; на этой недѣлѣ я участвовала въ прелестной кавалькадѣ; мы завтракали у княгини Долгорукой, а оттуда проскакали черезъ весь городъ въ Екатерингофъ; каждый изъ насъ привезъ какое-нибудь кушанье, и образовался прекрасный обѣдъ; насъ было 25 персонъ; изъ мущинъ всѣ иностранные министры; много поляковъ и князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ, и такъ какъ я была изъ самыхъ храбрыхъ, то мы съ нимъ галопировали на славу.

Въ среду былъ маскированный балъ у графа Безбородко; этотъ праздникъ былъ прелестенъ и съ роскошью; великіе князья были, и я тамъ познакомилась съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; я танцовала съ нимъ контръ-дансъ, который продолжался цѣлый часъ; третьяго дня былъ балъ въ Таврическомъ дворцѣ, я была туда приглашена; балъ былъ прелестенъ. Императрица пришла въ садъ и заставила всѣхъ танцовать на травѣ; потомъ ужинали у великаго князя Александра Павловича и танцовали до двухъ часовъ ночи. Императрица подошла ко мнѣ и сказала, что я, вѣроятно, воображаю, что я въ Кременчугѣ, въ 1787 году.[1]) Сегодня она обѣдала у оберъ-шталмейстера Нарышкина; мой мужъ также тамъ обѣдалъ; говорятъ, у Нарышкина будетъ балъ, но я не знаю, кто будетъ танцовать, потому что онъ не пригласилъ ни замужнихъ, ни дѣвицъ танцующихъ, даже не всѣхъ фрейлинъ. Поговариваютъ, что послѣ завтра пере-

[1]) Княгиня была въ Кременчугѣ во время пріѣзда туда императрицы

ѣзжаютъ въ Царское Село; мой мужъ отправляется туда, но не желаетъ, чтобы я переѣхала, пока не прикажетъ это императрица. Я нахожу, что онъ правъ, и мнѣ пріятнѣе отправиться туда, куда мнѣ прикажутъ, а не соваться самой. Наконецъ, мы видѣли представленіе знаменитой оперы „Камилла“, въ которой княгиня Долгорукая прекрасно исполняетъ первую роль: музыка прелестная, сочиненная нарочно г. Мартини для лицъ, не имѣющихъ голоса. Эта пьеса слишкомъ раздирательна для домашняго спектакля; сюжетъ истинный, взятъ изъ писемъ о воспитаніи г-жи Жанлисъ, гдѣ она разсказываетъ исторію герцогини С., которая была заперта въ подземельѣ ревнивымъ мужемъ. Все было превосходно въ пьесѣ, прелестныя декораціи и un ensemble étonnant.

Присутствовало 300 человѣкъ зрителей. Былъ графъ Шереметевъ. Вы не можете себѣ представить, мой дорогой князь, какая разница графъ Шереметевъ въ Москвѣ или здѣсь; вообразите, что опера продолжалась четыре часа, и графъ стоялъ въ дверяхъ при входѣ въ партеръ, его безпрестанно толкали проходящіе, а молодые люди и не думали уступить ему мѣстечка; никто не скажетъ, что это тотъ же Шереметевъ. Недавно у посланника я не находила стула. Шереметевъ поспѣшилъ достать и принесъ самъ; онъ здѣсь такъ ничтоженъ, что непонятно, отчего Петербургъ онъ предпочитаетъ Москвѣ. У насъ здѣсь теперь есть прекрасная итальянская опера, и это очень прибавляетъ удовольствія къ здѣшней жизни; французскій театръ здѣсь порядочный. Сегодня я пожертвовала итальянскимъ спектаклемъ, чтобы имѣть честь писать вамъ.

Петербургъ. 23 октября 1796 г.... Признаюсь, дорогой мой князь, что жизнь въ Москвѣ для меня привлекательна, имѣя тамъ много друзей, но, признаюсь, здѣшній образъ жизни мнѣ болѣе нравится, говорю искренно, и если бы сказала другое, то это была бы неправда. Здѣшній образъ жизни простой и нестѣснительный, безъ малѣйшаго этикета, долженъ понравиться всякому; утро и день можно проводить какъ угодно и выѣзжать въ 9 часовъ вечера, и вездѣ вы найдете собравшееся общество, всѣ дома открыты и если наѣдетъ гостей съ 30, не прибавляютъ лишняго кушанья, такъ что, принимая много гостей, расходы не велики; затѣмъ

балы, спектакли въ Эрмитажѣ очень веселые, балы у великаго князя и изрѣдка у частныхъ лицъ, и то по какому-нибудь особенному случаю. Общество не велико, но единодушно, такъ что видятся чаще все тѣ же лица. Вообще, эта жизнь мнѣ нравится: затѣмъ здѣсь удобнѣе дать образованіе дѣтямъ, чѣмъ въ Москвѣ, учителей всякаго рода не оберешься, это заставляетъ меня также любить Петербургъ. Дочь моя начинаетъ уже брать уроки. учится на клавесинѣ, и учителя въ восхищеніи отъ ея успѣховъ, у ней есть отличный учитель чистописанія. а зимою Lasantini или Rosetti будутъ учить ее танцовать. Учителей живописи найдете здѣсь сколько душѣ угодно; однимъ словомъ, здѣсь можно имѣть всѣ средства для усовершенствованія образованія; потомъ я должна признаться, что не могу равнодушно относиться къ петербургской жизни, при отличіи, которое мнѣ оказывается при дворѣ, и которое льститъ моему самолюбію; я никогда до сихъ поръ не была при дворѣ, никогда не просила ничего: безъ всякой протекціи, я пользуюсь тѣми же преимуществами. какъ дамы, которыя при дворѣ служатъ 10 или 15 лѣтъ. Вы согласитесь, добрѣйшій князь, невозможно, чтобы это мнѣ не нравилось... Въ прошедшую субботу. мадамъ le Brun начала писать мой портретъ; какъ только она кончитъ, я велю списать для васъ копію: я купила было для васъ 300 устрицъ. но ихъ не послали тотчасъ, а продержали пять сутокъ, такъ что онѣ всѣ испортились. Какъ начнутся морозы, я вамъ пришлю устрицъ съ нарочнымъ.

Вчера былъ эрмитажъ довольно многолюдный, вѣроятно. по случаю совершившагося третьяго дня совершеннолѣтія шведскаго короля; посмотримъ, чѣмъ насъ обрадуютъ оттуда? Должны скоро прислать предложеніе... Вчерашній эрмитажъ исключительно состоялъ изъ поляковъ и полячекъ: ихъ здѣсь множество; вчера одинъ Потоцкій былъ пожалованъ въ камергеры, а другой—въ камеръ-юнкеры: я видѣла въ этомъ эрмитажѣ графиню Орлову, но много дамъ. бывающихъ въ большіе эрмитажи, не были: Прасковья Васильевна Пушкина, ея дочь Щербатова и многіе другіе, какъ напримѣръ, все семейство оберъ-шталмейстера не было также. Послѣ бала былъ ужинъ, я уѣхала въ первой половинѣ ночи. Императрица еще оставалась и была очень весела; это всегда

хорошій знакъ. Говорятъ, пріѣхалъ курьеръ изъ Швеціи, вѣроятно, съ хорошими вѣстями. На будущей недѣлѣ начнутся балы у великаго князя Александра Павловича; нашъ великій князь не даетъ баловъ, онъ не любитъ ни танцы, ни музыку, ничего, кромѣ шалостей. Жаль, что онъ такой! какое удовольствіе состоять при немъ? Онъ характера буйнаго, необыкновенно измѣнчиваго, никого не любитъ, то со всѣми фамиліаренъ, то знать никого не хочетъ, ему бы надобно еще хорошаго гувернера... Жена его прелестная женщина, но несчастная жертва. Что касается до великаго князя Александра Павловича, онъ прелестенъ: характеръ ангельскій, учтивость, кротость и ровность въ характерѣ не измѣняются ни на минуту. Я не осмѣлилась бы написать все это по почтѣ, но письмо это доставитъ нарочный, посылаемый мною въ Михайловку...

Кн. Голицына.

ДОМЪ КН. ОДОЕВСКАГО.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однако же, вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу я обязанность принятаго мною званія разскащика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина: тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнивы, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но торопливы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденіе съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домомъ. Дѣйствительно, онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домѣ своемъ обычаи старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у Европейскихъ народовъ *).

*) Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Онъ былъ сухенькій старичекъ, но весьма живой и, какъ говорятъ французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ; а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставного камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ Екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; несмотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ русскій: не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домѣ его все понимало Русское барство, и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями, аристократіей и барствомъ, надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ шитьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко-знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Людовика XV и, въ качествѣ русскаго принца, былъ представленъ ко двору его. Такъ очарователенъ примѣръ старой грѣховодницы—Франціи, что добрый и честный князь завелъ свою мадамъ де-Помпадуръ.

Больная набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Это было ненужно: какъ въ гостиной, такъ и въ сердцѣ ея супруга, мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея призрѣнная. Но это еще не все; была въ одно и то же время и мадамъ Дюбарри. Видно, въ это время французскія гувернантки занимали вездѣ болѣе одной должности. Мамзель Дюбуа, которая воспитывала двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ... стыдно сказать, родилось сожалѣніе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница. Я не могу понять, какъ согласилась она играть второстепенную ролю, тогда какъ подлѣ дѣвицы Сабуровой казалась она, какъ пышный цвѣтъ подлѣ миніатюрнаго скелета; предпочтеніе же Аннѣ Васильевнѣ было очевидно.

Несмотря на эти княжескія прихоти, которыя и у насъ въ Россіи могли бы войти въ пословицу, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семъ домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного; но за то посѣтительницами онъ изобиловалъ. Большая часть изъ нихъ были такъ называемыя московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; однѣ старѣлись въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣтельницами отъ времени становились иногда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужнихъ старушекъ ихъ общества составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ онѣ были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно-праздная; въ домѣ онѣ кой-за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя комиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней гранъ-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но онѣ соблюдали ихъ съ точностью мелочною; онѣ знали всѣ храмовые праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, ими наполнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ безполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало, спросишь: кто онѣ такія? Скажутъ: такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лисаветы Ѳедоровны. Нельзя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разговоръ ихъ былъ невинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрезвычайно любили, осыпали ласками и, будучи сами престрашныя лакомки, и меня прикармливали вареньями и пастилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такого рода женщины, и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя,

хотя, впрочемъ, меня, свѣжаго мальчика, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевскаго благодарить мнѣ нечего: онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился. Когда послѣ воротился я въ Москву уже взрослымъ мальчикомъ, то не могъ быть принятъ въ его домѣ, гдѣ, видно, наблюдались всѣ строгія правила гаремовъ.

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгинѣ Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбуа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону г-жи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ Университетскомъ пансіонѣ; но французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славились его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбуа, прибавляя, что изъ рукъ г-жи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человѣкомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйствительно лучше отдать меня къ французамъ. Видно, на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія...

Ф. Вигель.

БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНІЕ.

Въ эту зиму видѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великороссійскихъ губерній стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ

храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожъ и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни. на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупою, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивой, но гдѣ можно было, однакожс, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидятъ они статсъдамъ съ портретами, фрейлинъ съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ. Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ разсказывать въ уѣздѣ! и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недосягаемою для нихъ высотою знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ никому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть, и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пищи въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собраніе существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ, два, по случаю пріѣзда царя, или другого какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, то зато ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто официальное; неявка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла бы почесться неуваженіемъ къ особѣ царя. А

никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ, и огромное состояніе, и живутъ соотвѣтственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ; другіе, при Павлѣ, или сами поспѣшили оставить службу, или были оставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и Андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еропкина, избавителя Москвы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генералъ-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галлерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ...

Ф. Вигель.

НРАВСТВЕННОСТЬ.

Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть; несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ нисшихъ какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читалися съ крайнею жадностію.

Нравы посему же начали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распуста становилась виднѣе...

Роскошь примѣтна была только у знатныхъ и богатыхъ людей; ибо другія состоянія, не познакомившись еще съ утонченностію сластолюбія,.. хотя сладко пили, ѣли, щегольски одѣвались, но сіе по тогдашнему времени не могло составлять

важныхъ издержекъ; щегольство же мебелями, экипажами, картинами и проч. было еще весьма рѣдко.

Корыстолюбіе, со всѣмъ своимъ племенемъ, единовременное, можетъ быть, всѣмъ человѣческимъ обществамъ, въ невѣжествующемъ народѣ, конечно, имѣло всю свою дѣятельность. Мы имѣли уже въ купеческомъ отдѣленіи своихъ Гарпагоновъ, Каржавиныхъ, Чечулиныхъ; въ подьяческомъ родѣ взяткобраловыхъ, которые, пробившись и въ высшія степени, не измѣняли своей крови. Таковы были: Терскіе, Ананьевскіе, Бѣльскіе; но самое взяткобрательство было въ тогдашнія времена весьма еще маловажно, какъ по цѣнѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ: ибо оно по большей части относилося къ тяжебнымъ дѣламъ, гдѣ одна сторона платила, дабы другую раззорить, или къ откупамъ, къ подрядамъ, къ поставкамъ и пр. и пр.; покупка же чиновъ, мѣстъ, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получалися и сіи не всѣми законно, но доставляло ихъ одно покровительство вельможей, которыхъ тогда еще не покупали, да и знакомство съ ними не для всѣхъ было удобовозможно...

Г. Винскій.

УЛИЧНЫЙ МАСКАРАДЪ И МАСЛЕНИЦА ВЪ МОСКВѢ.

Я нашелъ тогда всю публику московскую, занимающуюся разговорами о имѣющемъ быть вскорѣ уличномъ маскарадѣ. Какъ зрѣлище сіе было совсѣмъ новое, необыкновенное и никогда, не только въ Россіи, но и нигдѣ небывалое, то всѣ дожидались того съ великою нетерпѣливостію. Новой нашей императрицѣ угодно было позабавить себя и всю московскую публику симъ необыкновеннымъ и сколько, съ одной стороны, великолѣпнымъ, столь, съ другой стороны, весьма замысловатымъ и крайне пріятнымъ и забавнымъ зрѣлищемъ.

Маскарадъ сей имѣлъ собственною цѣлію своею осмѣяніе всѣхъ обыкновеннѣйшихъ между людьми пороковъ, а особливо мздоимныхъ судей, игроковъ, мотовъ, пьяницъ и распутныхъ и торжество надъ ними наукъ и добродѣтели: почему и названъ онъ былъ „торжествующею Минервою". И процессія была превеликая и предлинная: везены были многія и разнаго рода колесницы и повозки, отчасти

на огромныхъ саняхъ, отчасти на колесахъ, съ сидящими на нихъ многими и разнымъ образомъ одѣтыми и что-нибудь особое представляющими людьми, и поющими приличныя и для каждаго предмета нарочно сочиненныя сатирическія пѣсни. Предъ каждою такою раскрашенною, распещренною и раззолоченною повозкою, везомою множествомъ лошадей, шли особые хоры, гдѣ разнаго рода музыкантовъ, гдѣ разнообразно наряженныхъ людей, поющихъ громогласно другія веселыя и забавныя особаго рода стихотворенія; а индѣ шли преогромные исполины, а индѣ удивительные карлы. И все сіе распоряжено было такъ хорошо, украшено такъ великолѣпно и богато, и пѣсни и стихотворенія пѣты были такими пріятными голосами, что неинако, какъ съ крайнимъ удовольствіемъ на все то смотрѣть было можно.

Какъ шествіе всей этой удивительной процесіи простиралось изъ Нѣмецкой слободы по многимъ большимъ улицамъ, то стеченіе народа, желавшаго сіе видѣть, было превеликое. Всѣ тѣ улицы, по которымъ имѣла она свое шествіе, напичканы были безчисленнымъ множествомъ людей всякаго рода; и не только всѣ окны домовъ наполнены были зрителями благородными, но и всѣ промежутки между оными установлены были многими тысячами людей, стоявшихъ на сдѣланныхъ нарочно для того подлѣ домовъ и заборовъ подмосткахъ. Словомъ, вся Москва обратилась и собралась на край иной, гдѣ простиралось сіе маскарадное шествіе И всѣ такъ онымъ прельстились, что долгое время не могли сіе забавное зрѣлище позабыть; и пѣсни и голоса оныхъ такъ всѣмъ полюбились, что долгое время и нѣсколько лѣтъ сряду увеселялся ими народъ, заставливая вновь ихъ пѣть фабричныхъ, которые употреблены были въ помянутые хоры и научены пѣснямъ онымъ.

Мнѣ, при помощи родственника моего г. Бакѣева, удалось получить наилучшее мѣсто для смотрѣнія сего всенароднаго зрѣлища. Какъ онъ служилъ при полиціи, то не трудно ему было пріискать для всѣхъ своихъ знакомцевъ особый и покойный домъ, гдѣ компанія наша могла занять всѣ окны. Тутъ была наша княгиня, тутъ были его родные и нѣкоторые другіе. Но я такъ охотно хотѣлъ видѣть внятнѣе сіе необыкновенное зрѣлище, что не восхотѣлъ

смотрѣть въ окны изъ-за боярынь, а желая имѣть болѣе простора, сошелъ внизъ на дворъ и, выбравъ себѣ любое мѣсто на сдѣланномъ подлѣ забора помостѣ, смотрѣлъ оное на свободѣ оттуда. А какъ по счастію случилась на тотъ разъ и погода самая умная, то-есть сѣрая, тихая и умѣренная, и не было ни тепло, ни холодно слишкомъ, то и было мнѣ смотрѣть очень хорошо.

Кромѣ сего, помянутый родственникъ мой, у котораго въ домѣ я въ сіе время почти всякій день бывалъ, доставилъ мнѣ и другое, и для меня особенное удовольствіе, а именно, свозилъ меня съ собою въ придворный театръ и далъ случай видѣть придворными актерами самую ту трагедію представляемую, которая мнѣ была почти вся наизусть знакома: а именно, „Хорева". Театръ сей былъ тогда еще деревянный и построенный на полѣ, неподалеку отъ Головинскаго дворца, и набитъ былъ въ сей разъ такимъ множествомъ народа, что мы насилу могли съ нимъ выгадать себѣ мѣстечко въ партерахъ. И удовольствіе, которое я имѣлъ при смотрѣніи, было неописанное, а не менѣе увеселяла слухъ мой и придворная музыка.

Впрочемъ, какъ тогда въ Москвѣ не было еще такихъ публичныхъ маскарадовъ и съѣздовъ, какіе введены въ обыкновеніе послѣ, а особливо по построеніи большого каменнаго московскаго петровскаго театра, а всѣ таковые были и маскарады даваны были только при дворѣ во дворцѣ Головинскомъ, а туда не всѣмъ можно было имѣть входъ, а мѣста мало было и для однихъ знатныхъ; то въ сихъ и не могли мы имѣть ни малѣйшаго соучастія, а довольствовались уже своими приватными съѣздами и вечеринками, а днемъ--катаніемъ и ѣздою въ саняхъ по всѣмъ лучшимъ улицамъ и къ горамъ, на которыхъ народъ веселился катаньемъ.

Въ сихъ безпрерывныхъ увеселеніяхъ препроводилъ я всю тогдашнюю масляницу. Я стоялъ на прежней своей квартирѣ, и не выпрягалъ почти лошадей за ежедневнымъ разъѣзжаніемъ по гостямъ. Во всѣхъ знакомыхъ мнѣ домахъ бывалъ я по нѣскольку разъ, и не одинъ разъ получалъ случай кой гдѣ потанцовать, а особливо въ домѣ у княгини Долгоруковой, гдѣ бывали часто превеликія собранія, музыка и самые танцы...

А. Болотовъ.

Карусель послѣ смерти бывшаго императора Ивана Антоновича.

По пріѣздѣ въ столицу Александръ Ильичъ засталъ оную и весь дворъ занимающимися пріуготовленіями къ пышной карусели, по повелѣнію императрицы, назначенной на 11-го іюля 1766 года съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ въ дѣйствіе произведенной. На четыре кадриля раздѣленные, въ римскихъ, турецкихъ, индѣйскихъ и славянскихъ одѣяніяхъ, болѣе величественныхъ видомъ, красотою и ловкостію нежели покрывающими ихъ драгоцѣнными каменьями, отличающіеся дамы и кавалеры сраженіями и турнирами вспоминали времена древняго рыцарства. Александръ Ильичъ находился въ числѣ выбранныхъ судей; первый изъ нихъ, озаренный кроткими лучами непоколебимой твердости души въ превратномъ щастіи, покрытый лаврами прошедшихъ побѣдъ (по словамъ Фридриха II „россійскій принцъ Евгеній“), старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, Бургардъ графъ Минихъ стоялъ на возвышеніи въ центрѣ амфитеатра; по окончаніи рыцарскихъ игръ, сказалъ на французскомъ языкѣ краткую рѣчь и заключилъ оную сими словами: „Я, посѣдѣвшій подъ шлемомъ старый воинъ, служащій 65 лѣтъ, имѣвшій щастіе предводительствовать россійское воинство къ побѣдамъ, почитаю сію минуту драгоцѣннѣйшею наградою за труды мои, и горжусь, благородные дамы и кавалеры! будучи нынѣ не только свидѣтелемъ, но и судьею вашихъ блистательныхъ подвиговъ“. Сказавъ сіе, вручилъ первый призъ графинѣ Чернышевой и просилъ ее раздать прочіе.

Императрица, какъ видно, назначила сіи великолѣпныя игры въ намѣреніи нѣсколько отвлечь всеобщее вниманіе отъ неудовольствія и впечатлѣній, произведенныхъ несчастною участью и бѣдственною кончиною бывшаго императора Івана Антоновича и казнью Мировича и его сообщниковъ... *)

А. Бибиковъ.

*) Іоаннъ, сынъ принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Бевернскаго и принцессы Анны Леопольдовны Мекленбургъ-Шверинской, род. 12 авг. 1740; по завѣщанію Анны Іоанновны 17 окт. того же года объявленъ императоромъ, а 24 нояб. 1741 арестованъ вмѣстѣ съ своими родителями, съ которыми и заключенъ сперва въ рижскую, потомъ въ динаминдскую крѣпости, потомъ

КУЛАЧНЫЙ БОЙ КРѢПОСТНЫХЪ ОРЛОВА.

Мы отправились въ манежъ, гдѣ уже застали толпу изъ трехсотъ крестьянъ. Они раздѣлились при насъ на двѣ партіи, изъ нихъ каждая выбрала себѣ распорядителя, который называлъ бойцовъ и ставилъ ихъ другъ противъ друга. Въ бою участвовало всегда не болѣе одной пары. На рукахъ бойцовъ были рукавицы изъ такой жесткой кожи, что они съ трудомъ сжимали кулакъ: многіе били прямо ладонью. Бойцы выдвигали впередъ лѣвую сторону тѣла, и размахивая правой рукой, которую держали нѣсколько наотлетъ, лѣвой отбивались отъ противника. Они никогда не наносили ударовъ прямо, а большею частью кругообразно и били только въ лицо и голову... Если которому нибудь бойцу удавалось повалить своего противника на землю, то его немедленно провозглашали побѣдителемъ; затѣмъ выступала другая пара. Мы видѣли до двадцати подобныхъ свалокъ. Нѣкоторые изъ бойцовъ отличались большой силой; но они не могли сдѣлать особеннаго вреда, благодаря самому способу драки; здѣсь не бываетъ тѣхъ переломовъ и ушибовъ, какими часто сопровождаются кулачные бои въ Англіи. Обѣ партіи принимали живое участіе въ успѣхѣ своихъ бойцовъ и нѣсколько разъ порывались вступиться за нихъ; но гр. Орловъ, при малѣйшемъ поползновеніи къ спору или дракѣ, останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ или жестомъ. Гр. Орловъ хотѣлъ было удалиться и этимъ положить конецъ зрѣлищу, но участники боя стали униженно просить его еще нѣкоторое время удостоить ихъ своимъ присутствіемъ. Получивъ согласіе, они поклонились графу до земли и казались такими довольными, какъ будто мъ оказана была величайшая милость...

Коксъ.

разлученъ съ ними и посаженъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ умерщвленъ 5 іюля 1764, по случаю попытки подпоручика Мировича возвратить ему свободу и престолъ. Въ 1756 г. Иванъ Антоновичъ былъ привезенъ въ Петербургъ гр. П. И. Шуваловымъ для удовлетворенія любопытства Елисаветы Петровны; а въ 1762 г. его посѣщалъ Петръ III-й.

ПРИЧУДЫ БАРИНА.

Онъ (Мелессино) былъ прекрасный и весьма обязательный человѣкъ. Онъ долго жилъ въ Турціи, и его домъ былъ образцомъ не только роскоши, но и восточнаго комфорта. У него была устроена баня, освѣщаемая сверху; по срединѣ ея находился бассейнъ такой обширный, что могъ вмѣстить до двѣнадцати человѣкъ разомъ; въ воду спускались по нѣсколькимъ ступенькамъ; бѣлье для вытиранія послѣ ванны развѣшивалось на позолоченной рѣшоткѣ, которая окружала этотъ бассейнъ, и состояло изъ большихъ кусковъ индѣйской кисеи, затканной по борту шелковыми цвѣтами и золотомъ; эта вышивка придавала тонкой ткани на столько тяжести, что она плотно облегала вокругъ тѣла. Кругомъ всей этой комнаты тянулись широкіе диваны для отдохновенія послѣ купанья; а одна изъ дверей этой бани вела въ прелестный будуаръ, окна котораго выходили въ цвѣтникъ. Здѣсь однажды Мелессино угощалъ насъ завтракомъ изъ фруктъ, простокваши и отличаго кофе-мокка. Въ другой разъ онъ пригласилъ насъ къ изысканному обѣду, который подавался въ великолѣпной турецкой палаткѣ, вывезенной имъ изъ походовъ; ее раски- а цвѣтущей лужайкѣ передъ самымъ домомъ. Насъ обѣдало двѣнадцать человѣкъ; вмѣсто стульевъ, мы сидѣли на роскошныхъ диванахъ, расположенныхъ вокругъ стола; за десертомъ подавались во множествѣ превосходные фрукты, а самый обѣдъ былъ въ азіатскомъ вкусѣ. Любезность, съ которою генералъ принималъ своихъ гостей, еще болѣе увеличивала пріятность его гостепріимства, и я только одного желала, чтобы стрѣльба изъ пушекъ въ тотъ моментъ, когда мы садились за столъ, происходила не такъ близко отъ насъ, но мнѣ сказали, что таковъ здѣсь обычай военныхъ генераловъ.

Виже Лебренъ.

АКРОБАТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Объявленіе. Пріѣхавшая сюда изъ Санктпетербурга Италіанская компанія, а наипаче Госпожа Камера, родомъ изъ Малты, будетъ здѣсь показывать превосходную свою силу слѣдующимъ образомъ:

1) Становятся на тѣло ея столько человѣкъ, сколько помѣститься могутъ.

2) Кладутъ наковальню ей на грудь и куютъ.

3) Взявъ наковальню своими волосами, ходитъ съ оною по театру къ великому удивленію зрителей.

4) Кладутъ ей на грудь большую водою наполненную бочку, которую восемь человѣкъ съ трудомъ поднять могутъ.

5) Человѣкъ, вскочивъ на бочку, дѣлаетъ фигуры.

6) Она лежа беретъ рюмку съ виномъ и пьетъ за здравіе всей компаніи.

7) Большую тяжелую бочку сбрасываетъ съ себя двумя пальцами.

8) Мальчикъ осьми лѣтъ будетъ корпусомъ своимъ такія движенія дѣлать, которыя здѣсь еще никогда невиданы.

9) Дѣвочка шести лѣтъ свое жъ искусство къ удивленію всѣхъ зрителей покажетъ.

10) Наконецъ мать сихъ дѣтей разные балансы на двухъ стульяхъ дѣлать будетъ: она, на примѣръ, загнувъ назадъ голову, поднимаетъ монету ртомъ, а бровью булавку, и пьетъ во время сего баланса рюмку вина или пива къ удивленію каждаго: также покажетъ она разныя штучки на верьхушкѣ стула, ставитъ себѣ двѣ шпаги на горло, и поднимаетъ, загнувъ же голову, монету съ полу.

11) По окончаніи всего сего Гарлекинъ свои искусства показывать будетъ.

12) Балансиръ будетъ дѣлать сто шестьдесятъ штукъ въ разные дни на проволокѣ.

Сіи искусства не только при всѣхъ почти Европейскихъ Дворахъ, но и въ Санктпетербургѣ въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, показываны были.

Все вышеписанное видѣть можно въ домѣ господина Генералъ-Поручика Алексѣя Андреевича Свиридова, состоящемъ между Арбатскими и Пречистенскими воротами, въ приходѣ церкви Аѳанасія и Кириллы, что на Сивцевомъ вражкѣ, ежедневно по полудни съ начала шестаго до осьмаго часа: въ первомъ мѣстѣ плачено будетъ по 1 рублю, во второмъ по 50 копѣекъ.

Билеты можно получать съ десятаго до перваго часа предъ полуднемъ.

(„Московскія Вѣдомости“, 1772 г. № 101).

ДОМАШНІЙ КОНЦЕРТЪ.

(Моска Генварь, 1789 г.) 27 число въ субботу. Поутру для некоторыхъ надобностей поехали мы въ ряды. Любовь Андр. отъехала отъ насъ. Я, исправивъ кое что нужное въ рядахъ, и возвратился уже домой къ обеду; тутъ нашелъ Астафьева. У насъ начинаются чесаніи и приготовленіи къ концерту Бибикова.—Пріезжаютъ къ намъ Ив. Ник. Ильинъ съ Алекс. Герасим. и у насъ обедаютъ. Мы после того спешимъ скорее изготавливатся ехать въ назначенное место. Одѣваемся и едимъ трое: т. е. сестра съ мужемъ и я къ Бибикову.—Мы пріезжаемъ туда еще очень рано. Гостей никаво нетъ. Катерина Александровна насъ принимаетъ черезъ несколко времени, потомъ выходитъ и Гаврила Ильичь. Я рекомендую ему себя. Онъ разговариваетъ съ нами ласково и являетъ изъ себя великаго политика. При началѣ вечера начинается и концертъ; пріезжаютъ мало по малу гости, и количество ихъ делается велико; между ими было несколько и генераловъ, какъ то Матв. Вас. Муромцовъ со всей фамиліей и П. Ник. Кожинъ, и еще кой кто, весма многія гости, Толстая также, тутъ и я былъ ей отъ своихъ рекомендованъ.—Концертъ продолжается,—редко можно слышать таковъ;—все, что имѣетъ музыка искуснаго, совершеннаго и восхитительнаго, то все можно было найтить и въ семъ случаѣ. Можно приписать Бибикову похвалу, что онъ весма настоить (?) въ усовершенствованіи своей огромной музыки. Сначала играли различныя симфоніи, и концерты, съ солами различныхъ инструментовъ; девка, а особливо мальчикъ, поющій чрезвычайно со всемъ оркестромъ при акомпанированіи некотораго итальянца, составили собою редко слышимый концертъ; после того играли различные штуки какъ то: Гейдновы концерты и пр.; наконецъ, славный музыкантъ Фееръ оказывалъ свое искуство въ плеелевыхъ квартетахъ. Все сіе слушано было присудствующими съ великими аплодированіями и весма достойно. Бибиковъ разумѣлъ во мнѣ музыканта, при многихъ случаяхъ относился ко мнѣ, желая слышать отъ меня похвалы его музыкѣ, что я и исполнилъ съ великою охотою.—Когда выведенъ былъ оркестръ, то играли концерты на клавикордахъ съ Фееровымъ акомпанированіемъ, а потомъ

следовали всѣ къ тихо приготовленному ужину который также данъ былъ весьма великолепно. - После ужина всѣ гости пробыли еще несколько времени тутъ и потомъ разъехались; мы были въ числѣ сихъ последнихъ.

П. Болотовъ. *)

ПОСѢЩЕНІЕ ПРОВИНЦІАЛАМИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ.

(Генварь, 1789 г.) 30 число во вторникъ. По положенному вчера намеренію наши собираются ехать въ назначенное место. Петръ Герас., имея некоторыя нужныя надобности, отказывается отъ сей поездки и предоставляетъ сіе препровожденіе сестры мне, и, чтобъ ехать туда вместе съ нею, что я и безъ того хотелъ сделать; и такъ чешимся, одеваемся и спешимъ мы съ ней, чтобъ пріехать туда въ назначенное время, въ 11 часу пріезжаемъ мы въ Кремль, и къ Грановитой палате; осведомляемся, не пріѣхала ли генералша Толстая, но она не пріѣзжала и мы мерзнемъ въ каретѣ; спасибо человеку, которой сказалъ намъ, что лутче бы иттить въ церковь къ Спасу за Золотую решотку, которая была теплая, и гдѣ некоторые дожидались того же, чего и мы. Мы послушались его совету, и туда идемъ; тутъ находимъ какую то Г. Орлову съ многими иностран:—какъ тутъ было гораздо теплее, то и решились мы съ лутчимъ терпеніемъ дожидатся. Наконецъ, пріезжаетъ наша Толстая съ дочерью и съ штатомъ девушекъ и фаворитокъ своихъ. Теперь надлежало еще дожидатся Петра Ник. Кожина, главнаго при оружейной. Въ семъ ожиданіи еще препровождали долгое время, незнавъ того, что Кожинъ не будетъ, а дожидается въ конторѣ Толстой. Какъ скоро тамъ узнали, что Г. Толстая давно уже дожидается, тотчасъ пришли некоторые судьи съ прислужниками для отопренія намъ палатъ, хранящихъ сіи царскіе сокровища.—Когда мы вошли въ оныя, то при первомъ взглядѣ уже награждены были доволно, а при далнемъ разсматриваніи удовольствованы совершенно, за наше долгое ожиданіе. Мы удовольствовали тутъ весма свое любопытство и видели такія редкости, кои редко и по случаю можно было

---

*) Сынъ извѣстнаго автора многотомныхъ „Записокъ" А. Т. Болотова. *(Сост.)*

толко видеть, то были: всѣ платьи нашихъ старыхъ и новыхъ государынь, служившимъ имъ нарядомъ при коронованіи, или при торжественномъ убранствѣ, всѣ короны, шапки, скипетры, державы, сосуды, мебели и всякія украшенія древнихъ нашихъ царей, богато убранныя множествомъ наидрагоценнѣйшихъ камней, всѣ присланныя нашимъ царямъ и государямъ отъ другихъ иностранныхъ разныя редкости, и украшенія, высокой драгоценной цены и работы.—Словомъ тутъ можно было все найтить, что толко есть достопамятнаго, изъ древностей царскихъ, и все служившихъ имъ великимъ украшеніемъ. Всѣ эти вещи разположены были въ несколькихъ палатахъ съ хорошимъ порядкомъ, и съ великимъ убранствомъ, такъ что всѣ вдругъ видимы были въ весма великолепномъ блескѣ.—Количество же и множество ихъ такъ было велико, что не было способу всѣ вдругъ ихъ пересмотрѣть, а особливо желая о всякой вещи какое нибудь изъясненіе. А чрезмерная стужа побуждала сокращать скорей разсматриваніе для окостеневшихъ почти всехъ членовъ. Однако любопытному человеку и при семъ случаѣ не такъ помешательство сіе чувствительно, и самъ бы я, несмотря на великій морозъ, согласился долее пробыть для разсматриванія сихъ достопаметныхъ древностей царскихъ.—А летомъ бы кажется отсюда не вышелъ бы, не получивъ обо всемъ подробнѣйшаго изъясненія.—И такъ осмотрѣвъ и удовольствовавъ свое любопытство почти въ сколзъ съ сожаленіемъ оставляемъ мы сіи великолепныя чертоги, очаровавшія зрѣніе наше. Барыни наши въ прахъ перезябли. Аграф. Ильинишна и Лиз. Андр. идутъ греться въ контору, а насъ протчихъ отпускаютъ далее смотреть оружейную.—Подъ симъ имянемъ разумелись еще въ отдаленіи лежащія 3 болшихъ палаты, изъ коихъ въ одной въ хорошемъ порядкѣ хранились всѣ старинныя вооруженія: панцыри, латы, въ другой: ружьи и разныя военныя снаряды нашихъ древнихъ царей, а въ третьей—всѣ конскія уборы, какъ то седлы, узды, богато украшенныя чепраки и попоны. — Что все неменее было достойно любопытства, какъ прежнее, и можно было найтить множество редкостей, и достойныхъ замечанія. Итакъ, разсмотревъ все сіе почти въ сколзъ, то иначе надобно бы препроводить целой месяцъ, разсматривая всѣ сіи вещи особо, возврати-

лись мы къ своимъ, греющимся въ контору. Обогревшись тутъ несколько и поблагодаривъ судей, поехали мы всѣ по согласію обедать къ Аграфенѣ Ильинишнѣ. Сіе было уже поздно, и мы отобедали въ 4 часа пополудни. Черезъ несколько времяни потомъ поехали мы съ сестрой домой. Заезжали на Покровкѣ къ мадамѣ.

П. Болотовъ.

СВАДЬБА ПРОВИНЦІАЛОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Февраль, 1789 г.) 8 числа въ четвергъ. День назначенной намъ для великихъ безпокойствъ и великихъ разъѣздовъ. Ибо по должности шаферской надлежало намъ разьежжать севодни поутру по всемъ роднымъ Александра Герасим. съ билетами и звать къ нему на свадьбу. Надлежало встать рано, но мы проспали, однако поспешали скорее обѣдать, но билетовъ, съ коими надлежитъ ездить, еще нету. Купили, да не техъ. Карета наемная къ намъ еще непріехала. Досадно весма! Наконецъ, карета пріезжаетъ, мы одетыя совсемъ съ Петромъ Дмитр. Заежжаемъ на минуту къ Александру Герасим: Едимъ потомъ на Спаской мостъ. Покупаемъ тамъ билеты, подписываю на стуже, и, севши въ карету, едимъ съ ними съ начала, къ Гавриле Ильичу Бибикову,—отдавъ ему билеты. Едимъ къ Ник. Ив. Загрѣцкому. Отъ туда для своей известной надобности, то есть для денегъ еду къ Новикову; *) онъ заставляетъ дожидатся себя въ другой горнице; — я подождалъ несколько времяни и вышедъ уже изъ терпенія дожидатся долгое время и въ такомъ случаѣ, когда надобно было спешить объездить съ билетами всѣ назначенныя дома, оставляю намереніе мое до другого времяни и иду къ дожидающемуся меня въ каретѣ моему товарищу. Мы едимъ съ нимъ отсюда къ Егору Михайловичу Крюкову, тамъ никого не застаемъ. Пріежжаемъ за Калускія вороты къ Писаревымъ, но и тутъ никого не находимъ. Итакъ поехали уже мы къ Александру Гарас: — родныя его всѣ тутъ. Мы доносимъ о успехахъ своей езды. — Пообедать едимъ домой.—Тутъ находимъ сестеръ, Надежду Андреевну и Лю-

*) Извѣстный писатель и общественный дѣятель того времени. У старика Болотова были съ Новиковымъ различныя литературныя дѣла (*Сост.*)

бовь Андреевну. Радость при свиданіи великая.—После обеда мы, помедливши немного, съ Астафьевымъ едимъ опять, толко не съ билетами, а въ городъ. Моя же нужда главная была къ Новикову. Я пріезжаю къ нему, но мнѣ сказываютъ, что онъ спитъ и принужденымъ нахожусь не ждать его просыпанія. итакъ, заказавъ билеты свадебныя къ завтрему и искавъ случая заехать къ князю Волконскому, я туда еду, но и тутъ не застаю никого. Ив: Тим: съ Наст: Тимоф; ко мне выходятъ, но они одеваются, чтобъ ехать также со двора, и я не былъ у нихъ ни минуты времяни, а делаю еще покушеніе и еду опять къ Новикову. Но онъ еще все спитъ, и я еду отъ него безъ ничего. Заезжаемъ потомъ въ городъ и шатаемся тутъ для некотор: надобн:; до самыхъ сумерокъ после того возвращаемся поспешно домой.—Получили еще письмо отъ батюшки. Тутъ не находимъ мы уже своихъ, ибо они всѣ поехали уже къ Александрѣ Герасимовичу, гдѣ долженствовалъ быть севодни пріемъ приданаго.—Сестры Надежда и Любовь Андревны вместе съ Аленою Федоровн. также поехали домой. Мы немного мешкали и поехали къ жениху, тутъ была вся его родня, делались различныя приготовленія къ свадьбѣ; черезъ несколко времяни привезли церемоніално приданое и происходило вношеніе онаго въ комнаты; примечанія достойнаго было, что не успѣли на Нахттишъ поставить зеркала, какъ оное полетело на земь и въ дребезги разбилось.—Тутъ произошло у насъ еще одно приключеніе, а имянно: Г. Елагинъ, назначенной шаферомъ въ другой парѣ, и которой при пріеме приданаго находился уже сдесь, черезъ несколко времяни поскакалъ въ домъ къ невестѣ, и пересказалъ тамъ все, что сдесь произходитъ, а особливо глупое шуменье и крапотанье бабушки старушки въ разсужденіи слишкомъ ранаго подписанія рядной Александромъ Герасимовичемъ, такъ что для сего последняго оттуда нарочно пріезжалъ Алекс. Андр. Албычевъ, чтобъ уверить, что съ рядной ничего не было противнаго и предосудителнаго для Алекс. Гарас.—Сей случай и сія переметчивость нашего шафера такъ насъ огорчила и досадила, что положено было съ нимъ побранится и отъ шаферства отказать съ (въ?) предосторожность, но на место его надлежало сыскать другова, а другова никого не было.—вздумали мы позвать Никол. Але-

ксандр. Писарева. Онъ жилъ отсюда недалеко и такъ мы пошли къ нему. Его нетъ дома, онъ у Марковыхъ. Мы его вызываемъ. Просимъ его, но всѣ наши прозбы оставались тщетными, ибо онъ никакъ не соглашался. Мы упрашивали всеми силами Алексея Мих: но сей, заупрямившись, ни подъ какимъ видомъ не соглашался, ссылаясь на скорой свой отъездъ въ деревню.—Итакъ заботились мы о шаферахъ, и положили, что, ежели сей последнѣй непойдетъ, то звать Биркина—родственника Астафьевыхъ; мы тутъ ужинали.— Столъ и украшеніе его были преизящныя—все сіе вместе съ прислугою снабжено было отъ Федора Ив: Мансурова и что годилось бы хоть и не на такую свадбу.

9-е число въ пятницу. По утру я опять ездилъ въ городъ, или лутче сказать къ Новикову и сія моя поездка была уже по крайней мере уже не по пустому, ибо онъ, видя мои неописуемыя приступаніи, далъ мне, наконецъ, 200 р.—Я виделся тутъ съ Хрущовымъ. Заежжалъ на почту и послалъ писмо къ батюшке. Получивъ денги за должное, шолъ скорее возвратить долгъ Ридигеру и исполнилъ сіе съ благодарностію.—Я встрѣтился потомъ въ рядахъ съ Надеждой Андрезной — и она со мной поехала, чтобъ посмотреть ужо свадбы—виделся я тутъ съ Волынскимъ. Мы поехали потомъ домой.—После обеда при отдаваніи мною матушки денегъ встренулась она своей записной книжки, но ее не находитъ; начинаются у насъ исканіи по всемъ местамъ и хлопоты великія, но книжка не находится. Матушка симъ весма огорчается ибо въ оной было 175 р. денегъ, которыя П: Гарас: далъ ей на сохраненіе. Безпокойство, отъ ненахожденія оной увеличивается и, наконецъ, по долгомъ и тщетномъ исканіи мы не знали всѣ и не могли придумать, куда она девалась. Украсть кажется некому. Завалится также некуда и Единому Богу известно, куда она девалась.—Сгибла и пропала въ одну минуту. Между темъ произходятъ у насъ чесаніи и одеваніи, пріезжаетъ Ив: Тим: съ сестрою. Мы уговариваемъ его на свадбу. и онъ противъ чаянія своего на оную попадаетъ. И такъ изготовившись и убравшись совсемъ, мы съ Ив. Дмитр:, заехавъ напередъ къ Егору Мих: и разспросивъ обо всемъ нужномъ, поехали къ жениху. Петръ Астафьевъ давно уже тамъ былъ и колико удивлены мы были нашедъ тамъ и

Павла Елагина, которой былъ таки въ должности шафера. Онъ, получивъ великія укоризны и репремантъ отъ нашей старушки за вчерашнее, все сіе снесъ съ терпеніемъ и остался опять по прежнему шаферомъ, но еще более они съ Петромъ Астафьевымъ вздумали быть въ одной паре, и взять у насъ первенство, но я сего не захотѣлъ снести и переработалъ по своему хотенію, при разполаганіи должностей, всякъ тянулъ въ свою сторону, и по своему желанію и пошла у насъ несогласица, которую я прекратилъ темъ, что сказалъ Егору Михайловичу, что у насъ не будетъ никакова порядку, ежели онъ не учредитъ онаго и такъ онъ начальство въ ономъ возложилъ на меня и я тотчасъ взялся за росписаніе порядка, съ какимъ ужо разносить здоровьи. Между темъ все было готово. Прислано было сказать, что невеста готова къ отпущенію къ венцу. Женихъ же нашъ былъ еще не готовъ; наконецъ, покой былъ совсемъ убранъ и последовало отпусканіе его. съ нимъ вместе мы съ Елагинымъ поехали къ церкве, а другой паре велели ехать къ невесте. Пріехавъ въ церковь, нашли оную весма изобилно наполненную благородными. Первая намъ встреча была та, что бранили всѣ Елагина, для чего онъ будучи шаферомъ и ездивши давиче къ церкве, не могъ порядочно осмотреть, хорошо ли около церкви разчистили, ибо какъ теперь для опыта повезена была карета Хрущовыхъ въ вороты и мимо церкви, то оная осевши въ снегъ, изломана была лошадми въ дышлѣ и въ колесахъ — Сіе насъ потревожило несколко. Сделанъ былъ другой опытъ и удачно, а по пріезде кареты невестиной: и оная подвезена была къ папертѣ благополучно. Много мы имели весма хлопотъ въ приниманіи пріезжающихъ, ранжированіи каретъ и выбиваніи изъ церкви подлаго народа—и тутъ то мы узнали, что шаферская должность была прямо сабацкая. Однако, мы ее исправили весма порядочно и исправно. Передъ венчаніемъ встринулись вдругъ перстня женихова. Онъ его не находитъ, ищутъ, бегаютъ, но не тутъ то было, посылаютъ домой, но и тамъ нету. уже после венчанія по пріезде домой нашли его въ карманѣ, но часы серебренные вытащенные видно у жениха изъ кармана—такъ пропали безъ вести.— во время венчанія венецъ надъ женихомъ держалъ я съ Елагинымъ, а какъ окончили оное, то, выпроводивъ кой кого

изъ церкви, спешили мы сами скорее домой; тамъ было уже все готово къ принятiю за столъ невесты. Невеста встречена была музыкою, состоящею человекъ изъ 11; наша должность была принимать всехъ изъ кареты, а какъ сели за столъ, то черезъ несколко времяни потомъ разносить здоровьи—все сiе исправили мы съ великимъ порядкомъ и безъ всякаго замешательства. Съ невестиной стороны были отецъ посажен: Андр: Ив: Ильинъ, генералъ, и старичокъ Добринской, которой потомъ со мной рекомендовался и благодарилъ меня за батюшку. Мать посаженая Сокорева. Князья Гагарины съ женами, братья невестины и еще кой кто изъ ихъ родныхъ. Съ жениховой же стороны былъ противъ чаянiя отецъ посажен. Егоръ Мих: Крю:, а Бибиковъ для того не былъ, что былъ боленъ.—Еще Писаревы и наши Шишковы. После ужина подавали мы конфекты и проважали гостей. После чего мы уже сели за свой ужинъ.—Последовало обыкновенное раздеванiе невесты и проч.: после чего чтой то не слишкомъ было весело; впротчемъ же не очень намъ известно: проводивъ всехъ гостей, надлежало намъ помышляти о подписыванiи билетовъ, съ коими завтре намъ рано разьезжать надлежало. Тутъ Елагинъ опять захотелъ было одинъ захватить сiю работу, но Егоръ Михайловичь, бывшiй тутъ при всемъ хозяиномъ, предупредилъ его темъ, что билеты отдалъ мне, а потомъ я поехалъ къ нему и вместѣ учинили разписанiе, въ какiя дома и къ кому писать билеты, съ чемъ я возвратился домой. — Наши всѣ остававшiеся дома ездили смотреть свадбы—были во время венчанiя въ церквѣ,—а во время ужина изъ кареты передъ окнами смотрели и все до крошечки видели. Мы времянемъ носили даже къ нимъ туда кой что.—Надежда Андревна после того поехала домой,—а Настасья Тим: у насъ ночевать осталась. Мы возвратились домой, хотя уже и поздно, однако должны были приниматься за работу, то есть за подписыванiе билетовъ; ихъ число было 60; отправляли работу сiю мы трое. Петръ Астафьевъ, Ив. Тим: и я, покончили сiе не прежде 4 часа пополуночи—до сего же я взялъ еще предосторожность и на ночь напился декохта и слава Богу, что севоднишнiя хлопоты прошли мне здорово, ибо какъ несколко разъ должны мы были въ однихъ мундирахъ сажать да высаживать гостей изъ каретъ на стуже

или около церкви по колено въ снегу бегать и запотевши въ церкве выходить тотчасъ на стужу, то немудрено было, а особливо мне слабому, занемочь простудившись. Одьнако благодареніе Богу я остался здоровъ. На невесте севодни было более на 200 тысячь бриліантовъ, толко все чужія, ибо своихъ у нее не было ни единаго камушка. Итакъ легли мы очень поздно—...

10 числа въ субботу. Надлежало намъ вставать опять рано, одеватся и чесатся, чтобы поспевать объездить всехъ съ билетами. Мы исполняемъ сіе, чешимся, одеваемся и почти всѣ готовы. Лошади съ емщикомъ были наняты, и мы дожидались по данномъ обещаніи Елагину. Наконецъ, пріезжаетъ и онъ, но вдругъ какъ то нашъ извощикъ, увидя и узнавъ, что онъ нанятъ для шаферовъ, испужався многой езды и, ни сказавъ ни кому, выпрягаетъ изъ кареты лошадей и уезжаетъ со двора. Экая досада, что делать! посылаю, какъ можно скорее нанять другова, но мы уже готовы: Елагинъ тутъ, времяни уже почти 10 часовъ, следователно, пора давно уже ехать. Елагинъ подбиваетъ, что мне съ нимъ ехать въ его каретѣ и намъ объездить однимъ. Но мне не хотелось изменить данному слову Астафьеву, но, наконецъ, какъ лошади долго не ехали, то я для непропущенія времяни решился было уже ехать съ Елагинымъ; но къ удоволствію Астафьева приведены были другія лошади съ извощикомъ, и такъ я, отделивъ Елагину къ неудоволствію его такія дома, какія я хотелъ, съ протчими билетами поехалъ вместе съ Петромъ Дмитріевичемъ. Прежде всего были мы у старичка Андрея Иван: Ильина, но отдаемъ тутъ билеты и Албучеву, которой у него жилъ. Отсюда едимъ къ Ильинымъ, тутъ къ удивленію нашему находимъ нашихъ шаферовъ, и мы отдаемъ тутъ билеты всей Николая Ив: фамиліи и, видя, что ихъ сторонѣ хотелось учредить съ нами и своихъ шаферовъ, уежаемъ скоро и едимъ къ княгинямъ Гагаринымъ въ 2 дома, гдѣ отдаемъ также билеты, хотя и не было некоторыхъ дома. Всѣ сіи дома были вместе на Ордынкѣ, а теперь надлежало намъ ехать на Пречистенку къ Бибикову, куда пріехавъ, мы подождали несколко времени выхода генерала при подаваніи билетовъ и званіи его на балъ, онъ отрекся слабостію своего здоровья. Теперь, поехавъ отъ него, надлежало намъ искать дома Федора Ив: Мансурова, которой одолжилъ жениха на-

шего столовымъ приборомъ и услугою по долгомъ исканіи и по сделаніи даже некоторыхъ ошибокъ мы нашли, наконецъ. Тютчевъ домъ. где онъ стоялъ—сей богатый человекъ также отказались намъ своимъ нездоровьемъ, и мы отъ него поехали искать Сокорева, которой нескоро также нашедши, звали Ив: Яковлевича съ фамиліей, но слабость въ его здоровьи заставила и его отказатся, кроме его фамиліи—Итакъ отсюда едимъ уже мы за Калускія вороты къ Писаревымъ, но ихъ также не находимъ дома. после чего, заехавъ на минуту домой,—мы едимъ уже къ Александру Гарасим: тутъ еще нетъ никого и мы дожидались несколко времяни гостей, которыя, наконецъ, съезжаются; наши другія шафера не скоро возвратились и тогда уже, когда гости всѣ уже почти съехались. за обедомъ сидело севодни 24 человека, въ числѣ кой и я съ своимъ товарищамъ для разливанія чашъ. а другія двое разносили уже вины. Въ сіе время играла духовая музыка; после обеда. разнеся конфекты, поехалъ я съ сестрой домой. тамъ пробывъ несколко времени, съ Алабинымъ вместе поехали на балъ. и заезжали напередъ къ Елагину. Сестра же Лиз. Андр. пріехала туда съ Настасьей. Какъ мы пріехали, то части уже всѣ почти съехались и количество оныхъ было велико. Вместе съ вечеромъ начался и балъ и танцы; оные продолжались весь вечеръ. и было у насъ очень весело.—въ надлежащее время окончились танцы и началось сбираніе ужина. Мы какъ ни устали и не умаились отъ танцовъ, но надлежало намъ походить еще доволно около стола, подавая питіи здоровьевъ. Гостей такъ было много, что какъ встали изо стола, то оной весь опять наполнился неужинавшими еще гостями. а намъ и вовсе не удалось ужинать. ибо потребовали тотчасъ шаферовъ для раздаванія при провожаніи гостей конфектовъ; сіе продолжалось долгое время и весма скучно. Конфектами нашими пообгадилась вся наша свадба. ибо они были прегадкія и не стоили называтся конфектами.—Проводивъ всехъ гостей. поехали и мы домой безъ ужина и безъ конфектовъ, ибо сихъ последнихъ намъ и вовсе не досталось. Мы просидели еще несколко времяни, разговаривая кой о чемъ. Сестра Олга съ Настасьей Тим; ездили въ карете смотреть нашего бала въ окна — матушка чтой-то не могла.

П. Болотовъ.

ПОМѢЩИКИ ДОМА И ВЪ ГОРОДѢ.

Помѣщичья усадьба.

Вотъ описаніе моего владѣнія, помѣстья, вотчины, деревни или назови какъ хочешь.

Проѣхавъ нашъ бывшій окружной городокъ, открывается довольно просторное поле, которое по временамъ года то сѣрую единообразную представляетъ поверхность, то оную же, покрытую рѣдкою зеленостію, сквозь поблеклые остатки желтой жатвы просѣдающею. Тутъ видны на тощей пажити скитающіяся небольшія стада, поистинѣ скитающіяся, ибо пасутся черезъ цѣлый день отъ утренней зари до вечерней, едва ли не тощи возвращаются во домовище. Сія сѣрая поверхность поля, воздѣланная и утучненная, бродящему по ней, — представляетъ величественно распростертый коверъ, какой очамъ всесильнаго явила юная природа, на произведеніе любовію его воспаленная, и возрастая до совершенствованія сѣмени, зеленое быліе желтѣетъ. Зри: возставъ, духъ бури несется по поверхности нивъ, колеблетъ желтые злаки и оку очарованному океанъ представляетъ бѣлокурый, на коемъ зрѣніе тѣмъ паче услаждается, что зритъ тутъ исполнившуюся уже надежду воздѣлателя и совершившуюся благодать природы на его прокормленіе. Насталъ день жатвы. И ее при востеченіи деннаго свѣтила зрится въ селитьбахъ мирная тревога. Селяне оставляютъ дома свои и вышедъ, яко сильное ополченіе, изъ-за оградъ жилищъ своихъ распростираются по нивамъ своимъ, гдѣ согбенны до земли и въ потѣ лица своего подсѣкаютъ волнующуюся жатву, несутъ ее воедино и возводятъ изъ нея, да сохранится отъ стихій и непогоды сіи готическаго зодчества зданія, сіи заостренные конусы, скоро разрушиться долженствующіе на продолженіе житья нашего или воскошенные на утѣшеніе житейскихъ скорбей и печали. Уже радостные раздаются по нивамъ клики. Жители, паки собрашася въ вкупѣ возвращаются; торжественные гласы пѣсни побѣдили убо скупую, но ровно и милующую природу, и надежные въ прикормленіи своемъ

воспріемлють, возвратятся въ дома, птенцовъ своихъ на лоно свое. Блаженны, блаженны, если бы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чужую и самъ, самъ чуждъ есть, увы!

До распутія проѣхавъ полемъ симъ начинается межа нашего владѣнія и дорога спускается по пригорку и, подъѣхавъ къ опуску довольно крутому едва по мелкому камню текущей рѣчки, по лѣвую сторону виденъ пространный яблонный садъ плетнемъ огороженный; за нимъ высокая роща, нѣсколько хижинъ, покрытыхъ соломою, между коими видны остатки каменнаго дома, который даже въ развалинахъ своихъ ничего готическаго не представляетъ. Въ правую сторону отъ дороги за рѣчкою построена деревня, изъ 36 дворовъ состоящая. Прямо противъ двора, при въѣздѣ, стоятъ три березы, современницы моего дѣтства, кои напоминали мнѣ о беззаботливомъ началѣ житія человѣческаго и нерѣдко о горестномъ онаго окончаніи. Земля владѣнія моего вся отмежевана и состоитъ въ дачѣ, принадлежащей собственно къ селенію, и во многихъ пустошахъ—иныя рядомъ съ главною дачею, иныя отдѣленныя другими владѣніями и нѣкоторыя за пять и двѣнадцать верстъ отъ моего селенія. Первое неудобство въ порядочномъ землестроительствѣ.—Всѣ сіи земли не одному принадлежатъ въ собственность, но разнымъ и въ селеніи моемъ существуетъ чрезполосное владѣніе. Вторая преграда на устроеніе порядочнаго земледѣлія.—Всей земли моего владѣнія состоитъ около 1,400 десятинъ, въ томъ числѣ половина лѣсъ, кустарникъ, луга и земля неудобная. Крестьянъ мужеска и женска пола, то-есть всѣхъ поселянъ на землѣ моей живущихъ и отъ нея пропитаніе свое воспріемлющихъ 360. Итакъ на каждую душу, какъ то у насъ говорится, приходитъ пашенной земли едва ли по 2, а всей можетъ-быть по 4 десятины указанныхъ, то есть на каждыхъ 10,000 квадратныхъ саженъ живетъ человѣкъ, на квадратной верстѣ 25, или на квадратной милѣ 175. Какая пустыня въ сравненіи населенія нетокмо Мальты, но другихъ государствъ! Со всѣмъ тѣмъ мы говоримъ, земли у насъ очень мало и нынѣ правиломъ полагается, что на ревизскую душу надобно 15, то-есть по моему исчисленію на каждаго жителя по

18.000 квадратныхъ саженъ, то-есть едва на квадратную версту 14, а на милю квадратную 98... Дача, къ селенію собственно принадлежащая, составляетъ многоугольный параллелограмъ (въ математикѣ сіе выраженіе есть, можетъ-быть, невѣжды, варвары), по серединѣ оной протекаетъ рѣчка въ довольно узкихъ, но по величинѣ ея довольно глубокихъ берегахъ и вся почти дача, малое пространство исключая, есть по обѣ стороны скатъ къ рѣкѣ, сопровождаемый многими непродолжительными, но при устьѣ глубокими рытвинами, изъ коихъ большая часть уже поросла травою, которую косятъ на сѣно; въ вершинахъ иныхъ рытвинъ болотины и застои водяные. По одну сторону рѣчки построено селеніе: въ ряды дома по улицѣ, довольно тѣсно для деревяннаго соломою крытаго строенія; позади пространные огороды, или лучше конопляники, ибо огородныхъ овощей сѣютъ очень мало. Во стѣ саженяхъ господскій дворъ съ садомъ, въ коемъ земли огорожено около 8 десятинъ; подлѣ сада роща изрядная. Позадь сей рощи къ востоку примыкаетъ пустошь моего владѣнія, въ коей участника нѣтъ; изъ коей половина пашни, другая поросла лѣсомъ, простирающимся на версту въ длину и 150 саженъ, можетъ-быть, въ ширину; въ немъ мы обильную имѣемъ жатву грибовъ всякаго рода. За симъ лѣсомъ другая примыкаетъ пустошь, которая большею частію принадлежитъ брату и еще другому владѣльцу; на ней поселено нѣсколько дворовъ. За три версты, отъ дома идучи къ сѣверо-востоку, есть земля моего владѣнія, большею частію мелкимъ лѣсомъ поросшая, почитается доброю; думаютъ, потому что недавно воздѣлана и мѣсто ровное, препятствуя стекать водѣ, напояетъ коренья прозябеній. Къ востоку за 5 верстъ лежитъ небольшая пустошь по обѣ стороны мокрой весною лощины, дающей рѣдкую траву. Тутъ есть и пашня. Къ юго-востоку находятся двѣ пустоши: одна пашенная, а другая почти совсѣмъ лѣсная; лѣсъ осиновый строевой, но весь почти отъ небреженія вырубленъ. Въ серединѣ его лужайки, на которыхъ косятъ сѣно. Въ немъ много родится орѣховъ и грибовъ. Въ маломъ разстояніи лежитъ небольшая деревня разныхъ владѣльцевъ, въ томъ числѣ пять дворовъ моихъ. Земля владѣнія черезполоснаго. Въ 13 верстахъ отъ селенія,

прямо къ югу, между двухъ небольшихъ рѣчекъ, лежитъ лугъ величиною 31 десятина единственнаго владѣнія, который по причинѣ весенняго разлитія рѣкъ изрядную даетъ траву и сѣна даетъ отъ 2000 до 2500 пудовъ. Заведеній никакихъ нѣтъ, деревня была въ оброкѣ. Домъ господскій каменный развалился и всѣ къ оному принадлежащія строенія, садъ огороженъ плетнемъ, подлѣ сада прудъ, за прудомъ садъ другой; оба приносятъ въ годъ оброка за оставшія деревья 125 р. въ годъ. Вся пашенная земля раздѣлена на три части, или по обыкновенному названію на три поля: одно называется озимое, другое яровое, третіе паровое; яровое есть то, которое начинаютъ пахать какъ скоро снѣгъ сойдетъ и земля будетъ тала и, по вспаханіи, засѣваютъ яровыми или лѣтними сѣменами; а паровое поле есть то, на которомъ съ начала весны никакой не производятъ работы и которое начинаютъ обрабатывать, то-есть удобривать навозомъ, пахать и боронить послѣ яроваго сѣва, которое потомъ послѣ сѣнокоса и по снятіи озимой жатвы, а иногда въ продолженіи оной, то-есть въ августѣ мѣсяцѣ, паки вспахиваютъ и засѣваютъ озимымъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ паровое поле, въ озимое преобразованное, остается въ слѣдующее потомъ лѣто безъ воздѣланія; итакъ озимое поле есть то, которое ни съ начала весны ни во все продолженіе лѣта не воздѣлывается, потому что оно уже засѣяно осенью. Изъ сихъ разъясненій виденъ чинъ работъ сельскихъ, до земли относящихся, коихъ череда въ естествѣ основана, а различія истекаютъ отъ различія почвы, мѣстоположенія, а болѣ всего—климата.

Исчисливъ такимъ образомъ всѣ упражненія селянъ, относящіяся до земледѣлія и скотоводства, яко пособія онаго, теперь разсмотримъ ихъ рукодѣлія и способы и пріобрѣтенія, особнящіеся отъ земледѣлія. Рукодѣліе крестьянское всякое, если оно его не отлучаетъ отъ земледѣлія, есть весьма полезно.—Слѣдуетъ, что самыя мануфактуры, фабрики, заводы, звѣриные промыслы, извозы, поелику совершаются въ зимнее время, суть весьма полезны; ибо долговременная наша зима, оставляя много празднаго времени, не можетъ лучше употреблена быть, какъ на что-либо полезное или нужное. Но рукодѣліе и ремесло моихъ селянъ таково, что далеко ихъ отвлекаетъ отъ дома, да и на долгое время,

Общее рукодѣліе женщинъ есть: прясть и ткать; прядутъ ленъ, шерсть, посконь, а конопли обращаютъ въ пеньку, которую продаютъ купцамъ для отвоза на гжатскую пристань. Испряденную шерсть употребляютъ на сукно, черное и смурое, на зипуны или кафтаны, болѣе на онучи. Окрасивъ бѣлую пряденную шерсть, ткутъ изъ нея паневы, пояса и оборки. Ленъ и посконь прядутъ, и ткутъ холостъ; но всегда не шире десяти или двѣнадцати вершковъ; ткутъ полотенцы съ красными каймами. Холстъ идетъ на рубашки и частію на продажу. Мимоходомъ замѣтимъ, что въ Россіи вообще три рода женскаго платья въ простомъ народѣ, опричь того, которое носятъ, подражая вышнимъ сословіямъ: сарафанъ, панева и полушубокъ или тѣлогрѣйка съ юбкою. У насъ носятъ паневы, то есть короткая шерстяная юбка, узоры которыхъ доказываютъ финское ея происхожденіе; рубаха шитая. Дѣвки ходятъ въ однѣхъ рубахахъ; лѣтомъ у мужчинъ рубахи съ шитомъ подоломъ, воротомъ и красныя оплечья и ластовки. Все сіе заставляетъ думать, что толико легкое одѣяніе происхожденіе свое имѣетъ изъ теплыхъ климатовъ. Полушубокъ есть греческое; сарафанъ, можетъ-быть, славянское; но я удалился отъ моего предмета. Рукодѣлія мужскія суть различны. Первымъ крестьянскимъ можно почесть плотничную работу, ибо въ началѣ сентября, когда хлѣбъ убирать начнутъ, возвращаются въ началѣ поля: и такъ, дома не бываютъ отъ 9 до 10 мѣсяцевъ. Земледѣльческихъ работъ исправляютъ только сѣнокосъ и жатвы двѣ трети. Итакъ сказать можно, что сіи начинаютъ уже выходить изъ званія земледѣльцевъ, любятъ сію работу, по той болѣе причинѣ, что живутъ на волѣ.

Кирпичниковъ было больше, но съ тѣхъ поръ, какъ завелись пильщики, то ихъ немного работаютъ въ Москвѣ го все лѣто и имѣютъ на земледѣліе время только въ апрѣлѣ и въ концѣ августа. Иногда тотъ же, который ходитъ лѣтомъ въ Москву дѣлать кирпичи, зимою ходитъ въ другую работу; итакъ кирпичникъ, такъ какъ пильщикъ и каменьщикъ, есть худой земледѣлецъ. Каждый кирпичникъ вырабатываетъ въ лѣто не болѣе 50 руб., но половину проживаетъ. Каменьщики работаютъ случайно, но по близости бываетъ работа и они, находя выгоднѣе въ домъ нанять

работника, сами домъ оставляютъ, но сія работа не ежегодная бываетъ, также какъ и мостовая; но сія работа еще меньше отвлекаетъ отъ земледѣлія, ибо исправляютъ ее по времени. Сколько есть пильщиковъ — болѣе еще овчинниковъ и съ сего ремесла начинаютъ всѣ молодые люди, изъ домовъ отходящіе. Многіе изъ нихъ отъѣзжаютъ на лошадяхъ; тѣ, которые ходятъ хозяевами, получаютъ до 60 рублей и кормятъ лошадей во всю зиму, другіе же идутъ въ работники изъ половины, третьей и четвертой доли; сверхъ денегъ получаютъ пищу. Портные отходятъ отъ домовъ только зимою; шьютъ по большей части только шубы и крестьянскіе кафтаны. Выработываютъ неравно. Плотники работаютъ всегда по близости, по большей части весною и осенью и сія работа мало ихъ отвлекаетъ отъ земледѣлія.

Извозничаютъ очень мало и совсѣмъ безвыгодно, хотя то и бываетъ зимою. Лапотниковъ найдешь въ каждомъ дворѣ, ибо кожанную обувь рѣдко увидишь. Если мы разсмотримъ состояніе земледѣльца въ подробности, то величайшія его отношенія и обязанности состоятъ противъ его господина: 1) Сей можетъ его продать оптомъ или по-дробно; не шуткою сіе сказано, ибо сія подробность можетъ быть такова, что дочь отъ матери, сынъ отъ отца и, можетъ-быть, жена отъ мужа продается. Но съ публичнаго торгу только въ розницу продавать запрещено, а оптомъ. Есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, продаютъ его остальныя силы. 2) Господинъ можетъ его заставить работать, сколько хочетъ. Нынѣ только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно нужда того требуетъ и въ Россіи, а у меня въ особенности, всякій селянинъ плотникъ: но сверхъ того между ними суть такіе, которые плотничаньемъ пріобрѣтаютъ деньги и таковыхъ только я поставлю въ счетъ. Слѣдующіе роды суть рукодѣлій: Серебренники. Канительщики. Кожевники. Пильщики. Кирпичники. Каменьщики. Овчинники. Портные. Плотники. Извозчики. Известники. Мостовщики. Торгаши. Пастухи и батраки. Лапотники столько, сколько дворовъ. Въ другихъ земляхъ таковое исчисленіе рукодѣлій имѣетъ мѣсто между городовыми жителями, но въ Россіи долгая зима, малое плодородіе нѣкоторыхъ губерній и худое хлѣбопашество преоб-

ражаютъ множество деревень въ города. Разсмотримъ вышеуказанныя рукодѣлія и поколику каждое изъ нихъ полезно въ связи своей съ земледѣліемъ, и которое для него удручительно и расторгающе.

Серебренникъ не есть земледѣлецъ и не выходитъ рукодѣліемъ своимъ изъ своего состоянія. Хотя умѣетъ дѣлать всякую работу, но упражняется только въ починкахъ окладовъ, дѣлаетъ перстеньки, кресты, серьги и другія для селянъ нужныя вещи серебряныя и мѣдныя; ѣздитъ по ярмаркамъ, продаетъ оныя и покупаетъ выжигу или изъ чего оную дѣлать можетъ. Живетъ обыкновенно дома и если бы онъ былъ земледѣлецъ, то мастерство его ему бы не было помѣхою въ воздѣлываніи земли. Упражняется съ женою въ огородничествѣ и садоводствѣ; выучился по отцовскому приказу, который заплатилъ деньги; умѣетъ читать и писать.

Канительщикъ выучился самъ: отецъ заплатилъ за него 20 руб.; живетъ обыкновенно въ Москвѣ одинъ, имѣетъ жену и дѣтей, живущихъ у его отца; приходитъ въ годъ раза два или три; прибытокъ получаетъ очень хорошій; но не есть уже земледѣлецъ. Кожевникъ, отходя на работу, бывалъ на заводахъ кожевенныхъ и выучился самъ; но сей родъ упражненія показался ему невыгоденъ и онъ оставилъ почти свое ремесло, которое его отъ земледѣлія не отвлекало, ибо и нынѣ лѣтомъ живетъ дома и воздѣлываетъ землю.

Пильщиковъ ремесло почитается за весьма выгодное, ибо они болѣе другихъ достаютъ денегъ. Обыкновенно, когда отходятъ, берутъ съ собою изъ дому рублей до пятнадцати, ибо ходятъ далеко: въ Малороссію, Кіевъ, Херсонъ, Саратовъ, Астрахань и Петербургъ, гдѣ пилятъ корабельный лѣсъ. Пилы имѣютъ свои нѣмецкой, а болѣе англійской работы, но не всякій имѣетъ, и для того не имѣющій идетъ въ товарищи; всегда ходятъ по двое, въ годъ вырабатываютъ на двухъ до ста рублей и болѣе, но изъ того вычти, что возьметъ съ собою на дорогу, что на мѣстѣ издержитъ. Уходятъ изъ домовъ трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе не велико будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни дворового не опредѣлено. 1) Господинъ можетъ его наказывать по

своему разсмотрѣнію, онъ судія его и исполнитель своихъ приговоровъ. 4) Господинъ есть господинъ его имѣнія и дѣтей его, даетъ и отъемлетъ по своей волѣ. 5) Распоряжаетъ браками и спаряетъ, какъ хочетъ, слѣдовательно земледѣлецъ есть рабъ въ семъ отношеніи совершенно. Итакъ не можетъ господинъ уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ постѣ ѣсть мясо.

Въ отношеніи государства селянинъ обязанъ жить на одномъ мѣстѣ, но и то доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ. Итакъ селянинъ, если имѣетъ употребленіе чего-либо, то дѣлается только изъ благосердія господина. Но, кажется, поелику поселянинъ платитъ подать то онъ, для удовлетворенія тому, долженъ имѣть собственность и проч.

А. Радищевъ.

Жизнь въ усадьбѣ.

Прадѣдъ мой, Григорій Андреевичъ Глинка, умеръ ста двухъ лѣтъ. Въ путешествіи своемъ по Ладожскому озеру Озерецковскій говоритъ, что онъ видѣлъ стариковъ, которые умираютъ, костенѣя. Бывъ академикомъ и врачемъ, онъ увѣряетъ, что такая смерть есть принадлежность людей, близкихъ къ природѣ. Такъ умеръ мой прадѣдъ: хотя онъ былъ небольшаго роста и худощавъ; но жизнь его, не разъединенная съ природою, закалила его рамена крѣпостью булатною. Безъ всѣхъ діетическихъ мудрованій, порожденныхъ роскошью, онъ прожилъ вѣкъ. Не посылалъ за межу родную ни за яствами, ни за напитками; тогда не знали еще у насъ на Руси и искусства за однимъ обѣдомъ пресыщаться избытками четырехъ частей свѣта. За сытымъ его столомъ кипѣли щи, похлебки, разсольники; дымились сальники, жареная баранина; величались огромные караваи и т. п. Вмѣсто винъ фряжскихъ шумѣли медъ и липецъ въ стопахъ исполинскихъ. Я видѣлъ стопы, въ которыя вливалось по нѣскольку бутылокъ, и которыя, по установленному обычаю, въ часы разгульной пирушки опоражнивались однимъ духомъ.

Для приправленія сытныхъ яствъ веселостью при обѣдахъ и пирушкахъ проказничали *блазни*, или домашніе скоморохи. Они то дрались на *пальцатахъ*, или кіяхъ, то поддразнивали другъ друга, то выдумывали побасенки. Гости смѣялись отъ добраго сердца, а пища не превращалась въ желчь или отъ язвительныхъ пересудовъ, или отъ ѣдкихъ насмѣшекъ. Сверхъ того, старинные блазни не только были шутами, но, подобно Кефію, выставленному Нарѣжнымъ въ „Бурсакѣ", они были и посредниками между властелиномъ и подвластными. Обижалъ-ли сильный слабаго, притѣснялъ-ли грозный приказчикъ жениха или невѣсту, выморачивалъ-ли онъ что-нибудь обманомъ,—все это высказывалось блазнями за барскимъ столомъ въ прибауткахъ и побасенкахъ. Сильнаго обидчика журили, а притѣсненную невинность утѣшали. Тогда крестьяне не указывали со вздохомъ и сердечнымъ сокрушеніемъ на модную карету, стоющую нѣсколькихъ десятковъ душъ: тогда не указывали на шали барынь и барышенъ, купленныя на слезы и истому сельскую. Помѣщики и въ забавахъ своихъ часто уравнивались съ крестьянами: вмѣстѣ съ ними ходили они съ тенетами на ловлю зайцевъ и лисицъ. Тогда еще не держали въ дворняхъ по десяткамъ и сотнямъ борзыхъ и гончихъ собакъ, на бѣду крестьянъ, особливо въ неурожай. Вооружаясь заостренными дрекольями, помѣщикъ и удалые крестьяне пускались на медвѣдей и волковъ. Въ этой отважной охотѣ прославились прабабки и бабка моя, гоняясь за хищными звѣрями на быстромъ конѣ или въ легкихъ санкахъ при блескѣ свѣтлаго мѣсяца, сыпавшаго лучи свои на лѣсъ дремучій и на бѣлизну снѣжныхъ равнинъ. Почти безболѣзненно протекла столѣтняя жизнь прадѣда моего: то же можно сказать и о душевной его жизни. По достовѣрному, а не вымышленному семейственному преданію, въ сто двухъ-лѣтнее пребываніе свое на землѣ испыталъ онъ только два горя. Первое, когда по званію хорунжаго, т.-е. въ первомъ и младшемъ чинѣ шляхты смоленской, пришла ему очередь изъ села его Красноселья отправиться верстъ за 150, на Двинскій форпостъ, тяжело ему было разставаться съ домашнимъ кровомъ. А потому къ отводу сего перваго горя перекатилъ онъ въ Смоленскъ нѣсколько бочекъ родного меду и отъ употчива-

ной шляхты услышалъ желанный крикъ: „Увольняемъ, увольняемъ“. Изъ-подъ шума сихъ криковъ радостно полетѣлъ въ пріютъ домовитый. Второе горе была необходимая поѣздка въ Бѣлокаменную. Три недѣли ѣхалъ онъ на своихъ лошадяхъ въ Москву и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, въ такой же срокъ совершилъ путь обратный. Вслѣдъ за нимъ везли живность и всѣ съѣстные припасы домашніе: на чужбинѣ и сладкое чужое было бы горько. Сверхъ того, помѣстья его родныхъ разсѣяны были отъ Духовщины почти до самой Гжатской пристани: слѣдственно, было гдѣ отдохнуть, побывать въ банѣ и попировать. Не взирая на тѣсное сближеніе съ крестьянами въ образѣ жизни, было и въ то время какое-то чудное, необычайное возстаніе крестьянъ. Общій духъ волненія обходилъ деревни и села. Это было около срока жатвы. Помѣщики съ семействами своими укрывались въ лѣса, а въ случаѣ близкой опасности прятались во ржи и кустарникахъ. Въ эти дни смятенія прадѣдъ мой съ своею женою и малолѣтними дѣтями заперся въ *сушилѣ* или вышкѣ, отдѣльной отъ прочаго надворнаго строенія. Ночью застучали въ двери: онъ схватилъ заряженое ружье. Прабабка моя удержала его руку, чтобы безполезнымъ преждевременнымъ выстрѣломъ не навлечь на себя бѣды неизбѣжной. Не слышно было ни о какомъ зачинщикѣ бунта; казалось, что какая-то невидимая сила волновала села и деревни. А эта невидимка, какъ будто чародѣй, ходитъ и переходитъ въ повѣрьяхъ и вѣковыхъ преданіяхъ. Изъ туманной дали столѣтій, вѣроятно, доносилась еще вѣсть о первобытномъ состояніи русскихъ земледѣльцевъ. Вѣроятно, и они помнили, какъ жили они до взятія Казани и Астрахани. Первая перепись для иныхъ изъ нихъ была очевидною, для другихъ живою былиною. Упоминая о тѣхъ дняхъ, когда жилъ мой прадѣдъ, я не утверждаю, будто бы тогда былъ золотой вѣкъ невинности, любви и благодати семейственной. Было и тогда также, что Викторъ Гюго могъ бы переселить въ тьму кромѣшную драмъ своихъ. Словомъ, былъ на разные образцы отдѣльный бытъ, а не было быта общественнаго. Спрашивали тогда у одного князя-остряка, возвратившагося изъ щегольскаго круга большого свѣта: что онъ тамъ видѣлъ? „Много блеска, а мало людей“,—отвѣчалъ онъ...

С. Глинка.

Дѣтство М. С. Щепкина въ домѣ помѣщика.

„Я родился въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, въ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ, въ 1788 году ноября 6 числа. Отецъ мой Семенъ Григорьевичъ былъ крѣпостной человѣкъ графа Волькенштейна, но дѣдъ мой былъ сынъ священника Іоанна, который священствовалъ въ Калужской губерніи Мосальскаго уѣзда въ селѣ Спасѣ, что на рѣчкѣ Перекшѣ, и потомъ скончался іеромонахомъ въ Москвѣ, въ Андроньевѣ монастырѣ, гдѣ и прахъ его почиваетъ; правнукъ же его и теперь еще священствуетъ въ селѣ Спасѣ. Это не должно казаться страннымъ, ибо въ томъ вѣкѣ дѣлалось это часто, такъ что дѣдъ мой не слишкомъ удивился, когда, заснувъ свободнымъ, проснулся крѣпостнымъ, а только немного погрустилъ—и то, разумѣется, безотчетно; наконецъ совершенно привыкъ къ новому своему званію. Мать моя Марья Тимоѳеевна была также изъ крѣпостныхъ, пришедшая въ приданое за графиней: такъ ужъ издавна велось и теперь продолжается, что камердинеръ молодого господина женится всегда на сѣнной дѣвушкѣ молодой барыни. Оба они были любимы своими господами, и оба вполнѣ заслуживали такую любовь; ибо они принадлежали къ числу тѣхъ слугъ, какихъ въ наше время уже не встрѣчаешь. Графъ и графиня были примѣрной доброты, хотя оба, какъ люди, имѣли свои недостатки; но эти недостатки такъ были мелочны, что для людей имъ подвластныхъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и образѣ мыслей, не могли быть чувствительны. Отецъ мой пользовался неограниченною довѣренностію графа, а мать—графини.

Въ первыхъ годахъ супружества своего родители мои были не слишкомъ счастливы—не семейнымъ несогласіемъ; нѣтъ!—въ этомъ отношеніи они были совершенно счастливы, хотя, можетъ-быть, и не чувствовали другъ къ другу любви пылкой и страстной: они жили просто, не разсуждая, жили дружно, мирно и потому счастливо. Но двое первыхъ дѣтей, сынъ и дочь, родившіеся въ первые два года супружества, умерли одинъ за другимъ и не давъ имъ, какъ говорятъ, налюбоваться на себя: вотъ одно, что заставляло ихъ иногда грустить и задумываться, при чемъ и господа-

по любви своей къ нимъ, а болѣе по природной добротѣ, съ душевнымъ участіемъ дѣлили ихъ горе. Наконецъ, мать моя сдѣлалась беременна мною; слѣдуя совѣту старыхъ людей, которые придерживались предразсудковъ, родители мои положили: ежели Богъ дастъ благополучно родить— взять встрѣчныхъ кума и куму, не смотря на то, что первыхъ дѣтей крестилъ который-нибудь изъ господъ. А потому, когда благополучно явился я на бѣлый свѣтъ, крестный отецъ мой былъ пьяный лакей, а (крестная) мать—повариха... Разумѣется, я ничего не помню о первыхъ дняхъ моего дѣтства; но по разсказамъ извѣстно, что я былъ самой тихой и самой покойной ребенокъ, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій случай. Однажды (когда мнѣ было не болѣе восьми недѣль) мать моя, которая, оправившись отъ родовъ, должна была неотлучно находиться при графинѣ, прибѣжала въ свою комнату, чтобы меня выкупать, и только начала мыть—пришелъ посолъ отъ графини, чтобы какъ можно скорѣе шла къ ея сіятельству. Будучи всегда точной исполнительницею воли господъ, она, не размышляя о послѣдствіяхъ, оставила меня въ теплой водѣ и, прося золовку окончить начатое ею, сама тотчасъ отправилась къ графинѣ. Золовка или не вслушалась въ просьбу матери или, можетъ-быть, захлопотавшись по хозяйству, забыла; только три часа спустя мать моя, возвратясь домой, нашла меня въ томъ-же самомъ положеніи, какъ оставила меня, покойно спящаго въ довольно уже холодной водѣ. Натурально она сначала испугалась, а потомъ обрадовалась, видя минувшую опасность, и невольно вспомнила встрѣчное кумовство. Тогда уже не оставалось никакого сомнѣнія въ дѣйствительности этой примѣты.

По прошествіи полугода, мать моя, по милости господъ, отправляясь для услугъ, уже брала и меня съ собою, и я имѣлъ полное право валяться на господскихъ диванахъ и пользоваться всѣми правами ребенка. А если иногда случалось мнѣ быть не очень вѣжливымъ, то графъ по обыкновенію ворчалъ; а графиня отъ души смѣялась. Такая милость, само собою разумѣется, рождала зависть во многихъ матеряхъ, дѣти которыхъ не пользовались такою честію.

Такимъ образомъ я росъ, бывъ утѣшеніемъ и родите-

лей и господъ, и доросъ до четвертаго года. Въ теченіе этого времени отецъ мой перемѣнилъ званіе камердинера на званіе управителя, что было новымъ знакомъ господской милости. Ему ввѣрено было въ управленіе все имѣніе господъ, которое состояло изъ тысячи двухсотъ душъ и было разбросано на семидесяти верстахъ въ окружности, что заставляло его часто отлучаться отъ семейства; ибо графиня не могла обойтись безъ услугъ моей матери.

Однажды, по дѣламъ управленія, отецъ мой долженъ былъ ѣхать въ имѣніе, отстоящее отъ мѣста жительства его верстахъ въ шестидесяти,—и какъ поѣздка эта дѣлалась на довольно долгое время, то, по словамъ отца, чтобы ему одному не было тамъ скучно, онъ рѣшился взять и меня съ собою. Мать моя, бывъ въ полномъ повиновеніи у мужа, не могла возражать ничего противъ его воли, хотя мысленно находила множество неудобствъ и для отца и для меня, и потому, сжавъ сердце, изъявила согласіе на эту поѣздку и не подала даже виду, что ей это очень не нравилось, тѣмъ болѣе, что она знала, что всякое возраженіе, какое-бъ она ни сдѣлала, осталось бы безъ вниманія; ибо отецъ мой имѣлъ довольно сильный характеръ въ семейственномъ быту, и если онъ рѣшалъ что-нибудь—это уже не измѣнялось. Но къ утѣшенію матери явилось возраженіе на отпускъ меня съ отцомъ совсѣмъ съ другой стороны. Графиня, узнавъ, что хотятъ увезти ея любимца (такъ называли меня, видя ласки господъ не только къ отцу моему и матери, но даже и къ пострѣленку, всѣ тѣ, кого мучила зависть), рѣшительно объявила отцу, что она меня не отпуститъ, потому что это невозможно: во-первыхъ, что ей будетъ безъ меня скучно; во-вторыхъ, что въ такую дальнюю дорогу отпустить ребенка безъ матери безчеловѣчно; въ-третьихъ, что за мной тамъ некому будетъ и присмотрѣть, и накормить, и напоить, и какъ она знала, что отцу моему надо было отлучаться каждый день изъ дому по дѣламъ, то я долженъ уже оставаться безъ всякаго присмотра и очень легко могъ и ушибиться несчастно и утонуть и проч. и проч.; а всего-то важнѣе, что ей этого не хочется, что на это есть ея воля. Графиня, при всей своей добротѣ, была вспыльчива и не любила, чтобы ея воля оставалась безъ исполненія. Отецъ же

мой всегда не слишкомъ жаловалъ, чтобы господа вмѣшивались въ дѣла семейныя, а тутъ и того болѣе: ибо, по его понятіямъ, я былъ въ такомъ возрастѣ, что власть господъ не могла еще на меня простираться; ему они могли все приказать, кромѣ того, когда и какъ онъ долженъ поступать въ своемъ семействѣ. Рѣшивъ ни за что не уступать правъ отца, но избѣгая своей настойчивостію довести графиню до раздраженія, онъ прибѣгнулъ къ просьбамъ. Мать же, зная лучше характеръ мужа и видя, что просьбы эти дѣлались такимъ голосомъ и такими словами, которыя непремѣнно взбѣсили бы графиню (ибо она твердо была увѣрена, что отецъ въ этомъ случаѣ никакъ не повиновался бы графинѣ, и Богъ знаетъ—чѣмъ бы все это могло кончиться при такихъ характерахъ),—чтобъ только избѣгнуть этой бури, заглушила въ себѣ чувства матери и предалась совершенно чувству жены. Не предвидя другой развязки и зная хорошо графиню, она присоединила и свои просьбы и доказала такъ ясно, что всѣ несчастія, какія графиня насчитала, здѣсь со мною скорѣе могутъ случиться: ибо сама она не имѣетъ возможности смотрѣть за мной, находясь безотлучно при ней,—и что потому графиня, по добротѣ своего сердца, не откажетъ общей ихъ просьбѣ. Забывая совершенно материнскія чувства, боясь только гнѣва графини, какой могъ излиться на ея мужа, въ лицѣ котораго ясно видѣла готовность противорѣчить всему, она со слезами бросилась цѣловать руку графини. Но истинно-доброе сердце уже произвело свое дѣйствіе, и графиня, найдя средство изъявить свою доброту, не унижая власти госпожи, внутренно была рада: ибо она въ самомъ дѣлѣ любила отца и мать за ихъ услуги. Итакъ, обратясь къ моей матери, сказала: „ну, Маша! только для тебя это дѣлаю; а Семенъ, право, этого не стоитъ: онъ меня не любитъ, всегда противорѣчитъ, и если проситъ о чемъ, такъ это такимъ тономъ, который меня всегда обижаетъ". -И, матушка, ваше сіятельство! вы сами изволите знать, сказала моя мать, что онъ умѣетъ служить, а не говорить. „Ну, Богъ съ тобой, Семенъ! возьми Мишу съ собой, только пожалуйста не дуйся на меня; ты знаешь, какъ я васъ люблю!"—и протянула ему свою руку, которую онъ отъ души поцѣловалъ, видя, что все кончилось благополучно.

Въ то время, какъ рѣшалась моя судьба, когда между тремя дѣйствующими загорались страсти, гдѣ съ одной стороны видѣли неповиновеніе власти, а съ другой угнетеніе, и когда всѣ обрадовались, что дѣло кончилось такъ мирно (тѣмъ болѣе, что каждый изъ трехъ дѣйствующихъ совершенно понималъ, что всѣ они лгали), -я въ это время преспокойно управлялся съ своимъ завтракомъ, какъ будто бы не обо мнѣ была рѣчь....

Послѣ этого въ скорости графъ убѣдилъ графиню разстаться съ матушкою и отпустить ее къ мужу (которому уже назначено было жить въ хуторѣ Проходахъ, какъ въ центрѣ управляемаго имъ имѣнія), представляя въ причину, что разлучать мужа съ женою въ такихъ молодыхъ лѣтахъ —грѣхъ, да и за Мишей будетъ кому присмотрѣть. Все это вмѣстѣ рѣшило графиню согласиться. И такъ вдругъ я переселился изъ Обоянскаго уѣзда въ Судженскій, гдѣ и жили мои родители лѣтъ около тридцати, то-есть—до продажи насъ князю Рѣпнину. Стало быть, тутъ промелькнуло мое дѣтство, весьма неинтересное, какъ и дѣтство всякаго ребенка, а особливо въ томъ званіи....

М. Щепкинъ.

Времяпровожденіе помѣщика.

Вольное, непринужденное и дружеское между всѣми упражненіе и препровожденіе времени всякій разъ въ разныхъ увеселительныхъ играхъ и рѣзвостяхъ позволительныхъ были поводомъ къ тому, что мы всю осень сего года провели отмѣнно весело и пріятно, и я не помню, чтобъ когда въ иное время игрывалъ я такъ много въ карты, какъ въ сію осень и зиму.

Однако не подумайте, чтобъ игры наши были азартныя или убыточныя.

О, нѣтъ! отъ всѣхъ таковыхъ были всѣ мы весьма далеко удалены, а всѣ наши игры были невинныя, забавныя, безденежныя и подающія поводъ только къ смѣхамъ и шуткамъ.

Мы игрывали всего чаще въ тароки, которую игру ввелъ я въ употребленіе и сдѣлалъ особыя для того карты и переучилъ всѣхъ играть въ оную. Она была очень веселая

и всѣхъ насъ чрезвычайно веселила и такъ всѣмъ полюбилась, что съ особливою охотою садились за нее.

Въ домѣ же у Ладыженскаго наилучшая была игра въ „семь листовъ“ по полушкѣ, до которой игры былъ онъ отмѣнный охотникъ, а въ удовольствіе его игрывали и мы съ нимъ въ оную.

Кромѣ сего, нерѣдко игрывали мы въ реверситъ и три-сетъ; виста же и бостона тогда было еще неизвѣстно.

Когда же наиграемся какой игрѣ досыта, тогда начинали играть въ фанты, а иногда въ самыя жмурки, и въ томъ непримѣтно проводили длинные осенніе и зимніе вечера, и я такъ ко всѣмъ играмъ симъ разохотился, что выдумывалъ даже совсѣмъ новыя и никѣмъ до того еще не употребляемыя карточныя и другія игры.

Но за всѣмъ симъ не отставалъ я нимало и отъ прежнихъ своихъ и лучшихъ занятій, но всякой разъ, когда не было никого у насъ и мы были дома, не давалъ ни одной минуты проходить тщетно, но по привычкѣ своей всегда чѣмъ-нибудь занимался и либо читалъ что-нибудь, либо писалъ, либо рисовалъ и гвоздился съ красками. Въ семъ послѣднемъ упражненіи занимался я всего болѣе въ сію осень и множайшія картины, писанныя масляными красками, имѣющіяся у меня въ домѣ, были произведеніями сего періода времени...

А. Болотовъ.

Помѣщики.

Во всякомъ авторѣ встрѣчаются мѣста, къ которымъ не лишнее прибавить объясненія. Такъ, напримѣръ, въ Каррикатурѣ Дмитріева (дяди автора—*Сост.*):

Сними съ себя завѣсу,
Сѣдая старина,
Да возвѣщу я внукамъ,
Что ты откроешь мнѣ!

Это описано истинное происшествіе, случившееся въ Сызранскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ивашевкѣ, въ 12 верстахъ отъ нынѣшней моей деревни. Описанный въ Каррикатурѣ вахмистръ Шешминскаго полку, былъ Прохоръ Никоновичъ

Патрикеевъ. Онъ, въ молодыхъ лѣтахъ, женился, будучи еще *недорослемъ*: такъ называли дворянъ, не бывшихъ еще на службѣ; потомъ, оставя жену въ деревнѣ, отправился въ полкъ. Это было еще до Петра Третьяго, когда чины шли туго, и отставокъ не было: почты тоже не было; а потому онъ, какъ человѣкъ небогатый, вѣроятно не имѣлъ никакихъ средствъ получать извѣстія о своемъ семействѣ. Наконецъ, дослужившись до вахмистровъ, въ царствованіе Екатерины, и въ пожилыхъ уже лѣтахъ, онъ вышелъ въ отставку и воротился верхомъ на своемъ боевомъ конѣ, въ свою Ивашевку.

Узнаетъ ли Груняша?
Ворчалъ онъ про себя:
Когда мы разставались,
Я былъ еще румянъ!

Жену его звали Аграфена Семеновна. Но жены онъ не нашелъ уже. Она была судима въ пристанодержательствѣ, и, вѣроятно, сослана. Некому было дать мужу и извѣстія о ея участи: происшествіе это было уже старое и забытое. Развязка очень простая, въ такой глуши и по тогдашнимъ нравамъ:

Тотчасъ ее схватили
И въ городъ увезли,
Что жъ съ нею учинили,
Узнать мы не могли.

Авторъ прибавляетъ и окончаніе этой справедливой исторіи:

Что дѣлать! какъ ни больно,
Но вѣчно ли тужить?—
Несчастный мужъ, поплакавъ,
Женился на другой.

* *
*

Сей витязь и по нынѣ,
Друзья, еще живетъ;
Три года, какъ въ округѣ,
Онъ земскимъ былъ судьей!

Я зналъ его сына отъ второго брака. Его звали Василій Прохоровичъ. Я помню, что онъ, по добротѣ своей, былъ предметомъ мистификацій всего уѣзда.

У меня есть картинка, написанная перомъ самимъ Дмитріевымъ въ его молодости: она изображаетъ Патрикеева, подъѣзжающаго на старомъ рыжакѣ къ селу Ивашевкѣ. Тамъ не забытъ и тощій котъ, мяучащій на кровлѣ.

Эта деревня Ивашевка встарину отличалась чудаками. Драгунскій витязь, ротмистръ Брамербасъ, къ которому обращается Дмитріевъ въ сказкѣ: *Причудница*, тоже списанъ съ натуры. Это былъ тамошній же помѣщикъ, самый чиновный изъ многочисленныхъ мелкихъ дворянъ той деревни, маіоръ Ивашевъ.

О если бы возсталъ изъ гроба ты сейчасъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ.
Ты, бывшій столько лѣтъ въ Малороссійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... я помню какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ:
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи!
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ размашкой,
Въ колетѣ вохряномъ и въ длинныхъ сапогахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ чайной чашкой.
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по плечамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ внимаемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и самъ!
Стоялъ, какъ вкопанный, тебя глазами мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь... еще тому не вѣрилъ!

Что за прелесть эти стихи! что за тонкая и легкая эпиграмма въ послѣднемъ! — Нынче не умѣютъ этого! — И послѣ этой вѣрной, чисто отдѣланной картины Дмитріевъ не поэтъ?

Разскажу кстати анекдотъ объ этомъ маiорѣ Ивашевѣ. Однажды вечеромъ, возвращался онъ, подъ пьяную руку, верхомъ на конѣ въ свою Ивашевку. Видитъ онъ, что на лугу, недалеко отъ околицы, разставлены два бѣлые шатра. Вспомнивъ, вѣроятно, сказки, вскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ: „кто въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ шатры разбилъ?"—Отвѣта не было.—Онъ пустилъ вскачь своего коня богатырскаго прямо на шатры, и попалъ между ними, въ веревки, которыми они были натянуты, и которыя переплетались однѣ съ другими. Конь запутался и упалъ; шатры зашатались и тоже упали. — Дѣло было вотъ въ чемъ. Это проѣзжалъ Казанскiй архiерей осматривать свою эпархiю. Въ одномъ шатрѣ служили въ его присутствiи вечерню; а въ другомъ готовили ему кушанье. — Архiерей выбѣжалъ, и, видя лежащаго человѣка, закричалъ: „шелеповъ!"—По окончанiи наказанiя, Ивашевъ вскочилъ опять на коня, ударился скакать въ Ивашевку и повѣстилъ всѣмъ жителямъ, что ѣдетъ архiерей, и пресердитый, такъ, что его высѣкъ! На утро всѣ ивашевскiя барыни собрались чѣмъ свѣтъ къ околицѣ встрѣчать владыку; и при въѣздѣ его упали ницъ, съ воплемъ, сквозь который было слышно: „Батюшка, земной богъ! не погуби!" Архiерей расхохотался, и проѣхалъ мимо.—Кто повѣритъ, что это правда!—Таковы были люди, таковы были нравы!...

М. Дмитрiевъ.

Хозяйство помѣщика.

Грустная и уединенная моя жизнь въ деревнѣ заставила меня обратить все старанiе о поправленiи обветшалаго моего усадбища, въ коемъ одинъ только господскiй домъ приведенъ былъ въ довольно порядочное состоянiе, прочее же строенiе было крайне плохо.

Опредѣливъ изъ крестьянъ моихъ двѣнадцать въ плотники, я выстроилъ три скотные двора, два новыя гумна, двѣ обширныя пуни для соломы и пчелъ, амбаръ для сѣна телятамъ, хлѣвъ на случай заболѣвшей скотины, избу съ печью, въ коей вмазанъ большой чугунный котелъ для корму скота пареным͏ъ охоботьемъ отъ вымолоченнаго хлѣба,

молошную избу и при ней ледники, въ той-же связи для пастуховъ избу съ чуланами; къ господскому дому два флигеля, баню и ткацкую, каретный сарай, два хлѣбные амбара и хлѣбный магазинъ; нанялъ садовника и завелъ садъ.

Безъ хвастовства могу сказать, что я въ теченіе пяти лѣтъ моего одиночества привелъ Нѣжово въ несравненно лучшее состояніе, какъ въ разсужденіи самаго усадбища, такъ и пашни. Въ 1792 году, когда я пріѣхалъ въ него, запашка состояла изъ сорока четвертей ржи, нынѣ же доведена до ста.

Нашедъ барщину малолюдною и въ жалкомъ состояніи, я взялъ изъ оброчныхъ тридцать сохъ на барщину. А такъ какъ сіи оброчные живутъ при Чудскомъ озерѣ и зимою промышляютъ рыбною ловлею, то и содержались на господской работѣ только до Ноября; а дабы къ сему времени поспѣть мнѣ обмолотить хлѣбъ, то я построилъ два гумна и симъ средствомъ успѣвалъ нерѣдко до Рождества Христова молоченье оканчивать. Но чтобъ дать средство и барщиннымъ поправиться, то я ихъ помѣстилъ въ рыбный промыселъ. На сей случай употребилъ я слѣдующую разсчетливость. У бережскихъ моихъ оброчныхъ было болѣе десяти неводовъ, въ каждомъ было по двѣнадцати работниковъ, коихъ они принимали съ воли. Переженивъ нѣсколько холостыхъ изъ оброчныхъ на дѣвкахъ изъ барщинныхъ семей, я породнилъ ихъ и потомъ опредѣлилъ въ каждый неводъ по четыре барщинника, такъ чтобъ, гдѣ въ семьѣ два работника, одинъ оставался дома и смѣнялись бы на промыселъ понедѣльно. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ поправляться стали мои барщинные: ибо на худой конецъ рублей до пятидесяти въ зиму доставали и стали заводить порядочныхъ лошадей, неотмѣнно потребныхъ на озерѣ; стали сѣять болѣе прежняго овса, и я пересталъ слышать на господской работѣ безпрестанное понуканье лошадей.

Что я не ошибся въ расчетѣ, взявъ тридцать сохъ съ оброчныхъ на лѣто на барщину, спустивъ каждому по десяти рублей изъ оброка, то пусть всякъ сочтетъ, сколько принесла мнѣ прибыли пашня, доведенная до ста четвертей посѣва ржи, когда прежде засѣвалось ея сорокъ. Но главнымъ честолюбіемъ хозяйства моего похвастать могу тѣмъ, что

въ сорокъ лѣтъ владѣнія, въ самые голодные годы, никто не видѣлъ кого-нибудь изъ крестьянъ моихъ просящаго милостыни.

В. Хвостовъ.

Финансы большого барина.

Отецъ мой умеръ, лишившись болѣе двухъ третей своего состоянія, и оставилъ намъ долги. На службѣ, ни я, ни братъ мой никогда ничего не пріобрѣли, а напротивъ всегда тратили свое. Начальствуя полкомъ, я не только не извлекалъ изъ него выгодъ, какъ другіе, но расходовалъ собственное достояніе, въ чемъ могу сослаться на всѣхъ гренадеръ, которые еще налицо. Они могутъ сказать вамъ, въ какомъ положеніи они находились; когда же я оставилъ полкъ, тогда не было роты, которая не имѣла бы отъ 8 до 9 сотъ рублей артельныхъ денегъ. Когда я сдалъ полкъ и долженъ былъ ѣхать въ Италію для возстановленія здоровья, у меня не было необходимыхъ денегъ на поѣздку: я принужденъ былъ заложить мой Петербургскій домъ и продать немногія драгоцѣнныя вещи, которыя у меня были. Я имѣю долги, которыхъ иначе уплатить не могу, какъ продавши какое-нибудь имѣніе. Дохода я получаю отъ 20 до 22 тысячъ рублей; но вы знаете, что это уже не рубли императрицы Елисаветы, и до какой степени все у насъ вздорожало. Поэтому, когда воспитаніе моего сына будетъ окончено и я привезу его для поступленія на службу, я долженъ буду поселиться въ деревнѣ, дабы онъ (какъ и слѣдуетъ по справедливости) ни въ чемъ не имѣлъ недостатка, тѣмъ болѣе, что я обязанъ думать объ уплатѣ, изъ моего имѣнія, приданаго моей дочери.

Могу завѣрить васъ честью, что я не огорченъ жалкимъ положеніемъ, въ которое приведено мое семейство. Оно безъ всякой своей вины пало съ высоты, на которой находилось при императрицѣ Елисаветѣ и въ продолженіе слишкомъ кратковременнаго царствованія Петра III. Это произошло вслѣдствіе несчастій, которыхъ оно не навлекло себѣ, и слѣдовательно ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, ни потомству ихъ не придется краснѣть, и лишь бы сынъ мой и дочь

моя были благовоспитаны и честны (чего я надѣюсь достигнуть, благодаря ихъ добрымъ наклонностямъ и доброму нраву), это будетъ наилучшимъ наслѣдствомъ, какое я могу имъ оставить. Я видѣлъ очень богатыхъ людей, всѣми презираемыхъ и неспособныхъ на какую-либо государственную службу. Я надѣюсь, что этого не будетъ съ моимъ сыномъ...

Графъ С. Воронцовъ.

Чудакъ помѣщикъ.

Сергѣй Яковлевичъ Левашовъ, надворный совѣтникъ и совѣстный судья, былъ человѣкъ крайне странный. Въ юношествѣ безъ всякаго воспитанія, въ молодости безъ малѣйшаго образованія, въ мужескихъ лѣтахъ безъ нравственности, достаточный казанскій дворянинъ, посему родными и знакомыми въ его своеволіи тамъ нѣсколько стѣсняемый, оставивъ молодую жену и пятерыхъ любезныхъ дѣтей, переселился въ Башкирію, гдѣ, купивши землю, переводилъ крестьянъ, строилъ домы, разсаживалъ сады, заводилъ оранжереи, учреждалъ фабрики, заводы; но все сіе только начиналъ, а не оканчивалъ. Домъ его снаружи, по виду, была казарма, во внутренности же оштукатуренъ, какъ палаты. Садъ былъ неогороженъ, но вороты въ него воздвигнуты были столярной работы и съ нѣмецкими петлями и замками.

Описывать всѣ его странности было бы и скучно и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотенъ, охотникъ превеликій былъ диктовать письма, особенно наставленія приказчикамъ, садовникамъ, конюхамъ и другимъ своимъ чиновникамъ. Щедръ, даже мотъ бывалъ изъ тщеславія, скупъ же по природѣ, нрава самаго крутого и жестокаго, но къ сентиментальному разговору всегда приставалъ, выдавая себя за Стерна [1]).

Дѣтей съ нимъ бывшихъ четверо: двѣ дочери, два сына и племянникъ составляли мой пансіонъ. Средняя дочь Наталья, 15-тилѣтняя дѣвушка, одарена была отличною способностію и охотою къ ученію; старшій сынъ Николай

---

[1]) Лоренсъ Стернъ, англ. пис., авторъ „Сентиментальнаго путешествія“. *(Сост.).*

былъ также понятенъ и прилеженъ. да и прочіе довольно изрядно учились, что, при ихъ ласковости, поселило во мнѣ неимовѣрную ревность споспѣшествовать ихъ успѣхамъ. Скажу, не хвастаясь, что Наталья Сергѣевна чрезъ два года понимала столько французскій языкъ, что труднѣйшихъ авторовъ, каковы: Гельвецій, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила безъ словаря; писала письма со всею исправностію правописанія: исторію древнюю и новую, географію и миѳологію знала также достаточно.

Жизнь наша въ семъ домѣ была довольно сносна; къ странностямъ хозяина присмотрѣвшись, все прочее шло порядочно; ласки же и дружелюбіе дѣвицъ Елеонорѣ Карловнѣ [1]) доставляли много пріятностей. Зиму мы жили въ городѣ, гдѣ катанья, собранья, балы, для меня и карточная игра, жизнь нашу дѣлали весьма удовольственною; весну, лѣто и осень обыкновенно проживали въ деревнѣ; тутъ разныя, ежедневно почти новыя занятія: прогулки. купанья, рыбная ловля, стрѣльба и множество другихъ забавъ, сокращали время нечувствительно...

Г. Винскій.

Типы помѣщиковъ.

Трубецкая, княгиня Варвара Александровна. — Семейство ея состояло изъ трехъ главныхъ лицъ: ея самой, мужа и деверя. Перваго звали Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, послѣдняго Княземъ Юріемъ. Я не коснусь ихъ исторій, она наполнена разныхъ и смутныхъ и счастливыхъ обстоятельствъ. Я о нихъ говорить буду только въ то время, которое приводитъ мнѣ на память самые веселые дни моей жизни. Они любили жить роскошно и весело, во вкусѣ ихъ были театръ, балъ, маскарадъ, и всѣ вообще увеселенія: по зимамъ они жили въ Москвѣ. Тутъ мы игрывали комедіи, наряжались въ хари на балъ, и всѣми забавами молодости наслаждались. Самое блистательнѣйшее зрѣлище была Драма, сочиненная самой Княгиней, подъ названіемъ: Эдуардъ и Эмма. Въ ней только были два лица; они назначены въ удѣлъ мнѣ. и одной изъ родственницъ, и мы это произведеніе розыграли

[1]) Жена автора.

съ полнымъ успѣхомъ передъ всей Московской публикой. Въ лѣтнее время они живали въ подмосковной, называемой Очаково, въ 8-ми верстахъ отъ города. Путь близкой, и всегда удобной. Тамъ ежедневныя происходили очарованія, разнородныя сельскія пиршества: театры, иллюминаціи, фейерверки, и все, что можетъ веселить умъ и чувства. Въ такомъ родѣ жизни, я, учащая мои къ нимъ набѣги, не видалъ, какъ время летитъ. Оно и подлинно летѣло. Съ ними жилъ въ одномъ и томъ же убѣжищѣ безсмертной нашъ піитъ,* старецъ Херасковъ, которой, въ липовой рощѣ ходя задумавшись, вымышлялъ свои пѣсни въ то время, какъ въ регулярномъ саду вся фамилія Трубецкихъ предлагала гостямъ всякіе сюрпризы. Москва переносилась вся въ ихъ мирное и волшебное уединеніе. Такъ текла вся жизнь ихъ...

Струйской, Николай Еремѣевичъ. — Со всѣмъ этимъ семействомъ я до нынѣ пріятельски знакомъ, и особенной долженъ похвалиться дружбой жены его, нынѣшней вдовы, Александры Петровны; самъ онъ былъ оригиналъ въ своемъ родѣ. Онъ пользовался прекраснымъ имѣніемъ, хлѣбопашеннымъ въ Пензѣ и, по случаю моей службы въ той сторонѣ, я съ начала, по наслышкѣ, пожелалъ изъ любопытства узнать его, какъ человѣка необыкновеннаго, и подленно нашелъ такимъ. Оставя службу Прапорщикомъ гвардіи, и пристрастившись къ стихотворству, онъ имѣлъ у себя собственную свою вольную типографію, и въ ней отпечатывалъ всѣ свои сочиненія. Тисненіе его было доведено до наилучшаго въ то время въ Россіи искусства. Онъ подносилъ Екатеринѣ разные свои труды, и она изволила красотой изданья хвастать даже предъ чужестранными Посланниками, дабы они видѣли, что за 1000 верстъ отъ столицы, въ глуши, подъ скипетромъ ея процвѣтаютъ искусства и художества, а ему неоднократно, для вящаго одобренія, посылывала перстни брилліянтовые въ подарокъ. О качествѣ самихъ твореній его я умолчу, изъ уваженія къ пріязни; онъ мнѣ подарилъ всѣ свои произведенія, собранныя въ одной книжкѣ въ 4-ку наряднаго изданія, и множество другихъ отдѣльными тетрадками. Все, что онъ ни сочинилъ, у меня было, хранится до нынѣ, какъ рѣдкость; я вывезъ кучу писемъ его къ себѣ изъ Пензы, по тому что онъ меня полюбилъ и, живучи отъ

Губернскаго города во ста верстахъ, часто переписывался со мной. Страненъ былъ въ образѣ жизни, въ обращеніи, въ одеждѣ, въ правилахъ, во всемъ. Домъ его въ деревнѣ былъ высокъ и огроменъ; въ немъ на самомъ верху, онъ отвелъ себѣ кабинетъ и назвалъ его Парнасомъ. Тамъ онъ предавался своимъ вдохновеніямъ піитическимъ. Этотъ кабинетъ заваленъ былъ всякой всячиной и представлялъ живое подобіе хаоса. Я никогда не забуду, какъ однажды, увлеченъ будучи имъ самимъ туда, съ однимъ товарищемъ моимъ дорожнымъ, для выслушиванія новой какой-то его піесы, онъ съ такимъ восторгомъ и жаромъ читалъ. что схватилъ внезапно моего товарища, рядомъ съ нимъ сидѣвшаго, за ляшку, и такъ плотно, что тотъ вздрогнулъ и закричалъ, а Струйской, не внемля ни чему, продолжалъ чтеніе свое, какъ человѣкъ въ изступленіи. Много бы можно было разсказать о немъ истинно чудеснаго, но здѣсь дѣло идетъ не о его исторіи, а объ моихъ отношеніяхъ. Я къ нему пріѣжжалъ разъ съ женой, и онъ, показывая ей свою типографію, вдругъ при ней велѣлъ тиснуть стихи, сочиненные имъ на ея пріѣздъ, и поднесъ ей экземпляръ, отпечатанный на атласѣ, который до сихъ поръ у меня хранится. Также и мнѣ онъ поднесъ елегію, узнавъ о кончинѣ отца моего. Сочиненный мною тогда „Каминъ“ былъ у него напечатанъ и очень исправно, такъ какъ и пѣсенка, посвященная мною женѣ моей, которую онъ тиснулъ на атласѣ, и та у меня цѣла. Сіи двѣ піесы означаютъ въ высшей степени его ко мнѣ усердіе; ибо онъ, кромѣ собственныхъ своихъ стиховъ, ничего не любилъ печатать чужого на станкахъ своихъ; онъ на типографію свою не жалѣлъ никакихъ расходовъ, и это составляло главную его издержку, а стихи единственное его занятіе. Никогда не ѣжжалъ въ города, и все жилъ въ своей Рузаевкѣ, которая заслуживала вниманія отдѣлкой и красивостью своей въ лѣтнее время. Этотъ человѣкъ столько меня полюбилъ, и такъ обходился со мной просто, откровенно, что мнѣ грѣшно было бы и по смерти его не быть къ памяти его признательнымъ. Я часто и нынѣ любуюсь на весьма сходный гипсовый слѣпокъ его лица и фигуры въ медальонѣ, гдѣ онъ очень живо изображенъ, и думаю, будто вижу его еще передъ собой, со всѣми его восторгами и въ піитическомъ изступленіи...

Кн. И. Долгоруковъ.

Офицеръ—разбойникъ.

Мать моя искренно обрадовалась моему возвращенію и отъ радости плакала, видя меня при золотомъ темлякѣ. Обстоятельства мои между тѣмъ были самыя хлопотливыя. Мать для выкупа меня изъ магистрата, принуждена была не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить, такъ что, по возвращеніи моемъ въ Почепъ, я нашелъ мое имѣніе, состоящее въ одномъ огромномъ, но пустомъ городскомъ домѣ, въ плохой мельницѣ и въ нѣсколькихъ семьяхъ крѣпостныхъ людей. Къ тому, вотчимъ мой на меня гнѣвался, и зять сердился, такъ что мнѣ и пріютиться было негдѣ. Другой на моемъ мѣстѣ тихостію, угожденіемъ, старался бы сіе неблагопріятствованіе исправить, что и не вельми затруднительно было; но моя буйная голова придумала со всѣми ссориться, бороться и начало сему учинила, помѣстивши меня въ пустомъ домѣ.

Какъ люди мои, по причинѣ нашего всегдашняго въ дѣтствѣ житья въ домѣ вотчимовомъ, жили и въ сіе время у него же, а нѣкоторые у сестры, я тотчасъ рѣшился перезвать ихъ къ себѣ; но учинить сего добрымъ порядкомъ не могши, увидѣлъ я явившихся ко мнѣ однихъ мужчинъ безъ женъ и дѣтей: отъ сего жилище мое походило на запорожскую сѣчь. 18 человѣкъ мужчинъ и ни единой женщины, не имѣя ни основательнаго содержанія, ни должнаго занятія, всегда праздные, часто пьяные, не воспрещаемые ни въ какихъ шалостяхъ, скоро стали страшны всему городу.

Ежели-бы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ, можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей. Все то, что буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, производимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія. Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство, не защищали никого отъ моего буйства. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался? Сколько разъ я былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ, что особенно хочу изъяснить въ приключеніи монастырскомъ.

Острожскій, пріѣхавши по своимъ дѣламъ въ Стародубъ, вздумалъ посѣтить меня въ Почепѣ. Что отпраздновали мы съ нимъ... со всѣми принадлежностями, сіе само собою

разумѣется. На одной изъ нихъ случился подгородняго Костянскаго монастыря строитель, чернецъ во всемъ смыслѣ. Знакомство и пріязнь свести ничто не препятствовало. Приглашеніе посѣтить святого отца въ его кельѣ принято безъ прекословія, и на выполненія онаго провожаніе пріятеля стало предлогомъ.

Въ ясный осенній день, послѣ обѣда, на тройкѣ удалыхъ, съ тремя залетными молодцами, отправился я провожать гостя. За обѣдомъ и при выѣздѣ выпито было, видно, порядочно; поелику я, прибывши въ обитель, едва могъ различать предметы. На бѣду, товарищъ мой въ хмѣлю былъ одинъ изъ задорнѣйшихъ; а тутъ случился въ гостяхъ какой-то панокъ, съ которымъ у Острожскаго моего скоро начался диспутъ, а тамъ и сраженіе.

Я, богословствуя съ отцемъ-смотрителемъ, былъ въ самомъ дружескомъ расположеніи; но, увидѣвши моего друга, какъ и въ Москвѣ, обижаема. бросился на несчастнаго его противника и, однимъ ударомъ кулака сразивши съ ногъ и лишивши его памяти готовился топтать ногами. Строитель и двое собесѣдовавшихъ монаховъ кинулись меня удерживать. Тутъ, закипѣвъ отъ ярости, я самъ не знаю въ точности, что происходило. По разсказамъ же людей и монаховъ, у отца-эклезіарха съ перваго моего размаху буря будто отгорѣла; у отца строителя два зуба пошатнулись. Люди мои, услышавши драку, ворвались въ монастырь, и тутъ уже началося настоящее побоище. Я, разогнавши монаховъ по саду и явившись неожиданно между убійцами на монастырѣ, встрѣченъ былъ всѣмъ, что только служкамъ попадалося въ руки, изъ которыхъ одна вещица, видно довольно полновѣсная, растворивъ мнѣ на двое лобъ, столкнула на землю; и людямъ моимъ, также избитымъ, не осталось иного дѣлать, какъ спасать мое великолѣпіе; почему, вытащивши меня кое-какъ за монастырскія вороты и вваля въ повозку, отправились въ городъ.

Проспавши мертвымъ сномъ до утра, я содрогнулся, приведя въ память происшествіе вчерашняго дня, и по вопросамъ объ окончаніи сраженія почти на вѣрное полагалъ кого-нибудь убитымъ. Но милость Божія явилась еще на мнѣ: посланный для освѣдомленія, возвратясь, донесъ, что безбо-

родыхъ, беззубыхъ, съ переломанными боками и ребрами находилось довольно, но убитыхъ, даже тяжело раненыхъ, ни одного. Сіе доставило мнѣ нѣкоторую отраду, хотя посолъ мой пересказывалъ притомъ, что святые отцы сочиняютъ на меня жалобницу и грозятся ничего не пожалѣть для обнаруженія моего разбойничества.

Вечеромъ, съ завязанной головою, въ сотовариществаніи одного извѣстнаго законника, пустился я въ обитель для утушенія сего дѣла. Затрудненій представили очень много; но стараніемъ и убѣжденіями искуснаго моего адвоката все пошло гораздо лучше, нежели я думалъ, особенно когда я показалъ на моей офицерской башкѣ преогромный провалъ. Окончилось все порядочною вечерею, за которою я, по великодушію, монастырю поднесъ на молитвы нѣсколько осьмачекъ гречихи и раненымъ нѣсколько рублей. На другой день я отправился лѣчиться въ Стародубъ, а монахи вылѣчились, какъ знали, дома. Такъ кончился одинъ изъ гибельныхъ моихъ подвиговъ, гдѣ явнымъ милосердіемъ Божіимъ удержано смертоубійство. Послѣ сего истощенный во всемъ, я принужденъ былъ вести жизнь гораздо тишайшую, хотя не добродѣтельнѣйшую...

Г. Винскій.

СВАТОВСТВО И СВАДЬБА.

Въ концѣ 1764 года Яньковы переѣхали опять на житье въ Москву: Александръ Даниловичъ все хворалъ и въ концѣ мая 1766 года скончался и былъ погребенъ въ своей приходской церкви у Успенья на Овражкѣ, въ придѣлѣ св. Николая, за лѣвымъ клиросомъ у оконъ, рядомъ со своими малолѣтними дѣтьми, тамъ же погребенными.

Анна Ивановна осталась съ четырьмя дѣтьми: двумя дочерьми — Анной, 16-ти лѣтъ, Клеопатрой 14-ти лѣтъ, и двумя сыновьями—Дмитріемъ, 5-ти лѣтъ, и Николаемъ 3-хъ лѣтъ. Года два спустя, она поѣхала въ Петербургъ и помѣстила своихъ мальчиковъ въ малолѣтній Шляхетскій корпусъ, гдѣ былъ въ то время директоромъ извѣстный Иванъ Ивановичъ Бецкій, и гдѣ воспитывался первый изъ Бобринскихъ, впослѣдствіи графъ Алексѣй Григорьевичъ. Императрица

Екатерина весьма заботилась о его хорошемъ воспитаніи, и потому, говорятъ, малолѣтній корпусъ былъ тогда въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Анна Ивановна, говорятъ, очень грустила, что разсталась съ дѣтьми и, поживъ еще до 1772 года, скончалась отъ простудной горячки, на другой день Рождества Христова. Ее отпѣли въ Москвѣ, но такъ какъ хоронить въ приходскихъ церквахъ со времени чумы было воспрещено, то и схоронили ее въ подмосковной, въ селѣ Горкахъ, въ придѣлѣ пророка Даніила.

Умирая, Анна Ивановна завѣщала своихъ дѣтей внучатой своей сестрѣ, княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ Долгорукой, урожденной Строгановой, а мужа ея, князя Михаила Ивановича, назначила опекуномъ надъ дѣтьми и надъ ихъ имѣніемъ.

Обѣ дѣвицы Яньковы переѣхали жить къ Долгорукимъ въ ихъ домѣ, близъ Дѣвичьяго Поля, въ приходѣ Воздвиженія, на Пометномъ Вражкѣ. Младшая изъ дочерей, Клеопатра, была, говорятъ, прекрасна собою, но слабаго здоровья. Она очень любила мать, послѣ ея смерти стала чахнуть и, спустя два года, послѣ нея, скончалась отъ чахотки; ее отпѣли также въ Москвѣ и повезли въ село Горки и схоронили тамъ въ церкви, возлѣ ея матери. Ей было отъ рожденія 22 года.

Старшую сестру я знала; она бывала у батюшки и всегда его величала: „братецъ", потому что доводилась ему правнучатою сестрой, и онъ тоже называлъ ее сестрицей. Но онъ не очень ее долюбливалъ и про нее говорилъ: „Эта старая дѣвка прехитрая и прелукавая, и только у нея и разговору, что ея Долгорукіе".

Я стала ее знать въ концѣ 80-хъ годовъ, когда ей было уже подъ сорокъ лѣтъ. Она была очень мала ростомъ; головка прехорошенькая, премилое лицо, глаза преумные, но туловище самое неуклюжее: горбъ спереди, и горбъ сзади, и чтобы скрыть этотъ недостатокъ, она всегда носила мантилью съ капюшономъ, очень большимъ и всегда сборчатымъ, такъ что сверху изъ капюшона выглядывала маленькая головка, а снизу тащилась преполная юпка съ длиннымъ шлейфомъ, что выходило пресмѣшно. Анна Александровна была очень умна и воспитаніе получила хорошее, что тогда

было довольно рѣдко. Все ученіе въ наше время состояло въ томъ, чтобы умѣть читать, да кое-какъ, писать, и много было очень знатныхъ и большихъ барынь, которыя кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, подписывали свое имя каракулями. Анна Александровна, напротивъ того, и по-русски, и по-французски писала очень изрядно и говорила съ хорошимъ выговоромъ.

По смерти сестры своей, она осталась жить у Долгорукихъ, которые имѣли трехъ дочерей: Прасковью Михайловну, Анну Михайловну (впослѣдствіи за графомъ Ефимовскимъ) и Елизавету Михайловну (потомъ за Селецкимъ) и сына Ивана Михайловича, который былъ сочинителемъ и стихотворцемъ. Княжны были помоложе Яньковой, и живя у нихъ въ домѣ, она за ними приглядывала и, какъ старшая, иногда съ ними выѣзжала.

У батюшки она бывала изрѣдка, и хотя онъ принималъ ее по родственному, но особаго вниманія ей никогда не оказывалъ, и такъ какъ съ Долгорукими не былъ знакомъ, то къ ней и не ѣздилъ.

Когда ея братья, Дмитрій и Николай, вышли изъ корпуса въ 1783 году, она съ ними пріѣзжала къ батюшкѣ, но это было въ то время, какъ скончалась матушка, и намъ тогда было и не до того; не помню, принимали ли ихъ или нѣтъ. Послѣ того они бывали у насъ три-четыре раза въ годъ, но съ 88 или 89 года Анна Александровна стала у насъ бывать чаще и чаще.

Разъ какъ-то батюшка и говоритъ за столомъ:—Не понимаю, отчего это Янькова такъ зачастила ко мнѣ; давно ли была, а сегодня опять ко мнѣ пріѣзжала; не знаю, что ей нужно, а ужъ вѣрно не даромъ—она прелукавая.—И старшій изъ ея братьевъ тоже сталъ у насъ бывать почаще прежняго. Младшій, Николай, былъ уже въ то время женатъ и жилъ большею частью съ женой въ деревнѣ. Прошло еще сколько-то времени, пріѣзжаетъ къ батюшкѣ тетушка Марья Семеновна Корсакова и говоритъ ему:

А я, Петръ Михайловичъ, къ тебѣ свахой пріѣхала, хочу сватать жениха твоей дочери. — Которой же? — Елизаветѣ, батюшка. — Елизаветѣ? Она такъ еще молода... А кто женихъ?—Старшій изъ Яньковыхъ, Дмитрій.

„Нѣтъ, матушка сестрица, благодарю за честь, но не принимаю предложенія: Елизавета еще молода; я даже ей и не скажу“.

И точно, батюшка мнѣ ничего и не сказалъ и не спросилъ моего мнѣнія; а узнала я это отъ сестры Елизаветы Александровны; пока тетушка была съ батюшкой, она мнѣ и говоритъ: „Елизавета, поди-ка сюда“, отвела меня въ сторону и шепчетъ: — Матушка пріѣхала тебѣ сватать жениха, Янькова Дмитрія Александровича.

Тетушка уѣхала; батюшка молчитъ; проходитъ день, другой, третій; такъ батюшка ничего мнѣ и не сказалъ и только послѣ уже мнѣ это разсказывалъ.

Прошло, должно-быть, съ годъ, опять тетушка Марья Семеновна повторяетъ батюшкѣ то же предложеніе и опять онъ не отказалъ наотрѣзъ, а сказалъ: „Спѣшить нечего, Елизавета еще не перестарокъ; а засидится—не велика бѣда, и въ дѣвкахъ останется“. И мнѣ объ этомъ ни слова; а сестра Елизавета мнѣ опять шепнула. Думаю себѣ: „Стало-быть, батюшка имѣетъ какія-нибудь причины, что это ему не угодно“. Помнится мнѣ, что однажды я подхожу въ залѣ къ окну, и вижу: ѣдетъ на дворъ карета Яньковой: у меня отчего-то сердце такъ и упало.

Я прошла во вторую гостиную. Батюшка былъ дома у себя въ кабинетѣ. Ему доложили, онъ вышелъ въ гостиную и Анну Александровну принялъ: изъ насъ никого не позвали: они посидѣли вдвоемъ, что говорили—было не слышно, и Янькова уѣхала. Тутъ батюшка меня кликнулъ.—У меня сейчасъ была Янькова, пріѣзжала сватать тебя, Елизавета, за брата своего Дмитрія. Говоритъ мнѣ: „Петръ Михайловичъ, вотъ вы два раза все говорили тетушкѣ Марьѣ Семеновнѣ, что Елизавета Петровна еще слишкомъ молода; неужели и теперь мнѣ то же скажите, а братъ мой приступаетъ, чтобъ я узнала вашъ рѣшительный отвѣтъ“. Я ей на это и сказалъ: „Мы, сестрица, родня... И что это, право, далась вамъ моя Елизавета; неужели кромѣ ея нѣтъ и невѣстъ въ Москвѣ?“ Про Дмитрія Александровича нельзя ничего сказать, кромѣ хорошаго: человѣкъ добрый, смирный, неглупый, наружности пріятной, да это и послѣднее дѣло смотрѣть на красоту; ежели отъ мужчины не шарахается лошадь, то, значитъ, и

хорошъ... Родство у Яньковыхъ хорошее, они и намъ свои; и состоянiе прекрасное: чѣмъ онъ не женихъ? Не будь сестра у него, я никогда бы ему не отказалъ... Но вотъ она-то меня пугаетъ: пресамонравная, прехитрая, братьями такъ и вертитъ, она и тебя смяла бы подъ каблукъ; это настоящая золовка-колотовка, хоть кого заклюетъ. Не скорби, моя голубушка: тебя любя, я не далъ своего согласiя... А быть тебѣ за нимъ, прибавилъ батюшка, немного помолчавъ, — такъ и будешь, по пословицѣ: суженаго конемъ не объѣдешь! Это, что я разсказываю, было или въ 92-мъ году, передъ Рождествомъ, или въ началѣ 93-го года. Дѣло о сватовствѣ совершенно заглохло: Яньковы бывали рѣдко, вѣрно считали себя обиженными. А мнѣ, признаюсь, Дмитрiй Александровичъ приходился по мысли: не то чтобъ я была въ него влюблена (какъ это срамницы-барышни теперь говорятъ), или бы сокрушалась, что батюшка меня не отдаетъ, нѣтъ, но дай батюшка свое согласiе, и я бы не отказалась.

Настала весна; мы начали собираться ѣхать въ деревню и часть обоза отправили уже впередъ; это было послѣ Николина дня; вотъ, какъ-то я утромъ укладываю кой-что, для отправки тоже, присылаетъ за мною батюшка: „Пожалуйте, Елизавета Петровна, въ гостиную“. Спрашиваю: „Кто тамъ?“ Говорятъ: Яньковъ. Вошла я въ гостиную; батюшка сидитъ на диванѣ превеселый, рядомъ съ нимъ Дмитрiй Александровичъ, весь раскраснѣлся и глаза заплаканы; когда я вошла, онъ всталъ. Батюшка и говоритъ мнѣ: — Елизавета, вотъ Дмитрiй Александровичъ дѣлаетъ тебѣ честь, проситъ у меня твоей руки. Я далъ свое согласiе, теперь зависитъ отъ тебя принять предложенiе или не принять... подумай и скажи“. Я отвѣчала: „Ежели вы, батюшка, изволили согласиться, то я не стану противится, соглашаюсь и я“... Дмитрiй Александровичъ поцѣловалъ руку у батюшки и у меня; батюшка насъ обоихъ обнялъ, былъ очень растроганъ и заплакалъ, глядя на него, заплакали и мы оба, его обняли и поцѣловали руку. Потомъ батюшка говоритъ, смѣясь и обнявъ Янькова: — Вѣдь экой какой упрямецъ, четвертый разъ сватается и добился таки своего! Ну, Елизавета, вѣрно, было тебѣ написано на роду, что тебѣ быть за Яньковымъ... Поди объяви сестрамъ, что я тебя просваталъ, и позови ихъ сюда, мы

помолимся“. Я побѣжала къ сестрамъ и объявила имъ новинку, что я невѣста; всѣ меня цѣловали, поздравляли, и мы пошли вмѣстѣ въ гостиную.

Батюшка сталъ передъ образомъ лицомъ на восходъ и потомъ взялъ мою руку и передалъ Дмитрію Александровичу.—Вотъ, другъ мой, сказалъ онъ,—отдаю тебѣ руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги и въ обиду не давай; ея счастіе отъ тебя теперь зависитъ.—А мнѣ батюшка примолвилъ:—А тебѣ, Елизавета, скажу одно: чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что онъ глава въ домѣ, а не ты, и во всемъ его слушайся.

Это называлось въ наше время „ударили по рукамъ“; черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ сговоръ. Моему жениху было 34 года, мнѣ 25 лѣтъ. Начались у насъ въ домѣ хлопоты о приданомъ, и тутъ больше всего помогла намъ сестра Екатерина Александровна Архарова: она имѣла понятіе обо всемъ, знала цѣну и была женщина съ большимъ вкусомъ. Сговоръ былъ назначенъ черезъ нѣсколько дней. Такъ какъ май былъ уже въ исходѣ и многіе изъ родныхъ разъѣхались по деревнямъ, то звали самыхъ близкихъ изъ тѣхъ, которые еще не уѣхали, и то однако же было довольно. На сговорѣ, мая 27-го, были: бабушка Аграфена Ѳедотовна Татищева съ дочерьми; тетушка Марья Семеновна Корсакова, сестра Елизавета Александровна и ея сестра Архарова; дядюшка Ростиславъ Ефграфовичъ Татищевъ, кажется, съ женой; матушкина двоюродная сестра, тетушка Аграфена Сергѣевна Мясоѣдова, Прасковья Александровна Ушакова, батюшкина двоюродная тетка (дочь Прасковьи Никитишны Татищевой, бывшей въ первомъ бракѣ за Александромъ Ивановичемъ Теряевымъ), матушкина пріятельница Наумова (урожденная Сафонова) и еще человѣкъ съ десятокъ, которыхъ теперь и не упомню. Это съ моей стороны. Съ жениховой стороны: его сестра Анна Александровна, княгиня Анна Николаевна Долгорукова, двоюродный дядя жениха Сергѣй Петровичъ Соковнинъ, пріятель его Щербачевъ; ну, конечно, братъ жениха, Николай Александровичъ, одинъ безъ жены; и еще кто-то и тоже по давности не могу вспомнить. Въ этотъ вечеръ былъ молебенъ и потомъ долженъ былъ быть обмѣнъ образовъ: жениховъ, какъ водилось, остается у не-

вѣсты, а невѣстинъ у жениха. Меня батюшка благословилъ большою иконой Влахернской Божіей Матери; ждали, что и съ жениховой стороны привезутъ икону, и что-же? Анна Александровна привезла на серебряномъ подносѣ крестъ съ мощами. Конечно это была святыня, но какъ-то страннымъ показалось всѣмъ, что на сговоръ привезли крестъ, а не икону. Женихъ привезъ мнѣ жемчужные браслеты, потомъ дарилъ мнѣ часы, вѣера, шаль турецкую, яхонтовый перстень, осыпанный брилліантами, и множество разныхъ другихъ вещей. Тутъ же на сговорѣ батюшка сказалъ Аннѣ Александровнѣ: „Ну, теперь ужъ перестаньте меня называть братцемъ; дочь моя выходитъ за вашего брата, ихъ, пожалуй, и разведутъ". По Татищевымъ батюшкѣ приходился мой женихъ правнучатымъ братомъ и былъ мнѣ, слѣдовательно, дядей. По нашимъ понятіямъ о родствѣ, думали, что нужно архіерейское разрѣшеніе; женихъ ѣздилъ — не умѣю сказать къ викарію ли, или къ самому митрополиту, а когда онъ объяснилъ въ чемъ дѣло, то ему сказали, что препятствія къ браку нѣтъ и разрѣшенія не требуется. Батюшка жаловалъ мнѣ въ приданое по сговорной записи: 200 душъ крестьянъ въ Новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ, и въ приданое на двадцать пять тысячъ рублевъ серебромъ. Въ томъ числѣ были брилліантовыя серги въ 1,500 руб.; нахтъ-тишъ (т. е., туалетъ) серебряный въ 1,000 руб., столовое и чайное серебро, изъ кармана на булавки 2,500 руб. Мы жили близъ Остоженки въ своемъ домѣ, и вѣнчали меня у Ильи Обыденнаго, поутру іюня 5-го. Подвѣнчальное платье у меня было бѣлое глазетовое, стоило 250 рублевъ; волосы, конечно, напудрены и вѣнокъ изъ красныхъ розановъ, —такъ тогда было принято, а это уже гораздо послѣ стали вѣнчать въ бѣлыхъ вѣнкахъ изъ флеръ-д'оранжъ. Батюшкѣ угодно было, чтобы свадебный обѣдъ былъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ заранѣе жениху: — Что тебѣ, братецъ, тратиться на свадебныя угощенія, я это беру на свой счетъ: старшихъ у тебя въ домѣ нѣтъ, сестра твоя дѣвушка, лучше у меня отобѣдаете, а къ вечеру и отправитесь къ себѣ въ домъ.— Никогда послѣ того не пришлось мнѣ объ этомъ говорить съ батюшкой, но думаю, что онъ такъ распорядился того ради, чтобы съ перваго раза не дать хозяйничать моей зо-

ловкѣ. На слѣдующій день мы поѣхали съ визитами, и мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть князя Михаила Ивановича Долгорукова, родственника Яньковыхъ и ихъ опекуна во время малолѣтства. Онъ жилъ въ своемъ домѣ у Воздвиженья, на Пометномъ Вражкѣ, близъ Дѣвичьяго Поля. Долгоруковы были прежде очень богаты, но вслѣдствіе опалъ и гоненія на ихъ семейство, многіе изъ нихъ при Аннѣ и Биронѣ лишились почти всего; потомъ, хотя имъ и возвратили имѣніе, они никогда не могли совершенно оправиться, но помня, какъ живали ихъ отцы и дѣды, тянулись за ними и все болѣе и болѣе запутывались въ своихъ дѣлахъ. Этотъ домъ у Дѣвичьяго Поля былъ прежде загороднымъ, а московскій домъ былъ гдѣ-то, на Мясницкой, на Покровкѣ, на Тверской, и былъ проданъ въ 1784 году [1])—не знаю навѣрно. Когда средства поубавились, то загородный домъ сталъ городскимъ.

Можетъ-быть, если бы средства князя Михаила Ивановича были позначительнѣе, онъ и не сталъ бы жить въ Москвѣ, а постарался бы въ Петербургѣ быть поближе къ солнышку, да по пословицѣ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, не имѣлъ возможности. Въ Петербургѣ жили его родные: Шереметевы, Строгановы, Черкасскіе, Скавронскіе, всѣ пребогатые, ему ли съ его средствицами было за ними тянуться? Вотъ и разсудилъ онъ, что лучше жить въ Москвѣ, да и тутъ подальше, чтобы было поменьше пріемовъ. Его мать, многострадальная и добродѣтельная старица Нектарія, послѣ тяжелыхъ своихъ испытаній, пришла, говорятъ, въ великое смиреніе и, живя въ Кіевѣ въ монастырѣ, на самомъ дѣлѣ отреклась отъ всякой мірской суеты, а сынъ ея, напротивъ того, былъ самымъ суетнымъ, мелочнымъ и тщеславнымъ человѣкомъ. Онъ былъ очень недальняго ума и потому пренадменный и прелегковѣрный. Домъ Долгорукихъ былъ преогромный деревянный: большая зала, большая гостиная, за нею еще другая, тутъ на подмосткахъ, покрытыхъ ковромъ на золоченомъ креслѣ сиживалъ у окна князь Михаилъ Ивановичъ. Въ глупой своей гордости онъ считалъ, что дѣлаетъ великую честь, когда сойдетъ со своихъ подмостей и встрѣтитъ на половинѣ комнаты или проводитъ до

[1]) См. „Капище моего сердца“.

двери: далѣе онъ никогда не ходилъ ни для кого. Когда мы пріѣхали, онъ спустился со своихъ лѣсовъ и встрѣтилъ насъ, какъ молодыхъ, чуть ли не у двери. Ему на видъ было лѣтъ 60 или болѣе; небольшого роста, очень дородный и тучный человѣкъ, въ зеленомъ бархатномъ кафтанѣ, очень поношенномъ, кружевное жабо и манжеты, тоже очень поистрепанныя, напудренный, завитой въ три локона, съ пучкомъ и съ кошелькомъ. Лицомъ онъ былъ бы не дуренъ, но напыщенный и надменный видъ его производилъ самое непріятное чувство. По своему понятію, онъ принялъ насъ милостиво, но мнѣ очень не полюбилась его покровительственная и снисходительная привѣтливость. Княгиня Анна Николаевна была просто ласкова, безо всякихъ штукъ, княжны внимательны, а отъ князя такъ и разило его чуфарствомъ. Мнѣ не долго пришлось посѣщать князя: съ небольшимъ черезъ годъ послѣ моего замужества, онъ умеръ, и тогда я могла бывать у доброй княгини безъ непріятнаго чувства: къ ней я могла ѣхать въ гости, а къ нему приходилось ѣхать на поклонъ. Весь домъ Долгорукихъ поражалъ непріятно: во всемъ замѣтна напыщенность, желаніе бросить пыль въ глаза и показать свою вельможественность, а средства-то были очень плоховаты и потому въ передней лакеи были въ гербовыхъ презатасканныхъ ливреяхъ; въ гостиной золоченая мебель была мѣстами безъ позолоты, штофная обивка съ заплатами, хрустальныя люстры и жирандоли безъ многихъ хрусталей, ковры протерты, потолки закоптѣлые, старинные портреты въ полинялыхъ рамахъ, и такъ во всемъ сквозь гордость просвѣчивала скудость; я рѣдко уѣзжала изъ этого полуразрушеннаго дома безъ очень тяжелаго чувства.

Мы были, между прочимъ, съ визитомъ и у Сергѣя Петровича Соковнина; милый, привѣтливый и обходительный человѣкъ. Домъ не роскошный, но видно, что во всемъ достатокъ, вездѣ чисто, хорошо и просто, но парадно и потому нарядно. Какъ только прошло съ недѣлю времени послѣ нашей свадьбы и мы окончили всѣ наши свадебные визиты, мы собрались отправиться въ деревню; батюшка съ сестрами вскорѣ уѣхалъ въ Покровское, а мы поѣхали въ нашу подмосковную, въ село Горки.

Е. Благово.

«КНЯЖОЙ» ПИРЪ.

Между тѣмъ, какъ въ домѣ моемъ происходило... брачное торжество и весь оный наполненъ былъ такимъ множествомъ народа, какого никогда въ немъ до того не бывало; мать жены моей, сдѣлавшаяся тогда моею тещею, для скорѣйшаго объ насъ и обо всѣмъ узнанія, и чтобы быть къ намъ ближе, переѣхала послѣ насъ изъ Калединки, откуда невѣста отпускаема была къ вѣнцу, ночевать въ Ченцовскій заводъ, къ общей нашей знакомкѣ Ивановнѣ.

Тутъ нашелъ я ее на другой день, пріѣхавши по утру по обыкновенію благодарить ее за содержаніе и воспитаніе своей дочери и для приглашенія ея къ намъ на обѣдъ или такъ-называемый *княжой* пиръ, на который она пріѣхала вслѣдъ почти за мною. И съ сего времени мы уже не разставались никогда съ нею, но, она, сдѣлавшись общею нашею семьянинкою, къ особливому счастію обоихъ насъ съ женою и дѣтей нашихъ, жила всегда уже съ нами и живетъ еще и понынѣ и пріобрѣла къ себѣ отъ меня такое почтеніе и уваженіе, что я всегда не инако ее себѣ почиталъ, какъ своею родною матерью.

Помянутый княжой пиръ былъ уже не только порядочнѣе, но и живѣе и веселѣе предслѣдовавшаго ужина. Всѣ гости сдѣлались уже другъ другу знакомѣе и между всѣми господствовала радость и удовольствіе. Музыка гремѣла опять во все продолженіе стола, равно какъ и во все послѣобѣденное время, которое препровождено было всѣми безъ скуки и весело.

Мы старались угостить колико можно лучше всѣхъ гостей своихъ и не отпустили никого изъ нихъ отъ себя, не упросивъ ночевать еще у насъ ночь. И они разъѣхались не прежде какъ послѣ обѣда, уже на третій день, и разстались съ нами съ удовольствіемъ и пожеланіями намъ всѣхъ благъ и благополучнаго супружества. Мы же, съ своей стороны, въ особливости довольны были тѣмъ, что никакое противное и досадное происшествіе не помутило общей нашей радости и удовольствія во все время брачнаго сего пиршества, и что и самая погода была наилучшая...!

А. Болотовъ.

СВАТОВСТВО ДЕРЖАВИНА.

15 числа сего февраля (1777) даны Правительственному Сенату два указа, изъ коихъ однимъ пожалованъ онъ (Державинъ) въ коллежскіе совѣтники и велѣно дать ему мѣсто по его способности, другимъ пожаловано ему 300 душъ въ Бѣлорусской губерніи, на которыя приказано заготовить грамоту и поднести къ высочайшему подписанію. Очутясь въ статской службѣ, должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить мѣсто въ оной. Скоро чрезъ семейство господъ Окуневыхъ, изъ коихъ старшій братъ тогда выдалъ дочь свою за князя Урусова, двоюроднаго брата генералъ-прокурорши княгини Елены Никитичны Вяземской, познакомился въ домѣ сего сильнаго вельможи, могущаго раздавать статскія мѣста, будучи позванъ къ нему на свадебный балъ. Съ сихъ поръ часто у него бывалъ и проводилъ съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ, хотя никогда въ нее ни счастно, ни несчастливо играть не умѣлъ, но платилъ всегда проигранныя деньги и исправно и съ веселымъ духомъ; потому наиболѣе, что князь велъ игру съ малочиновными и небогатыми людьми весьма умѣренную. Таковымъ поступкомъ, всегда благороднымъ и смѣлымъ, понравился ему, пріобрѣлъ его благоволеніе; при всемъ томъ съ февраля по августъ не могъ быть никуда помѣщеннымъ. А какъ очистилось тогда Сената въ первомъ департаментѣ экзекуторское мѣсто, которое предъ тѣмъ занималъ отецъ новобрачной господинъ Окуневъ, получа выгоднѣйшее съ чиномъ статскаго совѣтника при строеніи церкви Невскаго монастыря, Державинъ, пріѣхавъ въ одинъ день поутру рано на дачу генералъ-прокурора, лежащую на взморьѣ близъ Екатерингофа, нашелъ его чешущимъ волосы и бѣдную старуху, стоящую у дверей. Подшедши просилъ его о помѣщеніи на порозжую ваканцію. Онъ, не отвѣчавъ ни слова, приказалъ ему принять отъ той престарѣлой женщины бумагу, ею держимую, и прочетши про себя, сказать ему ея содержаніе. Онъ прочелъ, пересказалъ, и князь, взявъ у него, ее собственнымъ обозрѣніемъ повѣрилъ, положилъ предъ собой на столикъ и, на него взглянувъ, сказалъ: „Вы получите желаемое вами мѣсто“, и тотъ

же день, поѣхавъ въ Сенатъ, далъ о томъ предложеніе. Должность сія, по отступленіи отъ инструкціи Петра Великаго, хотя была тогда уже не весьма важная, однако довольно видная. Отправляя ее, скоро пріобрѣлъ онъ знакомство всѣхъ господъ сенаторовъ и значущихъ людей въ семъ карьерѣ, а особливо бывая всякій день въ домѣ генералъ-прокурора... Съ княземъ по вечерамъ для забавы иногда игралъ въ карты; а иногда читалъ ему книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга, хотя насчетъ ея страсти и привязанности къ нему не весьма справедливые, ибо они знали модное искусство давать другъ другу свободу.

Въ семъ году, около масленицы, случилось съ нимъ нѣсколько сначала забавное приключеніе, но послѣ важное, которое перемѣнило его жизнь. Меньшой изъ братьевъ Окуневыхъ поссорился, бывъ на конскомъ бѣгу, Александромъ Васильевичемъ Храповицкимъ, бывшимъ тогда при генералъ-прокурорѣ сенатскимъ оберъ-прокуроромъ въ великой силѣ. Они ударили другъ друга хлыстиками и, наговоривъ множество грубыхъ словъ, рѣшились ссору свою удовлетворить поединкомъ. Окуневъ, прискакавъ къ Державину, просилъ его быть съ его стороны секундантомъ, говоря, что отъ Храповицкаго будетъ служившій тогда въ Сенатѣ секретаремъ, что нынѣ директоръ дворянскаго банка, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Семеновичъ Хвостовъ. Что дѣлать? Съ одной стороны короткая пріязнь препятствовала отъ его посредничества отказаться, съ другой соперничество противъ любимца главнаго своего начальника, къ которому едва только сталъ входить въ милость, ввергло его въ сильное недоумѣніе. Далъ слово Окуневу съ тѣмъ, что ежели оберъ-прокуроръ перваго департамента Резановъ, у котораго онъ въ непосредственной состоялъ въ командѣ, который также былъ любимцемъ генералъ-прокурора и съ нимъ, какъ Державинъ, по нѣкоторымъ связямъ въ короткой пріязни, не попротиворѣчитъ сему посредничеству; а ежели сей того не одобритъ, то онъ уговоритъ друга своего вышеупомянутаго Гасвицкаго, который былъ тогда уже маіоромъ. Съ таковымъ предпріятіемъ поѣхалъ онъ тотчасъ къ господину Резанову, его не нашелъ

дома: сказали, что онъ обѣдаетъ у господина Тредіяковскаго, бывшаго тогда старшаго члена при герольдіи, который по сей части былъ весьма значущій человѣкъ. Хотя сей жилъ на Васильевскомъ острову, но онъ и туда поѣхалъ. Уже былъ вечеръ. При самомъ входѣ въ покой встрѣчается съ нимъ бывшая кормилица великаго князя Павла Петровича, который былъ послѣ императоромъ, г-жа Бастидонова съ дочерью своею дѣвицею лѣтъ 17-ти, поразительной для него красоты; а. какъ онъ ее видѣлъ въ первый разъ въ домѣ господина Кородаева, служившаго тогда во второмъ Сената департаментѣ экзекуторомъ же, смотрѣвшаго съ нимъ вмѣстѣ на Литейной шествіе духовной процессіи въ Невскій монастырь, бываемой ежегодно августа 30-го дня въ день Александра Невскаго, и тогда она уже ему понравилась, но только примѣчалъ нѣкоторую блѣдность въ лицѣ, а потомъ въ другой разъ въ театрѣ неожиданно, она его изумила; но тутъ въ третій разъ, когда она остановилась въ передней съ матерью, ожидая когда подадутъ карету, не вытерпѣлъ уже онъ и сказалъ разговаривавшему съ нимъ Резанову о томъ, за чѣмъ пріѣхалъ, что онъ на сей дѣвушкѣ, когда она пойдетъ за него, женится. Сей засмѣялся, сочтя таковую скорую рѣшительность за шутку. Разговоръ кончился; мать съ дочерью уѣхали, но послѣдняя осталась неисходною въ сердцѣ, хотя дуель, по несысканію Гасвицкаго, осталась на его отвѣтѣ. Должно было ѣхать въ Екатерингофъ на другой день въ назначенномъ часу. Когда шли въ лѣсъ съ секундантами соперники, то послѣдніе, не будучи отважными забіяками, скоро примирены были первыми безъ кровопролитія; и когда враги между собою цѣловались, то Хвостовъ сказалъ, что должно было хотя немножко поцарапаться, дабы не было стыдно. Державинъ отвѣчалъ, что никакого въ томъ (*нѣтъ*) стыда, когда безъ бою помирились. Хвостовъ спорилъ, и слово за слово дошло-было у посредниковъ до драки: обнажили шпаги и стали въ позитуру, будучи по поясъ въ снѣгу, но тутъ пріѣхалъ опрометью вышедшій только изъ бани разгнѣвшій, какъ пламенный, Гасвицкій съ разнаго рода орудіями, съ палашами, саблями, тесаками и проч.. и бросившись между рыцарей, отважно пресѣкъ битву, едва ли быть могущую тоже смертоносною. Тутъ зашли въ трактиръ, выпили по чашкѣ чаю, а охотники—пуншу, кон-

чили страшную войну съ обоюднымъ тріумфомъ. И какъ среди бурнаго сего происшествія не вышла красавица изъ памяти у Державина, то поѣхавъ съ Гасвицкимъ домой, открылся ему дорогою о любви своей и просилъ его быть между собою уже и побѣдительницею его посредникомъ; то-есть, на другой день, въ объявленный при дворѣ маскерадъ, закрывшись масками, вмѣстѣ съ нимъ поискать дѣвицу, которая ему нравится и безпристрастными дружескими глазами ее посмотрѣть. Такъ и сдѣлали. Любовникъ тотчасъ увидѣлъ и съ восторгомъ громко вскликнулъ: „вотъ она!" такъ что мать и дочь на нихъ пристально посмотрѣли. Во весь маскарадъ, слѣдуя по пятамъ за ними, примѣчали поведеніе особливо молодой красавицы, и съ кѣмъ она и какъ обращается. Увидѣли знакомство степенное и поступь дѣвушки во всякомъ случаѣ скромную и благородную, такъ что при малѣйшемъ пристально на нее незнакомомъ взглядѣ лицо ея покрывалось милою, розовою стыдливостью. Вздохи уже вырывались изъ груди улыбавшагося экзекутора; а его товарищъ, человѣкъ простой, впрочемъ умный и прямодушный, ихъ одобрилъ. За чѣмъ дѣло стало? Державинъ уже имѣлъ нѣкоторое состояніе, какъ-то: Государыня пожаловала 300 душъ, и дѣло о беззаконномъ залогѣ Масловымъ-отцомъ сыновняго имѣнія, по поручителевой просьбѣ и старанію въ Сенатѣ, а паче по покровительству генералъ-прокурора, рѣшено такимъ образомъ, что, исключа изъ коммерческаго залога, велѣно въ удовлетвореніе исцовъ продать съ публичнаго торга, по которому и досталось покупкою Державину, а онъ, скупя претензіи прочихъ и замѣня свою, внесъ обязательства вмѣсто наличныхъ денегъ, сына-Маслова деревни въ Рязанской губерніи въ Михайловскомъ уѣздѣ, село Никольское съ деревнею, изъ коихъ выключа отцу на 7-ую часть, остальныхъ получилъ 300 душъ. И какъ составилось за нимъ, съ материнскими и отцовскими и на его имя въ Москвѣ купленными, около 1000 душъ, то и взялъ онъ намѣреніе порядочнымъ жить домомъ, а потому и рѣшился твердо въ мысляхъ своихъ жениться. Вслѣдствіе чего и разсказалъ, будто шуткою, своимъ пріятелямъ, что онъ влюбленъ, называя избранную имъ невѣсту ея именемъ. Въ первый день послѣ маскерада, то-есть въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста, объ-

дая у генералъ-прокурора, зашла рѣчь за столсмъ о волокитствахъ, бываемыхъ во время карнавала, а особливо въ маскерадахъ; Александръ Семенычъ Хвостовъ вынесъ на него прошедшаго дня шашни. Князь спросилъ, правда ли то, что про него говорятъ. Онъ сказалъ: правда. – „Кто такая красавица, которая столь скоропостижно плѣнила?" – Онъ назвалъ фамилію.

Петръ Ивановичъ Кириловъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, правящій тогда ассигнаціоннымъ банкомъ, обѣдая вмѣстѣ, слышалъ сей шутливый разговоръ, и когда встали изъ-за стола, то отведши на сторону любовника: „Слушай, братецъ, не хорошо шутить на счетъ честнаго семейства. Сей домъ мнѣ коротко знакомъ; покойный отецъ дѣвушки, о коей рѣчь идетъ, мнѣ былъ другъ; онъ былъ любимый камердинеръ императора Петра III, и она воспитывалась вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, котораго и называется молочною сестрою, да и мать ея тоже мнѣ пріятельница; то шутить при мнѣ на счетъ сей дѣвицы я тебѣ не позволю."—„Да я не шучу," отвѣтствовалъ Державинъ: „я поистинѣ смертельно влюбленъ".—„Когда такъ", сказалъ Кириловъ, „что ты хочешь дѣлать?" — „Искать знакомства и свататься". –„Я тебѣ могу симъ служить". А потому и положили на другой же день ввечеру, будто ненарочно заѣхать въ домъ Бастидоновой, что и исполнили. Кириловъ, пріѣхавъ, рекомендовалъ пріятеля, сказавъ, что проѣзжая мимо, захотѣлось ему напиться чаю; то онъ и упросилъ, показывая на пріѣхавшаго, войти къ нимъ съ собою. По обыкновенныхъ учтивостяхъ сѣли и, дожидаясь чаю, вступили въ общій общежитейскій разговоръ, въ который иногда съ великою скромностью, вмѣшивалась и красавица, вязавъ чулокъ. Любовникъ жадными очами пожиралъ всѣ пріятности его обворожившія и осматривалъ комнату, приборы, одежду и весь бытъ хозяевъ, между тѣмъ, какъ дѣвка, встрѣтившая ихъ въ сѣняхъ съ сальною свѣчею въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, съ босыми ногами, тутъ уже подносила имъ чай; дѣлалъ примѣчанія свои на образъ мыслей матери и дочери, на опрятность и чистоту въ платьѣ, особливо последней, и заключилъ, что хотя они люди простые и небогатые, но честные, благочестивые и хорошихъ нравовъ и по-

веденія; а притомъ дочь не безъ ума и не безъ ловкости, пріятная въ обращеніи, а потому она и не по одному прелестному виду, но и по здравому разсужденію ему понравилась, а болѣе еще тѣмъ, что сидѣла за работою и не была ни минуты праздною, какъ другія ея сестры непрестанно говорятъ, хохочутъ, кого-либо пересуживаютъ, желая показать остроту свою и умѣнье жить въ большомъ свѣтѣ. Словомъ, онъ думалъ, что ежели на ней женится, то будетъ счастливымъ. Посидѣвъ такимъ образомъ часа два, поѣхали домой, прося позволенія и впредь къ нимъ быть въѣзжу новому знакомому. Дорогою спросилъ Кириловъ Державина о расположеніи его сердца. Онъ подтвердилъ страсть свою и просилъ убѣдительно сдѣлать настоятельное предложеніе матери и дочери. Онъ на другой же день то исполнилъ. Мать съ перваго разу не могла рѣшиться, а просила нѣсколько дней сроку, по обыкновенію разспросить о женихѣ у своихъ пріятелей. Экзекуторъ второго департамента Сената Іванъ Васильевичъ Яворскій былъ также короткій пріятель дому Бастидоновыхъ. Женихъ, увидясь съ нимъ въ семъ правительствѣ, просилъ и его подкрѣпить свое предложеніе, отъ котораго и получилъ обѣщаніе; а между тѣмъ какъ мать разспрашивала, Яворскій сбирался съ своей стороны ѣхать къ матери и дочери, дабы уговорить ихъ на согласіе. Женихъ, проѣзжая мимо ихъ дому, увидѣлъ подъ окошкомъ сидящую невѣсту, и имѣя позволеніе навѣщать ихъ, рѣшился заѣхать. Вошедши въ комнату, нашелъ ее одну, хотѣлъ узнать собственно ея мысли въ разсужденіи его, почитая для себя недостаточнымъ пользоваться однимъ согласіемъ матери. А для того, подшедши, поцѣловалъ по обыкновенію руку и сѣлъ подлѣ нея. Потомъ, не упуская времени, спросилъ, извѣстна ли она чрезъ Кирилова о исканіи его?—Матушка ей сказывала, она отвѣчала. Что она думаетъ?—„Отъ ея зависитъ."—Но еслибъ отъ васъ, могу ли я надѣяться?—„Вы мнѣ не противны", сказала красавица въ полголоса, закраснѣвшись. Тогда женихъ, бросясь на колѣни, цѣловалъ ея руку. Между тѣмъ Яворскій входитъ въ двери, удивляется и говоритъ: „Ба, ба! и безъ меня дѣло обошлось! Гдѣ матушка?"—„Она", отвѣчала невѣста, „поѣхала развѣдать о Гаврилѣ Романовичѣ".—„О чемъ развѣдывать? я его знаю.

да и вы, какъ вижу, рѣшились въ его пользу; то, кажется, дѣло и сдѣлано.“ Пріѣхала мать, и сдѣлали помолвку, но на сговоръ настоящій еще она не осмѣлилась рѣшиться безъ соизволенія его высочества Наслѣдника великаго князя, которaго почитала дочери отцомъ и своимъ сыномъ. Чрезъ нѣсколько дней дала знать, что государь великій князь жениха велѣлъ къ себѣ представить. Ласково наединѣ принялъ въ кабинетѣ мать и зятя, обѣщавъ хорошее приданое, какъ скоро въ силахъ будетъ. Скоро по прошествіи Великаго поста, то есть 18-го апрѣля 1778 года, совершенъ бракъ.

Г. Державинъ.

У СЕБЯ И ПО СОСѢДЯМЪ.

Подмосковная Яньковыхъ, село Горки, была у нихъ всегда самымъ любимымъ имѣніемъ и, хотя они имѣли, кромѣ того, много очень хорошихъ усадебъ: Петрово, Орѣхово, Теплое, Мыза подъ Петербургомъ, они предпочитали всѣмъ прочимъ Горки. Можетъ быть потому, что оно только въ 40 верстахъ отъ Москвы, да и кромѣ того, очень хороша мѣстность и садъ раскинутъ по горамъ. Покойная моя свекровь сюда часто приглашала къ себѣ Долгорукихъ и Строгановыхъ, когда они живали въ Москвѣ, и они гащивали по нѣскольку денъ. Потомъ село Новое, Ивана Ѳедоровича Татищева, было въ 25 верстахъ, а Марѳино, гдѣ живали Салтыковы,—Петръ Семеновичъ съ семействомъ,—было въ 20 верстахъ. Слышала я, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Горки были пожалованы какому-то Измайлову, потомъ, не знаю какимъ манеромъ, перешли къ Аргамаковымъ и отъ нихъ за долгъ поступили Данилѣ Ивановичу Янькову. При раздѣлѣ, Горки достались моему мужу, брату его—Петрово, въ Векевскомъ уѣздѣ, а Теплое (тоже тамъ) моей золовкѣ.

Время стояло въ ту пору очень знойное и потому мы поѣхали не рано, а когда уже сталъ жаръ посваливать и, хотя ѣхали скоро, по дорогѣ очень хорошей, но стали подъѣзжать къ селу, когда ужъ очень обвечерѣло и становилось довольно темно, какъ бываетъ въ 10-мъ часу въ концѣ іюня. Послѣднія двѣнадцать верстъ дороги—все лѣсами и это меня

не мало тревожило, потому что я слыхала, что тамъ водились тогда медвѣди, и на моей памяти, нѣсколько лѣтъ спустя, убили тамъ медвѣдя, должно быть, послѣдняго старожила. За мостомъ, гдѣ начинался садъ, влѣво, былъ тогда большой и густой лѣсъ; нижній садъ тоже былъ, какъ настоящій лѣсъ. Меня просто бралъ ужасъ: куда это мы ѣдемъ? Точно вертепъ разбойниковъ. Наконецъ, слава Богу, въѣхали на прекрутую гору, проѣхали мимо церкви и остановились у крыльца; у меня отлегло на сердцѣ. Моя золовка встрѣтила насъ съ хлѣбомъ-солью. Домъ былъ совершенно новый, только-что отстроенный и ничѣмъ еще внутри не отдѣланный. На слѣдующее утро, когда я вышла на балконъ, который въ садъ, я увидѣла очень хорошій видъ: направо и налѣво за палисадникомъ рощи, передъ домомъ за рѣкой густой лѣсъ и только маленькій просѣкъ напротивъ дома, узенькій, какъ щелка...—Ну, какъ тебѣ нравится видъ?—спрашивалъ меня мужъ,—не правда ли, что очень хорошъ!—Да, мѣстность очень хороша, но только лѣсу слишкомъ много и глухо; хорошо, ежели бы повырубить и открыть видъ. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ былъ праздникъ Казанской Богоматери и, какъ всегда въ этотъ день, ярмарка. Къ обѣднѣ пріѣхали изъ сельца Сокольниковъ, за полторы версты, наши сосѣди, Титовы, Василій Васильевичъ и Анна Васильевна, его жена, урожденная Матюшкина; тутъ я съ ними и познакомилась. Это были люди добрые, хорошіе сосѣди, и съ тѣхъ поръ мы были съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Послѣ обѣдни, Титовы пришли къ намъ и у насъ обѣдали; кромѣ ихъ, гостей никого еще не было, потому что мы не успѣли еще никого изъ сосѣдей объѣхать. Передъ обѣдомъ, какъ изстари водилось, передъ параднымъ крыльцомъ собрались всѣ крестьяне изъ нашихъ деревень. Тутъ меня вывелъ мой мужъ имъ показать и, какъ они просили, я жаловала ихъ къ своей рукѣ; потомъ всѣхъ мужиковъ угощали пивомъ, виномъ, пирогами, а бабамъ раздавали серьги и перстни и изъ окна бросали дѣтямъ пряники и орѣхи. Такъ праздновались прежде во всѣхъ селахъ храмовые главные праздники. Послѣ Казанской, мужъ повезъ меня знакомить съ сосѣдями. По близости мы посѣтили Титовыхъ (жившихъ за полторы версты отъ насъ, въ сельцѣ Сокольникахъ), и такъ любезно

пріѣхавшихъ къ намъ на праздникъ, не дожидаясь нашего пріѣзда. Василій Васильевичъ былъ человѣкъ очень пожилыхъ лѣтъ,—ему было, я думаю, лѣтъ подъ 70; по своимъ лѣтамъ и по старой привычкѣ въ прежнее время ни съ кѣмъ не церемониться, онъ съ перваго разу, кто бы ни былъ, мужчина или женщина, всѣмъ говорилъ „ты“ и это такъ у него было складно, что не только не выходило обидно, но, казалось, что иначе и быть не могло. Онъ не пудрился, а былъ стриженъ въ кружокъ, носилъ предлинный сюртукъ и высокіе сапоги съ кисточками, поверхъ платья. Мы очень скоро сдружились съ Титовыми, и не проходило недѣли, чтобъ они у насъ не побывали или мы у нихъ. Въ послѣдствіи, когда наши дочери подросли и намъ случалось съ мужемъ уѣзжать въ Москву на нѣсколько дней, то я и отвезу, бывало, своихъ дѣвочекъ въ Сокольники; онѣ тамъ и гостятъ, пока мы не возвратимся. Когда сестра моя Анна Петровна стала гащивать у насъ, она очень сошлась со второю Титовой, Надеждой Васильевной, и мы ихъ все называли les deux amies. Старшая Клеопатра была большого роста и лицомъ прекрасная изъ себя. Не помню теперь, въ какомъ порядкѣ мы ѣздили по сосѣдямъ, да это и все равно—когда и съ кѣмъ мы познакомились; буду говорить по мѣстности, гдѣ и кто жилъ въ первое время моего замужества. Въ четырехъ верстахъ отъ насъ, въ сельцѣ Шиховѣ, жилъ тогда старикъ Бахметевъ, Петръ Алексѣевичъ: человѣкъ стараго закала, предерзкій и пренеобтесанный.

Я у него только разъ или два всего и была; мужъ мой изрѣдка у него бывалъ, но меня не принуждалъ ѣздить, потому что я была молода, а старикъ былъ очень нескроменъ въ обхожденіи, да и въ разговорѣ тоже слишкомъ свободенъ; словомъ сказать, былъ старый любезникъ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Львовой, Марьѣ Семеновнѣ; у нихъ былъ только одинъ сынъ, Владиміръ Петровичъ. Не знаю, сколько лѣтъ жили они вмѣстѣ, только Марья Семеновна не могла больше вынести жизни съ такимъ мужемъ и его оставила и потомъ вышла, съ согласія мужа, за другого, не помню навѣрное за кого, а кажется, если не ошибаюсь, за Якова Андреевича Лашкова. У него въ деревнѣ былъ по ночамъ бабій караулъ: поочередно каждую ночь наряжали двухъ

бабъ караулить село и барскія хоромы; одна баба ходила съ трещеткой около дома и стучала въ доску, а другая должна была ночевать въ домѣ и дежурить внутри. Какъ я вышла замужъ, онъ жилъ уже одинъ. Онъ пріѣхалъ однажды къ намъ; я не вышла, сказалась нездоровою.—А гдѣ же барыня-то? спросилъ онъ.—Нездорова, не выходитъ, отвѣчалъ мой мужъ.- Ну, такъ я самъ къ ней пойду.—Нѣтъ, Петръ Алексѣевичъ, не трудитесь, нельзя, она въ постели...— Экой ты, братецъ, чудакъ какой, чтобы старика не пустить.— И больше у насъ не бывалъ. Версты четыре за Шиховомъ, въ сельцѣ Пескахъ, я застала Волковыхъ: мужа звали Степанъ Степановичъ, жену Екатерина Петровна: они ѣзжали къ батюшкѣ. И мужъ, и жена предобрые, преласковые и гостепріимные хлѣбосолы, какихъ я не видала. Первое ихъ удовольствіе было кормить своихъ гостей, да вѣдь какъ: чуть не насильно заставляли ѣсть. Степанъ Степановичъ и самъ любилъ кушать, умѣлъ и заказать обѣдъ и охотникъ былъ говорить про кушанье: какой пирогъ хорошо сдѣлать, съ какою начинкой, съ какой подливкой соусъ лучше или хуже, а ужъ главное дѣло подчиваніе гостей. Онъ, бывало, и не садится за столъ, а ежели сѣлъ, то поминутно вскакиваетъ и кричитъ дворецкому: „Постой, постой, куда ты ушелъ; видишь не берутъ или мало взяли, кланяйся, проси“, и тотчасъ самъ подбѣжитъ и станетъ упрашивать: „Матушка, Елизавета Петровна, покушайте, пожалуйста, положите еще, ну, хоть немножко, вотъ этотъ кусочекъ“. Не возьмешь— кровная обида. Или приступитъ къ женѣ: „Катерина Петровна, ты совсѣмъ не смотришь за гостями, никто не кушаетъ, посмотри сама...“ И ну опять подчивать. Столъ у нихъ былъ прекрасный, блюдъ премножество и все блюда сытныя, да бери помногу, ну, просто, бывало, бѣда: ѣшь, ѣшь того и гляди захвораешь. Отказаться отъ обѣда, когда зовутъ, это—огорчитъ его до крайности. Одинъ разъ, не помню, въ Москвѣ или въ деревнѣ, онъ звалъ насъ, а мы почему-то не поѣхали и не послали извѣстить, что не будемъ. Боже мой, какъ обидѣлся! Мѣсяцъ къ намъ не ѣздилъ: пріѣдемъ, сидитъ у себя, не выходитъ. Дѣлать нечего, послали сказать, что тогда-то пріѣдемъ обѣдать: встрѣтилъ—радъ-радехонекъ: цѣлуетъ руки, не знаетъ, какъ и принять.

„Матушка, голубушка, ужъ вотъ хорошо, вотъ хорошо, забыли вы насъ, разлюбили...“ И сталъ выговаривать что не пріѣхали обѣдать. Добрый былъ человѣкъ, хорошій и умный человѣкъ, однимъ несносенъ—заподчиваетъ. Иногда вдругъ пришлетъ, ни съ того, ни съ сего, пирогъ или какое-нибудь пирожное. Въ Москвѣ у нихъ бывали часто обѣды и насъ всегда ужъ пригласитъ за нѣсколько дней, а поутру, въ день обѣда, пришлетъ просить столоваго серебра, видно, у нихъ было мало, и опять напомнитъ намъ, что насъ ждутъ. Онъ умеръ первый: жена его жила еще послѣ него нѣсколько лѣтъ. Она была тоже предобрѣйшая, но съ большими странностями и была очень мнительна насчетъ здоровья. Пріѣдешь къ ней: въ деревнѣ,—это когда она была уже вдовой,—на дворѣ жара, а у нея въ комнатахъ во всѣхъ окнахъ вставлены сѣтки изъ кисеи и пречастой, такъ что воздухъ не проходитъ: боялась мухъ и комаровъ. Сама лежитъ въ спальной въ постели, окна закрыты ставнями, голова обвязана платкомъ, намоченнымъ уксусомъ съ водой, или привязанъ капустный листокъ, на столѣ стекляночки съ разными каплями и примочками.—„Катерина Петровна, что съ вами?“ спросишь ее.

— „Ахъ, милюся (она была картава), умираю, совсѣмъ умираю, голова болитъ. И точно: голосъ слабый, еле говоритъ; кто ея не зналъ, могъ бы подумать, что она и взаправду больнехонька. Посидишь съ нею, поговоришь, она забудетъ свою болѣзнь и начинаетъ снимать всѣ свои компрессы: и съ головы, и съ рукъ; пройдетъ еще нѣсколько времени, велитъ открыть ставни... „Вотъ, милюся, ты пріѣхала, мнѣ вѣдь стало лучше“. Потомъ, глядишь, позоветъ дѣвушку: „Дай одѣться“. И немного погодя выйдетъ въ гостиную, а тамъ на балконъ и пойдетъ гулять... У нея была дочь, которую она любила и лишилась ея лѣтъ 15-ти. Кромѣ того еще дѣтей не было, и изъ любви къ дочери она ея нянюшку всюду съ собой возила... Она была большая трусиха въ дорогѣ: ѣдетъ въ большой четырехмѣстной каретѣ и то и дѣло, что кричитъ: „Стой, стой, пустите, пустите... я выйду... гора... ай, ай, ай—косогоръ... стой, стой, мостъ. Я боюсь... пустите...“ Человѣкъ подойдетъ и станетъ ее уговаривать:—Помилуйте, сударыня, никакой горы нѣтъ,—ровное

мѣсто, не извольте безпокоиться...—Ну, хорошо, ступайте... Такъ ты говоришь, нѣтъ опасности?—Никакой, сударыня, будьте покойны. Но только что тронутся съ мѣста, опять кричитъ: „Стой, стой,“ и опять та же исторія. Нянюшка, которая знала ея трусливость, какъ видитъ, что гора или мостъ, и заведетъ о чемъ-нибудь рѣчь; Екатерина Петровна заговорится и не замѣтитъ, что ѣдутъ въ гору или подъ гору. Вотъ еще ей бывала бѣда, когда гроза: закроютъ ставни, завѣсятъ окны, зажгутъ свѣчи; сама она уляжется въ постель, закроется одѣялами, а няня стой и молись. Станетъ ей душно, вотъ она и начнетъ открывать одѣяло и спрашиваетъ: „Ну, что, няня, тише?“

— „Тише, матушка, гораздо тише“. Вдругъ раздается ударъ грома...—„Ай, ай, ай... святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ... Ай, ай, ай, осанна въ вышнихъ“. И опять забьется подъ одѣяло и лежитъ ни жива, ни мертва. Измучается пока гроза не пройдетъ, а тамъ начнутся всякія болѣзни: то голова болитъ, то ей дурно дѣлается или съ ней жаръ... И мудрено ли: лежитъ подъ пятью одѣялами, какъ тутъ не задохнуться и не разболѣться головѣ? Но добрая была и хорошая женщина. Въ сельцѣ Батовѣ жила въ то время Авдотья Ивановна Сабурова, урожденная княжна Оболенская, двоюродная сестра того, которому принадлежало Храброво. Она была вдовою, мужа ея звали Иванъ Ѳедоровичъ. Домъ въ Батовѣ былъ очень хорошъ и отдѣланъ весьма богато; но въ особенности хорошъ былъ садъ регулярный, стриженный, какъ тогда была мода, все разнымъ манеромъ: были деревья, подстриженныя пирамидами, зонтикомъ, нѣкоторыя,—ихъ было не много, кажется, гдѣ то по угламъ,—были выстрижены на подобіе медвѣдей. Все это въ то время очень нравилось, и хозяйка любила водить гостей любоваться этими причудами. Авдотья Ивановна была очень богата, имѣла прекрасное столовое бѣлье—голландское и, опасаясь, чтобъ его не испортили, два раза въ годъ посылала его стирать въ Голландію. Можно себѣ представить, чего это тогда стоило. Сабурова была очень обходительная и привѣтливая женщина, лѣтъ пятидесяти, и пока она жила въ Батовѣ, мы другъ ко другу ѣзжали по нѣскольку разъ въ лѣто и она не разъ бывала у насъ въ Казанскую. Она умерла преклонныхъ лѣтъ,

полагаю, около 1820 годовъ. У нея было два сына и дочь Надежда Ивановна; была ли она замужемъ или нѣтъ—что-то не припомню. Еще гдѣ-то, верстахъ въ восьми или въ десяти отъ насъ, жилъ старичекъ Поздѣевъ. Въ прежнее время онъ служилъ въ Малолѣтнемъ Шляхетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ; былъ тамъ или учителемъ, или инспекторомъ, а мой мужъ былъ при немъ въ корпусѣ. Поздѣевъ жилъ потомъ въ своемъ имѣніи и, кажется, безвыѣздно и чуть ли не противъ желанія: онъ былъ масонъ, попавшійся въ исторію, которая была въ концѣ 1780 годовъ. Былъ онъ человѣкъ очень умный, ученый, но большой нелюдимъ и съ большими странностями. Какъ звали его—не припомню; онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Мужъ мой у него бывалъ и Поздѣевъ всегда былъ ему очень радъ, и любилъ поговорить про жизнь въ корпусѣ. Когда онъ умеръ, послѣ него, говорятъ, осталось въ его деревнѣ множество масонскихъ картинъ, книгъ разныхъ и всякихъ вещей, которыя масоны употребляли въ своихъ собраніяхъ.

Е. Благово.

МОТОВСТВО ПОМѢЩИКА.

Съ Ѳ. Г. Каринымъ познакомился я тогда, когда отъ семи тысячъ осталось у него три тысячи душъ... Карточной игры онъ не терпѣлъ и не предавался тогдашнему волокитству. Какая же враждебная сила увлекла у него четыре тысячи душъ? Несчастное воспитаніе и неумѣніе цѣнить труды земледѣльцевъ. Внѣшній блескъ столицы заслонялъ тяжелыя заботы сельскаго быта отъ питомцевъ большаго свѣта; въ деревняхъ у богачей нерѣдко бывали заграничные наставники, уподоблявшіе нашихъ крестьянъ скотамъ. Повторяю и здѣсь съ благодарностію, что корпусной мой наставникъ графъ Ангальтъ училъ насъ цѣнить труды русскаго земледѣльца и передавалъ намъ глубокое свое уваженіе къ здравому смыслу ихъ. Каринъ былъ ловкій молодой человѣкъ, пріятно объяснялся по-французски, обогатился различными свѣдѣніями и основательно зналъ русскій языкъ. Но способностямъ его недоставало необходимой дѣятельности, и потому праздность и тщеславіе пристрастили его къ псовой

охотѣ. У него былъ цѣлый полкъ нарядныхъ егерей, псарей и стрѣлковъ и стая гончихъ и борзыхъ собакъ. На все у насъ была мода. За лихую борзую собаку, наперерывъ другъ передъ другомъ, платили по тысячѣ цѣлковыхъ и хвастали своею покупкой. Въ отъѣзжія поля, во Владимірское помѣстье, за Каринымъ тянулся обозъ съ винами и со всѣми прихотями роскошныхъ причудъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему пріятели и льстецы; и на этихъ потѣхахъ возобновлялась пышность древнихъ азіятскихъ сатраповъ, исчезало время и богатое наслѣдство...

С. Глинка.

ПОМѢЩИЧЬИ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Въ гостяхъ.

„Скажу вамъ нѣсколько словъ о его обѣдѣ. Хотя пріѣхали мы уже часу въ первомъ, однако принуждены были болѣе часа его дожидаться. Сіе было уже хорошимъ предвозвѣстіемъ доброму и сытному обѣду; ибо другого не оставалось заключить, что онъ, по множеству рыбы, еще не готовъ былъ. И въ сіе-то время прохаживались у него взадъ и впередъ рюмки.

„За какое счастіе почиталъ я тогда для себя, что я не пью водки, а то бы конечно и я въ такую-жъ болѣзнь впасть принужденъ былъ. Однако со всѣмъ тѣмъ принужденъ былъ дѣлать компанію вишневкою, но и ту по счастію не принуждалъ онъ меня пить болѣе того, сколько я самъ выпью. Впрочемъ самое лучшее до обѣда состояло въ томъ, что онъ поставилъ передъ нами одно превеликое яблоко, на стеклянномъ блюдечкѣ, прекраснѣйшаго вкуса.

„Наконецъ загремѣли тарелки и появилась сборщица въ премудреномъ сарафанѣ; ибо надобно знать, что должность тафельдекера, и казначея, и кравчаго, и управителя, а можетъ быть и самой хозяйки, или еще что-нибудь и далѣе, отправляла одна молодая и собою гладкая баба въ мудреномъ верхнемъ одѣяніи. Она одѣта была какъ водится въ юбкѣ, въ кокошникѣ и въ рубахѣ съ манжетами, но сверху надѣтъ бѣлый суконный короткой сарафанъ, съ короткими рукавами по локоть и въ стану столь широкій, что можно бы въ него помѣстить еще одного человѣка. Сія казначея и

повѣренная особа собрала съ превеликою проворностію, при вспоможеніи одной дѣвки, на столъ и поставила кушанья довольно. Но посмотримъ какія они были!

„Первое блюдо содержало нарѣзанную ломтиками и облитую конопляным маслом рѣдьку, съ присовокупленнымъ къ тому лукомъ, нарѣзаннымъ кружками. Второе имѣло въ себѣ вяленыхъ подлещиковъ съ оголившимися почти ребрами. Третье тертый горохъ такой черный, какъ лучше требовать было не можно. Четвертое вареную и изрѣзанную ломтиками рѣпу. Въ сихъ четырехъ блюдахъ состояли вся первая и холодная перемѣна.

„Горячее было того мудренѣе. Славная его рыба была величины огромной: самая большая изъ нихъ была не меньше какъ въ цѣлый вершокъ длиною. Нельзя сказать, чтобъ не было рыбы многой, ста два-три находилось ихъ въ блюдѣ и была бы ушица изрядная, еслибъ не подсыпано было туда-же просяной крупицы или пшенца и тѣмъ все дѣло не изгажено. Другое горячее блюдо содержало въ себѣ вареные какимъ-то особливымъ образомъ грибы, а третье щи съ сомомъ. Жаркое было на двухъ блюдахъ. На одномъ жареные подлещики, которые были всего кушанья получше, а на другомъ великое множество давичныхъ меленькихъ рыбокъ на сковородѣ, а всѣмъ тѣмъ и бить челомъ.

„Хотя обѣдъ сей былъ и не лучше моего, но едва ли не гораздо хуже, однако я голоденъ не былъ, ибо по благости Господней, былъ я во всю мою жизнь не приморщикъ и могъ наѣдаться всякаго кушанья; но бѣдный больной нашъ не съѣлъ ни одного куска хлѣба. Впрочемъ сидѣло насъ за столомъ шестеро: мы съ братомъ, да хозяинъ, да тетка его, старушка старенькая, да двѣ дѣвушки дочери хозяйскія, ибо онъ былъ вдовъ и жены недавно лишился.

„Не успѣли мы встать изъ-за стола и дамы наши въ другой покой удалиться, какъ и начались объятія.

„Другъ ты мой сердечный!.. Я вамъ сердечно радъ... Ей-ей радъ!“ Тутъ послѣдовалъ поцѣлуй не гораздо мнѣ пріятный для вышеупомянутаго колонья бородою и едва было не воспослѣдовавшимъ задушеніемъ.

„Сядемъ-ка сюда на коровать!.. Дунька!.. а Дунька! подайка намъ сюда столикъ... подай арбузъ!“

„Столикъ подали и арбуза нарѣзаннаго тарелку. Не успѣло сего воспослѣдовать, какъ вздумалось другу нашему насъ повеселить и позабавить. Но если-бъ дозволяла благопристойность, то двадцать разъ поклонился-бъ я ему, еслибъ онъ сію забаву оставилъ, ибо она состояла въ крикѣ, свистѣ и пляскѣ бабъ, дѣвокъ, мужиковъ и всякаго вздора, до чего я такой охотникъ, что хоть-бы вовѣкъ не видать. Но что было дѣлать! Тогда принужденъ былъ терпѣть и насильно забавляться, ибо казалось дурно оказывать хозяину неудовольствіе, а особливо толь откровенно обходящемуся. Но сіе бы я уже согласился кое-какъ терпѣть, еслибъ повторяемыя его объятія не прибавляли къ тому скуки. Я жался къ углу на коровати, и пятился отъ него отчасу далѣе, дабы хотя мало поотдалиться отъ такого ласковаго человѣка; но старанія мои были тщетны.

— „Другъ ты мой сердечный!.. поцѣлуемся-ка... Люби меня какъ я тебя!“

— Хорошо! хорошо! говорю ему, а самъ норовлю далѣе: однако помогало сіе мало. Но чѣмъ далѣе я отдвигался, тѣмъ ближе подвигался онъ ко мнѣ, и погоди немного опять за тожъ.

„Другъ ты мой задушевный!.. пьянъ я, голубчикъ! пьянъ! скажи ты мнѣ чистосердечно, пьянъ-ли?

Пьянъ... пьянъ! — говорю ему.

„Ну, сударикъ, поцѣлуемся же!..“

„Не было уже мочи терпѣть далѣе сій поцѣлуи; и я не зналъ что уже и дѣлать. По счастію моему пѣвицъ показалось ему какъ-то мало, и потому, не удовольствуясь криканіемъ и многократнымъ приказываніемъ своей Дунькѣ насылать бабъ и дѣвокъ, всталъ онъ самъ, чтобы ихъ понатаскать изъ комнатки.

„Не успѣлъ я отъ него свободиться, — какъ бѣгомъ съ постели долой, и сѣлъ себѣ на просторѣ въ стулъ. Тутъ думалъ я, что буду по крайней мѣрѣ отъ него терпѣть мученія меньше, что мнѣ и удалось. Онъ хотя и не рѣдко ко мнѣ подхаживалъ и по прежнему и колоть, и давить, и мучить, однако мнѣ все не таково уже было, ибо показалось ему, что всѣ худо пѣли и худо плясали, и надобно было самому ему подавать, шатаясь, тому примѣры. А сіе и удаляло его отъ меня на нѣсколько минутъ времени.

„Дочери его принуждены были также дѣлать компанію, и на большую онъ мнѣ то и дѣло жаловался, что плясать не умѣетъ: меньшая же была по его мыслямъ, ибо плясала такъ, какъ ему хотѣлось. Обѣ онѣ были дѣвушки изрядныя, но жалки безъ матери и воспитаніе очень худое имѣя. Большая была уже невѣста, и, по приказанію отца, принуждена была то и дѣло подносить гостямъ напитки, и тутъ-то дошло-было у насъ до разрыва столь тѣснаго дружества нашаго. Не выпилъ я всей рюмки вишневки.

„Другъ ты мой сердечный! выпій всю“.

Не хочу воля твоя... не стану... хоть ты сердись, хоть бранись, а я знаю свою пропорцію, и ни для кого ее не преступлю!

„И тутъ-то началъ-было онъ вздорить, и потому принужденъ я былъ еще немного выпить, чѣмъ по счастію и удовольствовался.

„И опять пошла у насъ съ нимъ дружба и опять „поцѣлуемся мой другъ“!.. Насилу, насилу дождался я чаю; по счастію былъ онъ хорошъ, и я напился его довольно. Послѣ чая вздумалось ему перемѣнить явленіе. Не было, по мнѣнію его довольно еще плясано и пѣто.

„Гдѣ мой Ларка?.. Ларка! а Ларка... побѣгите за нимъ“. Ларка пришелъ. — „Ну-ка братъ, встрехнись хорошенько“.

„И подлинно уже встрехнулся. Задрожали даже окошки и зажужжало въ ушахъ, а свистомъ своимъ едва меня не оглушилъ. Радъ я, радъ былъ, когда телепень сей пересталъ. Но тутъ другое навязалось на меня горе. Привязался ко мнѣ Ванюшка-голубчикъ, любимый сынокъ моего друга сердечнаго! пристала ко мнѣ Кулюшка-голубка, любимая дочка пріятеля вѣрнаго. Одинъ говоритъ: „дядюшка, а дядюшка! сдѣлай мнѣ козлика!“ а другая туда-же за нимъ: — И мнѣ такого-жъ!

„То-то были завидныя дѣти! Боже! всякаго сохрани отъ таковыхъ. Ванюшка былъ лѣтъ пяти или шести, одѣтъ въ какую-то фуфайченку, безъ портокъ, и во весь день то кривлялся, то кричалъ, то вѣшался на отца, то пялился на коровать, то валялся и кувыркался на оной. И все это куда какъ хорошо.

„Поди ко мнѣ Ванюшка! поди голубчикъ! мошенникъ ты! воръ ты самый. И ну его цѣловать.

„Дочка Кулюшка была немного постарѣе и кривлялась еще лучше брата своего, а въ вѣшаньѣ ему не уступала. Вездѣ шарятъ, вездѣ лазаютъ... все хватаютъ. Растворили шкафъ, сыскали сахарницу, раскрыли ее, и милый сынокъ закричалъ: „Батя! а батя! я раскрылъ.“—„Онъ! хорошо сударикъ, возьми себѣ“.—И симъ-то любезнымъ дѣткамъ попадись какъ-то на глаза рѣпа. —„Батя! а батя, рѣпа!“ —и тащатъ къ нему оную. —„Подай, любезное дитятко, сюда... нарѣзать что-ли вамъ? подайте ножъ“. Покуда подавали ножъ, покуда собирался онъ рѣзать, покуда рѣзалъ, ибо рѣзанье происходило медленно, кусокъ на столъ, а другой на полъ, время между тѣмъ много прошло, и я минутъ десять былъ спокоенъ. Но вскорѣ послѣ того началось новое мученье.

„Приступили оба ко мнѣ съ просьбами: дѣлай я имъ изъ рѣпы козликовъ! дѣлай, да и только всего, не отстаютъ отъ меня. Что ты изволишь? Не могъ никакъ отдѣлаться и принужденъ былъ вырѣзать имъ двѣ лошадки, и тѣмъ насилу, насилу отъ нихъ отдѣлался. И какъ мнѣ все сіе слишкомъ уже наскучило, то поднялся - было я ѣхать. Но статочное ли дѣло? Развѣ браниться! — Не успѣю я встать, какъ меня схватитъ и поцѣлуя три сряду:

„Братецъ, сиди!.. сударикъ, посиди! Ну, что тебѣ дома! дѣлать теперь нечего“.

„Что дѣлать, принужденъ былъ опять садиться. Лучше посижу, думаю въ себѣ, только освободилъ бы отъ поцѣлуевъ своихъ. Наконецъ стало уже поздно становиться. Я не посмотрѣлъ ни на что, и почти съ бранью съ нимъ разстался и насилу уговорилъ его отпустить себя.

„Вотъ вамъ описаніе тогдашняго угощенія и препровожденія моего времени...

А. Болотовъ.

Лѣтнія забавы.

Мы весь любезный нашъ май мѣсяцъ провели въ мирѣ, тишинѣ и на свободѣ и могли все время свое употребить къ тому, къ чему хотѣли.

Сіе употребили мы во все теченіе онаго отчасти на раз-

ни вешния дѣла въ садахъ нашихъ, отчасти въ угащиваніи пріѣзжавшихъ къ намъ въ сіе время очень многихъ и иногда по нѣсколько дней у насъ жившихъ гостей, и гуляли съ ними по садамъ нашимъ, находившимся тогда въ наилучшей своей красѣ. Музыка и пѣвчіе помогали намъ доставлять имъ тысячи увеселеній, а особливо при гуляніи въ садахъ съ нами. Но не рѣдко заставляли мы играть оныхъ отчасти въ ротундѣ нашей, отчасти предъ эхоническомъ зданіи, отчасти при марширований по новоотдѣланной набережной, или предъ домомъ моимъ во время зари вечерней. И можно сказать, что мы прямо наслаждались тогда плодами трудовъ и заботъ своихъ. Никогда еще такъ много не утѣшались всѣми своими музыками, какъ въ тогдашнее спокойное и пріятнѣйшее въ году время.

Всѣ они доведены были уже до довольнаго совершенства, и намъ оставалось только ими утѣшаться, чего мы и не упускали дѣлать, и нерѣдко музыкантовъ и пѣвчихъ нашихъ доводили даже до усталости. Рѣдкій день проходилъ, въ который бы не доходило у насъ до нихъ дѣло. Что-жъ касается до бывшихъ въ теченіе сего мѣсяца трехъ вешнихъ знаменитыхъ праздниковъ Николина, Вознесеньева и Троицына дня, провожденныхъ нами, по обыкновенію, со многими гостьми, то всѣ они прямо почти были замучены нами, и можно сказать, что мы въ сей мѣсяцъ имѣли много веселыхъ дней и часовъ. Но нельзя сказать, чтобъ мы весь оной провели въ праздности, а было множество у насъ и всякаго рода дѣлъ и упражненій. Весьма во многіе занимался я съ утра до вечера разными работами въ садахъ, какъ въ Богородицкихъ обоихъ, такъ и въ зятниномъ въ Ламкахъ, куда мы нерѣдко ѣзжали и по нѣскольку дней гащивали. И какъ зять мой охотно дѣлывалъ въ саду и въ усадьбѣ своей то, что я затѣвалъ для украшенія оныхъ, то и было у меня и тамъ множество работъ и упражненій, которыя мнѣ такое же удовольствіе доставляли, какъ и свои собственныя....

Съ наступленіемъ мѣсяца іюля, начались у насъ пріуготовленія къ приближающейся годовой нашей ярмонкѣ. Г. Давыдовъ, въ послѣднюю свою у насъ бытность, предварительно далъ мнѣ знать, что онъ пріѣдетъ къ намъ, опять со всѣмъ своимъ семействомъ, попраздновать нашъ празд-

нинъ, и что будетъ къ нему и много гостей тульскихъ и прочихъ; и просилъ меня, чтобъ я къ сему времени успѣлъ вычистить садъ и поприготовить все, что было нужно. Итакъ, я во всѣ первые дни сего мѣсяца и занимался сими приуготовленіями. И какъ нужно было поприготовить къ сему времени и нашу музыку, дабы ею можно было блеснуть при семъ случаѣ, то и пришло мнѣ въ мысль сочинить особую вечернюю пѣсню, въ немногихъ бѣлыхъ стихахъ состоящую, приличную къ пѣнію ея въ вечернее время съ пѣвчими и съ музыкою. Не успѣлъ я сію мысль получить, какъ въ тотъ же почти мигъ сочинилъ и велѣлъ ее учителю пѣвчему, положивъ на ноту, выучить нашихъ пѣвчихъ ее пѣть; а такимъ же образомъ попросилъ и старика-капельмейстера своего положить ее на ноту для духовой музыки и обучать играть ее мальчиковъ. Все сіе тѣмъ и другимъ и произведено было въ дѣйство, и съ такимъ успѣхомъ, что я чрезъ день послѣ того и имѣлъ неописанное удовольствіе слышать сочиненіе свое пѣтымъ и играемымъ на музыкѣ. И какъ выдумкѣ сей случилось быть очень удачной, то не могли мы тѣмъ довольно нарадоваться и навеселиться, и ни мало не сомнѣвались, что выдумка моя понравится и всѣмъ будущимъ гостямъ нашимъ.

Сіи пріѣздомъ своимъ къ намъ и не замѣшкались: не успѣло настать 5 число, какъ съ свѣтомъ вдругъ и пріѣхали уже передовыя кибитки, съ кухнею, провизіею и припасами; а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и самъ нашъ Николай Сергѣевичъ Давыдовъ, вмѣстѣ съ женою своею, своячиницею, сестрою, матерью и сыномъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и прежній нашъ гость Өедоръ Алексѣевичъ Левшинъ, и нѣсколько человѣкъ другихъ тульскихъ его прислужниковъ. Всѣ они расположились по прежнему во дворцѣ и во флигелѣ онаго, которые всѣ наполнялись опять множествомъ народа, прибывающимъ съ каждымъ часомъ болѣе, ибо, кромѣ сихъ, ожидаемы были многіе и другіе гости изъ Тулы.

Не успѣли они разобраться и расположиться и прочихъ приѣхавшихъ нашихъ городскихъ съ обыкновенными поздравленіями съ пріѣздомъ, коихъ всѣхъ унялъ г. Давыдовъ у себя обѣдать, какъ начались у насъ уже увеселенія. Духовая музыка возгремѣла уже тотчасъ, какъ скоро сѣли за столъ.

и играла во все продолженіе онаго; а послѣ обѣда перемѣнила ее смычковая. Потомъ, по случаю бывшаго тогда жаркаго дня, ходили мы всѣ въ ванну купаться, которая соблазнила собою даже и боярынь, такъ что и онѣ всѣ рѣшились послѣ насъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ; и дѣйствительно, ввечеру, вмѣстѣ съ самою нѣжною супругою г. Давыдова, въ нее ходили.

Между тѣмъ, какъ онѣ тамъ занимались купаніемъ, мы, мужчины, ходили по всему саду и гуляли. Сей былъ въ наилучшемъ своемъ тогда видѣ, и г. Давыдовъ, сколь ни не способенъ былъ чувствовать изящныя красоты натуры, но принужденъ былъ признаться, что онъ преисполненъ былъ многими пріятностьми. Но ни чѣмъ онъ такъ не плѣнился, какъ пѣніемъ вечерней моей пѣсни, съ музыкою, нашими пѣвчими. Я, не сказывая ни мало ему о томъ, спроворилъ, что въ то время, когда мы гуляли по низочку, всѣ они вдругъ проявились въ нашей прекрасной ротунеръ и, проигравъ нѣсколько штучекъ, начали, наконецъ, пѣть и играть вечернюю благодарственную пѣснь къ Богу. И какъ мелодія избрана была къ тому самая пріятная и чувствительная, то всѣ слушали ее съ особеннымъ вниманіемъ и превозносили безконечными похвалами. Что-жъ касается до г. Давыдова, то онъ прыгалъ почти отъ удовольствія и насказалъ мнѣ множество спасибовъ за сію особенную выдумку....

Передъ вечеромъ возвратился нашъ и Николай Сергѣевичъ изъ Епифани, и во дворцѣ набралось опять множество народу. Отсюда въ сумерки ходили мы опять въ садъ и заставляли ребятишекъ, въ прекрасныхъ ихъ мундирчикахъ, маршировать и играть на музыкѣ, и всѣ имѣли отъ того много удовольствія....

Его же.

Съѣздъ дворянъ на ярмарку.

Въ наступившій за симъ день было у насъ подторжье или, прямѣе сказать, началась самая ярмонка во всемъ своемъ видѣ и совершенствѣ. Въ сей годъ была она не такъ многолюдна, какъ прежде, но дворянства наѣхало множество и больше, нежели въ другіе года. Мы насчитали однихъ знакомыхъ дворянскихъ фамилій цѣлыхъ три десятка...

По-утру не успѣли всѣ и тутошніе, и пріѣзжіе одѣться и убраться, какъ съѣзжаются всѣ во дворецъ на поклонъ и съ привѣтствіями своими къ Николаю Сергѣевичу, какъ къ особѣ, представшей (sic) тогда первое въ городѣ лицо и игравшей знаменитѣйшую ролю. Сіе льститъ его самолюбію, сердце у него прыгаетъ отъ удовольствія и прямо на своемъ мѣстѣ. Онъ принимаетъ всѣхъ дружески и благосклонно, всѣхъ взаимно привѣтствуетъ, всѣхъ и каждаго ласкаетъ, со всѣми обращается просто, безъ всякой спѣси, гордости и дружелюбно, говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ; тѣ между собою начинаютъ шутки, издѣвки, смѣхи и хохотанья, дѣлается отъ того шумъ, гулъ и раздается по всѣмъ комнатамъ, и все утро проведено весело и пріятно.

Между тѣмъ я во дворцѣ отъ заботъ о пріѣзжихъ и пріѣзжающихъ, а домашніе мои дома съ ногъ сбились отъ угащиванія своихъ собственныхъ гостей и пріуготовленія большаго обѣденнаго стола, ибо всѣмъ знаменитѣйшимъ долженствовало въ сей день обѣдать у меня, а г. Хомяковъ, нашъ главный откупщикъ, суетился также о пріуготовленіи добраго и сытнаго обѣда въ трактирѣ, ибо всѣмъ у меня не можно было никакъ умѣститься. У меня обѣдало человѣкъ съ тридцать. Столъ былъ нарядный, обѣдъ добрый, музыка гремѣла, но Николаю Сергѣевичу не до того было, чтобъ ею утѣшаться; у него за столомъ разбередили какъ-то ногу, и онъ только что пожимался отъ боли и тотчасъ послѣ стола отъ насъ уѣхалъ въ замокъ. Но гости продолжали бесѣдовать, къ числу ихъ присовокупляется еще г. Кирѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, пріѣхавшій ко мнѣ съ женою, шуриномъ и свояченицею, и мы едва успѣвали всѣхъ угощать.

Наконецъ, посидѣвши у меня и напившись кофею, наѣвшись сластей и овощей, всѣ боярыни, а съ ними нѣкоторые и изъ мущинъ, поѣхали на ярмонку, отчасти глазѣть на толпы взадъ и впередъ ходящаго народа и на множество каретъ и колясокъ, туда и сюда разъѣзжающихъ между онымъ, отчасти ходить по лавкамъ, пересматривать и торговать товары. Я на ней не былъ и съ ними не поѣхалъ, мнѣ было не до ней, мнѣ была она не въ диковинку; я въ прахъ усталъ отъ трудовъ и хлопотъ безчисленныхъ, хотѣлось хоть немного отвести духъ въ себѣ и успокоиться, а предоставилъ имъ однимъ

бродить по ярмонкѣ и утѣшаться ею. Однако, и они веселились ею не долго. налетѣла вдругъ страшная туча съ превеликою бурею и вихремъ, полился проливной дождь и разогналъ весь чорный народъ. Всѣ бросались и совались, куда кому попало. Нечего было и имъ дѣлать, всѣ и они перетревожились, засуетились и, ну, также спѣшить, скакать куда-нибудь. подъ кровлю и убѣжище, кто ко мнѣ, кто въ иныя мѣста, кто во дворецъ, и въ сей болѣе всѣхъ другихъ.

Тутъ. между тѣмъ, стоялъ стонъ и шумъ превеликій отъ игроковъ карточныхъ. Сіи всѣ отправили тутъ свою ярмонку. Была ихъ толпа цѣлая, шумящая за многими столами; кто проигрывался, кто выигрывалъ, и денежки только погромыхивали, а бумажки перелетали изъ рукъ въ руки. А не успѣли всѣ комнаты наполниться народомъ, какъ загремѣла музыка, и шумъ увеличился еще болѣе. Наконецъ наступилъ вечеръ, зазвонили къ всеночной, и всѣ гурьбою пошли въ церковь. Въ сей весь куполъ и всѣ вазы въ немъ освѣщены были огнями, и пріятный гулъ раздавался въ немъ отъ хора пѣвчихъ; служеніе было церемоніальное и собраніе дворянства обоего пола превеликое, словомъ, все было хорошо, мирно, спокойно и порядочно, и ярмонка наша весела, чему много поспѣшествовало и то, что нашъ князь занятъ былъ хлопотами ярмоночными, и не было кому дѣлать каверзъ.

Въ самый послѣдующій за симъ день праздника, было опять, по случаю возстановившейся прекрасной погоды, все въ городѣ у насъ живо и весело. Ярмонка, по обыкновенію, продолжалась до полудня, и народъ кипѣлъ на оной и представлялъ собою смотрящимъ изъ дворца прекрасное зрѣлище. Что касается до дворянства, то все оное по-утру съѣхалось во дворецъ для поздравленія командира моего съ праздникомъ. Послѣ чего всѣ были у обѣдни. во время которой пѣвчіе наши оказывали опять все свое искусство въ пѣніи, а Епифаньскій дьяконъ сказывалъ проповѣдь. которою всѣ были очень довольны. По окончаніи божественной службы, всѣ мущины пошли опять во дворецъ на водку; знаменитѣйшіе остались обѣдать, а другіе пошли ко мнѣ и въ другіе дома. Столъ во дворцѣ былъ болѣе нежели на 30 кувертовъ и впродолженіи онаго гремѣла опять музыка. Послѣ обѣда же съѣхались всѣ во дворецъ. и дамы, и мущины, и старушки. и дѣ-

вицы, и было всѣхъ полное собраніе. Тотчасъ тогда загремѣла опять музыка, начался порядочный балъ и вся молодежь принялась за танцы. Сынъ мой былъ первымъ и лучшимъ танцовщикомъ изъ всѣхъ и имѣлъ счастіе, что всѣ его полюбили и хвалили, а старшая дочь моя играла первую роль между танцовщицами и плѣняла всѣхъ красотою и всѣмъ обращеніемъ своимъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ мы, а особливо молодежь занималась въ залѣ своими танцами, другіе играли въ карты въ гостиной, а иные разсовались по норамъ, пили и требесили, а нѣкоторые ходили въ ванну и прохлаждались отъ жара купаньемъ, ибо всѣмъ и всякому была воля, каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, и всѣ были веселы и всѣмъ довольны. Словомъ, праздникъ сей никогда такъ веселъ для насъ не былъ, какъ въ сей разъ.

Наутріе все дворянство начало разъѣзжаться, ибо ярмонка уже кончилась. А хотѣлъ-было ѣхать и г. Давыдовъ, но остался еще у насъ на весь сей день. И какъ случился онъ быть воскреснымъ, то по-утру были мы всѣ опять у обѣдни, а потомъ ѣздили въ гошпиталь. Обѣденный столъ былъ опять у г. Давыдова во дворцѣ, но не такой большой, какъ прежде, ибо были только пріѣзжіе къ нему гости. Послѣ обѣда ходили мы опять въ ванну, куда подъѣхалъ къ намъ и славный тогдашняго времени прошлецъ, забіяка и богачъ Семенъ Ивановичъ Игнатьевъ, и было опять много смѣховъ и хохотанья съ г. Челищевымъ: играли даже сущую комедію. Бѣдняка, купавшагося тогда въ ваннѣ, изстрекали всего крапивою, и такъ, что онъ шуткѣ сей и не радъ уже былъ. Я самъ купался вмѣстѣ съ ними, и было весело и хорошо. Послѣ того пособралось опять народа довольно во дворцѣ и молодежь потанцовала нѣсколько, а передъ вечеромъ пошли всѣ въ садъ и гуляли въ ономъ съ удовольствіемъ; ввечеру же увеселялъ насъ Шахматовъ на крыльцѣ своимъ пѣніемъ и пляскою: всѣ полеглись и усѣлись по ступенькамъ большого дерноваго крыльца предъ дворцомъ для слушанія и смотрѣнія сего зрѣлища; вечеръ былъ пріятный и прелестный. Левшинъ забавлялъ дѣвицъ своими шутками, а г. Михайловъ только что галился и засматривался на красавицъ. Наконецъ, ужинали всѣ во дворцѣ и были всѣ веселы.

Его же.

Веселая масленица.

Наконецъ, какъ въ исходѣ сего мѣсяца случилось быть въ сей годъ масляницѣ; то, по молодости своей и по охотѣ съ малолѣтства къ катанью, вздумалось мнѣ порѣзвиться и сдѣлать для катанья порядочную гору. Она сдѣлана была деревянная, безъ всякихъ коштовъ.

Я велѣлъ на нижнемъ своемъ прудѣ расчистить ледъ и избравъ отлогій, но довольно высокій и крутой берегъ, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у меня известковыя ямы, улили весь оный и такъ, что гора была наипрекраснѣйшая. И мы закатались на ней впрахъ не только сами мущины, но сотоварищество намъ въ томъ дѣлали и самыя боярыни какъ наши, такъ и пріѣзжавшія къ намъ въ гости.

Самыя старушки, какъ, напримѣръ, теща и тетка моя Матрена Васильевна, дозволили мнѣ нѣсколько разъ скатить себя съ горы на салазкахъ. Словомъ, я не помню, чтобы когда-нибудь во всю жизнь мою такъ весело масляницу, а особливо послѣдній день оной препроводилъ, какъ въ сей разъ. И какъ гостей у насъ случилось много, то катались мы въ сей день до самаго поздняго вечера и даже при огняхъ, которыми гору свою мы освѣтили, и кончили оный прямо хорошо и весело...

Его же.

Пасха.

Любезный пріятель! День пасхи праздновали мы по стариному обыкновенію и такъ, какъ праздновали его наши предки.

Продолжавшаяся еще половодь и сдѣлавшаяся отъ сошедшаго уже совсѣмъ снѣга повсемѣстная ростополь, сколь многія ни предполагала намъ препоны къ ѣздѣ къ своей приходской церкви, однако мы всѣ оные не уваживъ, и хотя съ превеликимъ трудомъ и кое-какъ и кое на чемъ, поѣхали наканунѣ еще сего дня въ село наше, и, переѣхавъ по сдѣланной на скорую руку на Гвоздевкѣ гати, доѣхали еще туда засвѣтло и, по старинному обыкновенію, ночевавъ [illegible] и съ безпокойствомъ, въ домѣ у попа, отслушали заутреню вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, а потомъ и обѣдню;

но отъ церкви переѣзжали уже рѣку въ деревнѣ, хотя вода была такъ еще глубока, что доставала по самыя дроги нашей коляски.

Отобѣдавъ съ одними попами и отдохнувъ, провели мы день сей хотя одни, ибо никто изъ деревенскихъ сосѣдей къ намъ не пріѣхалъ, но довольно весело.

Сперва усѣлись-было мы со всею семьею играть въ *кадриль*, но прекраснѣйшая погода выгнала насъ скоро изъ хоромъ. День случился тогда самый ясный и погода теплая и самая вешняя. Снѣгу почти нигдѣ было уже не видно и одни только вершины кое-гдѣ бѣлѣлись. Напротивъ того, натура хотя и не начинала еще облекаться въ зеленую свою одежду и весна господствовала только въ комнатахъ; однако, несмотря на то, всѣ мѣста представлялись уже очамъ въ иномъ и пріятнѣйшемъ видѣ...

По случаю тогдашняго праздника весь народъ казался погруженнымъ въ нѣкоторой особой и невинной родъ веселія и удовольствія.

Тамъ виденъ былъ старецъ, вышедшій изъ своей хижины, въ которой препроводилъ онъ всю зиму, какъ въ заточеніи, боясь показаться на стужу. Онъ стоялъ, опершись на костыль свой, и глоталъ свѣжій и пріятный воздухъ въ себя и имъ власно какъ оживотворялся.

И гдѣ играла молодость между собою и невинными утѣхами забавлялась. Повсюду видимы были небольшія кучки и круговенки и малыхъ и взрослыхъ, катающихъ яйцы или біющіяся ими. Самые такіе, которые пережили уже большую половину вѣка своего и приближались уже къ старости, дѣлали сообщество съ ними и занимались съ малолѣтними дѣломъ, которое не инымъ чѣмъ, какъ невинною игрушкою почесть можно.

У меня предъ окнами была цѣлая толпа сихъ веселящихся. Я велѣлъ для лучшаго увеселенія ихъ сдѣлать имъ особливаго рода лунку, чѣмъ они крайне были довольны.

Самыя боярыни наши не могли усидѣть въ сей день въ хоромахъ, но вышли и въ первый еще разъ посѣтили сады мои, или мѣста въ нихъ обсохшія.

Бесѣдка моя на горѣ начинала уже быть обитаемою и лишаться пустоты своей, а ввечеру принуждены мы были

кое-какъ сдѣлать для нихъ проходъ къ круглымъ моимъ качелямъ въ саду, и мы съ ними обновили сіе лѣто, покачавшись на оныхъ.

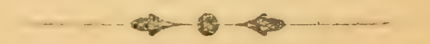
Съ сего же дня начали мы и ужинать не при наемномъ свѣтѣ, но еще засвѣтло. Казалось, что и сіе сопряжено было съ нѣкакимъ особымъ удовольствіемъ.

Симъ образомъ провели мы сей первый день святой недѣли, хотя одни и безъ гостей, но довольно весело; изъ прочихъ же дней не было ни одного, въ которой бы не было кого у насъ или мы у кого; и когда за распутицею не можно еще было никуда вдаль ѣздить, то переходили и переѣзжали мы изъ дома въ домъ своей деревни и употребляли всѣ роды забавъ для удовольствія и увеселенія своего.

Во вторникъ были у насъ, по старинному обыкновенію, образа и весь дворъ наполненъ былъ народомъ, ибо тогда было еще обыкновеніе, что съ образами хаживали не по утрамъ однимъ, а во весь день и образа даже ночевали внѣ церкви и гдѣ случится, и народа всегда слѣдовала превеликая толпа за оными; и какъ они въ господскихъ домахъ долго и по цѣлому дню пробывали, то послѣ угощенія всѣхъ сихъ годичныхъ гостей, производимы были на дворахъ разныя игры и въ разныхъ мѣстахъ катанія яицъ. И день таковой обыкновенно бывалъ очень веселъ.

Въ середу же были они у моего брата Михаила Матвѣевича и всѣхъ насъ угощалъ онъ у себя, а въ четвергъ происходило все сіе у Матвѣя Никитича, и мы всѣ были у него и также веселились; а въ пятницу ѣздили мы съ братомъ въ Сенино, къ Александру Ивановичу Ладыженскому, верхами, ибо ни на чемъ иномъ ѣздить было еще не можно и вода такъ была еще велика, что мы съ трудомъ и верхами переѣзжали; а оттуда проводилъ онъ насъ до нашей деревни и у насъ во всѣхъ домахъ дни два попраздновалъ; а симъ образомъ нечувствительно и съ удовольствіемъ и провели мы всю сію недѣлю....

Его же.



Указатель авторовъ*)

(Въ порядкѣ помѣщенія отрывковъ.)

А. фонъ-Ассебургъ, бар.—Датскій посланникъ въ Петербургѣ съ 1765—1768 г.г., описавшій переворотъ 1762 г. со словъ гр. Н. И. Панина, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Петръ III—(1728—1762). Внукъ Петра I, императоръ (1761—1762), родился въ Гольштиніи; въ Россію пріѣхалъ при имп. Елизаветѣ и былъ объявленъ наслѣдникомъ русскаго престола.

А. Г. Орловъ, гр.—(1737—1808). Генералъ-аншефъ. Участникъ переворота 1762 г. Въ 1770 г. подъ Чесмой разбилъ турецкій флотъ, за что получилъ титулъ „Чесменскій".

К. Рюльеръ—(1735—1791). Французскій историкъ. Въ 1760 г. въ качествѣ секретаря посольства сопровождалъ французскаго посланника въ Петербургъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ составилъ книгу о переворотѣ 1762 г., но обязался не печатать ее до смерти Екатерины II.

Л. Н. Энгельгардтъ—(1766—1836). Отставной генералъ-майоръ; онъ началъ въ 1826 г. писать свои мемуары, интересные, главнымъ образомъ, для военной исторіи и быта эпохъ Екатерины II, Павла и Александра I.

В. Н. Головина, гр.—(1766—1819). Урожд. кн. Голицына, выросшая при дворѣ Екатерины II. Другъ имп. Елизаветы Алексѣевны. Въ царствованіе Павла удалилась отъ двора. Она перешла въ католичество и долго жила въ Парижѣ, вращаясь среди іезуитовъ.

А. А. Башиловъ—Екатерининскій пажъ съ 1793—7 г. Сост. записки „Молодость Башилова" (1793—1800 гг.) Записки о временахъ Екатерины II и Павла I.

У. Коксъ—(1748—1828). Извѣстный англійскій историкъ. Онъ дважды посѣтилъ Россію (въ 1778 г. и въ 1785 г.) и написалъ три книги о ней.

---

*) Здѣсь помѣщены только тѣ авторы, которыхъ не было въ I части „Русскаго Быта" *(Сост).*

К. Массонъ - швейцарецъ, въ 1786 г. поступившій преподавателемъ въ артиллерійскій корпусъ въ Петербургѣ. Съ 1795 г. былъ секретаремъ вел. князя, но вскорѣ послѣ вступленія Павла на престолъ былъ высланъ изъ Россіи.

Л. Ф. Сегюръ, гр.—(1753—1830). Французскій посолъ Людовика XVI-го при дворѣ Екатерины II, оставившій интересные мемуары о пребываніи въ Россіи.

Д. Казанова — (1725 - 1798). Авантюристъ-венеціанецъ, исколесившій всю Европу, занимавшійся кабалистикой и алхиміей. Въ 1765—1766 г. онъ былъ въ Россіи. Послѣ него остались интересныя, яркія записки.

А. М. Грибовскій —(1766—1833). Служилъ въ комиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія; съ 1795 г. статсъ-секретарь при Екатеринѣ II, о которой и составилъ свои „Записки".

С. А. Порошинъ — (1741 — 1769). Былъ въ 1764—1765 г. преподавателемъ и воспитателемъ у в. кн. Павла Петровича и за это время (съ 20 сент. 1764 г. по 31 декабря 1765 г.) велъ свой обстоятельный дневникъ, цѣнный для исторіи нравовъ и въ частности для уясненія характера будущаго императора Павла I.

Ѳ. П. Лубяновскій—(1777—1869). Масонъ, переводчикъ мистическихъ и нравоучительныхъ сочиненій („Тоска по отчизнѣ", „Ѳеобальдъ", „Телемакъ"). Въ послѣдніе годы своей жизни собралъ воспоминанія за время 1777—1834 г.

С. А. Тучковъ—(1766—1839). Свидѣтель четырехъ царствованій, участникъ главнѣйшихъ войнъ Россіи конца XVIII и начала XIX в.—съ Швеціей, Польшей, Турціей, Персіей, на Кавказѣ, въ 1812 г., Турецкой кампаніи 1828 г., Тучковъ оставилъ *Записки* (1766—1808 г.), интересную не только военную, но и общественно-бытовую хронику своей эпохи.

Ѳ. Димсдель, бар.—(1712—1800). Врачъ англійской арміи. Въ 1769 г. былъ вызванъ въ Россію для привитія оспы имп. Екатеринѣ II и вел. кн. Павлу. За это получилъ званіе лейбъ-медика и баронское достоинство.

С. Н. Глинка—(1776—1847). Очень плодовитый авторъ и переводчикъ, краснорѣчивый патріотъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, издатель журнала „Русскій Вѣстникъ" (1808—1824), составитель цѣнныхъ записокъ, охватываю-

щихъ время Екатерины II, Павла, Александра I и первые годы Николаевскаго царствованія и живо рисующихъ, между прочимъ, театральную и литературную жизнь.

Д. Благово — Собралъ и записалъ воспоминанія своей бабушки Елизаветы Петровны Яньковой, урожденной Римской-Корсаковой, являвшейся живой лѣтописью Московскаго барства за многіе годы (она родилась въ 1768 г., сконч. въ 1861 г.). Записки вышли въ 1885 г. подъ заглавіемъ: „Разсказы бабушки, изъ воспоминаній пяти поколѣній".

Г. Винскій — (род. въ 1752). Уроженецъ Малороссіи, рано покинувшій родину для бурныхъ житейскихъ приключеній, бросавшихъ его изъ края въ край по Россіи, въ разнообразную общественную среду, преимущественно средняго и низшаго слоя, гдѣ онъ, нравственно-неустойчивый, но зоркій и вдумчивый, „жилъ, гнилъ и погибалъ"; какъ плодъ и слѣдъ пестраго жизненнаго опыта, Винскій нарисовалъ въ своихъ запискахъ — „Мое время" — яркія картины быта XVIII вѣка.

А. А. Голицына, кн. — (род. въ 1760 г.). Урожденная кн. Грузинская. Письма ея, въ которыхъ она описываетъ придворную жизнь, адресованы вице-канцлеру кн. Ал-дру Мих. Голицыну, отцу ея перваго мужа.

Ф. Ф. Вигель — (1786—1856). Авторъ замѣчательныхъ мемуаровъ, обширныхъ по объему (свыше 1500 стр.) и очень обильныхъ разнообразнымъ и красочнымъ матеріаломъ по исторіи внутренняго быта Россіи, столицъ и провинціи, центра и окраинъ, за время съ конца XVIII в. и перваго тридцатилѣтія XIX в. Изданы мемуары „Русскимъ Архивомъ" въ 1891 г.

А. А. Бибиковъ — (1765—1822). Сенаторъ, участникъ шведской войны и войны 1812—13 г., членъ коллегіи иностраныхъ дѣлъ, дипломатъ, оставившій послѣ себя біографію отца своего А. И. Бибикова, подавившаго Пугачевскій бунтъ.

Виже Лебрёнъ — (1755—1812). Французская портретистка, жившая съ 1795—1801 г. въ Россіи и написавшая много портретовъ при дворѣ и среди знати. Въ 1800 г. была принята вольнымъ общникомъ въ петербургскую академію.

П. А. Болотовъ — сынъ автора извѣстныхъ „Записокъ". Составилъ „Журналъ или ежедневныя записки препровожденнаго времени и всѣмъ приключеніямъ, случившимся со мною въ 1789 году". „Журналъ" нигдѣ не напечатанъ. Рукопись находится въ архивѣ Историческаго Музея въ Москвѣ.

А. Н. Радищевъ—(1749—1802). Извѣстный писатель, одинъ изъ главныхъ представителей „просвѣтительной философіи". Учился въ Лейпцигѣ 5 лѣтъ. По возвращеніи поступилъ на службу въ сенатъ, потомъ на военную службу, въ коммерцъ-коллегію и въ таможню. Съ 1783 г. онъ занялся литературной работой и позднѣе завелъ свою типографію. Его главное литературное произведеніе „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву" навлекло на него гнѣвъ Екатерины II своими смѣлыми разсужденіями о крѣпостномъ правѣ и другихъ недостаткахъ государственнаго организма. Онъ былъ преданъ суду и сосланъ на 10 л. въ Сибирь. Вернувшись оттуда при Павлѣ, онъ при Александрѣ I былъ назначенъ членомъ комиссіи по составленію законовъ. По преданію за либеральный проэктъ необходимыхъ реформъ ему пригрозили Сибирью и онъ, уже совершенно разбитый, кончилъ жизнь самоубійствомъ.

М. С. Щепкинъ—(1788—1863). Знаменитый артистъ. Сынъ двороваго, онъ съ семи лѣтъ увлекся сценой крѣпостного театра своего барина. Ему дали возможность выбрать себѣ дѣятельность по душѣ, и съ 1805 г. онъ сталъ артистомъ, а въ 1823 г. былъ принятъ въ труппу московскаго Малаго театра. Его могучій талантъ развернулся особенно въ періодъ 1825—55 г. Онъ поднялъ всю труппу театра. Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій были его друзьями. Въ 1863 г. онъ скончался въ Ялтѣ, оставивъ послѣ себя интересныя „Записки" и письма.

М. А. Дмитріевъ—(1796—1866). Племянникъ поэта, самъ авторъ многочисленныхъ стихотвореній и полемическихъ статей. Въ „Мелочи" онъ внесъ много воспоминаній и анекдотовъ, не всегда достовѣрныхъ.

В. С. Хвостовъ—(1756—1832). Сенаторъ, писатель, состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ, затѣмъ былъ

губернаторомъ Томской губ. и въ 5 лѣтъ успѣлъ переселить туда 3200 семей. Оставилъ послѣ себя „Записки" и др. Свой замѣчательный естественно-историческій кабинетъ онъ завѣщалъ Академіи Наукъ.

С. Р. Воронцовъ, гр. - (1744—1832). Дипломатъ, участникъ турецкой кампаніи, сыгравшій большую роль въ улаживаніи взаимоотношеній Россіи и Англіи, гдѣ онъ былъ посломъ съ 1785—1806 г. Выйдя въ отставку, онъ остался до смерти въ Лондонѣ, живо интересуясь внѣшними и внутренними событіями въ Россіи. Кромѣ „Автобіографіи" послѣ него осталось много писемъ и записокъ.

И. М. Долгоруковъ, кн.—(1764—1823). Пензенскій вице-губернаторъ, затѣмъ губернаторъ во Владимірѣ, писатель, пріобрѣтшій извѣстность своими любовными посланіями; но всѣ произведенія его слабы, наибольшаго вниманія заслуживаютъ его воспоминанія „Капище моего сердца".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ 1-й (1761—1762 г.)

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III И ЕГО НИЗВЕРЖЕНІЕ.

Стр.

Первые дни царствованія Петра III — *Екатерина II.* „Записки“ . . . 5
Перемѣны при Петрѣ III — *А. Болотовъ.* „Записки“ 8
Указъ Петра III о вольности дворянства — *Его же.* „Записки“ . . . 12
Петръ III — *Его же.* „Записки“ 15
Воцареніе Екатерины II — *А. фонъ-Ассебургъ.* „Изъ Записокъ“ Р. Арх. 1879 г. т. V. 18
Послѣдній день Петра III и переворотъ 1762 г. *Е. Позье.* „Записки придворнаго брилліантщика о пребываніи въ Россіи съ 1729 по 1764 г. „Рус. Стар.“ 1870, № 1—3. 27
Революція 28 іюня 1762 г. — *Г. Державинъ.* — „Записки“ 39
Переворотъ 28 іюня 1762 г. въ изображеніи Екатерины II — „Записки“. 45
Письма Петра III — „Переворотъ 1762 г.“ изд. „Образованіе“. . . . 53
Письма А. Орлова изъ Ропши — *Оттуда же.* 54
Смерть Петра III — *Оттуда же* 56
Москва во время переворота 1762 г. — *Оттуда же.* 58
Отголоски переворота 1762 г. въ деревнѣ — *А. Болотовъ.* „Записки“ . 59

Отдѣлъ 2-ой (1762 — 1796 г.)

ВРЕМЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

Дворъ.

Жизнь двора — *Л. Энгельгардтъ.* „Записки“. Рус. Вѣстн. 1859 г. кн. 1 и 2. 63
Дворъ Екатерины II — *гр. Г. Головина* „Мемуары“ 67
Дворцовыя забавы — *А. Башиловъ.* „Записки о молодости А. Башилова“. 69
Всесословный маскарадъ при дворѣ — *У. Коксъ.* „Путешествіе по Россіи“. Рус. Ст. 1877 г. т. 18 и 19. 73
Женитьба великихъ князей — *К. Массонъ.* „Memoires secrets sur la Russie“. (Перев. съ франц. „Голосъ Мин.“, 1916 г., № 4.) . . 74
Заключеніе мира (1774 г.) — *А. Болотовъ.* „Записки“ 77
Въ Царскомъ Селѣ — *гр. Л. Сегюръ.* „Записки“ 81
На пріемѣ у Екатерины II — *Ф. Казанова.* „Записки венеціанца о пребываніи въ Россіи 1765—1766 г.“ Рус. Ст. 1874, т. 9. 83

Стр.

День Екатерины II — *А. Грибовскій.* „Записки о императрицѣ Екатеринѣ Великой“ 86
Образъ жизни Екатерины II—*Екатерина II.* „Записки“ 93
Пажи на дежурствѣ при Екатеринѣ II—*А. Башиловъ* (см. выше) . . 94
Платонъ—законоучитель наслѣдника Павла. *Митрополитъ Платонъ.* „Автобіографія“ 95
Воспитаніе наслѣдника Павла Петровича—*С. Порошинъ.* „Записки“ . 99
Придворные маскарады и спектакли—*Его же.* „Записки“ 138

Фавориты при дворѣ.

Потемкинъ — *У. Коксъ.* „Путешествіе по Россіи“. Рус. Ст. 1877 г. кн. 17 и 18 141
Потемкинъ въ церкви — *Ѳ. Лубяновскій.* „Воспоминанія“ Рус. Арх. 1872 г. т. I. 142
Опала и помилованіе — *Л. Энгельгардтъ.* „Записки“ (см. выше). . . 143
Новый фаворитъ—*Его-же.* „Записки“ 145
Погребеніе фаворита—*Его-же.* „Записки“ 148
Бывшіе фавориты въ провинціи.—*Его-же.* „Записки“ . . . . . .
Корсаковъ 152
Зоричъ 153
Карьера фаворита—*С. Тучковъ.* „Записки“. 154
Въ погонѣ за счастьемъ—*Г. Державинъ.* „Записки“ 162
Оспа—*бар. Ѳ. Димсдель*—„Записка о пребываніи въ Россіи“. Сбор. Рус. Ист. О. т. 2 167

Путешествія имп. Екатерины II по Россіи.

Поѣздка въ новопріобрѣтенный край — *Л. Энгельгардтъ* „Записки“ (см. выше) 175
Посѣщеніе Екатериной II Глинки—*С. Глинка* „Записки“ 179
Поѣздка по Россіи—*гр. Л. Сегюръ.* „Записки“ 184
Путешествіе по Днѣпру и въ Крымъ—*Его-же.* „Записки“ 186
Екатерина въ Харьковѣ—*Ѳ. Лубяновскій* „Воспоминанія“ (см. выше). 198
Пребываніе Екатерины II въ Тулѣ—*А. Болотовъ.* „Записки“ . . . 199
Екатерина II въ Москвѣ—*Д. Благово* „Записки бабушки“ 210

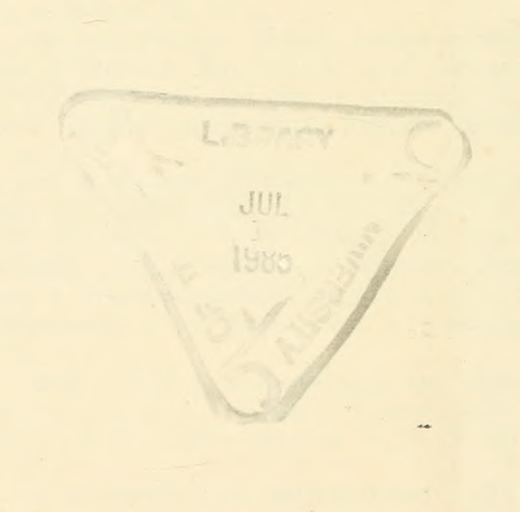
Бытъ и нравы.

Жизнь русскихъ бар—*Г. Винскій* „Мое время“ 213
Модный свѣтъ—*С. Глинка* „Записки“. 215
Жизнь петербургскаго высшаго общества—*кн. А. Голицына.* „Послѣдніе дни царств. Екатерины II“. Письма. Ист. Вѣст. 1887 г. т. 30 . 216
Домъ кн. Одоевскаго—*Ф. Вигель.* „Записки“ 219
Благородное собраніе. — *Его-же.* 224

Стр.
Нравственность—*Г. Винскій* (см. выше) 225
Уличный маскарадъ и масленица въ Москвѣ—*А. Болотовъ* (см. выше) . 226
Карусель послѣ смерти бывшаго императора Ивана Антоновича—*А. А. Бибиковъ*. „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова". 229
Кулачный бой крѣпостныхъ Орлова—*У. Коксъ* (см. выше). 230
Причуды барина—*Виже Лебренъ*. („Въ Россіи". Древн. и Нов. Россія 1876 г., № 10—12). 231
Акробатическія представленія. „Московскія Вѣдомости", 1773 г. № 101. . 232
Домашній концертъ—*П. Болотовъ* „Журналъ или ежедневныя записки препровожденнаго времени и всѣмъ приключеніямъ, случившимся со мною въ 1789 году" 233
Посѣщеніе провинціалами Оружейной палаты—*Его же* 234
Свадьба провинціаловъ въ Москвѣ—*Его же*. 236

Помѣщики дома и въ городѣ.

Помѣщичья усадьба—*А. Радищевъ* „Сочиненія", т. I. 243
Жизнь въ усадьбѣ—*С. Глинка* (см. выше) 250
Дѣтство М. С. Щепкина въ домѣ помѣщика.—*М. Щепкинъ* „Записки". 253
Времяпровожденіе помѣщика—*А. Болотовъ*. „Записки" 257
Помѣщики—*М. Дмитріевъ*. „Мелочи изъ запаса моей памяти" . . . 258
Хозяйство помѣщика — *В. Хвостовъ*. „Автобіографическія записки" Рус. Архивъ 1870 г. 261
Финансы большого барина—*Гр. С. Воронцовъ*. „Автобіографія" Арх. гр. Воронц. т. VIII. 263
Чудакъ-помѣщикъ—*Г. Винскій* (см. выше) 264
Типы помѣщиковъ—*кн. И. Долгоруковъ*. „Капище моего сердца". . . 265
Офицеръ-разбойникъ—*Г. Винскій* (см. выше) 268
Сватовство и свадьба—*Д. Благово*. „Записки бабушки" 270
Княжой пиръ—*А. Болотовъ*. „Записки" 279
Сватовство Державина—*Г. Державинъ*. „Записки" 280
У себя и по сосѣдямъ—*Д. Благово* (см. выше) 286
Мотовство помѣщика—*С. Глинка*. „Записки". 292
Въ гостяхъ у помѣщика.—*А. Болотовъ* (см. выше). 293
Лѣтнія развлеченія—*Его-же* 297
Съѣздъ дворянъ на ярмарку—*Его-же* 300
Веселая масленица—*Его-же* 304
Пасха—*Его-же* . . . . —
Указатель авторовъ. 307



PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET
UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY